Упоминание о селении в устье реки Камчатки можно встретить у Г. А. Сарычева в материалах 1791 г.: «При устье реки, на правом берегу, находится небольшое камчадальское селение и одна большая землянка, служащая вместо магазина для склада провианта».

После разорения заимки своё «заселье» в устье реки Камчатки основал Якутско-Спасский монастырь. П. Громов пишет: «Присылаемые сюда монастырские служители извлекали пользу для обители из морских промыслов и из дачи в этом заселении приюта сторонним промышленникам. Они, возвращаясь с промыслов, делали значительные вклады в камчатские церкви, в Якутский, иногда в Иркутский Вознесенский и Знаменский монастыри». И далее: «Сия монастырская заимка давно уже исчезла, но место её поныне слывёт “Монастырём”».

В 1802 г. решением иркутского губернатора Леццано в устье реки Камчатки «для содержания караула» переселены большерецкие казаки с семьями. О наличии русского поселения в начале XIX в. свидетельствуют и материалы служащего русско-американской компании К. Т. Хлебникова. Он рассказывает о крушении в апреле 1811 г. в районе мыса Камчатского японского судна. Его моряки «пошли по неизвестному берегу и добрели до устья реки Камчатки, где нашли русское селение».

Отдалённость от Центральной России, отсутствие надёжной транспортной связи, частая смена администрации, произвол чиновников, высокие цены, плохое снабжение, непомерно раздутый гарнизон — вот причины, побудившие императора Александра I в 1811 г. организовать комитет для выработки решений по преобразованию управления Камчаткой и Охотским краем. В его состав вошли: председатель — И. Б. Пестель, члены — Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, Г. И. Лангсдорф и Л. А. Гагемейстер. На следующий год, 9 апреля 1812 г., Александр I утвердил новое «Положение о Камчатке», состоявшее из 90 пунктов. Один из них гласил: «Пребывание начальника назначается впредь в Петропавловской гавани». В 1822 г. в гавань также было перенесено духовное управление.

С этого времени значение Нижнекамчатска и порта в устье реки Камчатки (Усть-Приморского) резко снизилось, он превратился в обычную захолустную деревушку. Обстановка усугубилась и тем, что в 1799—1800 гг. на Камчатке свирепствовало «сомовское поветрие» — оспа, после чего почти всё население ительменского острожка, расположенного в устье реки Камчатки, вымерло. Работы, связанные с приёмом судов, приходивших в Нижнекамчатск, и каюрскую повинность выполнять стало некому.

Краевед В. П. Кусков, ссылаясь на документы из фондов Центрального государственного архива РСФСР, отмечал, что Усть-Камчатск возник незадолго до 1848 г. Вероятно, тогда селение получило самостоятельный административный статус. До этого времени Нижнекамчатск и Усть-Приморск рассматривались как единый пункт, а селение в устье играло роль спутника порта — столицы Камчатки города Нижнекамчатска. После переноса центра управления Камчаткой в Петропавловский порт значение Нижнекамчатска ослабевает. Он уже не играет существенной роли для Усть-Приморского селения, выделенного в отдельную административную единицу.

В связи со сложностью прохода речного фарватера в устье реки Камчатки разрешено постоянно содержать лоцмана «с производством ему от казны провианта». На западной косе установили створы, облегчавшие условия плавания. Три года, начиная с ноября 1843 г., должность лоцмана исполнял Степан Спылихин. Впоследствии он отличился в Петропавловске во время отражения англо-французского десанта в 1854 г. В начале XX в. лоцманом был Гавриил Януарович Попов.

В середине XIX в. русские морские офицеры провели съёмку окрестных берегов и нанесли их на карты восточного побережья Камчатки. В 1835 г. описана местность от мыса Шипунского до реки Камчатки. В 1849 г. прапорщик Киренский составил план устья реки Камчатки, а на следующий год поручик Савин произвёл съёмку части Камчатского залива и прилегающего к устью реки залива Лахтак.

По распоряжению военного губернатора Камчатки В. С. Завойко в Усть-Приморском построена верфь, где для хозяйственных нужд области заложены шхуна «Анадырь» и бот № 1. Строительством руководили корабельный инженер поручик К. Я. Газехус и лейтенант Моневский.

Бот № 1 был спущен на воду 27 мая 1852 г., а шхуна «Анадырь» — 25 июня 1853 г. О качестве их постройки говорит тот факт, что бот водоизмещением всего 45 т благополучно, учитывая весенние шторма, достиг устья Амура и участвовал в военной кампании 1855 г. Шхуне «Анадырь» повезло меньше — её захватила англо-французская эскадра у берегов Камчатки. Это стало самой большой победой союзников!

В середине XIX в. К. Дитмар писал: «Поселение... состоит исключительно из небольших бревенчатых построек... разбросанных по берегу реки Камчатки. Посреди частных домов числом около пятнадцати

поднимается очень простая часовня... Сверх того здесь построено ещё несколько более просторных казённых домов для офицеров и магазинов... На берегу стоит ещё небольшой деревянный маяк».

И. Г. Вознесенский, также побывавший в этих местах в середине XIX в., описал времяпрепровождение селян: «Народу обоего пола набралось человек до пятидесяти; женского полу взрослых я насчитал на этом вечере двенадцать. Музыка состояла из плохой скрипки и дурной, с шёлковыми струнами, старой гитары. Плясали однообразного казачка, женщины только ходят по образу пешего хождения, вяло и ходко. На мужчин действовал спирт, им подаваемый, и они были живы и шумливы. Под конец плясали какой-то камчатский танец... пели песни очень нескладно...»

С 1870 г. открываются регулярные рейсы между восточным побережьем Камчатки и Владивостоком, выполнявшиеся судами компании А. Ф. Филиппеуса, а с 1886 г. — Добровольным флотом. Таким образом, через Усть-Приморский была установлена прямая связь с материком.

По данным Н. В. Слюнина, в 1876 г. здесь жили 95 чел. взрослых, а в 1893 г. — 117 чел. Они содержали 80 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей, 218 собак. Добыли 61 соболя, семь медведей, лисицу, 24 оленя и 30 нерп; заготовили 15 400 солёных рыбин и 42 600 штук юколы; собрали 322 пуда картофеля.

Слабость экономических связей с Центральной Россией, отсутствие войск, слабая работа дипломатии по защите собственных интересов привели к вторжению в русские владения на Тихом океане иностранного капитала. Американские китобои, истребив основную массу китов в центральной части Тихого океана, стали подниматься на север в Охотское и Берингово моря. За 1855—1865 гг. здесь побывало около 250 китобойных шхун, добывших около трёх тысяч китов. Американцы создали береговые базы для переработки добычи, одна из них находилась на косе, позже названной Дембиевской. Здесь ремонтировали шхуны, вытапливали китовый жир. Вплоть до начала XX в. залив у основания косы с морской стороны местное население именовало Американским.

В официальных документах казачье селение вплоть до конца XIX в. числилось Усть-Приморским. На карте 1882 г., составленной офицерами крейсера «Африка», встречается название «Усть-Камчатское». На его плане указано всего пять строений, устье обозначено двумя створными знаками.

Впервые название «Усть-Камчатск» записано в метрических книгах Нижнекамчатской Успенской церкви за 1890-е гг. В это

время использовались оба названия: Усть-Приморский и Усть-Камчатский пост (острожек).

А. Кириллов в географическо-статистическом словаре, изданном в Благовещенске в 1894 г., даёт описание селения, ещё именуя его Усть-Приморским: «...на восточном берегу Камчатки, в тридцати верстах к северо-западу от Нижнекамчатска. В 1888 г. в нём были: часовня во имя св. Николая Чудотворца, домов шестнадцать и жителей — 62 мужчины и 56 женщин; население составляют бывшие казаки и отставные нижние чины».

Предприниматель А. А. Прозоров в начале XX в. сообщал: «...селение, несмотря на небольшое количество жилых домов (17–20), разбросано по огромной площади. Своими размерами из общей группы изб и хозяйственных построек выделяются: казённый провиантский магазин, пакгауз, сарай Русского товарищества котиковых промыслов и большой ледник для посола рыбы».

В 1909 г. руководитель зоологического отдела экспедиции Ф. П. Рябушинского — П. Ю. Шмидт писал: «Само селение невелико, в нём десятка полтора домов, принадлежащих казакам, часовня и казённые склады. Строения эти разбросаны без всякого плана и порядка по кочковатому и сырому лугу».

До 1917 г. полицейскую службу в Усть-Камчатске несли казаки. Административное управление осуществлял частный командир, ему подчинялась казачья команда. Частным командиром был Фёдор Савинский, сын участника обороны Петропавловска в 1854 г. Давида Савинского. В 1917 г. казаки отказались от своего звания, и казачью команду распустили. Были созданы органы милиции и государственной политической охраны. Начальником милиции Усть-Камчатской волости стал И. А. Савинский, а с марта 1918 г. эту должность занимал Д. А. Савинский. Затем милицейские заботы были переданы госполитохране долины реки Камчатки под руководством Н. Александрова. Первое время после Октябрьской революции видимых изменений в селении не происходило. 29 октября 1917 г. областная газета «Камчатский листок» поместила небольшую заметку о жизни в Усть-Камчатске: «С выездом военнообязанных в селении воцарилась тишина и спокойствие. Домики в снежном наряде выглядят приветливо и нарядно. На улицах не видно более нетвёрдо шагающих фигур, меряющих по привычке ширину улицы вкривь и вкось. Коренное население почти всё выехало на промысел (пушной. — *В. Б.*). В селении остались одни председатели: председатель исполнительного комитета, председатель правления общества потребителей и ещё несколько председателей».

До 1918 г. Усть-Камчатск входил в состав Нижнекамчатской волости. Возможность изменения его статуса с связи с развитием рыбной промышленности и ростом населения рассматривалась на общем собрании граждан волости 6 и 7 марта 1918 г.: «Заслушан вопрос о перенесении волостного комитета из Нижнекамчатска в Усть-Камчатск... Большинством голосов выбран Усть-Камчатск — 81 голос против 44 при трёх воздержавшихся. Таким образом, резиденция волостного комитета переводится в Усть-Камчатск».

7 августа 1918 г. В. К. Арсеньев записал в своём дневнике: «Усть-Камчатск имеет вид жалкой деревушки. Домохозяев: мужчин — 80, женщин — 50, мальчиков — 30, девочек — 30. Пришлых русских: 27 мужчин, 28 женщин, 24 мальчика, 18 девочек. Корейцев — 17, китайцев — семеро, японцев — двое. За последние два года умерло двое взрослых, детей — четверо. Больницы нет».

В 1923 г. в селении появился первый коммунист — А. Марков. В одном из своих докладов 31 марта 1923 г. он отмечал: «Усть-Камчатск является промысловым центром долины реки Камчатки. В нём концентрируется всё наличие сил на период промысла и после. Состав населения: камчадалы, в своём большинстве обрусевшие, и приезжий элемент. Этот пришлый элемент представляет собой довольно интересный контингент». Далее Марков отметил: «...в 1923 г. в распоряжении Усть-Камчатского районного ревкома имеется катер “Коммунист”. Газета печатается на ручном ротаторе размером два печатных листа, тиражом сорок экземпляров, на средства районного ревкома и рабочего клуба. За время пребывания здесь я сделал пять докладов на темы современного строительства. В дни годовщины армии и Парижской коммуны поставлены импровизации. Сюжеты и материал сохранились. Работа райкома выражалась и будет выражаться в работе в газете и делании докладов. Всего действительных членов в районе три человека, кандидатов, имеющих партийные документы, — два человека».

24 января 1924 г. из селения в Москву отправлена следующая телеграмма: «Объединённое заседание представителей служащих госучреждений, профорганизаций и населения Усть-Камчатска в экстренном заседании, зачитавши о смерти горячо любимого вождя мирового пролетариата товарища Владимира Ильича Ленина, выражает глубокую скорбь по поводу безвременной кончины Ильича. Для далёкой окраины России — Камчатки, недавно освобождённой из-под гнёта белых бандитов, подобная утрата является крайне тяжёлой и горестной. Мы, дети рабочих и крестьян, надеемся, что заветы великого вождя будут выполнены в точности и дело

завоеваний Октябрьской революции будет закреплено не только пролетариатом России, но и всего мира. Председатель *Семёнов*, секретарь *Венгржановский*».

Одним из первых руководителей территории стал финансист П. М. Бодров, чьё имя ныне носит улица Усть-Камчатска. В самом начале 1924 г. в Петропавловске работали месячные курсы подготовки финансовых агентов по проведению налоговой кампании. Отучившийся на них П. М. Бодров был отправлен в село для сбора налогов. 20 июня 1925 г. заседал губревком, освободивший Савицкого от исполнения обязанностей председателя Усть-Камчатского волостного ревкома «ввиду перегруженности». Партийцы решили допустить «к временному исполнению этой должности товарища Бодрова П. М. — инспектора по Усть-Камчатскому району». Через два месяца, 21 августа 1925 г., он был утверждён председателем волревкома.

Документ 1925 г. так характеризует селение: «...резиденция районного ревкома. Проживает в зимнее время 549 душ обоего пола. В летнее время ежегодно происходит заезд рыбаков с материка и с разных мест Камчатки до 412 чел. В 1925 г. всего в Усть-Камчатске на рыбной ловле было занято 1 386 рыбаков, таким образом, население в летнее время достигает 1 700 чел. минимум. Постоянных хозяев 99 и 211 работников, то есть 40 % общего числа населения...»

В 1926 г. здесь имелось 153 хозяйства, жили 549 душ обоего пола. Имелась школа 1-й ступени, при ней библиотека на 600 книг, действовал пункт ликвидации неграмотности. В рабочем клубе имелся киноаппарат и сцена, где со спектаклями выступали комсомольцы. В районе работали три японских РКЗ, имелась радиостанция и торговая фактория 5-го разряда.

В 1937 г. местный кирпичный завод выработал 50 тыс. штук кирпича, в 1938 г. — 9 тыс. и в 1939 г. — 70 тыс. В посёлке работали столовая и мастерская. Потребности коммунальщиков обслуживал транспорт — четыре лошади, две нарты собак и две моторные лодки.

В депутатском отчёте за 1939 г. перед избирателями указывалось: «Райцентр не имеет никакого благоустройства, здесь нет ни одного дерева для озеленения, по улицам села не проложены даже естественные грунтовые дороги и мосты. Планировка посёлка не производилась, посёлок застроен хаотично и беспорядочно. В районном центре нет ни одного пожарного сарая. Источником водоснабжения являются обыкновенные колодцы, канализации и уличного

освещения нет. Средняя школа размещена в рабочем бараке. Нет помещения для детского сада, а также нет дома для приезжающих. В ведении райкоммунхоза имеется баня на 10 человек...»

В 1939 г. посёлок составляли следующие улицы: Заозёрная, Озерная, Тундровая, Партизанская, Колхозная, Красноармейская, Советская, Рябикова, Левченко.

В 1944 г. почти все местные жители имели огороды, возделывали в основном картофель. Другие культуры занимали незначительные площади. Размеры приусадебных участков по состоянию на 1 июля 1950 г., засеянные овощами и картофелем, у рабочих и служащих составляли соответственно 8,2 и 76,2, а у колхозников — 1,5 и 6,0 гектаров. Колхозы, колхозные дворы и подсобные хозяйства Усть-Камчатского сельсовета в 1950 г. поставили государству 41 105 литра молока и 11 526 килограммов мяса.

После окончания Великой Отечественной войны предстояло решить много вопросов по дальнейшему развитию райцентра. В 1947 г., с отменой карточной системы, прошла денежная реформа, состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся. На 1-й сессии второго созыва райсовета 27 декабря 1947 г. депутаты среди других вопросов рассмотрели необходимые работы по благоустройству села.

В 1947 г. создано строительно-монтажное управление треста «Камчатстрой». Перед ним поставлены задачи: реконструкция рыбокомбината, строительство жестянобаночной фабрики, электростанции, жилья и водопровода. Жилые и производственные объекты в Усть-Камчатске до 1950-х гг. возводились хозяйственным способом. В связи со строительством Нового посёлка для специалистов морского порта и лесоперевалочной базы открылось отделение Арктикстроя, за короткое время сдавшее в эксплуатацию жильё на правом берегу протоки Озерной. Жилые объекты на мысе Погодном сооружались силами треста «Камчатстрой» при участии Варгановского строительно-монтажного управления (СМУ). Наибольший объём вводимых объектов пришёлся на 1980-е гг.

Известный камчатский строитель, долгие годы руководивший трестом «Главкамчатскстрой», И. Г. Зелинский в книге «Этажи моей жизни» вспоминал: «Из министерств морского флота, рыбного хозяйства, обороны, геологии собрали капиталовложения на общую сумму 55 млн руб., а Минвостокстрой ещё и уступил просьбе камчатцев о строительстве в Усть-Камчатске завода крупнопанельного домостроения... Н. И. Рыжков (председатель Совета Министров СССР. — *В. Б.*) подписал постановление о продолжении

строительства в Усть-Камчатске с целью переноса райцентра в цунамибезопасное место.

Загрузили в трюмы сборный железобетон и детали домостроения, а на рейде Усть-Камчатска всё это с великим трудом перегрузили на баржи и доставили к причалу Варгановского СМУ. Несущие конструкции “доплыли” нормально, а вот панели домостроения оказались деформированными. Но отступать некуда — строить-то нужно, и я предложил службам главка, по согласованию с моряками, изготовить 30-тонные контейнеры и возить их в трюмах малотоннажных судов, а также на буксируемых 500-тонных баржах, которые из-за малой своей осадки могли проходить через речные бары устья Камчатки в порт. На причал СМУ поставили мощный кран, пригнали в Усть-Камчатск панелевозы, организовали здесь участок домостроительного комбината, и после этого дело у нас пошло...

Райисполком делал всё зависящее от него, чтобы максимально увеличить количество работников в Варгановском СМУ. Вместо 10 % квартир, положенных строителям из новостроя, им начали выделять 20 % и даже более. Ведомственное жильё СМУ передали коммунхозу, что развязало руки руководителям управления, освободили строителей от обязательной тогда для всех заготовки сена. Но кардинально проблему решило строительство райисполкомом за свой счёт общежития на 400 мест и последующая передача его Варгановского СМУ. В результате всех мер СМУ нарастило объёмы выполненных строительно-монтажных работ в три раза. Руководил тогда Варгановским СМУ Александр Семёнович Новиков.

Когда в Усть-Камчатске построили новый аэровокзальный комплекс за озером, лучший в области, то старый закрыли, а в Варгановке всю территорию взлётно-посадочной полосы перепахали и отдали желающим под огороды...»

В 1950 г. жилищный фонд включал 484 индивидуальных жилых дома и 537 домов, принадлежавших предприятиям. Численность населения составляла 6 109 чел., из них 2 839 рабочих и служащих. Жильё предприятий обслуживали созданные при них жилищно-коммунальные отделы. В селе работала промышленная артель «Имени XVIII партийного съезда», имевшая портняжную, сапожную и часовую мастерские, а также парикмахерскую. Доход от валового выпуска продукции в год составлял 676 000 руб.

По состоянию на 10 августа 1950 г. имелась 21 улица: Набережная, Гвардейская, Первомайская, Баграда, Октябрьская, Рябиковская, Советская, Красноармейская, Колхозная, Партизанская,

Кирова, Тундровая, Озёрная, Артиллерийская, Заозёрная, Северная, Дембиевская коса, Димитрова, Островского, Комсомольская, Морская.

В 1959 г. Усть-Камчатск посетил командующий Камчатской военной флотилией, Герой Советского Союза вице-адмирал Г. И. Щедрин, интересовавшийся историей Камчатки. На то время здесь жили 5 327 чел. Г. И. Щедрин записал: «Часок посвятили осмотру Усть-Камчатска. Не понравился он нам грязью, небрежностью, отсутствием заботы о внешнем виде посёлка, пылью и почти полным отсутствием древесных насаждений. Расположен посёлок на равнине по правому берегу реки, немного выше впадения её в океан, и является административным центром».

В Первозаводском посёлке к 1959 г. сложились улицы Первого Мая, Речная, Морская, Комсомольская. В Усть-Камчатске: Первомайская, Гвардейская, имени Крупской, Набережная, Пушкина, имени Кирова, Партизанская, Колхозная, Красноармейская, Артиллерийская, Советская, Рябикова, Октябрьская, Левченко, Северная, Заозёрная, Озёрная, Тундровая.

6 августа 1966 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О переводе населения, предприятий и организаций из рабочего посёлка Усть-Камчатска Камчатской области в цунамибезопасную зону». Это послужило началом строительства на мысе Погодном нового жилого микрорайона.

Осенью 1967 г. в Усть-Камчатске открылся новый широкоформатный кинотеатр «Юбилейный».

В 1973 г. комсомольцы посёлка рядом с кинотеатром «Юбилейный» разбили парк, назвав его «Имени 50-летия камчатского комсомола».

В октябре 1973 г. впервые засветились «голубые экраны» — инженеры Усть-Камчатского аэропорта приняли передачи Ключевской студии на телевизор «Горизонт». К концу 1970-х гг. телевизор стал обычным атрибутом поселковой квартиры. В 1987 г. по инициативе телемастера Я. М. Гавриша открылась местная студия телевидения, просуществовавшая до начала 1997 г.

В 1975 г. гостиницы жилкомхоза были заполнены на 16 тыс. койко-суток, что принесло 14,1 тыс. руб.; баню посетили 25 тыс. клиентов; перевезены 221 тыс. пассажиров; постирано 60,9 т белья на 60,9 тыс. руб. На благоустройство в районе в этом году истрачено 100,5 тыс. руб.

К концу 1970-х гг. промышленность посёлка развивалась быстро. Так, типография в 1978 г. дала продукции на 54, а в 1979 г. — уже на 60 тыс. руб. при той же численности штата в 14 чел.

Комбинат бытовых услуг оказал их населению в 1977 г. на 397,8 тыс. руб. при численности работников 149 чел. В 1978 г. комбинат сработал уже на 407,4 тыс. руб. при численности персонала в 108 чел. Средняя зарплата бытовиков составила: в 1977 г. — 2 938 руб., в 1978 г. — 2 790 руб. Усть-Камчатский молокозавод произвёл в 1977 г. продукции на 509 тыс. руб., а в 1979 г. — уже на 598 тыс.

Наибольшего расцвета Усть-Камчатск достиг к середине 1980-х гг. В это время в посёлке действовали РКЗ, рыболовецкий колхоз «Путь Ленина», морской торговый порт, лесоперевалочная база, Варгановское СМУ, комбинат бытового обслуживания, рыбкооп, молокозавод и другие предприятия. Три раза в неделю выходила районная газета «Ленинский путь». Работал пассажирский транспорт. Наряду с тремя общесоюзными программами, вещала местная студия телевидения. Строился новый микрорайон на мысе Погодном, куда от Нового посёлка проложили бетонную дорогу. Сдано в эксплуатацию более двадцати жилых домов. Открылся торговый центр, общежитие, районный Дом культуры, узел связи и другие объекты.

Но не всё получалось, как хотелось бы. Так, на сходе граждан, состоявшемся 4 декабря 1984 г., председатель райисполкома А. И. Белашов, в частности, отмечал: «...застройка мыса Погодного ведётся некомплексно и медленно. Райисполком, райком партии вынуждены для создания нормальных культурно-бытовых условий жителей мыса Погодного переоборудовать квартиры под детские сады, магазины, комбинаты бытового обслуживания, медпункт, библиотеку, аптеку. На эти нужды выделено 33 квартиры. В приспособленных детских садах разместили 202 ребёнка, в кинотеатре школы № 2 три раза в неделю демонстрируются для населения фильмы. За месяц обслуживаются около двух тысяч человек...»

К 1980 г. жители Усть-Камчатска держали 1 040 свиней. В 1984 г. их количество снизилось до 682, зато появились 65 голов КРС. В последующие годы значительно увеличилось число хозяйств, содержащих кур.

Жилищный фонд составил: в 1980 г. — 137,2, в 1985 г. — 177,8 тыс. «квадратов».

В конце 1980-х гг. в связи с экономическим кризисом в стране местные предприятия стали уменьшать объёмы производства. Начались задержки зарплаты, перебои с подачей электрической и тепловой энергии. В это же время наблюдался отток населения. Численность жителей посёлка до конца XX в. сократилась почти втрое. Закрылись морской торговый порт, колхоз «Путь Ленина»,

молокозавод, СМУ, комбинат бытового обслуживания, лесоперерабатывающая и торговая базы, рыбкоопы и многие другие предприятия и организации.

Сегодня в Усть-Камчатске действует рыбная промышленность, сезонно работают рыбоперебатывающие заводы, развивается альтернативная энергетика. Круглый год работают в основном бюджетные учреждения и коммунальная служба. Численность населения посёлка сократилась более чем в пять раз по сравнению с её пиком, достигнутым в 1980-х гг.

Рыбная промышленность. Река Камчатка является крупнейшим на полуострове нерестилищем лососей. Это обстоятельство способствовало возникновению в её устье частной капиталистической рыбной промышленности. В 1896 г. компания «Русское товарищество котиковых промыслов» начала лов и переработку лосося. В этот год засолили около двухсот бочек, часть продукции направили через Америку, Гамбург и Ригу в Петербург. Во время перевозки тузлук из бочек вытек, и рыба пришла в негодность.

В июле 1901 г. в окрестностях Петропавловска на берегу бухты Тарья был пущен рыбоконсервный завод, но из-за слабых уловов он почти не действовал. Руководство компании решило разобрать его и перенести в устье реки Камчатки. Об объёмах вылавливаемой здесь рыбы писал Н. В. Слюнин: «Когда в июне 1897 г. прибывшие в устье реки Камчатки японцы закинули большой невод, то оказалось, что 50 чел. не могли его вытащить. Невод был набит рыбой. Спасая рыболовную снасть, японцы отпустили один конец, чтобы выпустить рыбу, и только тогда смогли подтащить её к берегу. Но и в таких условиях японцы поймали около шести тысяч экземпляров — количество, буквально поразившее рыбаков...» Вес этого первого японского улова составил около 14 тонн!

Вот так богатое сырьём устье реки Камчатки стало одним из первых мест полуострова, где началось японское экономическое проникновение. Здесь японцы сначала солили рыбу и отправляли её в Японию, а затем в окрестностях Усть-Камчатска они построили несколько РКЗ, работавших до 1944 г.

Тарьинский РКЗ, перенесённый в устье реки Камчатки на одну из старых кос, так и не заработал. Причиной послужило то, что один из инициаторов строительства А. А. Прозоров трагически погиб в баре реки. Некоторое время в помещениях предприятия помещался зоологический отряд экспедиции Ф. П. Рябушинского. Его участник П. Ю. Шмидт отмечал: «Этот завод представлял

собой огромное сооружение, оборудованное наилучшими американскими машинами и выстроенное чрезвычайно солидно».

Зарождение консервной промышленности на Камчатке относится к 1910 г. Рыбопромышленник Х. П. Бирич приобрёл в Германии консервное оборудование, обошедшееся ему с доставкой почти в 17 тыс. руб. Новый завод представлял собой деревянное здание, обшитое оцинкованным железом, с бетонным полом. Его производительность составляла 10 тыс. фунтовых банок в сутки, обошёлся он в 50 тыс. руб. За первый год предприятие выпустило 5 тыс. ящиков натуральных лососёвых консервов. Всю продукцию отправили в Лондон, где она получила высокую оценку потребителей. С этого времени поддерживалась постоянная связь между производителем — Усть-Камчатским РКЗ и английской столицей.

В 1910 г. промыслы Х. П. Бирича добыли 4 000 чавыч и ещё шесть тысяч рыбин этой породы приобрели у японской фирмы Цуцуми. Условия труда на заводе были очень тяжёлыми, рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался в десять вечера. Зарплату выдавали один раз по окончании путины, она составляла около 25 руб. с учётом питания за счёт хозяина. Соратником Бирича выступал промышленник А. Г. Дембри.

В 1919 г. очевидец писал: «На протяжении двух вёрст от Нерпичьего рыбного участка А. Г. Дембри и до самого бара устья по кошке стояло до сорока ставных сеток. Сама кошка походила на военный лагерь, ибо на протяжении этих двух вёрст было до тридцати рыбацких палаток. Немногим отличалась противоположная южная кошка. Эта картина бесцеремонного уничтожения рыбы ещё более усугубляется, если пройти по берегу реки и сосчитать количество трупов чавычи, валяющихся здесь, — их сотни!»

В ноябре 1924 г. Дальревком принял решение о разработке проекта строительства в устье реки Камчатки государственного РКЗ. Руководство Охотско-Камчатского рыбопромышленного акционерного общества (ОКАРО) предложило правительству СССР перейти от посола лосося к производству из него дорогостоящих консервов. На эти цели ОКАРО получило из займа хозяйственного восстановления 800 тыс. руб. На них намечалось открыть рядом с бывшим РКЗ А. Г. Дембри, смытым цунами в 1923 г., государственный завод. Для обеспечения производства банкотарой решено построить жестянобаночную фабрику во Владивостоке. Технологическое оборудование для завода и фабрики заказали в Америке.

В апреле 1927 г. на Дембиевскую косу прибыли рабочие и строители, доставлено оборудование. Производственные и бытовые объекты

завода строились быстро, но пуску предприятия к началу рунного хода нерки помешала авария. Во время выгрузки оборудования затонул крупногабаритный паровой котёл, из-за чего пришлось бо́льшую часть выловленной рыбы сдавать конкурентам-японцам. А перед этим на строящемся заводе произошла еще одна трагедия: 15 апреля около девяти вечера часа загорелся барак, где размещались около 200 японских рабочих. Из-за несоблюдения элементарных правил пожарной безопасности погибли 26 чел., 16 получили ожоги.

В июне 1927 г. с технологических линий сошли первые консервы. Производительность завода составляла 50 ящиков на линию. В 1920-е гг. на заводе трудилось 600–650 рабочих и служащих — русских и японцев. Первым управляющим был В. И. Волков, главным инженером — И. С. Саген. Стоимость одной производственной линии составляла 90 тыс. руб., общие затраты на сооружение — 1 млн 200 тыс. руб. Промышленный финансовый план на первый год работы РКЗ установлен в 1,24 млн руб., выпущено 86 352 стандартных ящика на общую сумму 2,125 млн. Всего в 1927 г. было выловлено более двух миллионов штук нерки. Вместимость стандартного ящика консервов — 48 фунтовых банок, его стоимость на рынке составляла: 28 руб. нерки и 10–12 руб. горбуши.

РКЗ № 1 АКО того времени представлял собой «образцовый электрифицированный городок, с симметрично распланированными зданиями». Сырцом он снабжался гословом (своими силами) и скупом, то есть приобретением у населения Усть-Камчатска, Николаевки, Чёрного Яра, Берёзового Яра, Нижнекамчатска, Камаки, ловившего в устьевой части реки. Приёмные цены: чавыча — 1 руб. за штуку; нерка, кета, кижуч — 19–22 коп. за штуку в ценах 1930-х гг. В 1927 г. рыбакам выплачено 477 445 руб. 11 коп. Выплаты производились еженедельно по месту лова.

В 1987 г. в адрес администрации Усть-Камчатского РКЗ пришло письмо из Москвы. Один из первых работников завода — Жуйков (инициалов мы не знаем) поделился своими воспоминаниями: «Я — участник строительства первого советского лососёвого завода не только на Дальнем Востоке, но и в Союзе, а также эксплуатации его. В апреле 1927 г. на береговую полосу Усть-Камчатского рыбопромыслового района, покрытую более чем двухметровой высоты снеговым покровом, был высажен десант строителей, состоявший из японцев и русских, прибывших для строительства первого Усть-Камчатского РКЗ на месте бывшего завода Дембри. Затем прибыло из США консервное оборудование, американские

специалисты фирмы-поставщика, советские специалисты во главе с Д. С. Елисеевым и работницы для обслуживания линий завода.

Случилась беда — в бараке, занятом японскими рабочими, из-за их небрежности ночью возник пожар, и два японца погибли. Их кремировали, то есть сожгли на костре, а пепел приготовили для отправки на родину. Этим воспользовались настроенные против советской страны японцы, внедрённые в среду прибывших из Японии рабочих. Они устроили забастовку, в результате которой половина рабочих, а вместе с ними сендо (руководитель), цуяко (переводчик) и теба (писарь) были отправлены в Японию из-за отказа работать. Расчёт авторов устроенного саботажа был на то, что будет сорвана постройка первого советского завода в одном из главных мест лова красной рыбы и производство из неё консервов, запроданных авансом советской стороной.

Случилась вторая беда: во время выгрузки прибывшего консервного оборудования из США крупногабаритный котёл, направленный через бар реки на спаренных кунгасах, затонул на подходе к бару. Только оперативность работников Дальгосрыбтреста позволила довольно быстро получить из США второй котёл и смонтировать его. Из-за этой аварии не смогли пустить в эксплуатацию завод к началу путины красной рыбы (8 июня). Завод начал работать позже намеченного срока на 8–10 дней. И мне пришлось сдавать пойманную красную рыбу советскими орудиями лова на соседний японский (1-й Ничиро) все дни до пуска завода. Красная рыба в тот год, особенно в первый ход, шла очень хорошо, и было очень больно отдавать её японцам — нашим конкурентам. Другого выхода не было: не было у нас судов-рефрижераторов, чтобы принять рыбу и вывезти её на материк.

После отъезда забастовавших японских рабочих мне было поручено выполнять обязанности сэндо, цуяко и теба в отношении оставшихся работать японцев. Так я выполнял не только эти обязанности, но и свою основную — приёмщика рыбы от рыбаков-крестьян, которые вели лов от устья до Среднекамчатска.

Сорвать поставку консервов не удалось нашим недругам: первая партия красной рыбы в количестве 40 тыс. ящиков была погружена на английский пароход, прибывший в Усть-Камчатск, и отправлена в Англию покупателю. Претензий по качеству не было: они оказались выше, чему японских фирм, имевших многолетний опыт изготовления консервов. Мы же выступили на мировой рынок, да ещё такой придирчивый, как английский, впервые, не посрамив себя.

Строительство лососёвых РКЗ продолжалось. Так, в 1927 г. на первом Усть-Камчатском РКЗ было четыре линии. В 1928 г. был построен второй завод в Озерной. В 1929 г. на мысе Шуберта был построен небольшой однолинейный завод под флагом фирмы "Братья Люри". Там же, в Усть-Камчатском заливе действовало три японских завода, принадлежащих фирме "Ничиро Гио Гио". Один — рядом с нашим заводом, второй — на Цуцумской протоке, третий — далее в сторону мыса Шуберта, несколько ближе от устья реки Камчатки, чем завод Люри...»

Продажа консервов на внешнем рынке показала, что посреднические услуги иностранных фирм обходились АКО довольно дорого, поэтому было решено приобрести в Америке транспортный пароход. Им стала «Восточная краля», переименованная в «Эскимос», впервые доставивший рыбную продукцию в Европу.

К 1930-м гг. в Усть-Камчатске действовали два советских РКЗ АКО и три японских. Сырьё поставляли 14 морских участков с общей нормой улова 5 010 719 штук лососей и три речных участка (2 млн штук). Рыбный промысел становился основной статьёй дохода как местного населения (не только жителей Усть-Камчатска, но и сёл, расположенных в нижнем и среднем течении реки), так и приезжавших из Приморья и других районов страны сезонных рабочих.

До конца путины 1932 г. центр предприятия находился на РКЗ № 1, затем управление было перенесено на РКЗ № 2. Завод № 1 из-за нехватки сырья был законсервирован и не работал на протяжении четырёх путин.

Ежегодно на рейде заводов вставали грузовые пароходы с рабочими и материалами. При выгрузке из-за сложных метеоусловий в Камчатском заливе часто происходили аварии. Так, во время разгрузки парохода «Проминант» погибли два кавасаки, три кунгаса раздавило льдами.

В апреле 1934 г. постановлением ЦК ВКП(б) был создан политический сектор АКО, а на комбинатах — политотделы. Их задача: развёртывание политической работы на предприятиях.

В 1935 г. гословом добыто 29 759, скупом — 27 854 центнера рыбы. Для побуждения рабочих к выполнению планов и обязательств проводились политические мероприятия. В феврале 1939 г. состоялся первый слёт стахановцев Усть-Камчатского района. Практика проведения подобных слётов и дней предприятия просуществовала вплоть до конца 1980-х гг.

Труженики комбината участвовали в развитии государственной промышленности личными денежными вкладами. Летом 1939 г.

проходила подписка на заём третьей пятилетки. По состоянию на 9 августа собрано 184 825 руб., план подписки выполнен в среднем на 80,3 %.

Заводы обеспечивались приезжими специалистами. Так, 29 октября 1939 г. газета «Политотделец» писала: «19 октября 1939 г. на Усть-Камчатский рыбокомбинат на постоянную работу прибыла группа специалистов. Из них старших бухгалтеров — три человека, помощников бухгалтеров — девять человек, счетоводов — три человека, инженеров-технологов — четыре человека, а также техник-технолог и механик завода. Всего прибыл 21 чел. Для работы на РКЗ № 1 выделено 8 чел.». В годы Великой Отечественной войны деятельность комбината была направлена на выпуск наибольшего количества пищевой продукции для нужд фронта.

В 1949 г. для обеспечения банкотарой Восточно-Камчатского промыслового района в Усть-Камчатске началось строительство жестянобаночной фабрики. Всего Камчатрыбстрой должен был сдать 20 её объектов. В 1954 г. с технологических линий сошли первые банки. Для новой фабрики построили паротурбинную электростанцию.

В 1954 г. начался выпуск закусочных консервов. В 1955 г. собрана линия по их производству на 1 600 ящиков в сутки. До 1960 г. все консервы отправлялись в Находку для приведения в ликвидное состояние. Из-за этого завод нёс значительные убытки — в 1960 г. они составили 750 тыс. руб.

До 1950-х гг. комбинат специализировался на вылове и обработке лососей. Остальная рыба добывалась в незначительных количествах, вроде трески, ловившейся в основном с моторных ботов, буксирных катеров и кунгасов ярусами и удочками на поддев. В связи с низкими подходами лосося и высоким уровнем производственных затрат заводы стали убыточными. Ввиду этого было решено развивать активный морской промысел, для чего в 1953 г. комбинат получил семь рыболовных ботов типа РБ-80. Летом этого года начался лов донных пород рыб и камбалы, а в качестве прилова — трески и палтуса. В первый же год активного морского промысла на одно промысловое судно в среднем добыто от 2,5 до 3,2 тыс. центнеров рыбы. Наиболее значительных результатов добились экипажи капитанов С. П. Кульгави, М. Д. Коляды, А. Т. Жестова.

В 1969 г. в короткие сроки в здании бывшей жестянобаночной фабрики с использованием комбинатского оборудования пущен новый консервный цех. Впоследствии на его основе построены другие цеха и производства.

Вылов гословом в 1977 г. составил 2 141, в 1979 — 1 461 т. В 1977 г. численность работников составляла 954, в 1978 г. — 989 чел. Фонд заработной платы: в 1977 г. — 3 911,8 тыс. руб., в 1978 г. — 4 130,6 тыс. Средняя заработная плата достигла 4 100 и 4 177 руб. соответственно.

В 1978 г. консервщики впервые преодолели 20-миллионный рубеж по выпуску консервов. В 1977 г. продукции произведено на 37 942 тыс. руб. В следующем, 1978 г., общий выпуск продукции незначительно снизился, её дано на 37 807 тыс. руб.

В 1978 г. рыбокомбинат преобразован в РКЗ.

Выпуск товарной продукции в разные годы в денежном выражении составил (тыс. руб.): 1980 г. — 31 425, 1983 г. — 44 780, 1989 г. — 43 178. Консервное производство по годам (туб): 1970 г. — 14 085, 1975 г. — 14 812, 1980 г. — 18 872, 1984 г. — 25 270, 1985 г. — 26 078. Численность работников (чел.): 1970 г. — 1 099, 1980 г. — 996, 1985 г. — 939, 1990 — 850.

К 1980 г. на РКЗ действовали: рыбная пристань, холодильник; цехи: рыбомучной, засольный, икорный, консервный, ликвидный, механический, электрический; паросиловое хозяйство, погрузо-разгрузочный участок, водный цех, гараж и жилищно-коммунальный отдел.

В 1984 г. мощность консервных линий составляла 23,31 муб, в этом году консервов дано 19,3, а в 1985 г. — 23,1 муб. По состоянию на 1985 г. балансовая стоимость зданий завода исчислена в 345,7 млн руб. В это время имелось семь консервных линий, в том числе четыре по производству натурального лосося, две — закусочных консервов и одна фаршевая. За год РКЗ проработал 323 суток. Засольный цех располагал 212 чанами с единовременной загрузкой 1 070 т. В 1985 г. засолено 1 900 т лосося.

По итогам социалистического соревнования коллективу РКЗ в 1977, 1978 и 1985 гг. присуждалось переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. На протяжении многих лет на заводе работали династии Шевченко, Кутенёвых, Якуниных.

Ассортимент консервов по состоянию на 1985 г.: *натуральные* — нерка, кета, кижуч, чавыча, горбуша; рагу из дальневосточных пород рыб; паштет из лососёвых; уха камчатская; кальмар, скумбрия, иваси, молоки, печень трески; *закусочные* — камбала в томатном соусе и с добавлением масла, минтай в томатном соусе, скумбрия и треска в масле; зубатка в томатном соусе; котлеты дальневосточные, ставрида, печень лососёвых, молоки в томатном соусе. В разные годы завод возглавляли директоры: Волков, Гребенщиков,

Бабенко, Клыковский, Алексеев, Лычагин, Разгонов, Иконников, Черниговский, Лашин, Добрынин, Колодяжный, Лосев, Значковский и другие.

Просуществовав 65 лет, 18 августа 1992 г. РКЗ закрылся. На его основе образовалось акционерное общество «Камчатрыбпродукт», объединившее бывший РКЗ и колхоз «Путь Ленина». Впоследствии это общество было упразднено. Сегодня в устье реки Камчатки работают несколько рыбозаводов, вырабатывающих продукции меньше, чем когда-то Усть-Камчатский рыбокомбинат.

Население. Правительство Российской Империи вело курс на русификацию далёких окраин. Одним из важных направлений аграрной реформы, проводившейся в начале XX в., явилась переселенческая политика. Всего в Азиатскую Россию было переселено свыше трёх миллионов крестьян. Уже в 1908 г. на Камчатке работала Переселенческая экспедиция во главе с Рубинским.

По инициативе А. А. Прозорова, Г. А. Крамаренко, А. Г. Дембри в Усть-Камчатске получает развитие рыбная промышленность. До этого в устье реки Камчатки постоянное население составляло 120–130 чел. Был построен первый РКЗ, так и не заработавший из-за гибели Прозорова в речном баре. После русско-японской войны 1904—1905 гг. сюда потянулась российская буржуазия. Первый действующий завод был пущен на морской косе в 1910 г. Х. П. Биричем. С этого времени жизнь маленького селения круто изменилась — оно стал центром рыбной промышленности Камчатки.

После начала работы РКЗ при нём были сооружены парники, где успешно произрастали редис, салат, лук и прочая зелень, разбиты клумбы для цветов, устроена площадка для игры в теннис. Территория завода была электрифицирована и телефонизирована. Во время путины работала больница. С развитием рыбопромышленности возросла потребность в лесоматериалах. Почти все хозяйственные и жилые помещения строились из привозного материала. Для уменьшения затрат была собрана однорамная лесопилка, ежегодно перерабатывавшая около тысячи сплавляемых с верховьев брёвен.

С 1912 г. Камчатка была открыта для свободного заселения. С этого времени в Усть-Камчатск прибывают жители из Европейской России, большая их часть селится в окрестностях, выше по реке, основываются Николаевка, Чёрный Яр, Берёзовый Яр, Пекалка. В 1920-х гг. создано корейское селение Хвалёнка. Обычно, просуществовав несколько лет, они закрывались, так как люди уезжали обратно или перебирались на новые места. В Усть-Камчатске

население складывалось с учётом богатой сырьевой базы и развитой промышленности.

В апреле 1923 г. цунами смыло оба РКЗ, принадлежавших А. Г. Дембри. С 1924 по 1927 г. ведущую роль в хозяйственной жизни в Усть-Камчатске, как и в других районах Охотско-Камчатского края, играло ОКАРО. Его учредили Дальгосрыбпром, Дальгосторг и Дальпотребсоюз. ОКАРО принимало улов, вело торговлю.

Развитие рыбопромышленности повлекло за собой значительный приток рабочей силы. Наряду со специалистами и рыбаками, приезжали семьи, остававшиеся на несколько лет, на десятилетия или постоянно. В 1925 г. на путину из Владивостока завезены до 900 рабочих, из Японии — 2,3 тыс. В 1926 г., по данным Приполярной переписи, в Усть-Камчатске жили 467 чел. В 1927 г. насчитывался 541 житель, в том числе 238 мужчин, 116 женщин, 187 детей.

Основным объектом их питания по-прежнему оставалась рыба лососёвых пород. В 1927 г. для личного потребления добыто 54 100, для собак — 53 680 рыбин. На каждого жителя в среднем приходилось по 199 «хвостов».

В устье реки рыбу часто ловили «толкачами». Суть способа: «держа один конец верёвки сетки в руке, ловец выбрасывает сетку при помощи 15-саженного шеста в реку на всю длину сетки и затем ведёт сетку вдоль берега. Выловленную таким образом рыбу рыбаки сдают ОКАРО по 15 коп. за штуку».

С 1927 г. до середины 1940-х гг. хозяйственную деятельность вело АКО. В первые годы на РКЗ использовался труд японских рабочих, но уже к 1933 г. их завоз полностью прекратился. В 1930—1940-х гг. доставка сезонников на путину продолжилась, но одновременно росло и население рабочих посёлков РКЗ. Не все работники были обеспечены достойным жильём. Так, на 1 января 1934 г. на одного человека приходилось всего 4,5 квадратных метра, а с учётом иждивенцев — всего 3,2. Основной тип жилья — бараки, землянки, утеплённые палатки.

В 1930-е гг. большое значение для поощрения и закрепления приезжих имело их освобождение от воинской повинности на срок до трёх лет; предоставление бесплатного леса для строительства собственного дома; льготные цены на товары и уменьшение размеров налогового обложения. В 1934 г. для поддержки колхозного строительства были повышены на 20 % закупочные цены на рыбу-сырец.

Основным способом увеличения численности населения стало организованное промышленное и сельскохозяйственное переселение. Число лиц, прибывавших на Камчатку самостоятельно, возра-

стало с каждым годом. В 1920-е гг. они составляли 12,8 % всего населения, в 1930-е гг. — 13,7, в 1940-е гг. — 8,5, в 1950-е гг. — 13, а в 1960-е гг. — 23,6 %.

Изменение численности заводских посёлков характеризуется следующими цифрами:

— 1928 г.: РКЗ № 1 — 75, РКЗ № 2 — 15 чел.;
— 1930 г.: РКЗ № 1 — 140, РКЗ № 2 — 50 чел.;
— 1935 г.: РКЗ № 1 — 430, РКЗ № 2 — 1 062 чел.;
— 1936 г.: РКЗ № 1 — 475, РКЗ № 2 — 1 100 чел.

В ноябре 1945 г. постановлением КОК ВКП(б) созданы административные единицы Первозаводского и Второзаводского рабочих посёлков.

Количество сезонных рабочих в 1950—1960-х гг. оставалось ещё значительным. Так, в 1955 г. на Камчатку было завезено 11 тыс. чел., в 1964 г. — около 8 тыс., значительная часть направлена на Усть-Камчатский рыбокомбинат. В 1965 г. сюда прибыло свыше 800 сезонников из Поволжья, с Северного Кавказа, Урала и из других регионов.

Удельный вес различных видов переселения в Камчатскую область в середине 1960-х гг. был следующим (в %): организованный набор — 58, сельскохозяйственное переселение — 0,6, перевод и вызов предприятий — 19, переселение «самотёком» — 13,9, прочие — 8,5 %. Л. Л. Рыбаковский в работе «Население Дальнего Востока за 150 лет» относит Усть-Камчатск к пунктам, где удельный вес местных уроженцев среди пришлого населения колеблется от 10,1 до 30 %.

К 1980-м гг. в Усть-Камчатске сложились три группы населения. Первая — около 100 чел. — потомки коренных жителей — ительменов, местных и из закрытых сёл Камаки, Нижнекамчатска. Вторая — старожилы, переселившиеся после 1912 г., в том числе жители Николаевки, Чёрного Яра, среди которых были молокане и староверы, и Берёзового Яра. Сегодня в Усть-Камчатске живут три-четыре поколения переселенцев начала XX в. Численность этой группы к 1980-м гг. приближалась к 1 000 чел. Третья, самая многочисленная группа, — приехавшие по организованному набору на рыбокомбинат и оставшиеся на постоянное жительство. К этой группе можно отнести оставшихся в посёлке демобилизованных воинов, проходивших действительную воинскую службу на территории района, а также молодых специалистов и их семьи, прибывших по распределению после окончания вузов и техникумов. Сюда же относятся переселенцы с материка,

вызванные предприятиями или частными лицами. Их численность составляла около 10–12 тыс. чел.

Как жили в Усть-Камчатске сто лет назад

Тогдашний Усть-Камчатск находился на правом берегу реки Камчатки. С 1910 г. на Дембиевской косе действовали РКЗ предпринимателя А. Г. Дембиевской и японской фирмы «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». В устье реки в мае — сентябре заходило много лосося. В окрестных лесах водились пушные и хищные звери, на побережье — морские животные.

После постройки заводов доселе патриархальная жизнь небольшого камчатского села резко изменилась. Летом сюда стали прибывать рабочие, их число в отдельные годы превышало 1 000 чел. Местные жители-рыбаки пользовались возможностью неплохо заработать, сдавая на заводы пойманную рыбу-сырец. Во время хода лосося рыбаки жили на берегу реки Камчатки в обычных палатках, здесь же на костре готовили себе незамысловатую пищу. Рыбу ловили с конца мая, когда начинала идти чавыча. Затем в начале июня появлялась нерка, в июле — разнорыбица, причём преобладала кета, потом в августе шёл кижуч.

На лодке обычно работали двое — один грёб на вёслах, другой выбирал сеть. Иногда поднимали парус. Улов сдавали приёмщикам Дембиевской или японцам. Его учитывали в штуках, выдавали квитанцию. Рассчитывались за полученную рыбу раз в неделю. За одну чавычу давали 1 руб., за красную и кижуч — 17 коп. После начала деятельности АКО (с 1927 г.) за «хвост» красной и кижуча платили до 22 коп. За день два рыбака на лодке в среднем могли поймать до 100–150 нерок, следовательно, заработать 8–10 руб.

Стоимость продуктов в Усть-Камчатске в 1926 г. составляла (за фунт): рис — 40 коп., масло сливочное — 2 руб. 50 коп., масло подсолнечное — 1 руб. 05 коп., сахар-песок — 50 коп., чай байховый — 7 руб. 50 коп. Керосин стоил 4 руб. за банку; сапоги простые — 18, резиновые — 9 руб., ситец обходился в 86 коп. за аршин.

В сентябре 1922 г. усть-камчатский партизанский отряд, состоявший в основном из рыбаков, по реке на кунгасах, ведомых катером, отправился на «Петропавловский фронт», чтобы освободить административный центр от отрядов особоуполномоченного Х. П. Бирича и генерала Н. А. Полякова. В начале ноября в составе сводного отряда облнарревкома партизаны вошли в город, где была установлена советская власть.

В 1923 г. в Усть-Камчатск прибыла группа красноармейцев во главе с комиссаром А. И. Марковым, представителем новой власти. В отчёте Марков так охарактеризовал пришлое население: «Представляет из себя довольно интересный контингент. Здесь можно встретить людей различных слоёв старого общества, начиная от беглого сахалинца и кончая непризнанным учёным, актёром, художником, певцом. Самый большой процент — искатели лёгкой наживы, а все вместе взятые — искатели приключений. В период лова этот сброд пополняется новыми, и новые остаются зимовать. Старые спиваются, и их заносит пургой где-нибудь за селом».

По статистическим данным 1924 г., в селении имелись 64 жилые постройки. Местное население в большинстве составляли бывшие казаки, имевшие свои дома, хозяйство, требовавшее постоянного участия. Усть-Камчатск оказался тем местом, где можно было относительно спокойно пережить суровое и непредсказуемое время гражданского противостояния с присущим ему отсутствием порядка в городах и сёлах, бандитизмом и произволом. Поэтому, попав весной на рыбные промыслы А. Г. Дембы, отработав путину, имея средства, зная обстановку в Приморье, многие не спешили возвращаться к месту прежнего жительства. Что их там ждало в разгар гражданской войны?

Но на заводе не было помещений, приспособленных для проживания зимой, только лёгкие летние постройки. Поэтому каждый остававшийся решал жилищный вопрос как мог. Вариантов было немного: снять угол у местных жителей или уйти в хребты на охоту до марта-апреля. Если повезёт, то можно неплохо заработать на добыче соболя. Обычно охотились в районе Восточного хребта южнее Усть-Камчатска. Туда добирались на собачьих упряжках, лыжах или шлюпках. Лыжники брали с собой зверовых собак, тянувших нарточки с грузом. Ночевали в палатках, отапливаемых небольшими сборными железными печками, каждый охотник имел кукуль, сшитый из меха оленя, реже барана.

Имелись и лица, решавшие остаться в селении надолго. Они привозили семьи, жили по нескольку лет, чтобы заработать и потом вернуться на родину. Но жизнь складывалась по-разному, задуманные планы осуществлялись не всегда. Купить жильё было почти невозможно. Но выше села Ключевского рос хороший лиственничный лес, из него можно было срубить дом, для чего следовало запасти материал. Заготовить сруб можно было и в районе Козыревска, затем сплавить его на устье, где собрать. После этого можно зимовать.

Для этого отправлялись по реке на катере, водившем кунгасы с продуктами и промышленными товарами для жителей селений, расположенных выше. Находили место, где лес подступал к берегу, разбивали палаточный лагерь и приступали к заготовке древесины. Затем брёвна сбрасывали в воду, собирали из неё плот, ставили палатку и начинали сплав к устью. Скорость течения реки составляла примерно семь-восемь километров в час. До Усть-Камчатска — около 150–180 км, провести туда плот требовало большого искусства. Река Камчатка изобилует перекатами, мелями и в некоторых местах разделяется на несколько рукавов. Особую сложность представлял последний участок пути. Плоту надо было точно пристать к берегу, чтобы не проскочить мимо села, иначе придётся каждое бревно тянуть бечевой вверх.

На доставку плота уходило больше недели. Затем брёвна вытаскивали на берег, ошкуривали и начинали готовить сруб. Для этого могли пригласить специалистов. Так, большим спросом пользовался опытный плотник Огнев. Обычно от начала рубки до новоселья проходило два года. Ставили сруб и оставляли его на просадку, готовили площадку под дом, возводили хозяйственные постройки. Как правило, каждая усадьба имела значительных размеров огород, где возделывали картофель, овощи. Сооружали коптилку для приготовления балыка, балаганы для сушки юколы — собачьего корма. Для хранения картофеля и овощей копали погреб. Картофель также хранили в домовом подполье в доме.

Руководитель шведской научной экспедиции С. Бергман в 1921 г. писал: «В этом путешествии мы встретили много сплавщиков леса, сплавляющихся вниз по реке. Плоты были построены следующим образом. Два слоя брёвен связаны в длинный плот. С обоих концов находятся рули из обтёсанных брёвен, которые установлены на козлах. Возле них стоят рулевые. В середине плота обычно ставят палатку. На маленькой куче земли — костёр, над ним висят чайники. Обычно на привязи есть лодка или каноэ (бат. — *В. Б.*). Плоты сделаны из ели (здесь С. Бергман ошибается, ель для строительства домов на Камчатке не использовалась из-за её особенностей, да и хвойный остров находится очень далеко от Усть-Камчатска. — *В. Б.*) или лиственницы. Когда кто-то, живущий внизу по течению, решает построить дом, он едет вверх, туда, где хвойный лес стоит около реки в среднем течении и привозит лесоматериал, какой необходим.

На одном из таких плотов сплавлялось целое семейство. Вокруг палатки — собаки, куча дров и домашней утвари. У костра сидят

старухи и дети и пьют чай, пока взрослые находятся у рулей. Двое из мальчиков гребут на лодке».

После новоселья жизнь в свежепостроенном доме шла своим чередом — мужчины зимой охотились на соболя, осенью организовывали артели шлюпочников по добыче морских зверей. Летом все были заняты на ловле рыбы, сдавая её на заводы. Как правило, перед путиной на заводе брали в кредит новую сеть, продукты, непромокаемые плащи, сапоги.

После строительства дома многие заводили корову. Было организовано сельское стадо, общество нанимало пастуха. Обилие в окрестностях трав позволяло держать много скота. Основной сложностью была заготовка на зиму и доставка сена до села. Многие использовали для покосов берега реки Карлушки и правый берег реки Камчатки. Отсюда копны на лодках, реже на кунгасах, доставлялись к домам. Численность коров в Усть-Камчатске превышала сотню голов при населении около четырёхсот человек.

После того как дом был построен, для него на приходивших из Японии и Владивостока шхунах и пароходах заказывали необходимое для хозяйства. В домах можно было встреть новые печи, кафельную плитку, патефоны, керосиновые лампы, американские винчестеры. Крыши многих домов покрывались оцинкованным железом.

Уровень жизни устькамчатцев в 1920-х гг. был значительно выше, чем в Центральной России, особенно во времена так называемой «новой экономической политики». В начале 1930-х гг. во всех селениях района были организованы колхозы. В Усть-Камчатске появилось хозяйство имени Сталина, действовавшее до 1960 г. Но это уже другая история...

О некоторых названиях в Усть-Камчатске

За последние годы Усть-Камчатск сильно преобразился: построены несколько важных объектов для отдыха жителей, отремонтированы дороги, восстанавливается жилой фонд. Посёлок получил развитие после начала работы в этих местах рыбных промыслов. К 1930-м гг. собственно Усть-Камчатск располагался на правом берегу реки Камчатки. С конца 1920-х гг. создаются постоянные посёлки при РКЗ АКО № 1 на Первозаводской (Дембиевской) морской косе и при РКЗ АКО № 2 на Второзаводской косе.

Одной из причин возникновения поселения на левом берегу реки стало развитие лесопромышленности. С начала 1930-х гг. сплав леса осуществлялся молевым способом, в 1950-х гг. начался постепенный

переход на плоты. Поступавший с верховьев реки лес в устьевой части готовился для дальнейшей транспортировки морским путём. Этим занималась Усть-Камчатская сплавная контора, образованная в 1940 г. В 1952 г. контору переименовали в сплавной рейд (сплаврейд). Следующим этапом развития лесной отрасли стало создание в марте 1954 г. Усть-Камчатского лесоперевалочного предприятия (ЛПП).

В это время складывается уже четвёртый микрорайон Усть-Камчатска. Посёлок сплаврейда начали строить на левом берегу реки Камчатки, в её устьевой части, получившей название по мысу — Варгановка. Строительство началось с землянок, затем соорудили столовую и баню. Небольшой засыпной барак служил клубом. Бытовые условия здесь оказались крайне тяжёлыми — не было пресной воды, её возили в бочках на плашкоутах. Часто в непогоду жители оставались без хлеба, так как снабжение прерывалось.

В 1955 г. в Усть-Камчатске появился морской торговый порт, его начальником назначили А. С. Херсонского. Порт быстро рос и развивался, жилья для приезжавших специалистов — капитанов, механиков, докеров — не хватало. На левом берегу реки Карлушки начали строить посёлок, названный Новым. Первоначально здесь должны были располагаться жилые кварталы для портовиков и работников ЛПП. Ещё один микрорайон сложился к концу 1960-х гг.

Важным событием стало открытие в августе 1971 г. центрального универмага. Но ещё задолго до этого события вся страна узнала об универмаге из кинокомедии Э. Рязанова «Дайте жалобную книгу!», снятой в 1964 г. Вот такой вышел «всесоюзный обман»!

6 августа 1966 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 661 «О переводе населения, предприятий и организаций из рабочего посёлка Усть-Камчатска Камчатской области в цунамибезопасную зону». Документ положил начало в 1970-х гг. работам по возведению на мысе Погодном (Ветреном) нового жилого микрорайона.

В 1967 г. в целом завершилось сооружение первой очереди Нового посёлка, были возведены дома на улице Ленина. Учитывая, что в 1967 г. страна отмечала важную дату — 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, площадь в центре Нового посёлка назвали Юбилейной. Осенью этого же года введён в строй новый широкоформатный кинотеатр «Юбилейный».

Жилищное строительство в посёлке продолжалось, сложились улицы Горького и Лазо. Летом 1973 г. камчатский комсомол отмечал своё 50-летие. По инициативе райкома ВЛКСМ десятки

молодых людей с разных предприятий, учащиеся школы № 3 вышли на субботник — закладывать новый объект — поселковый парк. Здесь высадили десятки кустов ольхи, тальника, позже установили крытую сцену, скамейки, качели, проложили дорожки. Учитывая, что парк создавали в основном комсомольцы, его и назвали в честь 50-летия камчатского комсомола.

В последнее время в печати и социальных сетях встречаются такие упоминания поселковых объектов: площадь Ленина, парк «Юбилейный», прочие. На самом деле таких объектов в Усть-Камчатске не было. Сохранение правильных местных названий очень важно, так как связывает людей, живших здесь много лет назад, с сегодняшним населением. Поэтому «исправление» принятых ранее названий недопустимо. Хочется пожелать авторам правильно писать топонимы, существующие уже более полувека, — площадь Юбилейная, парк 50-летия камчатского комсомола, Новый посёлок. Именно они были утверждены на сессиях Усть-Камчатского сельсовета.

Недавно внести свою «лепту» в изменение даты образования посёлка Усть-Камчатск предпринял один известный камчатский журналист. Он предложил принять за неё время пребывания в устье реки Камчатки Первой Камчатской экспедиции. Конечно, это событие стало важной вехой в истории полуострова, но к дате образования населённого пункта оно отношения не имеет.

В 1728 г. в устье реки Камчатки находилось только сезонное поселение казаков, в основном — шалаши и балаганы для сушки рыбы. Такие заимки были разбросаны по реке Камчатке, в местах, где удобно было ловить и заготавливать рыбу. А сами казаки, участники экспедиции, жили и провели две зимы в Нижнекамчатске, расположенном на Ключах...

Датой образования того или иного населённого пункта в исторической науке принято считать его первое упоминание в официальных документах и наличие населения. Именно в 1731 г. в этих местах впервые зимовали казаки и солдаты. Ими были построены «часовня, ясачная изба, государев и казённый амбар».

Через несколько лет майор Василий Мерлин сообщал о сооружениях в устье реки Камчатки: «...у моря на острову монастырского строения две избы, одна бела, другая чёрная, да особливо изба ж большая чёрная, анбар о двух жирах, поварня, две бани. Да на том же острову казённого строения для житья морских адмиралтейских служителей две избы, одна бела, другая чёрная, да казачьего строения одна изба да анбар. Да на устье ж Камчатки реки при море на кошке, вниз едучи, на левой стороне реки Камчатки казённого

ж строения вновь для пристани экспедицких судов и житья морских и адмиралтейских служителей четыре казармы больших, два анбара, поварня... Да тут же на кошке для летних рыбных промыслов обывательских пять дворов».

Хочется пожелать всем, кто в той или иной мере касается вопросов истории, топонимики нашего района и региона в целом, быть более аккуратными с историческими событиями и обнародовать только сведения, проверенные несколькими источниками.

К вопросу об изменении устья реки Камчатки и солёности Нерпичьего озера

Нерпичье — озеро лагунного типа, самое большое озеро на Камчатке. Площадь его зеркала равна 552 кв. км. Озеро соединяется протокой Озерной с устьевой частью реки Камчатки. Его местное название *Колко-Кро*, где *Колко* — по-ительменски *ломающееся*, *Кро* — озеро. Буквально название означает *озеро, на котором ломается лёд*. «...В этом озере имеются большие полыньи, и ветер легко разрывает озёрный лёд» (С. Бергман, 1932; С. Крашенинников, 1949). Современное название озеру дано казаками в начале XVIII в. в связи с тем, что в него заходило много нерпы (ларги).

Берега озера издавна были заселены, на обеих террасах, расположенных на восточном берегу, находились неолитические ительменские поселения, причём на отдельных участках территория, занятая под юртовища, простирается до 5 км.

Первое русское поселение на берегах озера образовалось только в 1923 г. После того как на Усть-Камчатск обрушилась волна цунами, трое его жителей построили на берегу впадающей в озеро речки Крутой, в 14 км от Усть-Камчатска, первые землянки. Так возникло селение Крутоберегово. Кроме него, непродолжительное время существовали посёлки Тонкий мыс и Култук.

В настоящее время озеро горько-солёное, сюда во время шторма поступает морская вода. С. П. Крашенинников не указывает на солёность озера, но отмечает, что «иняха... водится в озере Нерпичьем в превеликом множестве». Учитывая, что иняхой (иняшкой) называют корюшку малоротую, обитающую в пресноводных водоёмах, можно утверждать, что в середине XVIII в. озеро было пресным.

К. Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе В. С. Завойко, писал: «Нерпичье озеро представляет большой пресноводный бассейн». В 1908—1909 гг. в устьевой части реки Камчатки и Нерпичьем озере работал начальник зоологического отде-

ла экспедиции Рябушинского П. Ю. Шмидт. Он отметил, что «...вода в озере совершенно пресная, так как непосредственного сообщения озера с морем в настоящее время нет».

Исследования И. И. Куренкова, проведённые в 1950—1960 гг., показали, что вода в разных частях озера была солоноватой — 3–4 промилле, а зимой у дна была очень высокой и достигала 22 промилле (промилле — тысячная доля, способ выражения концентрации растворов. — *В. Б.*).

Возникновение Нерпичьего озера относится, видимо, к голоцену. Оно обусловлено следующими факторами:

— постепенным поднятием морского побережья;

— аллювиальными отложениями, образуемыми деятельностью реки Камчатки;

— блокированной деятельностью морского прибоя.

Речной поток и морской прибой в течение тысячелетий образовали несколько песчано-галечных кос, сложивших и в настоящее время созидающих устье реки Камчатки.

Методику образования устьевой дельты подробно описал участник экспедиции Ф. П. Рябушинского В. Н. Лебедев: «В течение нескольких веков с изумительной правильностью повторяются одни и те же явления: океанским прибоем река прижимается к ранее построенной косе и передвигает своё устье с востока на запад; в это время море строит к югу от неё следующую косу. Подпор реки морем всё более увеличивается, уровень реки и озера Нерпичьего повышается, и, наконец, река прорывает косу в месте наименьшего сопротивления; тогда море вновь отклоняет реку к западу и строит следующую косу. Таких кос, разделённых узкими и глубокими древними руслами реки Камчатки, около двадцати. Первая из них, как было упомянуто, находится к югу от Сергучихина озера, и это озеро, таким образом, представляет собою первое из русл реки Камчатки, выходившее в океан. Процесс образования и прорыва кос непрерывно продолжается и в настоящее время.

В начале XIX в. нынешняя коса реки Камчатки совершенно не существовала. Река Камчатка текла по большому нынешнему заливу, отделённая от океана теперешней Заводской косой, в которую входили и три небольших островка, расположенных восточнее последней. Когда устье реки Камчатки было близ слепого конца Большого залива, река порвала косу у Поперечного залива, и к югу от неё была отложена часть нынешней косы.

В 1851 г. река вторично прорвала косу к югу от селения, обратив прежнюю косу в островки, и с тех пор коса непрерывно нарастает до

настоящего времени, причём прирост её за последнее время достигает до 100 сажень в год. Вместе с увеличением подпора уменьшается быстрота течения реки, заливаются покосы и западные берега озера Нерпичьего и значительно падает высота речных приливов. Настоящей дельты река Камчатка теперь не строит: река впадает не в озеро, а в океан, где сильное береговое течение относит осадки к югу.

Таким образом, лишь северная часть области впадения реки Камчатки сложена дельтовыми отложениями, южная же половина представляет результат работы моря. Поэтому отложения реки Камчатки соответствуют типу "загороженных" или "блокированных" дельт».

О росте косы в середине XIX в. сообщает К. Дитмар: «Устье, открывающееся в море, в настоящее время всякий год подвигается сажени на четыре к западу».

«Устье реки по наблюдениям с 1854 по 1906 г. постепенно теперь передвигается к *WSW*, но есть указания, что оно двигалось и в обратную сторону», — читаем в лоции Восточного океана, выпущенной в 1910 г.

Если за основу взять устье реки, находящееся по её генеральному течению, то ежегодно наблюдается рост восточной (Дембиевской) косы, как правило, в южном направлении. Так, в конце XIX — начале XX в. рост характеризовался следующими данными (собраны механиком Камчатского торгово-промышленного общества И. П. Ляппялуотто): в 1854—1882 гг. — 1 200 м; в 1882—1903 гг. — 8 000 м; в 1903—1904 гг. — 210 м; в 1905—1910 гг. — 770 м.

По данным Камчатской комплексной экспедиции, работавшей в 1930-х гг., рост косы составил: в 1932—1933 гг. — 1 000 м; в 1933—1934 гг. — 350 м; в 1934—1935 гг. — 300 м.

Со второй половины 1980-х гг. наблюдается значительный прирост Дембиевской косы в южном направлении.

После очередного прорытия устья озеро Нерпичье осолонялось, но по мере перемещения устья к югу этот процесс замедлялся и, наконец, достигнув критической точки, завершался, то есть поступление морской воды в озеро прекращалось. Смена солёности озера, безусловно, отражается на его ихтиофауне. Осолонение ведёт к быстрой гибели пресноводных гидробионтов и изменению сложившихся биологических сообществ, что вызывает резкое сокращение кормовой базы рыб.В устье реки Камчатки сходятся две стихии — сила и неиссякаемость самой большой реки полуострова с водами крупнейшего на планете океана — Тихого. Устье реки менялось неоднократно, но сегодня мы можем уверенно проследить это явление только на протяжении трёх последних столетий.

Первые сведения об устье реки Камчатки получены русскими в 1697 г. во время знаменитого похода В. В. Атласова, хотя сам пятидесятник здесь не был, «а по Камчатке реке к морю посылал он, Володимер, казака...» Но известно, что задолго до этого похода на географических картах, составленных по рассказам казаков, река Камчатка обозначена выше (севернее) Амур-реки, хотя точных очертаний самого полуострова русские, видимо, ещё не представляли.

Но уже на карте С. У. Ремизова «Чёртеж вновь Камчадальской земли», составленной около 1705 г., река имеет правильные очертания и на ней указаны отдельные притоки.

Роль устья реки Камчатки резко возросла после Первой Камчатской экспедиции. Впервые стал известен путь на неведомый Восток, где в изобилии имелась пушнина — экономический фактор, направлявший массовое движение «встреч солнцу».

Сложностью, с которой постоянно сталкивались моряки, являлась глубина и местоположение речного бара. По собранным нами данным, устье реки неоднократно меняло своё местоположение. Первое сообщение об этом, относящееся к 1768 г., находим у капитана П. Креницына: «...а прежнее устье, в которое в 767-м году судами вошли, нынешнею весною заметало с моря, и зделался сухой берег, а прошла река в другом месте».

В 1728 г., во время Первой Камчатской экспедиции, устье, видимо, находилось значительно южнее современного. В вахтенном журнале бота «Святой Гавриил» читаем: «В половине 2-го часа, сотворя молитву, отвалили от берега и поплыли вниз по реке Камчатке. В половине третьего часа приплыли к устью реки Камчатки и легли на якорь за противным ветром». Известно, что «Святой Гавриил» находился у пристани, расположенной примерно около бывшего райцентра (Усть-Камчатска). Зная, что скорость течения реки составляет 6–7 вёрст в час, можно примерно рассчитать расстояние, пройденное судном за один час, с учётом его буксировки шлюпкой: 8–9 вёрст южнее современного Усть-Камчатска.

К 1820 г. устье переместилось ещё южнее и находилось примерно в 13 верстах от селения. Устье было очень мелководным, а течение таким сильным, что рыба, пройдя по устью, в верховья почти не поднималась, а нерестилась в Нерпичьем озере. Это косвенно подтверждают голодовки, разразившиеся на полуострове. А. С. Сгибнев сообщает: «...в течение 1816, 1817, 1818 и 1820 г. был такой неулов рыбы, что если бы не энергическия распоряжения П. Рикорда (начальника Камчатки. — *В. Б.*), то дело не обошлось бы без большой смертности между камчадалами». Местные жители обратились

к проезжему иностранцу (англичанину) и под его руководством прорыли новое устье, находившееся примерно на месте современного.

М. Д. Тебеньков в работе «Географические замечания к атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест северного Тихого океана», вышедшей в 1852 г., заметил: «...Один год был даже такой, что бар оставался досуха занесённым песком. Это остановило тогда ход рыбы в реку и было большим несчастьем для туземцев».

Затем к 1850 г. устье опять отодвинулось намного южнее, и в июне 1851 г., во время паводка, река прорвала косу примерно на месте предыдущего прокопа.

К. Дитмар в середине XIX в. сообщал: «Река Камчатка в области своего устья течёт с северо-запада и затем почти под прямым углом поворачивает на юго-запад... При этом крупном изгибе реки с нею соединяется река Озерная... и заставляет реку Камчатку как бы уклониться от первоначального направления и повернуть на юго-запад. Соединившись, обе реки текут ещё на очень коротком протяжении... и, прорвав береговую плотину, с шумом изливаются через глубокое устье в море».

На рубеже XIX—XX вв. устье опять находилось в 6–7 верстах южнее современного. Об этом свидетельствуют работы В. Маргаритова и А. Прозорова. В 1897 г. Маргаритов отмечал, что река, «пройдя вдоль длинной (вёрст шесть) “кошки”, впадает в море». Прозоров указывает на такие же очертания устья: «Не доходя ста сажень до моря, река Камчатка делает крутой поворот к югу и потом течёт ещё семь вёрст вдоль морского берега, отделённая от моря косой лишь в 30–40 сажень шириной».

В 1909 г. на Камчатке работала рекогносцировочная экспедиция под руководством П. Крынина. Она исследовала устьевую часть реки и составила подробный план. Судя по нему, устье лежало в то время в пяти верстах южнее Усть-Камчатска. Причем более трёх вёрст перед впадением в залив река текла между двух кос, то есть косы располагались параллельно друг другу. Это же явление наблюдается и сейчас, причём происходит заметный рост кос навстречу друг другу, а современное устье перемещается к югу.

В. П. Портнягин, один из старожилов Нижнекамчатска, подтверждает эти сведения: «Устье реки Камчатки было тогда (в начале XX в. — *В. Б.*) там, где сейчас стоит Второй завод. Мальчишкой я приезжал туда, как сейчас помню».

В 1916 г. жители вручную прорыли напротив селения новое устье. В 1920 г. руководитель шведской экспедиции С. Бергман

определял длину Дембиевской косы в 10 вёрст, то есть устье в это время находилось на 2,5 версты ближе к Усть-Камчатску, чем в 1909 г. Следующее изменение устья произошло в 1923 г. В апреле этого года «громадная морская волна хлынула на берег около Усть-Камчатска, смыла два консервных завода, разрушила селение и изменила устье реки», — писал И. И. Гапанович.

Подобное случилось в 1943 г., когда устькамчатцы вручную прокопали новое устье, сейчас переместившееся значительно южнее.

Следует отметить, что вопрос о создании в Усть-Камчатске морского порта с устройством канала поднимался неоднократно. Канал предусматривалось прорыть в месте, называвшемся «Переволока». Впервые такой проект выдвинул военный губернатор Камчатки В. С. Завойко, но его осуществлению помешало нападение англо-французской эскадры. Вторично вопрос возник после строительства и пуска двух РКЗ АКО (1927—1928 гг.). В это время проявились сложности с отгрузкой их продукции, доставлявшейся с берега Камчатского залива на деревянных кунгасах. Наличие канала могло обеспечить отгрузку даже при большом накате.

Надворный советник А. Ф. Филиппеус, в конце XIX в. доставлявший грузы в пункты Восточной Камчатки, подробно описывает трудности преодоления бара, образовавшегося при южном расположении морских кос. «Снабжение Нижнекамчатска сопряжено с большими трудностями и опасностями. Течение реки Камчатки близь устья никогда не бывает менее четырёх узлов, а после снежной зимы доходит до шести и семи узлов. Устье загорожено баром, и морская прибыль, хотя несколько и спирает течение реки и углубляет фарватер на баре, но спор морской и речной воды почти постоянно производит страшную россыпь, через которую при малейшей морской зыби пройти невозможно. При благоприятных обстоятельствах на прибылой воде судно, сидящее не более восьми футов, может войти в реку и подняться до селения, но как для входа, так и для выхода надо терпеливо выжидать стечения благоприятных обстоятельств, а эти обстоятельства, особенно для парусного судна, иногда заставляют себя ждать по несколько месяцев... Между тем я никогда не форсирую, а спокойно на рейде выжидаю тихой погоды».

По данным, собранным Камчатской комплексной экспедицией, работавшей в Усть-Камчатске в 1936 г., в барах погибло: в 1931 г. — 10, в 1932 и 1933 гг. — по восемь, в 1934 г. — пять, в 1935 г. — 18, в 1936 г. — 1 чел. До 1936 г. здесь ежегодно тонуло в среднем по 10 чел. Трагедии продолжаются и в наше время, достаточно

вспомнить о пограничной барже, перевернувшейся в устье реки Камчатки в 1999 г.

Устье изменялось и после морских катастроф — цунами. Так, после волны, обрушившейся на посёлок в 1923 г., солёность озера Нерпичьего увеличилась и туда стало заходить на нерест большое стадо сельди.

Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, посетивший Камчатку в 1910 г., писал: «В интересах рыболовства на реке Камчатке вопрос о всё большем передвижении устья реки к югу требует особого внимания. В 1835 г. устье находилось против села Усть-Камчатска, а теперь же отодвинулось приблизительно на 11 вёрст, причём река от Усть-Камчатска повернула почти под прямым углом к югу, течёт параллельно к берегу и намывает постепенно несколько кос, отделяющих рукава реки от моря... Такая конфигурация устья затрудняет и ход рыбы, которая в вышележащие селения приходит уже лощалая. Население усиленно ходатайствует о прорытии косы против селения Усть-Камчатского, дабы восстановить прямой вход в реку, как он был в первой половине прошлого столетия. Жители готовы сделать это на свой счёт. То же предлагает и рыбопромышленник Бирич».

Изменения устья реки Камчатки, наблюдавшиеся на протяжении XVIII—XX вв.: в 1768, 1851, 1910, 1923 (цунами) и 1996 гг. — естественное; в 1820, 1916 и 1943 гг. — искусственное.

Как следует из изложенного, для регулирования солёности озера Нерпичьего необходимо определить место на косе, где будет находиться устье и постоянно поддерживать его местонахождение. Расположение устья в крайне южном положении создаст угрозу наводнения в устьевой части реки Камчатки и изменит место нереста части стада лососёвых пород рыб бассейна реки.

Приложение 1

Приморскому генерал-губернатору

Представляя при сем на 12 листах переписку по вопросу о прорытии наружной косы при устье реки Камчатки и образовании, таким образом, нового устья. Долгом считаю присовокупить, что со своей стороны признаю этот вопрос вполне назревшим и требующим незамедлительного разрешения, как в интересах судоходства по реке Камчатке, так и рыболовного дела. Насколько важен и неотложен этот вопрос, ваше высокопревосходительство, посетив в текущем году Усть-Камчатск, изволили лично убедиться. Со своей стороны могу только в виде исторической справки

присовокупить, что, по данным современника адмирала Завойко, исследователя Камчатки геолога Дитмара, рыбка хахальца доходила в те времена (1851—1855 гг.) даже до селения Козыревского и обильно вылавливалась, вернее, вычерпывалась, ручными сетками — чируча́ми местным населением для корма собакам.

В текущем году, да и вообще в последние годы, она даже до селения Камаки (65 вёрст от устья) доходила в очень ограниченном количестве. Главная же масса, не имея сил побороть стремительное течение спёртого на баре устья реки, гибла в этом месте, выброшенная в громадном количестве на берег прибрежными бурунами. Насколько сильно на баре течение и с каким трудом приходится его преодолевать, видно из того, что даже крупные породы лососёвых, как красная и кижуч, в текущем году подходили к Усть-Камчатску около 12 вёрст от устья уже сильно изможднными, изменившими цвет, что обыкновенно делается в верховьях реки, когда рыба пройдёт уже значительное расстояние от устья.

В отношении судоходства бар реки Камчатки настолько стал опасным для плавания, что им теперь совершенно не пользуются, и вся выгрузка и нагрузка, и вообще сообщение с берегом производятся не через устье реки, а непосредственно с моря на косу. К сожалению, это можно далеко не всегда, так как усть-камчатский рейд слишком открытый от ветра и потому редко бывает спокойным. Например, пароход «Чинг Туфу» в сентябре месяце потерял в Усть-Камчатске катер. Образование нового, более широкого и глубокого устья, несомненно, значительно облегчит это дело.

При представлении 13 апреля с. г. за № 216, мной приложена была карта устья реки Камчатки, съёмка господина Ляппялуотто. На ней точно обозначено постепенное погодное образование наружной косы с последующим отодвиганием и сужением вследствие замывания устья реки, последнее явление было наводнение в низовьях реки Камчатки, угрожающее самому селению Усть-Камчатск. В текущем году наружная коса изменилась ещё более, почти на версту, и уже наметилась отмель для дальнейшего её образования. Таким образом, устье реки Камчатки ещё более подвинулось к югу и настолько уже приблизилось к морской рыбалке японца Цуцуми, которая два года тому назад была образована в четырёх верстах от устья, что вся заходившая в устье рыба, прежде чем попасть в него, должна пройти мимо указанной рыбалки, благодаря этому улов рыбы у Цуцуми в текущем году был значительно выше, чем на рыбалках Крамаренко (речная, выше Усть-Камчатска), Бирича и Дембри (одна речная, две морские).

Насколько мог, как неспециалист, выяснить опросные сведения, наибольше соответственным будет прорыть устье в том месте, где оно было в 1850-х гг., ниже рыбалки господина Бирича. Это подтверждается, по-видимому, тем обстоятельством, что во время указанного весеннего разлива, а также и при сильных штормах именно в этом месте коса была больше всего размываема напором и прибоем воды. Как важно прорытие устья и для населения, и для рыбопромышленников, видно из того, что жители Усть-Камчатска, а также рыбопромышленник Бирич безвозмездно предлагают свои услуги для этого.

Но я полагал бы, что такое важное и общее в значении дело не следует предоставлять исполнению отдельных частных лиц или даже обществу, ибо и те, и другие за предоставленные ими услуги будут претендовать на известную льготу. Посему прорытие нового устья реки Камчатки подлежит выполнить средствами казны, которых нужно будет очень немного для этого.

Самое лучшее время для выполнения этой работы, насколько я выяснил по опросным сведениям, — конец апреля и начало мая, до начала хода первой рыбы чавычи, с половины мая.

К этому времени необходимо командировать, дабы ещё не потерять одно лето, сведущее лицо, для руководства работ. А рабочих можно будет найти на месте или из жителей, или от рыбопромышленников за особую плату. Работа эта потребует, вероятно, при достаточном количестве рабочих не более двух недель.

Последующем благоволите, ваше высокопревосходительство, почтить уведомлением.

И. д. губернатора *Перфильев*.
Правитель канцелярии *Щербаков*

Приложение 2

Приговор

1908 г., мая 25 дня. Селение Усть-Камчатское Петропавловского уезда. Мы, нижеподписавшиеся, жители Усть-Камчатского селения, быв сего числа на общем полном сходе, обсуждали вопрос о положении некоторого устья реки Камчатки и о прорытии нового устья этой реки в том месте, где оно было в 1850-х гг., именно снята копия. В настоящее же время устье реки Камчатки отстоит от устья Усть-Камчатского селения на расстоянии измеренных до 12 вёрст, а потому во время, когда бывает большое половодье от снега, наносит вред поселению Усть-Камчатскому.

В 1905 г., когда была большая вода, от реки были размыты в селении огородные места, и вода подходила под самые жилые и нежилые постройки, в селении грозила опасность. При ветре *О* снесло несколько построек, к счастью, не было таких сильных ветров, более тогда были затоплены пастбищные и сенокосные места по берегам реки Камчатки. Среди лета скоту мало было чем кормиться, и запас сена для скота на зимнее время был приготовлен на возвышенной морской кошке из морской травы.

Год от года устье реки Камчатки отходит к западу и может дойти до того места, где оно было в 1830-х гг., и тогда, как говорят старики, была голодовка от недохода рыбы по селениям, что может повториться и в будущем.

Когда устье реки Камчатки было против селения, тогда всякая рыба шла раньше, чем теперь, и в большем количестве. Например, мелкая рыба хахальца шла с первых чисел апреля, и она доходила почти до Козыревского селения на расстоянии 300 вёрст. Теперь бывает сюда она очень мало, не доходит до Усть-Камчатского селения по той причине, что устье

реки Камчатки снесло на отмелое место, а морским прибоем эту рыбу во время её хода выбрасывает на берег и засыпает песком. Также теперь бывает поздний ход и недоход всякого рода рыбы.

Обсуждая вышеизложенное, мы, нижеподписавшиеся, пришли к заключению: по прибытии к нам господина военного губернатора Приморской области просить его превосходительство разрешить прорыть новое устье реки Камчатки с помощью жителей верхних селений по реке Камчатке. А главное — большое удобство для морских судов при выгрузке с них казённых и коммерческих грузов.

К этому приговору подписываются жители Усть-Камчатского селения.

О некоторых гидрологических изменениях в устьевой части реки Камчатки и названиях речек

Как-то я посетил своих друзей в селе Крутоберегово. По дороге, что ведёт туда от дебаркадера на Дембиевской косе, с удивлением увидел, что первая речка стала называться «РКЗ-66», видимо, в честь некогда знаменитого рыбоконсервного завода.

В устье реки Камчатки существует обширная система водоёмов, включающая озёра, протоки и речки, в некоторых случаях связанные между собой. Прямо перед впадением в Камчатский залив река Камчатка принимает протоку Озерную, соединяющую её с Нерпичьим озером. В озеро также впадают многочисленные реки и ручьи. Самые крупные из них — Белая, Ольховая-1, Ольховая-2, Тарховая, Халница.

Первой от основания Дембиевской косы в озеро вливается небольшая речка. Рядом течёт речка Беккет или Береш — такое название она носила в XIX и начале XX в. По В. И. Далю, *беккет — пикет*, то есть *воинский пост*. Возможно, в XVIII в. здесь стояли казаки. Первое упоминание об этой речке встречаем у К. Дитмара. Он писал по-немецки, в переводе на русский она означена как *Береш*: «Прибрежная река в пойме мыса Камчатка, протекает между ровной ягодной тундрой и горной цепью...» Дитмар указывает, что речка Крутая, это, видимо, современная Быстрая. Она прибрежная, течёт с гор поймы Камчатского мыса и впадает в океан. Участники экспедиции Ф. П. Рябушинского в 1908—1909 гг., впервые исследовавшие Нерпичье озеро и давшие названия рекам и вершинам Камчатского мыса, отметили эту реку как *Бекет*.

Примерно в полукилометре от впадения Бекета, по имеющимся у нас данным, до конца 1930-х гг. находилось небольшое одноимённое озеро. О нём также упоминал руководитель зоологического отдела экспедиции Рябушинского П. Ю. Шмидт, работавший в этих

местах в 1908—1909 гг. Он писал: «У восточной оконечности кошки впадает маленькая речка Бекеш, текущая из небольшого озерка, из которого направляется проток к морю».

Впоследствии этот проток замыл прибой, здесь образовался высокий берег, а озеро высохло. Таким образом, вследствие изменения русла реки Быстрой, в её новом течении, учитывая здесь наличие глиносодержащей почвы, может вновь образоваться сезонное озеро, других очертаний и размеров. После весеннего половодья на месте озера оставался водоём, сохранявшийся в течение одной-двух недель, после чего высыхавший.

Летом 2002 г. в результате искусственного поворота реки Быстрой её воды стали впадать не в Камчатский залив, как раньше, а через русло реки Пастушьей в Нерпичье озеро. Водоём, ранее называвшийся *Озеро Беккет*, на протяжении всего лета был заполнен водой.

Первая речка (по современной дороге от дебаркадера до села Крутоберегово) на карте, опубликованной гидрологом этой же экспедиции В. Н. Лебедевым, называется *Крутобереговый ключ*. Действительно, речка питается небольшими холодными и чистыми ключами, бьющими в нескольких сотнях метров от старой дороги на Крутоберегово. В детстве, в возрасте восьми — десяти лет мы ходили купаться в этой неглубокой и относительно тёплой речке, поросшей по берегам травой.

Место, где бьют ключи, среди старожилов известно как *Просека*. Это название упоминается ещё в 1930-х гг. Видимо, местные жители прорубили дорогу с Дембиевской косы до вновь образованного в 1923 г. селения Крутоберегово. Здесь вдоль дороги раньше раскидывались поляны княженики.

Позже название речки было утрачено, в отдельных документах она упоминается как *Безымянная*, но уже в 1960-х гг. встречается под именем *Пастушьей*. Видимо, это связано с тем, что в 1970—1980-х гг. в этих местах паслись большие стада коров совхоза «Крутобереговский». Основные пастбища находились в предгорьях Камчатского мыса и морского побережья, и эта речка была ближайшим естественным водопоем для скота. В 1990 г. совхоз располагал стадом в 2 849 голов.

Чтобы точно установить название этой речки, пришлось изучить советские географические карты. На всех её название указано как Пастушья. Поэтому дорожники явно погорячились, дав небольшой речке название славного завода. Было бы правильно вернуть речке её прежнее название — *Пастушья*.

Другая речка, возле которой было основано селение Крутобережово, называлась Чистенькая. Селение возвышалось на горе, почему в народе именовалось Кремлём. Геологические экспедиции отмечали в этой реке повышенное содержание серебра. Сегодня она, благодаря многолетним «усилиям» жителей села стала местом для сброса мусора и уже не оправдывает прежнего названия. Может быть, местные обитатели предпримут усилия и сделают её снова Чистенькой?

Река Козыревка (Колю)

Камчатка — территория с высоким сосредоточением водных объектов. Здесь, по подсчётам учёных, имеется около 100 тыс. рек и ручьёв. Самая большая река полуострова — Камчатка, на своём протяжении принимающая многочисленные притоки. Наибольшие из них — Кирганик, Козыревка, Щапина, Толбачик, Еловка, Радуга. Сегодня речь пойдёт о левом притоке Камчатки — реке Козыревке.

Первоначально эта река по С. П. Крашенинникову называлась Колю: «Колю, Козыревская река, шириною с Толбачик реку, от повороту с Камчатки верстах в десяти, вышла из хребта...» Ихтиолог И. И. Кузнецов, работавший в конце 1920-х гг., считал, что Козыревка впадает в Камчатку на 250-м километре от её устья, протяжённость Козыревки примерно 150 км. По современным данным, Козыревка впадает на 299-м километре от устья, её длина составляет 222 км.

Историк Б. П. Полевой, изучив «ясашные книги», составленные в начале XVIII в., указывает на более полное название реки — Иколюча. Видимо, С. П. Крашенинников приводит уже сокращённое название, несколько меняющее первоначальный ительменский смысл. (По-ительменски *и* — вода; *кол* — ломаный, извилистый; *ич* — можно перевести как *берёза*. Дословно — извилистая река в берёзовом лесу.) К сожалению, носителей ительменского языка в долине реки Камчатки нет уже больше века, поэтому этот перевод можно считать вольным. В соответствии с «Полным ительменско-русским словарём» (с. 122), *Колю* означает «Изломанная река», то есть «Извилистая река». К. Дитмар в середине XIX в. в своём словаре называет её *Калью*. Всё это свидетельствует о том, что одновременно с официальным в старые времена местное население ещё называло реку её изначальным именем.

К. Дитмар отмечал: «Калью. Левый приток реки Камчатка, протекает совсем рядом с Козыревском, берёт начало в горах Срединного хребта, где под вулканом Ича проходит перевал к западному берегу

реки Сопочная. В 30 верстах вверх по течению на реке Калью во времена Крашенинникова на красивой местности располагалась большая деревня».

С. П. Крашенинников сообщает о происхождении нынешнего названия реки: «Тамошние казаки прозвали оную Козыревскою... в память того, что первым с местных жителей собрал ясак Пётр Козыревский». По реке перемещались участники Первой Камчатской экспедиции в 1728 г. На пути из Большерецкого острога в Нижнекамчатск экспедиция должна была перевести на собачьих упряжках сотни пудов грузов и людей. Эту большую работу выполнили ительмены-каюры.

Одно из самых первых описаний Козыревки, сделанное зимой 1728 г., мы находим в материалах этой экспедиции. Её участники выехали из Машуровского острожка, находившегося на левом берегу реки Камчатки, несколько ниже по течению современного села Долиновка. Собачьи упряжки шли по реке Камчатке до Машуры, затем свернули на параллельно текущую Козыревку, по ней достигли одноимённого острожка, где ночевали. Потом двинулись дальше. Но любознательный читатель навряд ли найдёт на современной географической карте такое название. Дело в том, что сегодня Козыревка (Колю, Иколюча) называется *Караковая*.

Фрагмент дневника участника Первой Камчатской экспедиции штурмана П. Чаплина:

«*5 марта 1728 г.* «В шесть часов поехали чрез румб пять вёрст и выехали в вершину реки Козыревской и поехали вниз по оной реке две версты и увидели гору, которая горит близ Нижнего астрогу... Часу в восьмом пополуночи поехали на 15 вёрст, в 12 часов проехали юрты на правой стороне реки Козыревской...

8 марта 1728 г. В третьем часу прибыли в юрты, которые по правую сторону реки Козыревской. А от вчерашних юрт до сех реку Козыревскую переезжали 30 раз... и тут ночевали».

До прихода на Камчатку русских казаков и переселенцев на берегах реки уже имелся ительменский острожек, как сообщает С. П. Крашенинников, «в верстах 30 от ея устья». Крашенинников, описывая острожек, отмечает: «Колюгере, или Накшин острожек, на правом берегу Козыревской реки, от спуску верстах в двух. Строения в нём две юрты, 11 балаганов, ясашных иноземцов 15 чел., в том числе девять собольников, от Машурина острожка прямою дорогою 87 вёрст».

До сегодняшнего дня в Козыревске проживают потомки коренных камчадалов — семьи Черных и Чуркиных.

После восстания ительменов в 1731 г. на Козыревку переселили бунтовавших ключевских камчадалов.

На современных географических картах река Козыревка впадает в Камчатку на 299-м километре от устья. В устье до конца XIX в. находилось перенесённое из среднего течения реки селение Козыревка. В 1891 г. в нём жили всего 64 чел. Из-за частых размывов почвы во время паводков селение неоднократно перемещалось с берега на берег в устье реки Козыревки и впоследствии расположилось значительно ниже по течению на правом берегу реки Камчатки, между речкой Крекалкой (Крекалец) и нерестовым озером, сегодня называющимся Домашним. Козыревск в XX в. значительно вырос, но застраивался не вдоль реки, а вверх от речного берега, численность жителей достигала 2,5 тыс. чел. На нынешних картах река Козыревка обозначена как левый приток реки Камчатки.

В 1987 г. нам в селении Крапивной у местного жителя приходилось видеть самовар XIX в. с выбитым на нём изображением императора Александра III. Со слов владельца, он нашёл его на месте бывшего селения Козыревка.

Если рассматривать бассейны рек Быстрой и Козыревки с точки зрения наличия древних поселений, то можно сказать, что эти места были заселены издревле. Возраст отдельных археологических памятников, по современным оценкам, превышает 5 тыс. лет. Археологические стоянки известны на речной террасе у окраины Эссо, вверх по реке Уксичан, на ручье Раздельном, рядом с Анавгаем, на реке Кававле и в других местах.

Огромная территория верховьев реки Быстрой ещё в начале XX в. не была заселена. До конца XIX в. в устье реки Козыревки находилось только селение Козыревка. В начале XX в. оно из-за частых разливов реки было перенесено значительно дальше вниз по реке Камчатке на своё последнее (нынешнее) место, и козыревские охотники утратили свои угодья на реках Быстрой и Козыревке, хотя иногда и посещали эти места. Частично они сохранили угодья на притоках реки Светлый Ключ, у Романовки и в других местах.

В верховьях этих рек кочевали со своими табунами ламуты. До 1930-х гг. так в официальных документах и разговорной речи именовались орочи, или эвены.

В самом конце XIX в. на Камчатке работала горная экспедиция под руководством К. П. Богдановича, впервые подробно изучавшая Срединный хребет в отношении наличия полезных ископаемых. Богданович поднялся на потухший вулкан Анаун, исследовал реки Козыревку и Быструю. В итоговой карте, подготовленной по завершении

экспедиции, Богданович обозначил в среднем течении реки Быстрой место под названием «Ессо». Это — первое документальное подтверждение топонима, ныне звучащего как «Эссо».

До середины 1960-х гг. на географических картах и в документах современная река Быстрая, на которой расположен районный центр Эссо, раньше называлась Быстрая-Козыревка. Река Быстрая даёт название целому району — Быстринскому, образованному в августе 1926 г. Точно также крупные реки дали названия и другим районам Камчатки — Усть-Камчатскому, Усть-Большерецкому, Тигильскому, Карагинскому, Пенжинскому.

Река Быстрая-Козыревка берёт начало на западном склоне Козыревского хребта, его высшей точкой является гора Козыревка (2 015 м). Козыревский хребет является составной частью Срединного, протянувшегося по всему полуострову с юга на север до Парапольского дола. Река Быстрая-Козыревка от истоков течёт на северо-восток, принимает левый приток Уксичан (Хуксичан), затем ещё один левый приток — Анавгай, описывает дугу и поворачивает на юго-восток. За несколько километров до впадения принимает реку Козыревку и вливается в Камчатку. Река Быстрая-Козыревка, как и современная Козыревка, начинается на горе Козыревке, только на её восточном склоне. Понятно, что название гора Козыревка получила значительно позже — от реки.

Такая путаница в названиях рек, отражённая на географических картах, сложилась в XX в. До первой половины века река Быстрая официально именовалась Быстрой-Козыревкой. Чтобы различать две эти реки, второе название (Козыревка) применялось всё реже и, в конце концов, было утрачено. Но при слиянии обеих рек образовывалась река Козыревская. При этом до первой трети XX в. Козыревской именовалась совсем другая река — сегодня среди местных жителей и на картах она именуется Караковой.

Это русское название. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (2008, с. 265) читаем, что караковая — масть лошадей, тёмно-гнедая с подпалинами. В. И. Даль уточняет — караковый конь — тёмно-гнедой, почти вороной, с подпалинами (1995, т. 2, с. 90).

Как и почему река Козыревка стала Караковой, нам неизвестно, но можно предположить, что таким названием она обязана составителям географических карт, работавшим ближе к середине XX в. По протяжённости Караковая почти в полтора раза превышает современную Козыревку, хотя считается её правым притоком. На лоцманских картах до середины XX в. Караковая назы-

валась Козыревской, а её притоки, сегодня именующиеся Козыревкой и Быстрой, даже не были обозначены.

В 1940-х гг., когда строилось селение Быстрое, лес заготавливали в бассейне Козыревки, сбрасывали его в воду и далее сплавляли вниз в реку Камчатку.

На реке Быстрой-Козыревке построена и работает деривационная гидроэлектростанция МГЭС-4 с бесплотинным водозабором. Её установленная мощность 1,71 мегаватт. Электроэнергию вырабатывают три гидроагрегата.

Река Козыревка течёт по живописной горной местности. На её берегах растёт смешанный лес, эти места богаты рыбой, ягодой и дичью. Здесь раскинулась нетронутая природа, есть благоприятные места для развития туризма.

Река Камчатка (Уйкоаль)

Река Камчатка протекает по центральной Камчатской депрессии в северо-восточном направлении. Ширина долины реки изменчива: в верховьях всего четыре, а затем быстро расширяется до 80–120 км. Река имеет два истока — Озерную Камчатку, начинающуюся в Срединном хребте, и Восточную Камчатку, стекающую со склонов вулкана Бакенинг. Река часто меняет фарватер, поэтому для поддержания судоходства по ней необходима лоцманская служба. Низменность Камчатской долины полого, террасовидно поднимается к окружающим её хребтам. В районе Ключевского вулкана река поворачивает на восток и, прорезав хребет Кумроч, впадает в Камчатский залив. Длина реки — 758 км, площадь её бассейна — 56,7 тыс. кв. км. Ледостав продолжается с ноября по май.

По собранным автором данным, река замерзала: в 1914 г. — 3 ноября (ст. ст.); в 1915 г. — 2 ноября (ст. ст.); в 1917 г. — 17 января (ст. ст.); в 1929 г. — 8 ноября; в 1931 г. — 3 ноября; в 1932 г. — 8 ноября; в 1933 г. — 17 ноября; в 1934 г. — 24 ноября; в 1935 г. — 27 ноября; в 1936 г. — 22 ноября. Река вскрывалась: в 1912 г. — 17 мая (ст. ст.); в 1916 г. — 16 мая (ст. ст.); в 1917 г. — 17 мая (ст. ст.); в 1925 г. — 25 апреля; в 1926 г. — 10 мая; в 1968 г. — 6 мая; в 1969 г. — 24 мая; в 1970 г. — 5 мая; в 1971 г. — 13 мая; в 1972 г. — 8 мая; в 1973 г. — 13 мая; в 1974 г. — 13 мая; в 1975 г. — 8 мая.

Река имеет множество притоков, самые крупные: левые — Козыревка (Колю), Быстрая, Еловка; правые — Щапино, Толбачик и Хапица. Берега всех густо покрыты лесом, причём часто деревья

стоят прямо у воды. При паводке реки иногда меняют русла, бурные потоки подмывают берега, смывают растущие на берегу деревья. В небольших реках упавшие деревья перегораживают течение и, задерживая плывущие сверху отдельные стволы или корневые части, образуют переплетённую и нагроможденную друг на друга груду — залом. Заломы могут существовать от нескольких дней до нескольких месяцев и даже лет.

Находясь на реке, часто можно видеть, как течение несёт многометровое дерево вместе с корнями и ветками. Путь его обычно недолог. При встрече с заломом ниже по течению оно только укрепляет его. Поведение залома откликается на уровень воды, меняющийся в течение года. Обычно самый высокий уровень воды в реке Камчатке наблюдается в июне-июле, потом начинается спад, самый низкий уровень держится с ноября по март.

Путешествующим на лодках заломы представляют очень серьёзную опасность. Если не повезёт, то при попадании в залом выбраться из него почти невозможно. Опытные старики-аборигены учат: попал в залом, выход только один — надо нырять под него, и вода сама тебя вынесет... Иногда деревья падают в реку перпендикулярно берегу, перегораживая фарватер. Едучи на моторной лодке, приходится ложиться на дно, чтобы проскочить поваленное дерево и не задеть его.

В образовании заломов с конца 1920-х гг. участвовала не только древесина, смываемая с берегов, но и шедшие так называемым «молевым сплавом» брёвна. Их с 1929 г. до 1950-х гг. леспромхозы сплавляли от реки Урц до Ключевского деревообрабатывающего комбината. Это значительно осложнило обстановку на реке. Промышленный лес был в основном лиственным, при длительном нахождении в воде он тонул и иногда опускался на дно. Бывало, что ствол опускался в воду под углом до 45 градусов и больше. На поверхности оставалась только небольшая часть бревна, называвшаяся местными жителями «поторчиной». Столкновение с ней плавсредств, шедших с большой скоростью, могло быть очень опасным. Например, пассажиры лодки от удара могли упасть в воду.

Долина реки Камчатки ограничена двумя параллельными хребтами: с запада — Срединным, с востока — Восточным. Река Камчатка — одно из крупнейших нерестилищ лососёвых пород рыб на Северо-Востоке Азии. Здесь в промышленных масштабах нерестятся проходные чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч, кунджа.

Имеются и местные породы — голец, микижа, хариус. В настоящее время из-за высокого промышленного нажима большая часть нерестилищ, особенно в верховьях, остаётся незаполненной.

Камчатка протекает по живописной местности, особенно в центральном и нижнем течениях. Вначале после очередного поворота открывается вид на вулкан Толбачик, ниже справа видна Ключевская группа вулканов, покрытых снежными шапками, перед селом Ключи слева по течению возвышаются потухшие вулканы Харчинский и Заречный. За ними — огромный массив старого вулкана Шивелуч (Суелич), что по-корякски означает «пепел».

Особо красивые места начинаются от бывшего селения Камаки. Здесь находится вход в урочище Щёки. Река течёт в горной местности, прорезав хребет Кумроч, образуя каньон. Отроги хребта, поросшие густой растительностью, спускаются до уреза воды, иногда видны горные обнажения разнообразных цветов. Ещё в июле по складкам гор в окружении буйной зелени снежники опускаются до самой воды, по склонам, весело журча, бегут кристально чистые ручьи. Через несколько километров от Щёк открываются исторические места: Обухово — справа и бывший Нижнекамчатский острог, в устье реки Радуги, — слева. Напротив былого Нижнекамчатска — протока Ажабачья, соединяющая Камчатку с озером, одним из крупнейших нерестилищ азиатской нерки.

После Нижнекамчатска слева видна сопка Климовка, затем справа — сопка Россыпь. Эти сопки образуют хребет Токинец. По Климовке из Нижнекамчатска шла военная дорога до берега Тихого океана. А после Россыпи река вырывается на равнину и течёт до своего впадения в Камчатский залив. Река и протока Пекалка образуют большой остров Пекалка протяжённостью семь и шириной до двух с половиной километров. Здесь, на берегу протоки Пекалки, в 1920—1940-х гг. находились кустарный кирпичный завод и одноимённое селение.

Река судоходна от устья до селения Кирганик Мильковского района для плавсредств с небольшой осадкой. Первые паровые маломерные суда стали ходить в Ключи в 1909 г. Это были катера «Форель», «Лили», «Болиндер». Пассажирское сообщение открылось в 1930-х гг. после строительства на Ключевской судоверфи парохода «Камчатка». Пассажирское сообщение Усть-Камчатска с Ключами и Козыревском осуществлялось вплоть до 1990-х гг. Связь между посёлками поддерживалась на речных трамваях «Московский фестиваль», «Камчатский фестиваль», позже — на «Лебеде» и «Чайке». С 1981 г. рейсы выполняла комфортабельная «Заря»,

преодолевавшая расстояние от Усть-Камчатска до Ключей всего за четыре часа.

В 1930—1980-х гг. река служила основной транспортной артерией, связывавшей населённые пункты Усть-Камчатского, Мильковского и Быстринского районов. По ней на баржах, площадках, плашкоутах катера возили народнохозяйственные грузы.

Свои транспортные суда имели Усть-Камчатский РКЗ, колхоз «Путь Ленина», лесоперевалочная база, госпромхоз, Ключевской и Козыревский леспромхозы, торговая база и другие. В основном использовались катера типа «Костромич», имелось несколько «Ярославцев» и барж типа «Танкист». «Продолжительность навигации составляет в среднем 169 дней, в отдельные годы увеличивается до 192 дней. Общий объём перевозимых грузов составляет около 300 тыс. тонн в год», — сообщает издание «Ресурсы поверхностных вод СССР» (1973).

После постройки моста в Ключах речное сообщение выше этого селения катерами и танкерами стало в высокую воду невозможным из-за малого просвета под мостом.

Значительный промышленный нажим на реку начался с 1910 гг., когда резко увеличился вылов рыбы. В 1930-е гг. Камчатка превратилась в транспортную артерию по молевому сплаву древесины. В 1929 г. в лесных массивах в районе Козыревска началась заготовка леса для строящегося Ключевского ДОК. АКО утвердило программу использования деловой древесины, по которой ДОК следовало обработать в 1933 г. 45, а в 1937 г. — уже 110 тыс. куб. м.

Для поставки комбинату сырья были организованы лесозаготовительные участки Козыревский, Среднекамчатский и Еловский. За первые семь лет работы (с 1929 по 1935 г.) они заготовили 300 557 куб. м деловой древесины. Доставкой леса до комбината занималась сплавная контора, перебросившая 160 243 куб. м. Видно, что количество заготовленной и сплавленной древесины сильно (на 140 314 куб. м) отличаются. По данным Камчатской комплексной экспедиции 1936 г., потери древесины при сплаве в отдельные годы достигали 48 %.

Справочник «Север Дальнего Востока» сообщал: «Эффективность лесного хозяйства снижают большие потери леса в процессе его рубки, транспортировки и обработки. При сплаве молевым способом они достигают 30–40 %». Б. А. Шамшин и Н. В. Казаков считают (2004), что ежегодные потери приближались к 30 000 куб. м. По самым скромным оценкам, за годы заготовки леса до 1989 г. они составили около миллиона кубометров!

В 1950 г. на Камчатке был образован трест «Камчатлес» с леспромхозами Камчатским (Щапино), Козыревским, Имени Лазо и Ключевским лесопромышленным комбинатом. С 1955 г. наблюдается резкий рост объёмов лесозаготовок. Если в 1950 г. вырублено 219, в 1960 г. — 468, то в 1970 г. — уже 571 тыс. куб.

В декабре 1952 г. КОИК приял решение № 404, запретившее молевой сплав леса по реке Камчатке, начиная с 1954 г. Тем не менее, он продолжался ещё несколько лет. Постепенно переходили на сплав в плотах. В это время потери древесины несколько уменьшились. Но, по словам капитанов, водивших плоты, потери всё равно достигали 20 % из-за малой воды, проводки плотов в осенний период и по другим причинам.

Транспортировкой плотов в 1970—1980-х гг. занимались Усть-Камчатский морской торговый порт, Усть-Камчатская лесоперевалочная база, Козыревский и Ключевской леспромхозы.

Проводились эксперименты по доставке леса. Так, в 1970-х гг. по предложению одного из приезжих инженеров в Козыревске собрали не привычные плоты, а «сигары» для доставки по морю в Петропавловск. Но из-за малой воды весь лес, заготовленный за зиму, был замыт рекой Камчаткой. Потери оценивались более чем в 25 000 кубометров.

Долина реки Камчатки — место, благоприятное для проживания значительной части населения полуострова. Сегодня на её берегах находятся 12 населённых пунктов. Из них крупные — Мильково, Атласово, Козыревск, Ключи, Усть-Камчатск. Важное место в экономике региона занимает сельское хозяйство. Здесь выращивают зерновые и огородные культуры.

О том, что долина реки была заселена давно, говорят многочисленные археологические памятники. Самое раннее поселение обнаружено в среднем течении реки на берегах ключевого Ушковского озера, некогда одного из крупных нерестилищ. По последним данным, возраст самой древней стоянки оценивается 13,3–12,5 тыс. лет (И. Ю. Понкратова, 2022). Население долины реки Камчатки в конце XVII в., ко времени прихода казаков, достигало 8–10 тыс. чел.

В. В. Атласов в своей «скаске» указывает: «А по Камчатке реке к морю посылал он, Володимер, казака для проведывания иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцов от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в двух юртах живёт людей человек по 200 и по 150, а летние юрты около острогов на столбах. У всякого человека своя юрта».

Судя по этой «скаске», на участке от реки Еловки до устья Камчатки обитали около 27 000 чел. На наш взгляд, эта цифра сильно завышена, так как учёт населения вёлся очень приблизительно. Скорее всего, здесь, принимая во внимание известные археологические памятники, численность населения не превышала 7 000 чел.

Река Камчатка русским была известна ещё задолго до похода Атласова в 1696—1699 гг. Историк Б. П. Полевой сообщает: «...с 1667 г. до конца XVII в. на тобольских, московских и некоторых голландских географических картах изображалась... река Камчатка, которая находилась на южном полуострове, получившем в середине 90-х гг. XVII в. такое же наименование». Он же указывает и дату первого упоминания реки Камчатки в русских письменных источниках: «Название реки “Камчатка”... возникло впервые не позже 1660-х гг.».

По версии Б. П. Полевого, первым из русских, достигших реки, был Иван Камчатый в 1660—1661 гг. Камчатый оставил сообщение о главной реке полуострова, где много соболя и рыбы, а по берегам живут иноземцы. Река, о которой рассказывал Камчатый, связывалась с его именем. В списке «Чертежей Сибирской земли», относящемся к 1672 г., уже имеется упоминание о реке Камчатке. Б. П. Полевой утверждал, что фамилия (прозвище) Камчатого произошла от «камчатки» — китайской шёлковой ткани.

В 1663 г. Стадухин доставил в Москву известие о реке Камчатке, впервые появившейся на «чертеже» тобольского воеводы Петра Годунова, составленном в 1684—1685 гг. На нём также изображены Камчатский полуостров и река Камчатка.

В. В. Атласов сообщал: «И на Кыгыл (современный Тигиль. — *В. Б.*) реке били челом великому государю, а ему Володимеру служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними идти на Камчатку реку и проведать подлинно, какие народы над Камчаткою рекою живут».

Член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов, исследуя вопрос истории русских географических открытий в Тихом океане, изучив первоисточники, указывает: «...Атласов сам отправился в поход на Камчатку и объясачил коряков в Акланском и Усть-Таловском острожках, а острожек на реке Чаныч (по С. П. Крашенинникову — Кануч. — *В. Б.*), впадающей в Камчатку, взял с бою, поставил крест с надписью...»

Впервые название реки на ительменском языке приводит Крашенинников: «Камчатка — река, которая по-камчатски Уйкоаль, то есть Большая река...» Крашенинников приводит разные написа-

ния значения слова *река*: северных и живущих от реки Воровской на север камчадалов — *киг*, южных — *кыга*, кроме того, среди ительменов можно встретить слово *кик*, например — *Ипукик*, *Кикчик* и прочие.

К. Дитмар указывает: «Харюзова река возникает путём слияния рек: текущей с севера Тулхан — Быстрая и текущей с юга Плахен, по-ительменски в данном случае — Большая река». Таким образом, получаются совершенно разные названия — Уйкоаль, Кыкша и Плахен с одним переводом на русский — Большая река.

«Большая» произносится по-ительменски как *плах*, *плаг*, *плак* (сообщено О. И. Химиченко). Ительмены никогда не называли реки именами людей или событий, а именовали их по особенностям. Например, просто река в разном произношении — Кихчик, Кигил (Тигиль), Колю, Кол. Вактан — «река, которую можно перейти вброд» (сообщено В. И. Успенской); Исхаладыч — «река, которая иногда пересыхает» (сообщено В. В. Рыжковым).

Составитель ительменско-русского словаря Б. И. Дыбовский отмечает у ительменов западного берега обозначение реки как *киг*, а в долине реки Камчатки — как *киг*, *кигид*.

Ительменское название *Уйкоаль* состоит из двух слов. *Уй*, *уай* можно перевести на русский как *деревья*, *древесина*. *Коаль*, *коль*, *кола* — река. Отсюда *Уйкоаль* — «река, в которой много сухих деревьев». Действительно, те, кто бывал на реке Камчатке, видел, что многие протоки буквально забиты смытыми стволами деревьев. Среди них много ветлы, ольхи, но встречаются берёза и лиственница. В. К. Арсеньев во время поездки по Камчатке в 1918 г. отмечал: «...Берега песчаные, подмываются водою, песок сыплется, а сверху нависли дерновины, как ковры. Деревья, подмытые водою, опрокидываются в реку и становятся опасны для плаваний, особенно в тех случаях, когда они не выглядывают из воды...»

Топонимы реки Камчатки имели исторические названия. Наиболее полно они представлены у С. П. Крашенинникова и участника экспедиции Ф. Рябушинского гидролога В. Н. Лебедева. Уже в начале XX в. происходят значительные преобразования названий того или иного объекта.

Доктор В. Н. Тюшов пишет: «...жителями, русскими и камчадалами, окрестных, по крайней мере, к Петропавловску селений, названия местам теперь даются благодаря какому-нибудь часто вовсе незначительному происшествию или по форме какого-нибудь наиболее заметного в данном месте предмета. Доказательством этого могут служить... “Японское”, “Степанова падь” в вершине левого

истока правой Каримчиной, названная так, потому что в одну из охот за баранами по этой пади, сорвавшись, скатился вниз один из охотников, называвшийся Степан... Местечко, называемое "Японским", — это ровное, довольно низменное место... Названо так потому будто бы, что когда-то везли из Большерецка японцев с разбившегося... японского судна, на этом месте проводившие их люди должны были переночевать».

В основополагающем труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» крупным рекам полуострова — Камчатке, Тигиле, Кыкше, Аваче — посвящены целые главы, причём глава о реке Кыкше называется «О Кыкше, или Большой реке». То есть, по Крашенинникову, на полуострове одни из самых больших рек назывались одинаково: первый вариант — Уйкоаль (Большая река), второй — Кыкша (снова Большая река).

Современный исследователь Т. В. Давыдова (2008) справедливо отмечает, что «проблема этимологизации гидронима *Камчатка* является самой сложной и дискуссионной проблемой в истории исследования топонимики полуострова». Далее она указывает: «...гидроним относится к субстратной лексике ительменского языка» (!), но делает вывод в духе устоявшихся стереотипов: «в настоящее время нам представляется наиболее убедительной и методологически верной этимология С. П. Крашенинникова».

В недавних публикациях, например, в «Топонимическом словаре коряков севера Тигильского района» (2020, с. 20) указывается: «Н. Н. Милгичил со слов Л. Н. Уревнэ рассказывала, что её прародители в свою бытность кочевали со стадами частных оленей по всей Камчатке, бывали и на юге полуострова. Название жителей Кам... — "кудрявоголовые, лохматоголовые люди". Слово *Кам*... по моему мнению, могло лечь в основу названия *Камчатка*».

Одну из первых карт реки привёл С. П. Крашенинников, на неё он нанёс названия притоков и других географических объектов, в том числе русских острогов и острожков ительменов. В 1846—1847 гг., через сто лет после Крашенинникова, следующую, более подробную полистовую карту составил И. Г. Вознесенский. В октябре 1847 г. он прошёл здесь. Путь начался в селении Малка, шёл до Ганалы, затем через Ганальскую тундру до Пущино, потом в Шеромы, от Верхнекамчатска через Мильково и Кирганик до Машуры, затем по пути Толбачикский острожек — Козыревск — Ушковский острожек — Крестовский острожек — село Ключевское. На карту Вознесенский нанёс надписи, вроде: «покосы местных жителей»,

«галечный берег»; привёл описание растительности по берегам, указал места впадения притоков и прочее.

В августе-сентябре 1882 г. по реке сплавился участник английской экспедиции — путешественник, натуралист Френсис Генри Хилл Гиллмард, позже опубликовавший схематическую карту реки в своей книге.

В 1909 г., независимо друг от друга, реку описывали участник экспедиции Рябушинского В. Н. Лебедев и инженер П. П. Крынин, подготовивший «Рекогносцировочный отчёт».

В советское время в связи с развитием рыбной и лесной промышленности состоялся ряд научных экспедиций. В 1928 г. работала экспедиция Совторгфлота, описавшая реку от её устья до селения Пущино, составившая отчёт «Обследование судоходной реки Камчатки». В нём указано, что в районе между Нижнекамчатском и Щапино «попадаются места коряжин, стоящих на мелях, есть целые деревья с корнями, упавшие с увалов во время обвалов последних. Некоторые корни лежат под водой, что требует особой внимательности рулевых, дабы не поломать винта...» В заключение отчёт сообщает: «Для безопасности плавания по реке Камчатке... ежегодно следует производить чистку фарватера от коряжин».

В 1961 г. началось комплексное проектирование транспортного освоения реки от Мильково до устья. В 1984 г. военный топографический отряд составил её лоцманскую карту на участке от Усть-Камчатска до Ключей.

На реке первоначально были расположены девять водомерных постов: Пущино (с 1 октября 1938 г.), Верхнекамчатск (с 8 июля 1931 г.), Долиновка (с 24 ноября 1936 г.), Береговое (с 9 марта 1937 г.), Козыревск (с 15 марта 1930 г.), урочище Большие Щёки (с 13 ноября 1940 г.), Нижнекамчатск (с 15 июня 1931 г.), Усть-Камчатск (с 1 января 1940 г.). Сегодня часть из них закрыта.

Река Камчатка — уникальный географический объект для развития водного туризма.

Автор надеется, что приведённые выше сведения позволят изменить представления о происхождении названия главной реки нашего полуострова.

Храмы камчатской долины

В самом конце XVII в. якутские казаки открыли сухопутный путь «в Камчатку». Колонизация открытой земли шла по известному сценарию: сначала шли казаки, где «огнём и мечом», где

«ласкою» призывавшие коренные народы «под высокую государеву руку». С первыми отрядами казаков шли и священники.

В. П. Маргаритов, побывавший на Камчатке в конце XIX в., сообщает: «Первая духовная миссия в Камчатку в 1705 г. в лице монаха Мартиниана, деятельность которого вылилась в основном в Успенской пустыни и крещении 100 душ камчадалов». Эту миссию направил известный церковный миссионер Филофей Лещинский.

В 1711 г. на Камчатке вспыхнул бунт казаков, в результате которого были убиты три камчатских приказчика, в том числе и открыватель Камчатки Владимир Атласов. Мартиниан принимал участие в бунте на стороне восставших. При разделе имущества убитых приказчиков он получил «шубу соболью лапчатую, да Петра Чирикова грабленых дворовых людей камчадальской породы некрещёных робят, иноземческим названием Щочко да Чистяк, да Володимера Отласова дворовую ж девку крещёную Настасью».

В 1711 г. упоминается священник Петров. Вместе с отрядом Колесова в 1712 г. на полуостров прибыл священник Бурцев, в 1722 г. — священник с отрядом приказчика Лосева.

После присоединения Камчатки сюда направляются казачьи отряды для сбора «ясаку». Вся административная и военная власть принадлежала казачьему приказчику. После сбора ясака в течение двух-трёх лет на смену находящемуся на полуострове отряду приходил другой. Казаки, проведшие на Камчатке несколько зим, должны были сопровождать «государеву казну» до Якутска через земли «немирных коряк».

В 1718 г. начинается миссионерская деятельность Ивана (Игнатия) Козыревского, основавшего пустынь вблизи Нижнекамчатского острога. Впоследствии, в 1730 г., И. Козыревский писал: «На Камчатке реке поставил я, нижайший, на свободном месте вновь молитвенный дом, часовню во имя Пресвятыя Богородицы и при той часовне для пребывания оных людей построил кельи своим коштом и положил в казну вашего императорского величества пожитку своего 31 сорок, 20 соболей, 100 лисиц красных, одну лисицу бурую, 12 бобров камчатских, одного кошлока в такую силу, чтоб пожалован был из казны вашего императорского величества книгами, колоколами, сосудами церковными и протчими церковными требами в оную пустыню и быть церкви во имя Успения Пресвятыя Богородицы».

Вслед за первой волной колонизации на новую землю назначалась военная администрация, взимавшая ясак, и служители церкви, на первых порах нёсшие новым подданным народам веру и грамоту.

В отношении первокрещённых камчадалов устанавливалась покровительственная политика: мужчины освобождались от ясака, дети обучались в школе, а женщины, принявшие христианство, выходили замуж за казаков. Вначале было постановлено давать всем крещёным камчадалам освобождение от ясачного платежа на десять лет, но последующим указом 1743 г. этот срок был сокращён до трёх лет.

В 1713 г. дворянин Иван Енисейский заложил на ключах, что у Горелой (Ключевской) сопки, первую на Камчатке Никольскую церковь, сожжённую при подавлении восстания ительменов летом 1731 г.

В 1728 г. на Камчатку направлен священник Ермолай Иванов, которому предписывалось: «В Верхнем, Нижнем и Большерецком острогах обращать иноверцев».

В декабре 1730 г. в докладе руководителя Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга в Сенат указывалось: «На Камчатке реке, при Нижнем остроге, имеетца одна церковь и монастырь зачинаетца, и на всей Камчатской земле токмо один поп, а при Верхнем и Большерецком острогах священников не имеетца, а тамошние жители, которые русские, весьма желают, чтоб при каждом остроге определён был священник».

В 1732—1741 гг., по официальным данным, окрещено всего лишь 878 душ.

В составе Второй Камчатской экспедиции находилось три священника. Участник экспедиции натуралист Г. В. Стеллер писал: «...в три месяца труба евангельская столь вострубила, что едва не все неверные от устья Большой реки даже до Кигил реки на 600 российских вёрст святым крещением крестились и к церкви приступили».

К 1740 г. на Камчатке имелось уже три церкви. А. С. Сгибнев отмечал: «В 1740 г. была доставлена в Камчатку церковная утварь для всех бывших тогда трёх церквей и присланы священники».

Протоиерей П. Громов уточняет: «...1740 году ...приплыл к Большерецку... иеродиакон Гавриил Притчин и привёз новопостроенным в Нижнем и Большерецком острогах церквей антиминсы (четырёхугольный льняной или шёлковый платок с изображением находящегося в гробу Иисуса Христа и четырёх евангелистов, с зашитыми по углам частицами мощей. — *В. Б.*), иконы, утварь, ризницу, книги и колокола».

На Камчатку была направлена вторая миссия под руководством игумена Филевского. Но сам игумен до полуострова не добрался. Как отмечал В. П. Маргаритов, «миссия Филевского завезла и препроводила далее по назначению необходимые принадлежности для

церквей и школ, которые и доставлены в Камчатку ссыльными новгородскими священниками, прибывшими сюда по собственному желанию».

Особую страницу в развитии православия на Камчатке сыграла миссия И. Хотунцевского. «Для содействия в проповеди священнослужения и крещения даны ему (Хотунцевскому. — *В. Б.*) в Москве два иеромонаха, Иосаф и Пахомий, а для письма и церковной прислуги — два церковника, из коих один назывался Стефан Никифоров. В Тобольске придано несколько монашествующих и священников. Для обучения камчадальских детей русской грамоте, часослову, псалтыри и катехизису даны из московской духовной академии пятеро учеников разных классов, студентами называемых: Ласточкин, Камшигин, Грязной, Логинов и Корчев. При миссии была библиотека из книг приличных: "Требник" Петра Могилы, "Кормчая", латинская Библия, в 1544 году в Лейпциге печатанная, с гравюрами... также другие латинские и французские книги, сверх того — рукописные трактаты философии и риторики. Миссия прибыла в Нижнекамчатск 8 сентября 1745 г.».

Один из результатов её деятельности: «до трёх тысяч душ крещёных инородцев, обращённых в христианство ссыльными новгородскими священниками... вины своей ради». Миссия, трудившаяся по 1750 г., способствовала строительству церквей «...в Верхнекамчатске, на реках Иче, Тигиле, Уке и близ реки Ключевской...»

Но уже к 1745 г., то есть ко времени прибытия миссии на полуостров, как сообщает в отчёте Синоду от 16 мая 1746 г. Хотунцевский, крещёных камчадалов числилось 6 067 чел. В первый же объезд полуострова членами миссии было окрещено ещё 1 045 чел. Покидая Камчатку в 1750 г., Хотунцевский сообщал Синоду, что «все камчадалы, кроме самых изменщиков-коряк, в дальности от Камчатки с места на место переезжающих, благодатью божью, святым крещением просвещены».

По сведениям 1766 г., числилось крещёных камчадалов 9 959 чел., то есть было окрещено не только всё взрослое население, но и дети.

Для обеспечения священниками всех камчатских церквей Хотунцевский в одном из донесений писал: «Не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод к здешним церквам, где ныне есть потребно и впредь будет нужно, определять в церковнослужители, то есть во дьячки и пономари, из обучающихся от нас детей русских и камчадалов, а таковых мы имеем довольное уже число, не гнусно чтением и пением церковные службы исполнять могущих».

В середине 1750-х гг. на Камчатке уже имелось восемь церквей.

Рассуждая о дальнейшей жизни в Камчатке, Хотунцевский в марте 1749 г. предлагал Синоду построить монастырь. «Прислать сюда персону, человека достойного и мудрого... Для житья его с причтом и для престарелых и сирот прибежища и для удобнейшего детей училища позволити ему вместо бывшей здесь разорённой пустыни, в угодном месте, каково при Нижнем Камчатском остроге зрится, построити монастырь во имя Живоначальныя Троицы и дать пастырское благословение в братство принимать и постригать людей свободных, например, камчадалов и русских...»

Далее он пишет: «...имеются в море, расстоянием трёх дней морского бегу от Камчатского устья, два пустыя острова (Командорские. — *В. Б.*), к промыслу морских зверей... Оные острова аще припишутся к монастырю во владение...» Через 150 лет это же предложение повторит и иеромонах Нестор.

После отъезда Хотунцевского с Камчатки миссия продолжилась под начальством иеромонаха Пахомия, ставшего управителем местного духовенства, независимо от якутского правления.

По сообщению А. С. Сгибнева, «6 января 1758 г. иеромонах Пахомий был посвящён в Иркутске в архимандриты и снова отправлен в Камчатку. С этого времени Камчатская духовная миссия получила название "Проповеднической свиты" и занималась распространением христианства преимущественно среди олюторцев. Весною 1762 г. Пахомий со своею свитою выехал из Камчатки, передав духовное управление священнику Никифорову. Из отчёта Пахомия видно, что христианское население в Камчатке в 1762 г. состояло из 8 922 душ обоего пола, из них 7 304 чел. инородцев и 1 618 чел. русских».

В конце 1760 г. Пахомий, уже в звании архимандрита, и его спутники, кроме пожелавших остаться на полуострове, уволены с наградами в распоряжение епархиального архиерея. Стефан Никифоров, возведённый в протопопа, «остался, наконец, управителем дел духовных, с оставлением при проповеди». Священники из рода Никифоровых продолжали службу в Нижнекамчатской церкви до конца 1920-х гг.

Служение церкви на Камчатке нередко было делом опасным. В разное время здесь погиб ряд священников. В 1717 г. Мартиниана задушили его же дворовые камчадалы, погибли священники Бурцев, Петров. Иеромонах «Флавиан с дьячком, пономарём, студентом и с 40 человеками следовавшими с ними служилыми убиты в пути»; «погиб в снегах Андриан Никифоров».

В ходе следствия по делу камчадальского бунта в 1746 г. был допрошен один из руководителей восстания Иван Лазуков. На вопросы: «Отправленный от камчатского архимандрита Иоасафа Хотунцевского во Анадырск иеромонах и при нём студент, дьячок и убиты ль и кем? И которая при нём отправлена была церковная утварь, где ныне имеется?» — ответил: «Оной иеромонах и при нём студент, дьячок и пономарь оленными коряками долу между Акланским и Анадырским на их кочевище, когда он их приехал крестить, убиты, а о церковной утвари, где она ныне имеется, не слыхал». Это событие произошло близ реки Егачи.

В 1766 г. численность населения, приписанного к камчатским церквям, отражена в донесении протопопа Никифорова в Иркутскую духовную консисторию: «Нижняго Камчатского острога при церкви Успения Пресвятыя Богородицы в приходе четыре камчадальския острожка расстоянием и вниз по реке Камчатке по 40 вёрст, а всего в две стороны на 80 вёрст, при ней приходских обывателей в пяти камчадальских острожках 1 033 обоего пола людей... Ключевская Троицкая церковь... при ней парохия вверх по Камчатке расстоянием 140 вёрст да чрез Еловку реку по укинскому берегу, до алюторских острожков 1 100 вёрст, при ней приходских обывателей в 20 камчадальских острожках 1 255 обоего пола людей. Верхняя Богоявленская церковь. При ней парохия вниз по Камчатке реке на 292 версты, а вверх по Камчатке ж реке на 160 вёрст, всего в две стороны 562 версты, при ней приходских обывателей в осьми камчадальских острожках 1 376 чел. обоего пола людей».

К 1812 г. на Камчатке имелись семь церквей — в городе Нижнекамчатске, Большерецком остроге, Верхнекамчатском остроге, Петропавловском порту, Тигильской крепости, Ключевском и Ичинском сёлах.

Строительство церкви в камчатском селении могло осуществиться только при наличии достаточного большого прихода, когда имелись необходимое количество рабочих рук и доход селян от охоты, могущий обеспечить приобретение убранства и содержание здания и священника. В других случаях церковь могла быть построена на пожертвования, но такие обычно возводили на границах проживания коренных народов Севера (селения Дранка, Лесновское). Здесь велась проповедническая работа. Крайне недоставало священнослужителей. Они, как правило, направлялись из России, большинство надолго не задерживалось. Встречались среди священников и местные жители, но они не имели той подготовки, какая была у приезжих.

В 1811 г. состоялось «высочайшее» распоряжение о создании комитета для выработки решений по преобразованию управления Камчатки и Охотского края. В состав комитета вошли председатель генерал-губернатор И. Б. Пестель, члены — Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, Г. И. Лангсдорф и Л. А. Гагемейстер. На следующий год, 9 апреля 1812 г., император Александр I утвердил новое «Положение о Камчатке», состоявшее из 90 пунктов. Один из них (89-й) гласил: «Священникам, кои при введении сего нового о Камчатке положения тамо оставлены будут, как и тем, кои впредь туда посылаться станут, пользоваться теми же выгодами, какие предоставляются начальнику оной... то есть: ежели они прослужат там пятилетний срок, согласно с ожиданиями правительства, учредят по части своей порядок сообразно наставлению, какое от духовного начальства дано им будет, и предоставят в том отчёт, подтверждённый местным начальством, в таком случае обращается им половина их жалования в пенсион по смерть. Если же останутся они в Камчатке и на другое пятилетие и прослужат оное с равным отличием, тогда получают в пенсион полное жалование».

В долине реки Камчатки в 1739 г. имелось 24 населённых пункта, в 1810 г. — 19, в 1895 г. — 17. Селения в XIX в. были малочисленными, здесь, как правило, жили 70–150 чел.

В 1833 г. император Николай I потребовал от церкви усиления миссионерской деятельности в Восточной Сибири. За 15 лет в Иркутской епархии было обращено в православие 20 тыс. чел. из числа коренных жителей. И. Вениаминов указывает, что во время его руководства Камчатской епархией было крещено 3 508 чел. Камчатская епархия была создана в 1840 г., после этого на полуострове начинается активное строительство церквей и часовен.

В конце XIX в. В. П. Маргаритов, описывая камчатские селения, отмечал: «Необходимую принадлежность каждого селения составляет часовня, которая всегда ставится особняком и делается из такого же материала, как и домы. Более убогой постройки молитвенного дома, как камчатская, едва ли можно встретить где-либо в Российской Империи, не говоря уже об архитектуре и отделке. Между ними можно указать такие, у которых вместо окон проделаны просто дыры, открываемые на время службы. Церквей по всей Камчатке только десять, остальные же селения в течение года пользуются по мере надобности приездами приходского священника, который исправляет необходимые требы».

В. И. Иохельсон в работе «Камчадалы» отмечал: «Часть из них (церквей. — *В. Б.*) выглядит очень бедно как изнутри, так и снаружи.

Многим церквям области необходима материальная помощь, особенно часовням, в которых служба отправляется только в те дни, когда их посещают священники. Камчадалы ещё помнят времена, когда нуждам и украшению церквей уделялось внимание, когда церкви были известны своим внутренним убранством, когда здесь были монастырские постройки и службе на Камчатке отдавали свою энергию просвещённые протоиереи... Имея намерение оказать помощь населению, я потребовал у руководства провинции попросить Священный Синод разделить между бедными камчатскими церквями священные чаши и другие предметы церковной утвари из богатых ризниц монастырей. Ещё до основания камчатской провинции было отправлено ходатайство учредить отдельную епархию на Камчатке и построить монастырь возле села Ключевского...»

В отчёте губернатора Камчатской области за 1911 г. в разделе «Религиозные нужды населения» указывалось: «К сожалению, при настоящем положении дел духовенство области едва ли может соответствовать требованиям этой высокой просветительной миссии. Достаточно сказать, что из десяти священников Петропавловского уезда только один (благочинный настоятель Петропавловского собора) с образовательным цензом духовной семинарии, а из остальных — восемь священников не кончили даже духовных училищ. Из указанных десяти священников четыре священника — из местных же инородцев, не получивших никакого образования, а дошедших до высокого звания иерея исключительно продолжительностью службы, начав таковую с псаломщика. Некоторые из них страдают присущей большинству инородцев слабостью — пристрастию к спиртным напиткам. Такой пастырь, конечно, не может пользоваться должным авторитетом и уважением среди своей паствы.

Главная причина этого печального явления — тяжёлая, полная лишений обстановка службы на севере вообще и совершенная материальная необеспеченность сельского духовенства в частности, зависящая от отсутствия на севере обычных приходских доходов и слишком ничтожного вознаграждения, получаемого от казны (священники получают в год казённого содержания 480 руб., псаломщики — 190 руб.).

Между тем священники, рано вступая в брак, в большинстве случаев бывают обременены значительными семьями. При таких условиях, конечно, весьма трудно найти достаточный контингент достойных духовных пастырей, которые согласились бы на подвижническое, можно сказать, служение в суровых условиях Охотско-Камчатской окраины, почему и приходится довольствоваться по-

луграмотными и малограмотными местными уроженцами. Ненормальность этого явления давно уже сознаётся, и ходатайство об улучшении материального положения камчатского духовенства было возбуждено одновременно с учреждением Камчатской области.

Православных храмов в области имеется 22 и часовен 44. С грустью надлежит отметить здесь, что большинство храмов, как по своему внешнему устройству, так и внутреннему благолепию, оставляют желать много лучшего.

Сильно нуждаются в материальной поддержке и многие сельские храмы области, особенно же часовни, где службы совершаются в дни приезда священников. По своему внешнему виду и убогому внутреннему убранству часовни эти во многих случаях совершенно не соответствуют высокому значению святой православной веры и требованиям церковного благолепия, особенно необходимого в стране инородцев, из которых многие ещё не просвещены светом православного христианского учения. Это тем более печально, что в памяти камчадалов ещё сохранились времена, когда на церковно-просветительные нужды Камчатки обращалось заботливое внимание, когда храмы ея отличались внутренним благолепием (в некоторых ещё и теперь сохранились ценные предметы церковной утвари), когда строились монастыри, и делу служения на Камчатке отдавали свои силы такие просвещенные архипастыри, как высокопросвещённый Иннокентий.

Должно признать, что местное население, миролюбивое и незлобивое по характеру, весьма религиозно и охотно даёт, что может, на нужды церкви, но средства его весьма ограничены, а благоустройство храмов при местных условиях сообщения, при трудности выписки и доставки, требует значительных расходов».

В «Обзоре Камчатской области за 1912 г.» указывалось: «Из 34 492 жителей области православных было 19 067 чел., язычников — 14 642 чел. В том числе лиц духовного звания числилось 154 чел. В Петропавловском уезде церквей восемь, часовен 35».

На это же время в долине реки Камчатки располагались четыре церкви — в Нижнекамчатске, Ключевском, Толбачике и Мильково. Часовен имелось 10 — в Усть-Камчатске, Камаках, Крестах, Ушках, Харчино, Еловке, Козыревске, Щапино, Машуре, Шаромах.

Представитель Верховного правителя России А. В. Колчака на Камчатке, управляющий областью Н. Н. Червлянский в «Кратком обзоре Камчатской области» за 1919 г. докладывал: «Церковное управление области сосредоточено в городе Петропавловске, где имеется епископская кафедра... После государственного переворота

(революции 1917 г. — *В. Б.*) и власти совдепа большинство церквей прекратило своё существование за бегством с Камчатки священников и обращения их к другим занятиям, прекратилась так же и миссионерская деятельность».

Историк М. П. Стельных в работе «Победа Великого Октября на Камчатке» писал по этому поводу: «Учитель-священник Пешков, проработавший в школе свыше 25 лет, в первые годы советской власти отказался от сана, а церковь предложил переделать под школу и клуб». Отказался от сана и священник из Ключей Н. С. Каргопольцев.

Вот один из документов того времени — заявление Тигильскому волревкому: «Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан, чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным, как все, гражданином. 31 мая 1925 г. Гражданин *Николай Александрович Мирошкин*» [ГАКК. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8. Л. 74].

Первым актом большевистского правительства, направленным на устранение религиозного влияния на общественную жизнь в Советской России, стал декрет от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Документ послужил основанием произвола на местах по отношению к церкви и её служителям. Но на Камчатке в связи с ним никаких действий не проводилось, так как здесь продолжалось гражданское противостояние между «белыми» и «красными». Так, в 1922 г. руководители военного совета Усть-Камчатского партизанского отряда направили письмо священнику Нижнекамчатской Успенской церкви, где, в частности, указывали: «Военный совет Усть-Камчатского добровольческого отряда стоит на страже защиты исконных прав трудового народа, далёк от вмешательства в дело церкви и подрыва дела религии...»

С 12 марта по 7 апреля 1920 г. в Петропавловске проходил 1-й чрезвычайный уездный съезд. Он тоже принял резолюцию об отделении церкви от государства и школы от церкви. В ней отмечалось: «...Разбивая цепи духовного рабства не только фактически, но юридически, постановили: 1. Отделить церковь от государства. 2. Всех священнослужителей лишить содержания за счёт государства. 3. Все священнослужители имеют право совершать богослужение и проповедовать истинные заветы Христа, но не нарушая идей социалистической морали как основного начала нравственной жизни всех новых людей в новом строящемся социалистическом обществе. 4. Все граждане имеют право свободно и открыто исповедовать ту

или иную религию с платой священнослужителям за свой счёт. 5. Поставить широкую проповедь социалистической морали путём лекций и распространения брошюр среди трудового народа».

В ноябре 1922 г. на Камчатке установилась советская власть. В. С. Флёров в работе «Строительство советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке» отмечал: «В 1923 г. на Камчатке было 50 церквей и часовен. К ноябрю 1924 г. семь церквей по просьбе населения были закрыты и переданы под школы и клубы. Камчатское губбюро РКП(б) в своём отчёте указывало, что «всё чаще и чаще поступают с мест сообщения о закрытии церквей, прося передать таковые под культурно-просветительные учреждения... В 1925 г. в губернии только восемь священников ещё продолжали вести службу. К ноябрю 1925 г. уже 16 церквей было передано под культурно-просветительные цели».

Несколько другие цифры приводятся в отчёте Камчатского губревкома за 1924—1925 гг.: «Закрыто и передано на культурно-просветительные и другие цели 12 церквей. Всего же по всей губернии имеется 33 церкви и 35 часовен. Всего передано в бесплатное пользование группам и обществам 13 молитвенных зданий — церквей и часовен, то есть на каждую группу или общество — одно здание. В 13 зарегистрированных обществах и группах состоит 1 257 чел.». Далее в отчёте указывалось: «Отношение населения к декрету об отделении церкви от государства самое хорошее. Декрет понят правильно, каких либо осложнений при проведении его в жизнь не встречалось. По изъятию церковного имущества никаких недоразумений как с духовенством, так и с населением не было».

В отчёте о состоянии и деятельности административного аппарата с 1 января 1927 г. по 1 января 1928 г. сообщается: «Всего по Камчатскому округу... имеется зарегистрированных девять групп верующих и 19 обществ, всего 28 религиозных объединений. Религиозные объединения все православные и объединяют 2 102 чел. верующих. Никаких конфликтов не было... Была произведена проверка переданного по договорам имущества. При проверке отмечено, что некоторыми религиозными объединениями не выполняются некоторые пункты договора, а именно: 1) не заведена инвентарная книга; 2) пожертвованные иконы не вносятся в опись и не сообщается об этом в окружной административный отдел, 3) наблюдаются случаи, что некоторыми обществами без разрешения представителей власти передаются иконы другим объединениям, но, в общем, больших нарушений... не отмечено. По всем недочётам даны соответствующие указания начальникам милиции об изжитии

религиозными объединениями отмеченных недостатков. Материальное положение как объединений, так и причта небольшое».

У нас нет точных данных о времени постройки каждой часовни в долине реки Камчатки, но, видимо, большинство из их первоначально появилось в 1850-х гг. И. Вениаминов в 1850 г. отмечал: «Часовен строением начато и заложено более десяти, все в Камчатке». О затраченных на это средствах он сообщал: «И все сии здания построены и строятся иждивением и усердием прихожан и без всякого особого пособия от казны. Церкви — с некоторым вознаграждением работающим из церковных сумм, а часовни — без всякого вознаграждения».

Ниже приводятся сведения о церквях и часовнях долины реки Камчатки.

Еловская часовня. Первая существовала в середине XIX в., последняя построена в 1896 г.

Камакская часовня Покрова Пресвятой Богородицы. В 1923 г. в ней находились: книги на различные службы за март, апрель, октябрь; «Книга деяний», «Апостол», часослов, деревянный аналой, столик в часовне, столик в алтаре, деревянное кресло, два жертвенника, подкнижник, шкапчик для книг, деревянный крест, кадило, 26 икон, медный подсвечник, три ризы, потир, осмигласник, Библия, подрясник, 10 лампадок, две хоругви, две занавески, чаша, Евангелие, два платка, два воздуха, звезда, трёхсвечник, тарелки оловянная и две серебряных.

При часовне имелась квадратного сечения колокольня размерами один аршин 11 вершков и высотой восемь аршин. На колокольне находились три колокола: в один пуд, в 30 и 15 фунтов. Была и сторожка длиной в три аршина и такой же ширины.

Имущество часовни сдал Василий Автономович Расторгуев, принял Константин Гаврилович Кузнецов. Приём-сдача прошли в присутствии комиссии под председательством И. П. Булкина при членах М. А. Расторгуеве и К. Я. Осьминине.

Ключевская Троицкая церковь. Селение Ключевское расположено на правом берегу реки Камчатки. Население в 1876 г. составляло 350 чел. Расстояние до Петропавловска — 622 версты.

В 1752 г. в нескольких верстах выше крестьянской заимки, на реке Ключевке была построена и освящена Троицкая церковь, сгоревшая в 1780 г. В начале 1800-х гг. сюда перенесли часовню из бывшего русского селения, находившегося рядом с камчадальским

острожком Машура. Следующую Ключевскую Троицкую церковь 26 января 1821 г. освятил протоиерей Никифоров, последняя была построена в 1862 г. Её изображение можно найти в книге В. П. Маргаритова «Камчатка и её обитатели», изданной в 1899 г. И. Вениаминов в путевом журнале отмечал: «Сделались лучшими крестьяне Ключевского селения. По удалению от них кабака они стали посещать церковь и прилежнее заниматься делами хозяйства». Здесь служба проходила до конца 1920-х гг., после чего её разобрали, а из материала соорудили склад и хозяйственные постройки, сохранившиеся до наших дней.

В страховых документах от 28 января 1912 г. церковь охарактеризована так:

«Деревянная из лиственничного леса, обшита тёсом и окрашена белой краской, покрыта тёсом, имеет одну главу, внутри обита дрелью, окрашенною белою краскою. Длина церкви, не считая колокольню, 11 саженей, ширина ея четыре с половиной сажени, высота две сажени до крыши. Церковь имеет девять больших окон с двойными рамами высотою три аршина, шириною полтора аршина и шесть малых окон; печей две: кирпичная и новая в железных коробах. Иконостас в церкви деревянный резной, местной работы, шириною четыре сажени, вышиною пять аршин, из четырёх ярусов. Стоимость иконостаса с иконами в нём, покрытыми серебрено-злащёными ризами, 1 000 руб. Стоимость церкви с иконостасом 3 000 руб. Колокольница деревянная, крыта тёсом, длина две с тремя четвертями саженей, ширина три сажени, высоты пять с половиной саженей. Построена в 1867 г. Стоимость ея без колоколов 300 руб.».

Кроме того, Ключевской церкви принадлежали: одноэтажный дом священника, «крытый корьём, шестистенный, внутри оббит обоями... окон 14 со двойными рамами, входных дверей две штуки с двумя срубными крыльцами, внутренних дверей створчатых шесть штук. Построен в 1890 г. Церковный амбар, второй амбар, амбар на дворе священника, второй амбар, третий амбар, баня, церковно-приходская школа, квартира (дом) для учителя, дом для псаломщика, дом для второго псаломщика».

На колокольне висел колокол с надписью «1761 года лит сей колокол в Верхнекамчатском остроге в церкви Богоявления Господня общего радения прикащика и казаков Василия Иванова Яцкова. Весу в нём 14 пуд».

При церкви была школа, построенная в 1909 г., она представляла собой одноэтажное деревянное здание с 14 окнами, железной крышей, отапливалась двумя кирпичными печками.

В начале XX в. в Ключевской церкви служил священник Михаил Ерохин. Он первым завёл пасеку из четырёх ульев, учил основам пчеловодства местных жителей. Матушка подавала хороший пример в разведении домашней птицы, свиней и разных огородных овощей.

18 мая 1923 г. по распоряжению Усть-Камчатского ревкома был составлен акт описи наличного имущества Ключевской Троицкой церкви. Ниже приводятся его фрагменты.

«Мы, нижеподписавшиеся, члены комиссии по приёмке Ключевской церкви имущества, следующие лица: председатель комиссии Иван Ксенофонтович Михайлов, члены Иннокентий Ксенофонтович, Яков Васильевич Ушаков и секретарь Владимир А. Григорьев, назначенные ключевским сельским собранием от 10-го мая 1923 года, составили настоящий акт о том, что мы, комиссия, сделала полную опись всего церковного имущества, каковую и прилагаем... Здали церковное имущество священник Николай Каргопольцев, псаломщик Иоанн Ушаков, церковный староста Василий Ушаков, члены Н. Юрьева, Пётр М. Ушаков, Димитрий Брагин...

Церковь из лиственничного леса длиною 11 саженей. Ширина четыре с половиною сажени, вышиною две сажени; под карниз. Крыша железная, стены окрашены белой краской снаружи, а также и окна. Пол окрашен жёлтой краской, стены внутри обтянуты миткалью и выкрашены голубой краской. 20 000 руб.

Особо выстроена колокольня из того же лесу, но по ветхости ея разобрана и вместо ея выстроена звонница. Ограда кругом церкви из лиственничного лесу, половина ея окрашена белой краской, длина ея 28 саженей и 9 саженей ширина. 900 руб.

Внутри храма: алтарь имеет престол с рачицею и с антиминсом, длина престола полтора аршина и вышина один аршин, вышины один аршин пять вершков. Жертвенник с рачицею длиною 14 вершков, ширины 14 вершков, вышины один аршин пять вершков...

Иконы (12 шт.): Господа Саваофа на полотне, 70 руб.; образ Спасителя на доске, медная ризница в киоте под стеклом, 5 руб.; образ Воскресения Христа на жести, 1 руб.; образ св. Николая на доске в медной ризе в киоте под стеклом, 5 руб.; образ Божьей Матери на доске в медной ризе в киоте под стеклом, 5 руб.; образ Св. Троицы на доске в серебряной позолоченной ризе с венчиком, 65 руб.; образ Моления о чаше Иисуса Христа на жести, 4 руб.; образ св. Иннокентия на доске по золотому грунту, 2 руб.; образ Спасителя под фольгой под стеклом, 2 руб.; образ Богородицы Казанской в медной ризе без стекла, 3 руб. 50 коп.; образ Божьей

Матери на доске в медной оправе, 1 руб. 50 коп.; Запрестольные: крест на жести в медной оправе, 20 руб.; образ Пресвятой Богородицы на жести, 20 руб.

...Перед алтарём иконостас простой работы из лиственничного леса, обведён багетом золочёным, имеет резьбу, окрашен красками, состоит из четырёх ярусов, 300 руб. Царские врата деревянные, золочёные, резные с подсеребренным голубым и золочёными лучами, 250 руб.

Иконы в первом ярусе (сверху) иконостаса: над царскими вратами — образ Распятия на полотне, 25 руб.; по правую сторону — образ св. апостолов Марка и Варфоломея на полотне, 15 руб.; образ св. пророка Ильи на полотне, 10 руб.; по левую сторону — образ св. апостолов Якова и Фомы на полотне, 15 руб.; образ Божьей Матери на полотне, 10 руб.

Иконы во втором ярусе (сверху) иконостаса: над царскими вратами — икона Тайной Вечери на полотне, по правую сторону — образ Вознесения Господа на полотне, 10 руб.; образ Рождества Христова на полотне, 10 руб.; образ Преображение Господне на полотне, 30 руб. По левую сторону — образ Успения Божьей Матери на полотне, 10 руб.; образ Рождества Пресвятой Богородицы на полотне, 10 руб.; образ Входа во храм Богородицы на полотне, 10 руб.; образ Божьей Матери на полотне и прочие, всего 57 икон.

Кроме них: хоругва на красном сукне с изображением Воскресения и крещения Исуса Христа по золотому грунту с накладными серебряными травами и оправой, 70 руб.; плащаница на бархате, вышита золочёнкой, круг обшит золотым позументом, 100 руб.; плащаница на светлой голубой тафте, 16 руб., плащаница на розовой шёлковой тафте, 8 руб. Евангелия разной величины, на сумму 159 руб. Напрестольные кресты: серебряный позолоченный с выбитыми изображениями, весу два и три четверти фунта, 150 руб.; серебряный под золотом с ликами на финифти, 70 руб.; крест медный с выбитым изображением, 12 руб.; серебряный, 10 руб.; медный, 10 руб.; серебряный новый, маленький и его же деревянный футляр, обит атласом и шёлком, без цены».

Перечислены священные сосуды: «Потир серебряный под золотом глад. работы. При нём дискос (блюдце с поддоном, на котором освящают часть просфоры во время обряда причащения. — *В. Б.*), звездица (она же звезда, две металлические дуги, соединённые в центре, ими прикрывается дискос. — *В. Б.*), две тарелочки и лжица, такой же доброты, весу три фунта, копьецо стальное. Ковшик серебряный под золотом, весу 24 золотника, цена 200 руб.; потир серебряный с особой решетчатою оболочкой под золотом,

при нём: дискос, звездица, две тарелочки, лжица, копьё; ковш весу два фунта 13 золотников, 100 руб.; серебряный потир 84-й пробы, вызолоченный снопом и виноградом, чеканной работы, украшен эмалью с художественными образами на перламутре, при нём: дискос, звездица, две тарелочки, ковш и копьё среднего размера, 275 руб.».

Кроме того, «воздухов и шестнадцать покровцев»; «воздухов и семь покровцев, цена не обозначена; литонов разной материи и цвету»; дарохранительница серебряная с позолотой, два ковчега серебряных, весу восемь фунтов, 150 руб.; дарохранительница напёрстная, серебряная, 50 руб.; крестильный ящик, 3 руб.; панихидница серебряная с изображением распятия» и прочее имущество.

Деньги, находившиеся в шкафу церковного старосты: 101 руб. 40 коп., 21 иена 40 сен, медных мелких — 5 руб. 80 коп. «При вскрытии кружки на украшение храма оказалось: иенами — 4-60, русских серебром — 4, медью — 1-20. При вскрытии общей кружки за печатью старосты церкви и настоятеля оказалось: русских крупных серебряных 10 руб., золотом — 5 руб., русских мелких серебром — 6 руб., медью — 6 коп., иенами — 2. Имеется всего на сумму 161 руб. 46 коп. Старых денег имеется: керенских — 25 000 руб., романовских — 4 627 руб., марками — 35 руб., мелких бумажных романовских — 5 руб., купонных — 40-20, буферных — 30-05, заём Свободы — 400, Ушковской часовни романовских — 30 руб. Итого 30 167 руб. 25 коп.».

«Дом, находящийся под квартирой священника, при нём есть две голонки (печи-голландки. — *В. Б.*), одна русская печь, одна плита, и все плохие, и один малый чугунный камин церковный, хороший. Один дом находится под квартирой у псаломщика, при нём одна голондка и один камбус железный. Один дом находится под квартирой учительницы, имеется одна русская печь, плохая. При доме священника находится три амбара, одна стая и одна баня. При доме учительницы находится один амбар и одна стая. При церкви находится один амбар... Два духовных покоса, пять огородов, из них два для картофеля и три для мелких овощей».

С 1923 г. ОГПУ проводило политику запугивания священнослужителей. Ключевской священник Н. Каргопольцев, имевший большую семью, опасавшийся за будущее детей, отказался от духовного звания. Его сын М. Н. Каргопольцев вспоминал: «Отец был последним священником в Троицкой церкви. В эти годы устанавливалась советская власть. Вскоре отца арестовали и увезли в Усть-Камчатск. Там его вынудили написать в районную газету статью о том, что бога нет и всё это обман людей. После этого отца отпустили».

В 1930 г. Троицкую церковь в Ключах закрыли. Куда же делось её имущество? По рассказам старожилов, часть его вывез на материк один из переселенцев. По данным дела «Автономная Камчатка», другая часть утвари была спрятана «церковниками» в одном из озёр в окрестностях Ключей.

После закрытия церкви вплоть до конца 1970-х гг. верующие собирались по домам и совершали молебны. Роль священника в 1970-х гг. выполнял местный житель Никифор Удачин. В силу изменений, произошедших в стране в 1980—1990-х гг., стало возможным вновь открыть церковь. 10 марта 1992 г. состоялось общее собрание верующих, где была организована православная община, всего в ней насчитывалось 26 чел. Община официально зарегистрирована 28 октября 1992 г.

13 декабря 1994 г. постановлением главы администрации города Ключи здание кинотеатра «Дружба» на улице Кирова, 130 безвозмездно передано религиозному объединению православных христиан «Церковь Рождества Богородицы». Первым настоятелем вновь открывшегося храма стал священник Иоанн Балицкий, ранее работавший в исполнительном аппарате Совета народных депутатов Усть-Камчатского района. После его перевода в город Елизово настоятелем храма стал уроженец Усть-Камчатска священник Дмитрий Бакуров. Его прадед Савинский был одним из служителей Усть-Камчатской Никольской часовни в начале 1920-х гг.

Время всё расставляет на свои места...

Козыревская часовня. В 1850 г. И. Вениаминов отмечал: «В Машуровском и Козыревском селениях начаты строением часовни... И все сии здания построены и строятся иждивением и усердием прихожан и без всякого особого пособия от казны. Церкви — с некоторым вознаграждением работающим из церковных сумм, а часовни — без всякого вознаграждения».

Часовня в Козыревске построена в 1886 г., названа во имя святого Иннокентия Иркутского. В ней вместо колокола висела серебряная тарелка. В неё били гвоздём. Эта тарелка с 1711 г. исполняла роль колокола вначале в Камчатской пустыни, расположенной на Ключах, затем была передана в Козыревск, где и находилась до 1910 г. Козыревчане относились к приходу Ключевской Троицкой церкви, здесь службу совершал священник из Ключей. В связи с переносом в конце XIX в. селения на нынешнее место была построена новая часовня, к настоящему времени её здание не сохранилось. Часовня стояла выше селения на современной улице

Советской, рядом находилось сельское кладбище. Сейчас на этом месте стоят дома и разбиты огороды.

По декрету об отделении церкви от государства 30 мая 1923 г. всё имущество часовни было передано обществу верующих: «Мы, нижеподписавшиеся, общество верующих, приняли, согласно описи, от комиссии селькома имущество Козыревской часовни. Сдали: председатель комитета Морковин, члены: Виноградов, К. М. Чуркин. Приняли: общество верующих, З. Штильников, А. Кречетов, Чуркин, С. Засухин».

Имущество включало: собственно часовню с оградой, колокольню с двумя колоколами, «из них один трезвончик», иконостас с 25 иконами, две хоругви, паникадило, два висячих подсвечника, два больших и три малых подсвечника, пять висячих лампад, кадило, два аналоя, четыре больших свечи и три фунта мелких свеч, девять служебных книг. Кроме этого, позолоченную чашу, звездицу, Евангелие с золотой оправой, четыре больших ковра и один малый, семисвечник, две ризы, деревянный жертвенник, деревянную купель, голландскую печь, денежную медную кружку, восемь бутылок деревянного масла. Наличных денег насчитывалось 28 иен, серебром 1 иена 45 сен, русским серебром 8 руб. 25 коп., медных — 50 коп., итого 38 руб. 20 коп.

После передачи часовни обществу верующих она просуществовала недолго и была закрыта.

Вновь Козыревская часовня во имя св. Иннокентия открылась в апреле 2000 г. Вот что год спустя вспоминала об этом событии жительница посёлка Н. Г. Кравченко: «Мой папа — Гловацкий Георгий Николаевич — приехал на Камчатку в 1930-е гг. для обслуживания культурного фронта Дальнего Востока. Он строил кинотеатр “Родина” в Петропавловске, в настоящее время в этом здании храм Святителя Николая. У нас в семье было четверо детей. В городе была организована самодеятельность, построен драмтеатр. Папа работал директором театра, мама была актрисой. В 1948 г. мы уехали в Хабаровск. Там отец работал директором театра.

В Козыревске я с 1985 г., работала заведующей клубом леспромхоза, после этого — в детсаде музыкальным руководителем. В 1996 г. я крестилась в Петропавловске. В посёлке Козыревск сначала появились баптисты, потом молодой священник, отец Владислав. Мы служили литургию в кинотеатре, клубе, затем в музыкальном зале детсада.

Батюшка венчал, служил молебны, панихиды. Стали искать дом под храм. Мне нравился один домик на берегу реки Камчатки,

и я мечтала: “Вот бы здесь церковь устроить!” Это был домик для встреч, там собирались компании, шли застолья, люди весело проводили время.

В 2000 г. этот дом подарили нашей общине под церковь. Кто-то пожертвовал шторы, собрали мебель, посуду и прочее. Стали собираться в нём, молиться. Отец Владислав освятил этот домик под церковь 13 апреля 2000 г. Он предложил назвать новый храм в честь Святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. И с тех пор стали проводить в нём богослужения, я сама была организатором общины».

Крестовская часовня Благовещения Пресвятой Богородицы построена в 1888 г. В 1923 г. была проведена опись церковного имущества, по которой оказалось: «Часовня; 60 икон разных бумажных и медных; пять лампад, две больших и три маленьких; два подсвечника, один большой и один маленький; одна пара хоругви из холста, одно кадило медное, семь штук книг разных, священное облачение — одна риза, одно Евангелие, один крест тунакаковый, одна чаша святого причащения, один колокол весом один пуд два фунта, один амбар».

Машурская часовня во имя св. апостолов Петра и Павла. В ней находился колокол с надписью: «1763 года лит сей колокол к вновь построенной часовне святых Апостолов Петра и Павла собранием камчадал тайоном Петром. Казёным весом три пуда». В конце 1920-х гг. Машуры стали переносить на новое место вверх по реке Камчатке, где было основано селение Долиновка. Здесь часовни уже не было.

Мильковская Богоявленская церковь. Село Мильково было основано крестьянами-переселенцами в 1741 г. в устье реки Мильковой (Имчерек). 23 декабря 1746 г. в Верхнекамчатске Иосаф Хотунцевский освятил первый в этих местах храм. Впоследствии он неоднократно переносился из-за разливов реки Камчатки. После перевода административного центра из Верхнекамчатска в Большерецк и затем в Нижнекамчатск, селение Верхнекамчатск пришло в упадок. Поэтому и было решено перенести церковь в Мильково. Священный Синод выделил на её возведение 1 250 руб. Первая Мильковская церковь была освящена протоиереем Никифоровым 13 января 1823 г.

Новая церковь строилась медленно. И. Вениаминов, побывавший в Мильково в ходе поездки по Камчатке в 1846—1847 гг., отмечал: «Мильковские крестьяне не могли кончить построение

своей церкви, которая в первое моё путешествие была наполовину готова». В путевом журнале за 1850 г. он отметил: «Церковь здесь новая, освящённая в 1849 г. Но так как она по разным обстоятельствам, а более по нерадению строителя, строилась почти ровно десять лет и, несмотря на то, что она построена из лиственничного леса, нельзя полагать, чтобы она простояла долее прежней, ибо в некоторых местах заметна дряблость. В новой церкви иконостас новый, выписанный из Москвы на сумму, собранную от доброхотных дателей».

В 1861 г., в ходе очередной поездки, И. Вениаминов отметил: «Пред обедом осматривал архив и ризницу и просматривал приходорасходные книги. Всё найдено в добром порядке, и деньги все налицо. Священнику дана грамота на набедренник».

В 1912 г. церковь считалась «десятого благочинного округа Петропавловского уезда Владивостокской епархии».

По данным В. К. Арсеньева, посетившего Мильково в 1918 г., «эта церковь выстроена 37 лет назад. Построена из лиственничного леса. Вид небольшой церкви, чистенькой, новенькой. Жители строили её на свои средства. Крыта американским гонтом».

Имущество церкви было описано 22 мая 1932 г. Общий вес предметов, содержавших драгоценные металлы, составил 11 кг 545 г. В их число входили три потира, звездица с гробиком, трёхсвечник, три креста, кадило с крышкой, три дискоса, три пары крестообразных дуг, четыре ложки, дарохранительница, две винные чашки, три Евангелия и две иконы. Всё описанное и конфискованное церковное имущество отправлено в областной финансовый отдел.

Последним священником Мильковской церкви был Павел Михайлович Ворошилов, арестованный органами ОГПУ. Он был осуждён, посмертно реабилитирован. После закрытия церкви служба проводилась в частных домах.

17 февраля 1995 г. была вновь освящена Мильковская Богоявленская церковь, расположившаяся в сохранившемся здании. Настоятелем храма стал отец Николай.

Нижнекамчатская Успенская церковь. В 1736 г. под руководством Якутского полка майора Василия Мерлина в устье реки Радуги был построен новый Нижнекамчатский острог с башней «о четырёх жильях», а на следующий год возведена двухпридельная Успенская церковь, освящённая только 15 июня 1741 г. священником Ермолаем Ивановым. Сюда острог был перенесён после восстания ительменов в 1731 г., когда был сожжён прежний Нижнекамчатский острог у Горелой (Ключевской) сопки.

С. П. Крашенинников указывает на наличие в крепости церкви во имя Успения Пресвятыя Богородицы с приделом Николая Чудотворца. Позже в остроге сооружена вторая церковь. В 1773 г. камчатский командир капитан Т. Шмалев писал: «Крепость деревянная, в коей строения церковь Успения Пресвятыя Богородицы... За крепостью церковь же Николая Чудотворца...»

Успенская церковь просуществовала 59 лет. Кроме неё, в остроге был и приходской Никольский храм. В 1787 г. Камчатку посетил знаменитый французский мореплаватель Лаперуз, пославший во Францию донесение с вице-консулом Лессепсом. Путь гонца проходил через Нижнекамчатск, о котором впоследствии он вспоминал: «В Нижнекамчатске две церкви, одна в городе, и имеет две колокольни, а другая в крепости городской».

Новый Нижнекамчатский храм был построен при городничем Крылове, освящён 12 ноября 1796 г. протоиереем Стефаном Никифоровым.

Род Никифоровых вошёл в историю полуострова. Н. С. Никифоров родился в 1745 г., его отец Стефан Никифоров, сын священника села Семеркина Дмитровского уезда Московской губернии Никифора Иванова. После окончания Греко-Латинской академии Стефан входил в состав Камчатской духовной миссии. Он был священником в Нижнекамчатске, Петропавловском соборе, проводил большую миссионерскую работу. 17 апреля 1761 г. Святейший Синод решил: «Священнику Стефану Никифорову быть управителем камчатского духовенства с производством его в протопопа». В жалование ему положены 400 руб. и «хлебная дача».

Стефан Никифоров был женат на Ирине, дочери известного на Севере и Камчатке священника Ермолая Иванова. С. Никифоров умер в возрасте 83 лет, похоронен в Нижнекамчатске, в то время духовном центре полуострова.

Никифор Никифоров тоже прожил долгую жизнь, в возрасте 83 лет выведен за штат, умер в возрасте 92 лет, похоронен рядом со своим отцом.

Другой сын Стефана — Михаил, 1757 г. р., служил дьячком в Нижнекамчатской церкви. У Михаила и его жены Матрёны Кузьминичны были сыновья Андриан, Капитон, Платон и Ермолай, дочери Евдокия и Анна. Впоследствии Андриан (1778 г. р.) стал священником и безвестно погиб в камчатских снегах. Особенностью его службы были долгие разъезды по всему полуострову.

Племянник Никифора — Иона Петров Никифоров, 1806 г. р., свою жизнь тоже посвятил служению. Он был священником в разных

церквях, после вывода за штат жил в Нижнекамчатске, умер в конце 1890-х гг. Его дети — Пётр Ионов, 1854 г. р., и Глафира, 1852 г. р. Пётр был псаломщиком, а затем священником в Нижнекамчатской церкви. Сын Петра Ионовича — Пётр Петрович Никифоров, 1891 г. р., служил дьячком в Нижнекамчатской церкви, его фотография имеется в книге о. Нестора.

У Глафиры Ионовны в 1886 г. родился сын Лев Петрович, у него в 1915 г. — сын Яков. Яков Львович в советское время занимал административные должности в Нижнекамчатске. У Якова Львовича и его жены Валентины Степановны Колесниковой было девять детей, наших современников — Галина, Фаина, Светлана, Альбина, Лидия, Ольга, Александр, Владимир, Геннадий.

И. Вениаминов, в 1846 г. совершавший поездку по Камчатке, отметил: «Церковь деревянная, прочная, собранная из двух церквей, существовавших здесь до 1827 г., проповеднической Успенской и приходской Николаевской. Утвари ризницы и образов в серебряных ризах очень много, так что всего серебра в ризах и утвари до пяти пудов; и в этом отношении она есть первая из всех камчатских и прочих в Камчатской епархии находящихся церквей...»

Об иконостасе Нижнекамчатской церкви, устроенном протоиереем Стефаном, сообщает протоиерей П. Громов: «Среди многострадальных огорчений поставлял свою отраду в деле благоукрашения Нижнекамчатского Успенского храма, начатом им с самого вступления в обязанности протоиерейские и продолженном до самой его кончины. Промышленники, выходящие в море из устья реки Камчатки и принимавшие напутственно благословение от Нижнекамчатской Успенской церкви, в эту церковь делали по возвращении с промыслов преимущественные вклады. Это дало возможность протоиерею Стефану выписать из Иркутска новый для Успенской церкви приличный иконостас, обогатить её многоценною утварью и пять местных икон длиною в один аршин (аршин равен 71,12 см. — *В. Б.*) 11 вершков (вершок равен 4,44 см. — *В. Б.*) и шириною в 14 вершков каждая обложить серебрёными и позлащёнными полновесными (во всех весу один пуд, шесть и три четверти фунта) ризами изящной работы московской».

Бывший на Камчатке в 1909 г. инженер П. Крынин, видимо, изложил бытовавшую здесь легенду о подарке церкви иконостаса: «...в селении Нижнекамчатском иконостас старинного письма в тяжёлых серебряных кованых ризах, пожертвованный Екатериной Великой».

Иеромонах Нестор сообщал, что «церковь в Нижнекамчатске хотя очень маленькая, но по внутренней отделке лучшая из всех

камчатских церквей, в смысле древлецерковном. В этой церкви на горнем месте находится образ Успения Божией Матери, присланный в благословение первой камчатской Успенской пустыни в 1717 г. от Киево-Печерской лавры. Образ этот в чеканной серебряной ризе и с вырезанной надписью».

Весенние паводки и изменение русла реки Радуги заставили местных жителей разобрать Успенскую и Никольскую церкви и из двух построить на возвышенности, на другом берегу реки Радуги, куда впоследствии переселились жители, одну новую. Последняя Успенская церковь в Нижнекамчатске была построена в 1865 г., в несколько изменённом виде она восстановлена в 1993 г.

При церкви имелся архив, сохранявший документы с XVIII в. Так, в «Приходно-расходной книге» имелась следующая запись: «Принято от купца Петра Казаринова привезённой из Москвы церковной утвари, купленной на посланные в 1747 г. с купцом Поповым прикладные бобры».

1 февраля 1912 г. благочинным камчатских церквей протоиереем Даниилом Шерстенниковым в присутствии священника Геронтия Коллегова, псаломщика Петра Никифорова и исполняющего должность псаломщика Николая Сновидова проведена страховая оценка строений, принадлежащих Успенской Нижнекамчатской церкви: «Церковь деревянная из лиственничного лесу... обшита тёсом и окрашена масляной краской... внутри обтянута материей — дрелью... Больших окон восемь штук, дверей наружных — две штуки, дверей внутренних — три штуки, иконостас длиною девять аршин, высотою пять аршин с четырьмя иконами в серебреноzłащёных ризах. Церковь отапливается одною кирпичною печью. Оценка здания церкви вместе с иконостасом — 3 800 руб.

Колокольня стоит отдельно от церкви на расстоянии четырёх сажен, в два яруса, деревянная, крыта тёсом, высотою 15 аршин, шириною четыре с четвертью аршина, длиною семь аршин. Стоимость колокольни 300 руб.».

Кроме собственно церкви и колокольни, в состав церковных строений входили две кладовые, дом для священника, построенный в 1912 г., амбар, церковноприходская школа, дом для псаломщика, баня.

21 мая 1923 г. по требованию Усть-Камчатского райревкома, описано церковное имущество: «Церковь во имя Успения Божьей Матери, построена в 1865 г. тщением прихожан и частью на церковную сумму. Построена сия церковь из лиственничного дерева, размер с папертью: длина 19 аршин три дюйма (дюйм равен

2,54 см. — *В. Б.*), ширина в середине храма 10,5, вышина 11 аршин, имеет вид осьмиугольника, двуглавая.

Снаружи обшита тёсом, крыша ея на два ската, тоже тесовая. Вся церковь снаружи окрашена масляной краской, входные двери одна с накрылечка в паперть. Кругом церкви обнесена ограда, построенная в 1923 г.

Опись алтаря. Алтарь внутри: длина шесть аршин, шириной семь аршин и три четверти. Внутри алтаря три окна, размер которых: вышина — аршин и 13,5 вершков, ширина — один аршин один вершок. Пол в алтаре окрашен масляной краской, потолок обтянут серой миткалью. Особых пристроек нет.

Антиминс: 1) выданный Евсевием, архиепископом Владивостокским и Камчатским, в 1899 г. мая 18-го дня, а получен в 1903 г., 2) подвижной антиминс, выдан архиереем Курильским в 1865 г. июня 1-го дня.

Престол: длина престола один аршин семь вершков, ширина один аршин четыре вершка, вышина один аршин пять с половиной вершков. Устроен прихожанами в 1865 г.

Жертвенник: длина его 15 вершков, ширина таковая же, вышина один аршин пять с половиной вершков. Устроен прихожанами в 1865 г.

Горное место: имеет длины два аршина и четверть, ширину один аршин и две четверти.

Запрестольный крест и икона: запрестольный крест и икона металлическая на деревянных ручках, вставлена в деревянные тумбы, окрашенные голубой краской. Пожертвованы в 1904 г. семейством Георгия С. Сновидова, ценою в 70 руб.

Иконы у жертвенника: у жертвенника икона Божьей Матери Владимирская на доске в киоте с деревянной ручкой. Длина иконы одна четверть и три вершка, ширина шесть с половиной вершков. Тут же образ св. Антония и Феодосия Печерских в серебряной ризе с позолотою, длиною две четверти аршина с вершком, ширина одна четверть и три вершка, цена образа 42 руб. 65 коп. Пожертвована неизвестно кем.

Иконы другие в алтаре: на горном месте икона Господа, писана на полотне, в киоте без стекла. Киот деревянный, простой работы, покрашен коричневой краской, длина его один аршин и четверть вершка, ширина один аршин с четвертью. Выписана на церковную сумму 35 руб. в 1915 г.

По правую сторону горного места крест деревянный с распятием Господа. То же на правой стороне — икона Воскресения

Христова на доске длиною семь дюймов, ширина шесть вершков. Цена иконы 8 руб.

Тут же образ пророка и предтечи Иоанна на деке длиною один аршин с половиной, ширина один аршин.

На южной стене алтаря икона Николая Чудотворца в ризе и киоте под стеклом. Пожертвована в 1904 г. от братьев Николая и Ивана Савинских. Цена иконы 5 руб.

На северной стене алтаря икона Божьей Матери в серебряной ризе и киоте под стеклом. Пожертвована в 1914 г. Екатериной Колмаковой, цена ея 10 руб.

Икона Успения Божьей Матери в серебряной позолоченной ризе. Пожертвована от детей купца Бушуева. Цена 10 руб.

Иконостас: устроен из лиственничного дерева, имеет вид прямой стены с шестью колоннами старинной резьбы и верхним карнизом. Окрашен голубой краской. Живопись вырезанная, окрашена масляной краской. Размер его: вышина три аршина 15 вершков, ширина... с дверями и царскими вратами девять аршин и девять вершков.

Царские врата: деревянные, старинной резьбы, позолочены, на них помещены: в середине иконы Божьей Матери, Благовещения, а по углам — чётырех евангелистов. Южные двери с изображением на деке архидиакона Лаврентия, длина иконы полтора аршина, ширина 25 дюймов. Северные двери с изображением на деке архидиакона Стефана, длина иконы пол-аршина, ширина 25 дюймов.

Наместныя иконы: по правую сторону царских врат образ Спасителя на деке, риза серебряная с позолотью, длина образа один аршин с четвертью, ширина на 25 дюймов. Цена его 97 руб. 29 коп. на церковную сумму.

По левую сторону царских врат — образ Божьей Матери на деке, риза серебряная с позолотью, длина его один аршин с четвертью, ширина 25 дюймов. Цена 97 руб. 29 коп. на церковную сумму.

На правом клиросе — образ Успения Божьей Матери на деке, риза серебряная с позолотью (над ликом Спасителя венца нет), длина его один аршин с четвертью, ширина 25 дюймов. Цена 97 руб. 29 коп. на церковную сумму.

На левом клиросе — образ Дмитрия Ростовского Чудотворца на деке, риза серебряная, позолочена. Длина его аршин с четвертью, ширина 25 дюймов. Цена 97 руб. 29 коп. на церковную сумму.

Остальные иконы: над царскими вратами икона Тайной Вечери на деке в круге. Над месным образом Спасителя — икона Благовещения и Введения во храм Богородицы, на деке в круге. Над месным

образом Божьей Матери — икона Успения и Рождества Богородицы, на деке в круге.

Над месным образом на левом клиросе — икона Вознесения Господня и Рождества Христова, на деке в круге. Над месным образом на правом клиросе — икона Воздвижения креста Господня и Сретения Господня на деке в круге.

Над южными дверями — икона Вход Господа в Иерусалим и Св. Троица, на деке в круге. Над северными дверями икона Крещения и Преображения Господа.

Ниже образа Спасителя — икона Встреча Иисуса с самарянкой на деке в круге. Ниже образа Казанской Божьей Матери икона... Иакова... (не читается. — *В. Б.*) на деке в круге. На правом клиросе ниже образа Успения Богородицы — икона "Савл, Савл, что сия гонти" на деке в круге. На левом клиросе ниже образа Дмитрия — икона св. Дмитрия, говорящего с раскольниками, на деке в круге. На южных дверях ниже иконы архидиакона Лаврентия — икона его страданий, на деке в круге. На северных дверях ниже иконы архидиакона Стефана — икона его страданий на деке в круге.

Навесные иконы: на правой колонне царских врат — икона Спасителя на доске в серебряной ризе, длина четверть аршина, ширина шесть дюймов. На левой колонне царских врат — икона Божьей Матери на доске в серебряной ризе, длиной четверть аршина, шириной шесть дюймов.

Иконы в храме: за правым клиросом — образ Знамения Пресвятой Богородицы на доске в серебряной ризе с позолотою, длина один аршин три вершка, ширина один аршин один дюйм. Цена образа 271 руб. 51 коп. Пожертвована томским мещанином Василием Степановичем Кузнецовым.

За левым клиросом — образ св. Николая на доске, риза серебряная с позолотою, длина образа один аршин и один дюйм. Цена образа 293 руб. 88 коп. Пожертвована им же, Кузнецовым.

На южной стене храма помещена икона Образ Успения Богородицы, на доске в серебряной ризе под золотью. Длина полтора аршина, ширина две четверти. Цена его 43 руб. 42 коп. Пожертвована неизвестно кем.

Икона Усекновения главы Иоанна Предтечи, писанная на жести; длина пять вершков, ширина четыре вершка, цена 85 коп. Куплена на церковную сумму.

Образ св. Николая Чудотворца, писан на жести: длина шесть вершков, ширина пять вершков. Цена 4 руб., куплен на церковные суммы.

На северной стене храма за левым клиросом — икона Великомученицы Варвары, писана на жести; длина семь вершков, ширина шесть вершков. Цена иконы 1 руб. 60 коп., купленная на церковную сумму. Там же икона св. мученицы Екатерины на доске. Длина два вершка, ширина полтора вершка, цена 25 коп. Пожертвована митрополитом Палладием в 1894 г.

Там же икона св. Феодосия, писанная на жести, длина семь вершков, ширина шесть вершков. Цена 1,5 руб., куплена на церковную сумму.

Притвор храма имеет длину три аршина 14 вершков, вышину четыре аршина. Пол окрашен масляной краской, потолок обтянут миткалью, стены оклеены обоями.

Иконы, находящиеся в притворе: на правой колонне — образ св. Николая на доске в серебряной ризе. Длина один аршин 10 вершков, ширина полтора аршина. Цена 162 руб. 74 коп. Пожертвована Василием Степановичем Кузнецовым.

На левой колонне — образ св. Димитрия на доске в серебряной ризе. Длина один аршин 10 вершков, ширина полтора аршина. Цена 162 руб. 74 коп. Пожертвована Василием Степановичем Кузнецовым.

На южной стене притвора — икона Чудотворца на доске в серебряной позолоченной ризе, длина 10 вершков, ширина восемь вершков. Цена 62 руб. 71 коп.

На северной стене притвора — образ св. Иннокентия, писанная на жести; длина шесть вершков, ширина пять вершков, цена 2 руб. 50 коп. Пожертвована Владимиром Корякиным.

Между колонами наверху — образ св. апостолов Петра и Павла, писанная на жести, длина пять вершков, ширина четыре вершка. Цена 1 руб. Пожертвована священником Геронтием Коллеговым.

Над входными дверями с притвором — икона св. Пантелеимона в киоте под стеклом, длина пять вершков, ширина четыре вершка. Пожертвована солдатом Павлом Бакаловым.

В притворе на правой стороне — свечная конторка старосты: длина 14 вершков, ширина один аршин два вершка, вышина один аршин шесть вершков. Окрашена масляной краской, устроена прихожанами.

По левую сторону от входа — шкаф для ризницы, длина один аршин, ширина два аршина шесть вершков, вышина три аршина. Окрашена масляной краской. Устроена прихожанами.

Западная стена притвора по левую сторону от входа дверей имеет отверстия для провода печи из сторожки. Сторожка длиной

четыре аршина, шириной два с половиной аршина, вышина три аршина четыре вершка. Одно окно, вышина один аршин семь вершков, ширина три четверти аршина.

Паперть церкви — длина четыре аршина, ширина четыре аршина, вышина три аршина и вершок, стены обтянуты миткалью. На правой стене окно, вышина один аршин девять с половиной вершков, ширина 14 вершков.

Над дверьми помещена икона Спасителя на доске... цена 50 коп. По правую сторону притворных дверей — икона св. Иннокентия на холсте, длина один аршин, ширина три четверти аршина, цена 50 коп.

Колокольня устроена прихожанами из лиственничного дерева в 1908 г., крытая тёсом, одноглавая, длина ея шесть аршин 15 вершков, ширина шесть аршин 10 вершков, вышина 11,5 аршин. Двери колокольни вышиною два аршина два вершка, шириною один аршин один вершок.

Колокола: первый весом 40 пудов, цена 914 руб. 29 коп.; второй весом 23 пуда, цена 502 руб. 86 коп.; третий весом пять пудов; четвёртый весом два пуда 20 фунтов; оба колокола ценою 34 руб. 28 коп.; пятый весом один пуд, цена 14 руб. Все пять колоколов какого завода, неизвестно».

Убранство создавалось в течение всего времени существования церкви, прихожане жертвовали на неё по случаю личных событий. Здесь был один из самых богатых на Востоке России иконостасов. Церковная утварь собиралась во время бурного освоения русскими промышленниками Северной Америки и Алеутских островов. После плаваний они делали посильные вклады. Эта традиция была продолжена в XIX и начале XX в. прихожанами. Сегодня мы можем привести список из 79 жертвователей по состоянию на май 1923 г.:

Семейство Георгия С. Сновидова в 1904 г. преподнесло запрестольный крест и икону.

Братья Николай и Иван Савинские в 1904 г. — икону «Николай Чудотворец в ризе».

Екатерина Колмакова в 1914 г. — икону Божьей Матери в серебряной ризе.

Дети купца Бушуева — икону Успения Божьей Матери в серебряной ризе.

Томский мещанин Василий Степанович Кузнецов — «образ знамения Пресвятой Богородицы на доске в серебряной ризе с позолотью; он же — «образ св. Николая на доске, риза серебряная с позолотью».

Митрополит Палладий — икону св. великомученицы Екатерины.

Василий Степанович Кузнецов — иконы св. Николая и Димитрия, тоже в серебряных ризах.

Владимир Корякин — образ св. Иннокентия.

Священник Геронтий Коллегов — образ св. апостолов Петра и Павла.

Солдат Павел Бакалов — икону св. Пантелеимона «в киоте под стеклом».

Хирсан Петров в 1913 г. — два медных подсвечника.

Алексей Петров в 1912 г. — подсвечник «У Голгофы, медный».

Василий Греченин в 1912 г. — трёхсвечник пасхальный.

Василий Кузнецов — медное двухрядное паникадило, четыре лампады «большие медные»; он же — «дарохранительница напрестольная (небольшой церковный сосуд, ковчег для хранения освящённого хлеба, необходимого для обряда причащения. — *В. Б.*), серебряная, позолочена, в нижнем ставе обложена кругом четырьмя камнями и четырьмя евангелистами, из коих два евангелиста спаяны в среднем ставе; ковчежец для св. даров, кругом его четыре ангела, держащих в руках по рапиде и три магдалины: по середине над ковчежцем висит голубь серебряный, в третьем ставе четыре ангела, из коих один укреплён проволокой» и «кадило серебряное чеканной работы».

Бакалов в 1902 г. — «лампочку медную с тремя стеклянными вставками и со стаканчиком».

Анна Помазкина — «лампочку медную».

Иона М. Снофидов в 1910 г. — «белого атласа крест из жёлтого позумента, подклад белого коленкора».

Геронтий Коллегов в 1909 г. — «голубого атласа, кругом обшит лентою полужёлтого цвета крест»; он же в 1904 г. — «бумажной материи крест из белой ленты, подкладь из белого коленкора».

Крестьянин Платон Тарабыкин — «облачение жертвенника шёлковой материи голубого цвета. Верх белый миткали, крест белой ленты, подкладь белой миткали».

Геронтий Коллегов в 1890 г. — «рипсового жёлтого цвета крест, из цветной ленты подкладки».

Псаломщик Платон Никифоров — «красного травчатого атласа крест, голубой ленты верх, сатиновой подкладки розового коленкора».

Парасковья Тарабыкина — «тёмно-коричневый шёлковый крест жёлто-коричневый ленты, подшит белой миткалью».

Евдокия Сновидова в 1910 г. — крест «тёмно-зелёной шерстяной материи».

Василий Сновидов в 1899 г. — крест «тёмно-красного цвета шерстяной материи».

Константин Портнягин — «белой насыпной парчи крест тёмного цвета, подкладь миткалевая».

Пётр Никифоров в 1911 г. — «красного травчатого атласа крест тёмной ленты, подкладь коричневого коленкору».

Анна Помаскина — «тёмно-голубого цвета крест на зелёной ленте, подкладь белой миткалью».

Василий Сновидов в 1901 г. — «шерстяной материи коричневого цвета крест голубой ленты, подкладь коленкоровая».

Николай Копылов в 1907 г. — «тёмно-зелёного цвета крест коричневой ленты, подкладь тёмного коленкора».

Евдокия Косыгина в 1904 г. — «шёлковой материи малинового цвета: крест с голубой лентою».

Константин Расторгуев в 1911 г. — «шерстяной материи зелёного цвета крест зёленой нити, подкладь белой миткали».

Геронтий Коллегов в 1904 г. — «красного шёлку с нашивными цветами и крестом; кругом обложен серебреной мишурою».

Гаврила Подпругин в 1907 г. — «жёлтой парчи крест тёмной сетки, кругом обшиты серебреной мишурой».

Иеромонах Нестор в 1912 г. — «жёлтой парчи с цветами крест золотой сетки, кругом обложен мишурой, подкладь голубой материи».

Фёдор Щегорин в 1908 г. — «белого шёлка с вишнёвыми цветами и крестом, кругом обложен узкою тёмно-коричневой лентой и белой обшивкой».

Николай Савинский в 1907 г. — «красного атласа по углам и крест, вышиты чёрными нитками, кругом обложен серебреной мишурой, подкладь белого коленкору».

Николай Сновидов в 1908 г. — «красного атласа, вышиты цветами, кругом обложен позументом, крест в серебреной сетке».

Фёдор Щегорин — «тёмно-синего цвету плису, вышит цветами, и крест тоже кругом обложен серебреной мишурой».

Антип Савинский в 1893 г. — «тёмно-синие цветы с травами и кистями, подкладь тёмного коленкора».

Геронтий Коллегов в 1900 г. — «шерстяной материи зелёного цвета крест розовый ленты».

Ольга Подпругина в 1907 г. — «шёлковой коричневой материи крест, алой ленты, низ, обшитый жёлтой обшивкой».

Василий Кузнецов в 1817 г. — «риза золотой парчи с серебреными шёлковыми травами, оплечья, тканные серебром и золотом, с изображением иконы Успения Божьей Матери, крест и кустодия,

тканные серебром, обложены кругом позументом под фольгою, подкладь тёмного коленкору».

Фёдор Щегорин в 1904 г. — «белой шелковой материи оплечья, обложены кругом такой же лентой, вышитой жёлтым нитками, крест... подклады белой миткали».

Гаврила Подпругин в 1907 г. — «риза светло-жёлтой парчи с зелёно-белыми цветами, оплечья таковые же, обложена кругом светло-жёлтым позументом крест и кустодия серебряной сетки, подкладь белой миткали».

Василий Сновидов в 1911 г. — «икона двунадесятых праздников в киоте под стеклом на жести».

Пётр Никифоров в 1913 г. — «пара хоругв на красном сукне, вызолочены в середине изображения...»

Пётр Дмитриевич Кияниченко в 1916 г. — «плащаница на атласном подкладе и изображение Христа по концам, обшита бахромой, надпись тропаре».

Николай Гусев в 1911 г. — ковёр тканевый на холсте, «середина зелёная с цветами».

Геронтий Коллегов в 1912 г. — «ковёр зелёной тканой нити».

Дмитрий Греченин — «ковёр японского изделия с цветками».

Александра Онохова в 1883 г. — «шёлковая шаль свинцового цвета с белыми и голубыми полосами».

Глафира Никифорова в 1902 г. — «шёлковая шаль тёмного цвета с белыми цветами, крест голубой ленты».

Аграфена Сновидова в 1915 г. — «тёмно-коричневого цвета с пятью крестами розовой ленты».

Георгий Сновидов и Елена Расторгуева — шёлковые шали.

Ольга Савинская в 1904 г. — «розового цвета по углам», видимо, тоже шаль.

Августа Белозерова в 1904 г. — «бледно-розового цвета».

Семья Помазкиных — «тёмного цвета с четырьмя кистями».

Жертвовались и платки:

Захар Петрович Греченин — «розового цвета с шитыми разными кругом травами».

Андрей Греченин в 1913 г. — «малинового цвета с таковыми же цветами, крест голубой ленты».

Прасковья Гусева в 1911 г. — «светло-жёлтого цвета с такими же беловатыми цветами».

Мария Расторгуева в 1914 г. — «бледно-жёлтого цвета».

Константин Косыгин в 1911 г. — белого цвета.

Анна Савинская в 1905 г. — кофейного цвета.

Ольга Коллегова — «бумажный платок с разными цветами».

Мария Косыгина — чёрного цвета с белыми крестами.

Мария Помазкина — тёмного цвета, «крест жёлтой ленты».

Яков Портнягин — «тёмного полосатого цвета, крест тёмной ленты».

Подаренные в разное время «покрывала аналойные»:

Анной Помазкиной в 1904 г. — «белого толку крест и облоуска (?) алой ленты».

Августой Белозоровой — «к нём покрывало из белой шерстяной клетки».

Феоктистой Сновидовой в 1912 г. — «чёрной шёлковой материи с таковыми же цветами, крест белой ленты».

Анастасией Сновидовой в 1912 г. — «жёлтой из сетной парчи с цветами, крест золотниточной сетки».

Николаем Копыловым в 1907 г. — «бледно-голубого цвета бумажной материи, крест коричневый ленты».

В церковных библиотеках хранилось множество ценной литературы, духовной и исторической. Так, в Нижнекамчатской церкви к 1923 г. имелись следующие издания: библии на русском и славянском языках, «Жизнь и труды св. апостола Павла», «Беседы и нравоучения апостольские св. Иоанна Златоустого», три книги «Беседы Григория Назианфина», три «Поучения Евангельские», несколько Евангелий, «Требник», две книги «История с библейских времён до XVIII в.», «Училище благочестия», «Прибавление к творениям св. отцов», три книги «Собрание поучительных слов», «Слово о священстве», семь книг «Христианское чтение», «Богослужебные каноны», три псалтыри на русском языке, «Краткая священная история», «Беседа о догматах Православной церкви», журнал «Церковные ведомости» за 1888—1914 гг. в числе 773 экземпляров.

Имелись журналы «Воскресное чтение», а также «Камчатские епархиальные ведомости» за 1889, 1894—1898 гг., всего 158 штук; «Иркутские епархиальные ведомости» за 1871—1874, 1883—1886 гг., всего 410 экземпляров; «Владивостокские епархиальные ведомости» с 1904 по 1917 г., 222 экземпляра и ещё «одна пачка». Были представлены «Ведомости Благовещенской епархии» с 1901 по 1903 г. и несколько пачек «Церковных ведомостей, издаваемых при Священном Синоде» в 1915—1918 гг.

Библиотека располагала «Православным собеседником» за 10 месяцев 1858 г., «Руководством для сельских пастырей» в трёх томах, изданным в 1873 г., семью проповедями, 12 разными духовными сочинениями «о говении по уставу Православной церкви», тремя

книгами «медицинского содержания», двумя пачками «Устава духовных консисторий» для бесплатной раздачи, семью приходскими книгами, семью «Историческими описаниями Руси и ея крещения», десятком «Бесед пастыря», «Руководством к производству дознания по церковному уставу», семью книгами разного духовного содержания.

Хранились и «Приходское чтение», каталог для выписки разных вещей, 12 кратких молитвословов, два жития святых, пачка «Миссионерских воззваний», пачка «Восточного благовестия», 71 богослужебная книга, 17 проповедей, богослужебный устав. Имелся и «Реэстр исходных бумаг» с 1899 по 1923 г., ведомости к приходно-расходным книгам с 1906 по 1921 г. и даже некая «Летопись церкви с 1908 г. по 1916 г. писана».

В Нижнекамчатской церкви несколько десятилетий, вплоть до закрытия, служил священник Геронтий Васильевич Коллегов. Кроме жителей Камчатки, здесь крестились иностранные подданные. Так, 11 января 1922 г. были крещены два японца — Накаки, получивший имя Андрей, и Судзуки, ставший Василием.

По словам уроженки Нижнекамчатска Е. К. Родионовой (Портнягиной), в 1930-х гг. колокольню разобрали, из её материала соорудили пристройку к школе. В церковном здании в разное время размещались детские ясли, клуб, гараж. Здание сохранялось вплоть до 1990-х гг. После закрытия в 1968 г. Нижнекамчатска и перемещения жителей в другие населённые пункты церковь стояла заброшенной. Иногда её использовали как гараж. Постепенно здание разрушалось, доски из обшивки рыбаки и туристы использовали для отопления.

Неоднократно краеведы, сотрудники областного краеведческого музея, жители Усть-Камчатска ставили вопрос о восстановлении церкви как памятника истории. И наконец такое решение было принято областным управлением культуры. Подготовительные работы начаты в 1990 г. 2 октября 1990 г. в Нижнекамчатск завезли первую партию брёвен и 23 июня 1991 г. приступили к разборке кровли шатра. Работы не были окончены в полном объёме согласно проекту. В ходе ремонта церкви от него имелись отступления. Не был изготовлен иконостас, не построена колокольня. Тем не менее, 12 августа 1993 г. прошло освящение. В этот день крестились многие устькамчатцы.

Толбачикская Покровская церковь. В 1856 г. в селение построена часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Здесь имелся колокол с надписью: «1765 года лит сей колокол к часовне Апостолов

Петра и Павла. Весу в нём 1 пуд 26 фунтов». Видимо, его первоначально отливали для Машуровской часовни.

В 1904 г. в Толбачике возвели четвёртую в долине реки Камчатки церковь. До этого они имелись только в сёлах Мильково, Нижнекамчатске и Ключевском. «Здание церкви и ограда сооружены трудами жителей селения Толбачик».

«Здание Толбачикской Покровской церкви — деревянное, из лиственничного леса. Длиной 21 аршин 14 вершков, шириной восемь аршин семь с половиною вершков, высота до крыши восемь аршин и два вершка». Церковь была увенчана тремя главами с восьмиконечными крестами, колокольня сооружена над притвором и достигала в высоту 11 аршин 15 вершков. На колокольне с четырьмя слуховыми окнами имелись три колокола. Первый, весом 1 пуд 22 фунта, был отлит на заводе Оловянникова в Ярославле, второй в 21 $^{3}/_{9}$ фунта — на том же заводе, третий в 29 $^{3}/_{4}$ фунта — «место литья неизвестно».

Церковь обнесли решётчатой деревянной оградой. С западной стороны сделали решётчатые двухстворчатые ворота с полукруглым, увенчанным крестом верхом, окрашенные белой масляной краской. Размер алтаря — пять аршин 13 вершков в ширину, пять аршин девять вершков в длину и три аршина семь с половиной вершков в высоту. Стены и потолок внутри обиты серой миткалью и окрашены белой масляной краской. Иконостас простой местной работы из тополёвого леса, вверху карниз из позолоченного багета в три вершка ширины. Царские врата местной работы, резные в клетку, с белыми по углам звёздами, окрашены синей и белой масляной краской.

В иконостасе 13 икон, в том числе: Спасителя, Божьей Матери, св. апостола Петра, св. апостола Павла, св. Евангелистов (в царских вратах, писанная на цинке масляной краской), Тайная вечеря (в багетной раме), Господа Саваофа (на полотне в багетной раме, писана масляными красками, пожертвована А. Ф. Слободчиковым).

Усть-Камчатская часовня во имя св. Николая Чудотворца. Первую православную часовню в устье реки Камчатки построили осенью 1731 г. В 1850-х гг., когда Усть-Камчатск именовался Усть-Приморским и представлял собой казачье поселение из полутора десятков домов, в селе имелась небольшая часовня. Служил в ней священник из Нижнекамчатска.

После окончания русско-японской войны центр дальневосточной рыбной промышленности переместился на Камчатку. Жизнь небольшого камчадальского селения резко изменилась. Летом на путину в устье реки Камчатки приезжали до 1 000 чел. Возникла

потребность обращения в церковь, тем более что даже некоторые японские рабочие решили принять православие.

Одновременно в Усть-Камчатск прибывали первые переселенцы из Приамурья, Иркутской области, Европейской России. С ростом населения начинается строительство новой церкви. Это отметил П. Ю. Шмидт, в 1908—1909 гг. руководитель зоологического отдела экспедиции Императорского РГО. Другой участник экспедиции, гидролог В. Н. Лебедев, указывал, что 16 июля 1908 г. он взял с берега у селения пеленги. В их числе такой: «Новая Усть-Камчатская церковь, 258,5 градуса».

На схеме устья реки Камчатки, составленной Управлением портовых изысканий Тихого океана в 1912 г., в селении обозначены 29 жилых домов и церковь. О ней упоминает и газета «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» в 1921 г.: «...Усть-Камчатск, состоящий из 50 убогих деревянных домиков, церкви, школы и нескольких частных лавок».

По воспоминаниям старожила Усть-Камчатска В. И. Гранина, «...церковь была новая, рубленая, крытая деревянной черепицей, полы крашенные жёлтой охрой, окна узкие...» Жительница посёлка А. Портнягина свидетельствовала: «Церковь была белая, ставни жёлтые, в церкви была печь». Она располагалась на южной окраине селения, прихожан созывал на службу довольно большой колокол весом 10 пудов и 11 фунтов.

Ежегодно отмечается один из самых почитаемых на Руси праздников — Николая Чудотворца, 9 мая — Никола Весенний и 6 декабря — Никола Зимний. Николай Чудотворец является покровителем всех моряков и тех, кто живёт у моря. «Никола на море спасает», а Усть-Камчатск тесно связан с морем, поэтому не удивительно, что и храм здесь — Никольский.

2 мая 1923 г. проведена опись церковного имущества и составлен следующий акт: «Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по изъятию церковных архивов из Усть-Камчатской (Никольской) церкви в составе председателя И. Буянова, члена комиссии А. Аникнёнок в присутствии представителя ОКИ т. Черникова, церковного старосты Н. В. Савинского, Алексея Савинского и Дмитрия Савинского, на основании предписания райревкома долины реки Камчатки от 28 апреля с. г. за № 512 приступили к описи дел и документов, хранящихся в архиве, причем оказалось в наличии:

1. Зашнурованная тетрадь описи Усть-Приморской Николаевской часовни, выданная Нижнекамчатским приходом от 5.09.1883 за № 139 на 46 листах, из них использовано шесть листов.

2. Приходно-расходная тетрадь, выданная священником Нижнекамчатской церкви 30 декабря 1906 г., на 28 листах, из них использовано 18 листов.

3. Разные расписки, не разнесённые по приходно-расходной тетради, за 1921—22—23 годы».

2 февраля 1924 г. с местной жительницей Верой Казачук обвенчался один из первых районных руководителей — Пантелей Бодров.

В 1929 г. к Усть-Камчатску «приписывается» священник Р. П. Ощепьев. Его арестовали 15 июля 1931 г.

Видимо, часовню в Усть-Камчатске закрыли в самом начале 1930-х гг. Областная газета «Полярная звезда» в № 66 от 22 августа 1930 г. поместила заметку «Не могут добиться»: «Антирелигиозная пропаганда совсем не ведётся, до сих пор молодёжь пока не сумела добиться постановления от общества верующих о закрытии и передаче церкви под культурные нужды. Устькамчатцы, обратите внимание на маленькое село Харчино, где уже давно церковь передали под культурные нужды! *Безбожник*».

Ушковская часовня была построена в 1860 г. Ниже мы приводим переписку между Ушковским сельским ревкомом и Усть-Камчатским райревкомом, её касающуюся:

17 ноября 1923 г. «Ушковскому сельревкому. При сем препровождается квитанция за № 58/316-а в получении от вас изъятого церковного капитала в сумме два руб. (2 руб.) золотом. Делопроизводитель *В. Бужинский*».

17 ноября 1923 г. «Ушковскому селькому. На ваш № 171. Церковному имуществу сделать опись, и само имущество, впредь до разъяснения вопроса передачи его группе верующих, должно быть оставлено в часовне под ответственность селькома за его целость и сохранность. Завотуправ *Семёнов*. Делопроизводитель *Бужинский*».

23 ноября 1923 г. «Райревкому. Ушковский сельский народный революционный комитет. Просим вас выслать расписку на деньги, высланные 2.10.23 г. за № 173, и ответ на отношение № 171. *Председькома*».

2 декабря 1923 г. «Усть-Камчатскому революционному комитету. Ушковский сельком. Доводим до сведения, что Ушковское общество верующих отказалось от принятия часовни и всех церковных принадлежностей, а также от подписки договора. Просим сообщить, как поступить с часовным имуществом. При сем прилагаем: 1) сведения, форма № 1, 1 экземпляр, 2) сведения, форма № 2, 1 экземпляр, 3) акт, 1 экземпляр. Председькома *К. Ощепков*».

«Форма № 1. Сведения о регистрации групп верующих Ушковского селения на 1 октября 1923 г.

Православного вероисповедания мужчин: 18–25 лет — 2, 25–30 лет — 2, 30–40 лет — 3, свыше 40 лет — 9; женщин... 28 чел. Председкома *К. Ощепков*».

«Форма № 2. Сведения о капиталах и сборах бывшего Ведомства православного исповедания, сданных в кассу Ушковского селькома: 1. Медной мелочи — 1 руб. 41 коп. 2. Мелкого серебра — 3 руб. 80 коп. 3. Керенских — 3 250 руб. 4. Мелких знаков романовских — 4 руб. 40 коп. 5. Сибирских знаков — 161 руб. 6. Заём Свободы — 250 руб. 7. Романовских — 281 руб. 50 коп. 8. Расписок на 22 руб. 15 коп. 3 октября 1923 г.».

«Акт. 9 октября 1923 г., сел. Усть-Камчатск. Мы, нижеподписавшиеся, зампредрайревкома ДРК и казначей райревкома составили настоящий акт в нижеследующем: 9 октября на имя Усть-Камчатского райревкома получен был от Ушковского сельревкома за № 173 пакет... с восковой печатью. Пакет был разорван. По осмотре такового оказалось следующее: денег — кредиток романовских, керенских, сибирских и займа Свободы на сумму 3 946 руб. 90 коп. и разменного русского серебра на 3 руб. 80 коп., медью 1 руб. 41 коп. Ввиду того, что вышеуказанные кредитные билеты в сумме 3 946 руб. 90 коп. не представляют никакой ценности, постановили: уничтожить таковые через сожжение, а серебро и медь в сумме 5 руб. 21 коп. заприходовать по кассе. О чём и составлен настоящий акт».

«Опись часовенного имущества селения Ушки. Присутствовали при описи: председатель комиссии Е. Жировиков, Ф. Ф. Бойков за секретаря комиссии, секретарь селькома Г. Г. Ощепков за председателя селькома Кречетова Ф. В. Опись состоялась 31 мая 1923 г.

Один молитвенный дом, то есть часовня. Размер в длину 12 аршин восемь вершков, в ширину семь аршин, три четверти, в вышину четыре аршина четыре вершка.

Две ризы со всем облачением: одна новая, одна старая. Один сосуд для причащения под золотью. Один атиминс шёлковый. Один крест под золотью. Одна книга Евангелие под золотью. Три полушали шёлковые старые, 16 икон медных, 37 икон бумажных. Один трёхсвечник медный...

По сей описи принял Ушковский сельревком. За председателя селькома *Ф. Кречетов*, секретарь *Г. Ощепков*. Сдаёт Ушковский сельревком по описи православным гражданам Ушков. Приняли сих опис. православные граждане и уполномоченные их от селения Ушки

Тимофей Кречетов, *Димитрий Кречетов* и за их неграмотностью и за себя расписались».

Харчинская часовня, построена в 1874 г. При ней по состоянию на 23 мая 1923 г. имелись: три колокола (первый весил один пуд, второй — три фунта, третий — один фунт), 16 икон, 30 бумажных икон, два креста, сосуд для причастия, две ризы, четыре больших и девять малых лампад, Евангелие, 13 богослужебных книг, хоругвь, три аналоя, два выносных подсвечника, два маленьких подсвечника, кадило, две табуретки, столик, чайник, кофейник, три дорожки для постилки на пол, кружка для жертвований, тарелка, поднос, фунт свечей, две пилы, уровень, два ружья-централки, печь, две метёлки, стол, столовый нож. Денег — 12 руб., 6 иен, 6 руб. серебром. Опись этого имущества произвели В. Ушаков, Т. Баженов и М. Кречетов.

Здание Харчинской часовни сохранялось вплоть до упразднения села в конце 1950-х гг. Как рассказывали нам старожилы, после закрытия часовни местные жители в нескольких километрах от села соорудили землянку, где тайно проводили службы.

Шаромская часовня во имя св. Иннокентия построена в 1850 г. В дневнике И. Вениаминова находим такое сообщение за этот год: «14 (августа. — *В. Б.*) Шеромское, где... недавно выстроена часовня, и потому и здесь совершены... молебен, поучение и благословение иконою».

О том, как разрушали эту часовню, вспоминал пришлый учитель А. М. Копытин: «После большой разъяснительной работы с населением села Шаромы, к весне 1929 г. решился вопрос о ликвидации часовни. Сельчане согласились отдать часовню в распоряжение комсомольской организации села. Залез я на крышу часовни, а остальные комсомольцы колеблются: а вдруг что-нибудь случится? Новое прививается с трудом. Ученики мои, и те куда-то попрятались. Один Филарет Атласов около часовни был. Рубанул я топором, а крест из лиственницы как стальной. Звенит топор и отскакивает. Ударил я несколько раз. Видит народ — никакого чуда не случилось: гром не грянул, молния не сверкнула и меня с крыши не сбросило. Вышел тут комсомолец Афанасий Зимин. Попросил я его пилу принести. Залез он на крышу, и спилили мы с ним самый большой крест, а два других поменьше комсомольцы с пионерами спилили. Небольшое, конечно, это дело — крест спилить, но в то время, после трёхсот с лишним лет царствования Романовых да церковников, это была громадная победа. Убедилось население, что никакой сверхъестественной силы нет».

Щапинская часовня. В 1911 г. сгорела со всем имуществом. В 1914 г. построена новая, длиной 24 и шириной девять аршин. Она сохранялась вплоть до 1960-х гг. В 1923 г. в часовне находились: «один престол, один сосуд... престольный крест деревянный своей работы, три подсвечника медные, один жертвенник деревянный... один сундук маленький, деревянный, оббитый жестью; 16 лампадок маленьких медных, семь икон в алтаре, две занавески коленкоровые, три ковра маленьких на холсте, одно кадило медное, один подсвечник маленький, медный...» Также имелись «43 иконы старые, две хоругви клеёнчатые; два шкафа деревянные, один большой, другой маленький; один чайник медный, одна чашка эмалированная, две дорожки тиковые, семь книг разных, два колокола маленьких, одна купель деревянная».

Особенности православия на Камчатке в советское время (1922—1991 гг.)

С 3 по 17 июля 2006 г. в долине реки Камчатки под руководством автора работала краеведческая экспедиция, снаряженная на средства Камчатской православной епархии. В экспедиции принимала участие Е. Глинчикова, сотрудник Музея православия на Камчатке, студентка пятого курса Камчатского государственного университета. В ходе экспедиции посещены населённые пункты Мильково, Атласово, Анавгай, Эссо, Козыревск и Ключи.

Мильковские старожилы неоднократно подтвердили, что в советское время в селе проходили православные службы, ведшиеся местными жителями. По материалам районной газеты прослежена попытка в начале 1990-х гг. возвести методом народной стройки церковь. Был открыт счёт, собраны деньги, подготовлены материалы, но осуществить задуманное не удалось.

В Атласово старожилы рассказали о православных традициях, о службе, проводившейся до 1930-х гг., о священнике Иринархе Малахове, о сложностях существования местной церкви. В Ключах нами организованы встречи со старожилами и обследованы два дома — бывшего священника и бывшего псаломщика. Обнаружено около двух десятков предметов, ныне находящихся на ответственном хранении в Мильковском храме. Анна Яковлевна Кириллова передала нам четыре книги религиозного содержания, направленные как экспонаты в Музей православия на Камчатке в Петропавловске.

В Эссо старожилы-эвены рассказали о влиянии православия на мировоззрение коренных жителей.

Нами выявлено, что в крупных селениях, имевших большую прослойку коренного населения, — Мильково и Ключи, православная служба велась на протяжении почти всего советского времени.

После установления в конце 1922 г. на Камчатке советской власти был введён в действие декрет об отделении церкви от государства. В зиму 1922 г. и весной 1923 г. с материка прибыла большая группа советских работников, началось проведение новой политики, в корне изменившей обстановку. На местах велась борьба со служителями культа, проводились репрессии в отношении священников и шаманов.

В «Кратком информационном отчёте Камчатского губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 гг.» указывается: «Что касается религии, церкви и “работы” духовенства, то нужно сказать, что это “триединое мракобесие” не успело ещё создать на Камчатке “доброго имени” и прочного положения, почему можно сказать, что не имеет почти никакого политического значения. Камчатское население не религиозно, за исключением спекулятивной части, ищущей утешения в ханжестве, явно и тайно поддерживая попов в их стремлении сохранить свой жалкий удельный вес и значение в глазах равнодушного населения».

По требованию Усть-Камчатского райревкома 21 мая 1923 г. прошла опись имущества в церквях и часовнях долины реки Камчатки. «В Ключевской волости описание церковного имущества верующие встретили недоброжелательно, тем более что церковники пустили слух, что оно вообще будет конфисковано. Разъяснительная работа вызвала перелом в настроении верующих. Сотрудник Рабоче-Крестьянской инспекции, посетивший волость, сообщал, что... население, уяснив значение декрета, относится благоприятно».

После закрытия церкви группа верующих не оставляла надежду на передачу здания храма обществу. После некоторой оттепели в отношении церкви, связанной с её весомым вкладом в дело общей Победы в Великой Отечественной войне, стало возможным написание 30 сентября 1948 г. заявления группы верующих села Ключи епископу Хабаровскому и Владивостокскому Гавриилу: «Ваше Преосвященство, мы, нижеподписавшиеся, группа верующих православных христиан, просим вас и одновременно надлежащие гражданские власти об открытии в селе Ключи Усть-Камчатского района на Камчатке православной русской церкви. Ранее здесь существовал православный храм, который был закрыт. В настоящее время здание этого храма цело. Оно было не раз занимаемо разными организациями, как то: нарсудом, школьным интернатом.

Потом долгое время стояло заколоченным, и в настоящее время в нём размещены вновь прибывшие вербованные рабочие. Мы просим вас, преосвященный владыко, оказать нам содействие и ваше ходатайство об открытии нам православного храма, назначить и прислать священника. Здесь много православных христиан, они тоскуют и вздыхают о храме, об общественной молитве, о совершении святых таинств, установленных нашей Святой Православной церковью. Предавая себя вашим святительским молитвам, пребываем к вам вашими чадами во Христе». Подписали А. Присяжнюк, И. Брагина и ещё 24 верующих.

14 февраля 1949 г. Хабаровский крайисполком принял решение № 101: «Отклонить ходатайство группы верующих о предоставлении бывшего церковного здания и об открытии православной церкви в селении Ключи...» Причина отклонения следующая: «...церковное здание переоборудовано под общежитие рабочих рыбной промышленности и ввиду невозможности в настоящее время предоставить какое-либо здание под церковь». Вновь церковь в Ключах открылась в 1990-х гг. 13 декабря 1994 г. постановлением главы администрации под неё было передано здание кинотеатра «Дружба». Первым настоятелем стал священник И. Балицкий.

К 1923 г. почти в каждом населённом пункте имелись церкви или часовни. Так, в 17 селениях (Пущино, Шеромы, Верхнекамчатск, Мильково, Кирганик, Машура, Щапино, Толбачик, Козыревск, Ушки, Кресты, Ключи, Камаки, Нижнекамчатск, Усть-Камчатск, Еловка, Харчино) действовали 12 часовен и четыре церкви. К 2006 г. 11 из перечисленных селений были упразднены, остались и воссозданы четыре церкви и одна часовня.

Особая обстановка сложилась на территории современного Быстринского района. Его отличительная черта заключается в том, что первоначально он был создан как национальный. 14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об образовании туземных районов. На Камчатке появились Карагинский, Тигильский, Быстринский и другие районы. В Быстринском имелось четыре родовых совета.

В начале 1930-х гг. на основе русского алфавита появилась письменность, дети в школах начали изучать родной язык по эвенскому букварю. Важным событием в жизни национального района стало появление периодического издания. 21 января 1939 г. вышел первый номер газеты «За колхозную жизнь». Это название газета носила до 1962 г.

В советское время упор был сделан на оседание кочевников: эвенов поселили в сёлах Кеккук, Тваян, Лаучан, Анавгай и Эссо. Позже Тваян, Лаучан и Кеккук были закрыты, их обитателей переместили в районный центр Эссо, посёлки Анавгай и Быстрое.

Значительный вклад в развитие района внесли переселенцы из других районов страны. За тысячи километров сюда, в далёкую камчатскую глубинку, приезжали учителя и медицинские работники, строители и специалисты сельского хозяйства, административные руководители. При их деятельном участии строились новые объекты, осваивались новые направления хозяйствования.

Эвен, эвын — самоназвание народа, означающее «живущий здесь». По культуре эвены схожи с эвенками. Они обитали на северо-востоке Сибири от Охотского моря до реки Лены, по соседству с юкагирами, а отчасти с коряками и чукчами. Часть эвенов, кочевавших на охотском побережье и к западу от него, другие народы Северо-Востока, а вслед за ними и русские, называли ламутами, то есть живущими возле моря («лам» по-эвенски — море). Якутское название эвенов — ломут, китайское — тонгус. Другая же часть эвенов, пришедших на Камчатку, именовала себя «ороч», что означает «оленные люди». Они говорили на эвенском языке тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи.

На Камчатку эвены пришли в конце 1840-х гг., в это время Камчаткой управлял начальник Р. Г. Машин. Он сообщал: «С недавнего времени около Тигильской крепости начали появляться ламуты числом 30 душ взрослых мужчин, помещающихся в восьми юртах...» Эвены постепенно осваивали незаселённые отроги Срединного хребта. Со временем они утратили связь с материковскими собратьями. Основным местом обитания камчатских эвенов стали верховья реки Быстрой. К 1897 г. на Камчатке жили эвены первого Долганского, первого и второго Уяганских родов. В этом году их общая численность составляла 462 чел. Через 30 лет она почти не изменилась.

Приполярная перепись 1926 г. учла 470 эвенов-быстринцев в 30 хозяйствах. Около 70 чел. кочевало несколько севернее, на территории Тигильского района. По переписи 1979 г. на территории КО жили 1 426 эвенов, в том числе 665 — в Корякском автономном округе. Общая численность эвенов в 1989 г. достигла 1 489 чел.

Подобно своим материковым соплеменникам камчатские эвены имели родовую организацию. Все они разделялись на «родичей», то есть представителей своего рода, и «приятелей», то есть членов

другого рода. Придя на Камчатку, эвены принесли с собой сложившуюся материальную и духовную культуру охотников-оленеводов. В результате влияния соседей — русских и коряков — она постепенно видоизменялась. Нами выделены следующие этапы изменения религиозного мировоззрения камчатских эвенов:

— до конца XVII в. — традиционные верования;

— конец XVII в. — начало 1930-х гг. — миссионерская деятельность православной церкви, формально полная христианизация;

— начало 1930-х гг. — начало 1990-х гг. — атеистический период;

— с начала 1990-х гг. — современный период.

Традиционные верования эвенов предполагали, что Вселенная состоит из трёх миров: верхнего, среднего и нижнего. Считалось, что верхний и нижний миры простым людям недоступны, в них могли попасть только шаманы. Вход в верхний мир — через Полярную звезду, в нижний — через расщелины и пещеры.

В колонизации Северо-Восточной Азии активное участие принимала Русская православная церковь, стремившаяся к усилению своего влияния среди коренных народов Камчатки. Этого она добивалась как убеждением, так и насилием. Наибольшие результаты были достигнуты при крещении эвенов. Христианство у них стало распространяться с первой половины XVIII в. и продолжалось вплоть до установления советской власти. В 1745 г. только Флавианом «окрещено... оленных, сидячих и пеших тунгусов и коряк 679 чел.». Под влиянием прямого и деятельного воздействия церкви и контактов с представителями других народов происходили постепенные изменения в древних воззрениях и представлениях эвенов об окружающем мире.

Приход эвенов на Камчатку совпал с созданием Камчатской епархии в 1840 г. В состав епархии входили Камчатка, Русская Америка, Курильские острова, Гижигинская и Охотская области. Создание епархии способствовало оживлению миссионерской деятельности. В камчатских селениях начинается строительство новых православных храмов и часовен. На Камчатку направляются священники из Иркутска и других городов России. К концу XIX в. почти в каждом селении рядом с кочевьями эвенов был православный храм или часовня.

По численности эвены преобладали в пастве Камчатской епархии. Общая численность прихожан, по данным И. Вениаминова, составляла 13 823 душ, в том числе 5 075 эвенов, 4 036 русских и 3 540 камчадалов.

Видимые успехи миссионерской деятельности церкви были впечатляющи, но на деле крещение коренных народов не меняло их сложившегося мировоззрения. Православие они воспринимали как один из элементов своих верований, почти не знали и не могли объяснить суть христианства, хотя внешне выполняли обряды, например крещения, отпевания, венчания, говенья. Знали некоторые молитвы, отмечали православные праздники. В юртах имелись иконы.

Иеромонах Нестор сообщает: «Однажды в Гижигинск, где были церковь и школа, приехала группа эвенов. Они просили меня показать им православный храм. Я выполнил их просьбу и объяснил, какие святые изображены на иконах. Среди многих образов их внимание привлекло изображение святителя Николая Чудотворца. Эвены подошли к нему и почтительно поклонились. Старший из них, указывая на изображение, сказал: "Это — наш добрый дух. Мы его знаем. Мы иногда видим..." И с этими словами ещё раз поклонились ему и положили на пол возле образа связку беличьих шкурок. "Это ему от нас, — сказал один из эвенов, — он — добрый дух, мы его почитаем"».

Из этого следует, что эвены знали православных святых, но рассматривали св. Николая как доброго духа, принося ему жертву, как своим многочисленным духам. Его наиболее почитали как покровителя всех странствующих. Николин день отмечался два раза в год — в мае и декабре, он назывался «Николь-день», а все остальные православные праздники — «Спетой день».

К середине XIX в. почти все эвены были крещены. Об их приверженности христианской религии свидетельствуют отказы вступать в брак с некрещёными коряками.

Христианские праздники у эвенов имели ярко выраженные черты традиционных верований, например, накануне приносились жертвы в виде самых лучших и жирных важенок. Их убивали ритуальным способом — копьём в затылок. Мясо делили между жителями стойбища, кости не выбрасывали, а укладывали на специально изготовленный помост, где уже находились головы жертвенных оленей. Это делали для того, чтобы, по поверью, животные после воскрешения не искали части своего тела, а быстрее восстанавливались и размножались.

Сразу после прихода первых священников между ними и шаманами, представителями традиционных верований, возникли противоречия. Церковь настойчиво преследовала шаманизм и репрессировала самых влиятельных и известных шаманов, участие в этом принимала и светская власть. И. Вениаминов отмечал: «А между

тунгусами и другими есть, говорят, и тайные шаманы, и шаманства, но говорят также, что это стало гораздо реже именно против прежняго». Постепенно шаманизм принял подпольные формы. Шаманы совершали обряды во время отсутствия священников и русских гостей. Сами шаманы посещали церкви, принимали участие в православных службах и считали себя православными.

В. Г. Тан-Богораз в 1900 г., после знакомства с жизнью ламутов, отмечал: «Все ламуты принадлежат к православному вероисповеданию и по-своему очень набожны, набожнее всех других колымских племён. Являясь в город или на ярмарку в Анюйской крепости, ламут не применит побывать у священника, исповедается несколько раз, ходит в церковь молиться. Дома у него в особых опрятных футлярах хранятся иконы, перед которыми зажигаются свечи по праздникам. Для вычисления праздников каждая семья имеет так называемые деревянные святцы, то есть род календаря, вырезанного на дереве, с которым они справляются весьма удовлетворительно.

Конечно, всё это благочестие чисто внешнего характера и о сущности христианства ни один ламут не имеет никакого понятия. Самые рассудительные старики, желая блеснуть своими богословскими знаниями, например, спрашивали у меня, какой бог больше — Никола-бог или Троица-бог. Однако благочестие ламутов соответствует живому внутреннему чувству, которое, между прочим, нашло себе выражение в полуимпровизированных молитвах, привлекательных своим наивным, непосредственным и, вместе с тем, благоговейным выражением молитвенного настроения».

Современный автор А. А. Бурыкин в работе «История и культура эвенов», вышедшей в 1992 г., указывает: «Эвены воспринимали в основном внешнюю сторону христианской религии, её обрядность, часто воспринимая всё по-своему. Например, на Рождество изготавливали множество крестиков из лучинок, и эти крестики раскладывали на все окружающие предметы; за исполнением этого внимательно следил шаман. Из-за отдалённости эвенских кочевий поп приезжал к ним лишь один раз в несколько лет и проводил все службы сразу: венчание, крещение, отпевание. Умерших эвены хоронили в земле. С принятием христианства стали ставить кресты, но на крестах, как язычники, вырезают птичек, однако младенцев, которые ещё не могли совершить крестное знамение, хоронили на деревьях, в основном в дуплах.

Основные догматы христианства верующие эвены восприняли поверхностно. Это проявляется в неразличении или путанице бога,

Иисуса Христа и Николая Чудотворца, а многие религиозные толкования переделываются на фольклорной базе. Так, Илья-пророк, громовержец — это охотник, который стреляет по диким оленям, а когда сверкают молнии, он добывает огонь с помощью кремня. Христианская атрибутика — нательные крестики, иконы продолжают бытовать среди эвенов; так же продолжают существовать в традиционной форме верования эвенов старшего поколения».

Шведский путешественник С. Бергман, посетивший эвенов в 1922 г., писал: «Ламуты являются православными по названию. Не чаще одного раза в год, совершая официальный объезд этого горного края, прибывает священник, обычно из Ключей или с западного побережья. Во время своего посещения он крестит, женит и отпевает за весь год — за компенсацию по счёту, то есть за соболиный мех. Камчадальский священник ничего не делает бесплатно. Но когда ламуты собираются жениться, то они всё же предпочитают сами ездить к священнику. Часто они в таких случаях ездят в большое село Тигиль...»

После установления советской власти, к 1930-м гг. все церкви на Камчатке были закрыты, церковные службы прекратились. В этих условиях особую роль в духовной жизни эвенов опять приобрели шаманы, пытавшиеся занять в общественной и духовной жизни ведущую роль. На некоторое время им это удалось. Но в связи с началом ликвидации безграмотности и введением всеобуча стали создаваться школы для эвенских детей. Началось обучение на русском языке, некоторые из бывших школьников направлялись учиться в вузы и техникумы Хабаровска и Ленинграда. Общеобразовательный уровень эвенов резко повысился.

Одним из направлений образования стала антирелигиозная пропаганда. Появились первые врачи, с успехом лечившие эвенов. Авторитет грамотных людей был высок, они в своих беседах высмеивали церковь и шаманство. Стали выходить газеты на эвенском языке, например «Оритти айдит» («Эвенское согласие»), появилось радио, кинофильмы, стали доступны книги. Постепенно авторитет церкви и шаманства начал падать. Возникали новые идеологические образования. Молодёжь вступала в комсомол, старшие становились членами КПСС. Вступление в политические организации резко повышало социальное положение.

В 1947 г. членами компартии были 103 жителя Быстринского района, в 1967 г. — 177, а в 1977 г. — уже 224. В 1978 г. численность эвенов-коммунистов составила 124 чел., комсомольцев — более чем вдвое больше. К 1980-м гг. в КПСС и комсомоле состоя-

ли около 400 чел., то есть почти всё коренное население в возрасте от 14 до 55 лет.

К началу XXI в. произошли значительные изменения в традиционной культуре эвенов. Были почти утрачены родной язык, традиционный хозяйственный уклад, духовная культура. На сегодняшний день сохранились некоторые остатки элементов шаманской культуры, например, гадание на бараньей лопатке, наблюдение за горением костра, почитание памяти умерших. Сохранилась и вера в приметы.

В начале XX в. основное число прихожан в церквях охотского побережья составляли эвены. Ещё в 1960-х гг. в некоторых эвенских семьях сохранялись иконы.

После принятия в 1990 г. закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» положение в Быстринском районе, как и на всей Камчатке, стало меняться. В 1990-х гг. в центре Быстринского района — селе Эссо открылась православная церковь во имя Нерукотворного образа Христа Спасителя. Но среди её прихожан эвенов насчитываются единицы. Вместе с тем в районе имеет место оживление религиозных сект, куда входит и группа эвенов.

С конца 1920-х гг. среди ламутов началась кампания по развенчанию православной церкви, изымались иконы. Местные жители рассказывали нам, что часть икон население спрятало в укромных местах. Уроженка села Анавгай, родившаяся в 1937 г., сообщила: «Иконы спрятаны. Туда надо три дня на конях ехать, но я в бога не верю». Житель Эссо рассказал, что при разборе сарая в хозяйстве одной из эвенских семей были обнаружены старые иконы, завёрнутые в мешковину. В некоторых семьях сохраняются предметы культа — кресты и иконы, оставшиеся от родителей и бабушек.

Со слов местных жителей, когда в 1990-х гг. в Эссо открылся православный храм, настоятелем в котором был И. Балицкий, сразу крестилось около 100 чел. А сегодня число прихожан в церкви не превышает 20 чел.

Изложенное выше позволяет сделать такие выводы:

— среди эвенов Быстринского района почти утрачены традиционные верования, последние элементы шаманизма наблюдались до 1970-х гг.;

— православная церковь в настоящее время не играет заметной роли в духовной жизни эвенов;

— на настоящем этапе своей истории камчатские эвены находятся в кризисе, охватывающем социально-экономическую и духовную сферы жизни.

Селение Крахча. Идём в школу

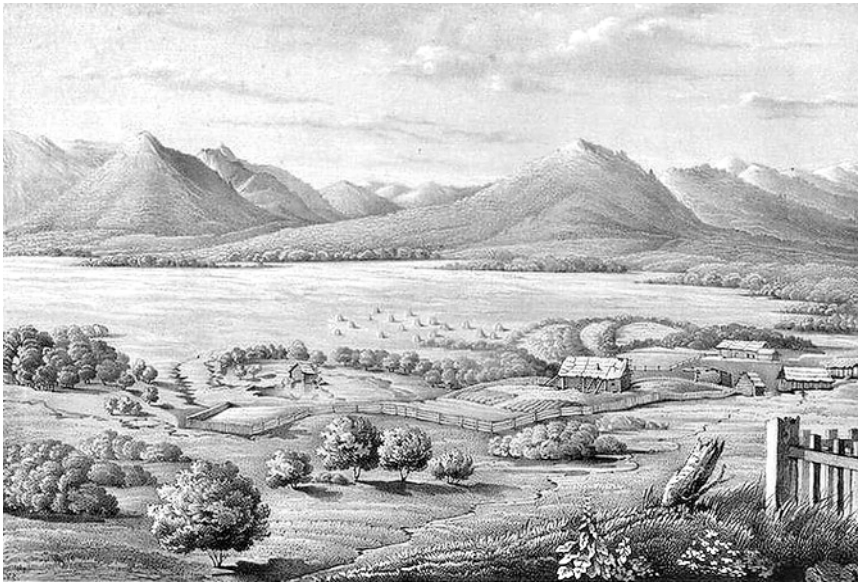
Селение Крутогорово. Поездка в магазин

Село Мильково, 1920-е гг. Фото С. Бергмана

Строится Мильковский райком КПСС, 1977 г. Фото А. Пчелинцева

Селение Паратунские горячие ключи (Паратунка).
Старинная гравюра

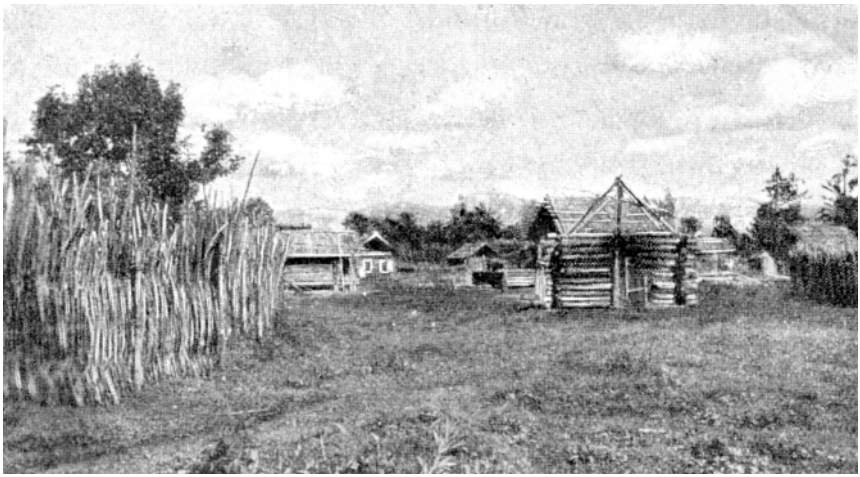
Житель Паратунки В. Подпругин у родового дома, построенного в начале XX в. из берёзы Эрмана. Фото автора

Селение Толбачик. Слева — вулкан Толбачик

Селение Чёрный Яр

Селение Щапино. Задняя (от реки) околица. Сзади — старый вулкан Кунчекла. Фото В. Л. Комарова

Национальные школы Крайнего Севера. К началу XX в. на севере Камчатки существовало всего несколько школ — в селениях Лесная, Седанка, Хайрюзово и на острове Карагинском. После того как в 1909 г. Камчатка стала самостоятельной областью, школы Министерства просвещения открылись в Кихчике, Караге, Каменском, селении Иосафском (Тиличики), Караге, Ивашке и Кичиге.

К 1917 г. на полуострове сложилась сеть школ. Во время гражданского противостояния образование находилось в кризисе. Учителей не хватало, имевшимся задерживали жалование, помещения школ плохо отапливались, недоставало учебных пособий.

Обзор, подготовленный губревкомом, сообщал: «К 1 января 1923 г. положение дела народного просвещения в Камчатской губернии было катастрофическое. В 29 школах обучалось детей обоего пола 811 чел., учащих в них состояло 43 чел. Большинство школ помещается в казённых зданиях, и только часть школ, преимущественно возникших в революционный период, пользовались помещениями, предоставленными сельскими обществами.

Все работавшие школы пользовались отоплением и освещением за счёт сельских обществ. Учебники и учебные принадлежности во всех школах были старые, да и то в крайне недостаточном количестве, а во многих школах даже и этого не было. Учебными пособиями школы не снабжались с самого начала революции, и поэтому естественно, что эти пособия пришли в полнейшую негодность и их целиком необходимо заменить новыми.

Из общего количества 59 школ губернии функционировали только 29, а остальные 30 бездействовали за отсутствием учителей, учебных пособий и принадлежностей...»

По переписи 1926—1927 гг. из числа оседлых коряков грамотой владело лишь 10,3, а кочевых — менее 1 % населения. Положение с образованием аборигенов складывалось такое: чем ближе коряки жили к русским селениям, где имелись школы, тем выше среди них была доля грамотных. Наиболее высокая — среди карагинцев и паланцев. Надо отметить, что в Палане и Тиличиках имелись церкви. Наименьшая доля грамотных была у пенжинских коряков — всего шесть человек.

За основу школьного строительства для кочевого населения была принята школа-интернат, где ученики находились на полном государственном обеспечении. Здесь они получали одежду, питание, знакомились с основами гигиены.

К 1932 г. были подготовлены буквари на каменском, карагинском и алюторских диалектах корякского языка.

Поначалу школы размещались в приспособленных помещениях — жилых домах, землянках, юртах. В 1934 г. началось строительство специальных зданий, оно шло очень высокими темпами: за короткое время возведена 21 школа.

В 1946/47 учебном году в Корякском национальном округе (КНО) уже работало 39 школ с 3 064 учащимися, в их числе коряков было 894 чел.

По состоянию на январь 1948 г. на Камчатке имелось 43 национальные школы. Нымыланские работали как на территории КНО (1 119 чел.), так и в Соболевском районе КО (20 чел.). Всего учились 1 139 нымыланов.

Нымыланские школы: Анапкинская, Ассоваемская, Белоголовская, Воямпольская кочевая, Воямпольская оседлая, Верх-Пареньская, Верх-Гижигинская, Ветвейская, Вывенская, Кахтаниская, Кинкильская, Корфская, Карагинская, Культбазовская, Корякская, Култушинская, Лесновская, Лагунская, Микинская, Островная колхозная, Олюторская, Пенжинская, Пусторецкая, Пареньская, Рекинникская, Седанкинская кочевая, Слаутинская, Таловская, Тайгоносовская, Усть-Хайрюзовская, Усть-Каменская, Хаилинская.

Эвенских школ было 12, в том числе пять в Быстринском районе, три в КНО и четыре в Чукотском национальном округе (ЧНО). В Быстринском районе обучалось 100 ребят, в КНО — 61, в ЧНО — 58, всего 219 чел.

Чукотских школ действовало 50: одна в КНО (32 учащихся), остальные — в ЧНО (1 386 чел.).

Ительменские школы находились на территории КНО. Всего их было шесть с 84 учащимися: Ковранская, Морошечная, Напанская, Сопочная, Седанкинская оседлая, Утхолокская.

Две алеутские школы действовали на Командорских островах. В них обучались 70 чел.

Пять эскимосских школ со 196 чел. находились в ЧНО.

В двух чуванских школах ЧНО занималось 40 учеников.

С конца 1940-х гг. в КНО начинается новый этап строительства типовых школьных зданий. В 1953/54 учебном году здесь имелась уже 91 школа, в них занимались 4 027 ребят.

Народное образование на территории Мильковского района в первой половине XX в. В развитии образования на Камчатке просматривается несколько этапов. В 40-х гг. XVIII в. духовная

миссия И. Хотунцевского открыла школы в Большерецком, Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах, Ичинском острожке, Тигильской крепости, в гавани Петра и Павла. Затем школы появились в камчатских острогах, где дети коренных жителей обучались русскому языку, грамматике, арифметике. Так, преемник И. Хотунцевского — иеромонах Пахомий — открыл школы в Ключевском селении, Машурином, Хайрюзовском и других острожках. Всего в середине XVIII в. на Камчатке имелось 14 школ. Их открытие было одним из этапов колонизации полуострова и способствовало быстрой русификации коренного населения. Но уже к 1783 г. школы закрылись, потребность в них у администрации полуострова отпала, так как большинство коренного населения стало говорить по-русски. Народное образование не получило государственной поддержки, и в конце XIX в. на Камчатке официально числилось всего четыре школы.

С утверждением в 1884 г. устава о церковноприходских школах (ЦПШ) обстановка в области народного образования стала меняться в лучшую сторону, начали открываться ЦПШ и школы грамоты. К 1908 г. действовали 18 школ: одна двухклассная, одна грамоты и 16 одноклассных.

В июне 1909 г. были утверждены законы об административном переустройстве Приморской области, образована новая административная единица — КО. Одним из направлений деятельности областной администрации стало увеличение количества учебных заведений. Их число росло так: в 1908 г. — 18, в 1911 г. — 26, в 1913 г. — 32, в 1926 г. — 47 и в 1936 г. — 172.

В 1911 г., по отчёту губернатора В. В. Перфильева, в большинстве из 26 школ КО уровень преподавания был крайне низким. Девять учителей не имели свидетельства на это звание, они сами едва могли читать и писать.

Отмечая быстрое увеличение числа школ, благочинный камчатских церквей Д. Шерстенников в своём отчёте указывал: «В 1910—1912 гг. на Камчатке замечалось усиленное строительство школьных зданий на синодальные средства. При помощи местных обществ было заново выстроено четыре школы. Выданы были ссуды на постройку других четырёх школ. Вновь построено и достраивается ещё шесть школ. Всего в минувшем 1912 г. в пределах Камчатской области, кроме Охотского уезда, было 22 церковноприходских школы, из них три двухклассные, 18 одноклассных и одна школа грамоты. Всех учащихся было 471 душа обоего пола. Три школы, кроме того, открыто в 1913 г.».

В 1868 г. ЦПШ открылась в Мильково. В докладе заведующего Мильковской школы 1-й ступени в отдел Камчатского губОНО от 24 июля 1925 г. указывалось, что «...учение грамоте началось с конца 60-х гг. XIX в.».

Первым учителем был «сам едва грамотный псаломщик, старичок Яким Федорович». Он «показывал азы, которые запоминались учениками, и так шло обучение». Учебниками служили церковные книги — часослов и псалтырь. «Каждый учащийся, чтобы получить одобрение в знаниях урока, делал приношения учителю, кто чем мог: печёную картошку, кусочек хлеба с сахаром и прочее...» Другой учитель — Иван Петрович Бобряков — обучал по церковным книгам до 1875 г.

В 1875 г. из селения Ключи в школу Мильково перешёл учитель Иван Васильевич Толман, получавший за работу 90 руб. в год. В 1897—1898 гг. учителями в школе были его воспитанники Павел Ворошилов, Семён Михайлов, псаломщик Шишкин. В 1906 г. учителем сюда назначили К. С. Телятьева.

В 1912 г., по данным Мильковской Богоявленской церкви, школьное хозяйство выглядело так: «Церковноприходская школа деревянная, из берёзового леса. Покрыта железом, на деревянных стойках, шестистенная, длиною 23 аршина, шириною 11, высотою 9,5 аршина, имеет 11 окон, каждое с двумя рамами высотою два и шириною полтора аршина, дверей входных шесть, внутренних нет. Две кирпичные печи, прочные. Расстояние от ближайшего жилого строения — 10 саженей. Прочная, построена в 1906 г., стоимость 1 500 руб. При школе квартира для учителя, деревянный дом, крытый деревом, длиною 9 аршин, шириною 8,5, высотою 8 аршин, имеет одну кирпичную печь. Прочная, имеет дверей входных двое, окон четыре. Стоимость здания — 200 руб.».

В 1918 г. школа изъята из церковного ведомства и переведена в подчинение Министерства народного просвещения. В начале 1920-х гг. она числилась как двухкомплектная 1-й ступени. После установления советской власти её преобразовали в начальную четырёхклассную 1-й ступени. В 1925 г. здесь учились 50 чел., имелись бондарная и столярная мастерские, действовали драматический и художественный кружки, существовала комсомольская ячейка. Площадь помещений составляла около 27 кв. сажен.

До открытия бюджетного финансирования затраты на образование детей несли местные жители. С каждой взрослой души взималась плата на содержание школы, на заготовку дров, оплату труда учителя.

Значительная часть учителей не имела профессиональной подготовки. Как результат: случалось, что ученики, прозанимавшись шесть лет, не могли прочитать простой текст.

С 1906 г. на Камчатку стали направлять педагогов, окончивших специальные учебные заведения. На территории современного Мильковского района трудились К. С. Телятьев и Бобров, окончившие Восточный институт во Владивостоке.

Один из учителей, Григорий Рыжук, прибывший на полуостров в 1912 г., вспоминал: «Первым же делом отправился в школу. Она тогда обслуживала приход от Ганал до Толбачика. Учителей не хватало, да и те, что работали, старались бывать здесь пореже. Поэтому понятно, что когда я вошёл в школу, она мало напоминала учебное заведение. Ученики, привыкшие к самостоятельности, занимались кому чем вздумается, только не учением. Родители моих учеников жили в ужасных условиях. Главным их занятием была охота. За пушнину скупщики доставляли сюда шелка, конфеты, водку. А вот муки не было совсем. Ни о каком враче тогда не могло быть и речи, так что мне пришлось и учить, и лечить».

Жалование учителям выплачивалось в размере до 1 200 руб. в год, в то время это была весомая сумма. В докладе Камчатского губревкома от 9 августа 1923 г. о состоянии Мильковской школы 1-й ступени указывалось, что её здание построено «примерно» в 1890 г. В 1922—1923 гг. в четырёх классах здесь обучалось 63 чел. от восьми до 15 лет. Работали два учителя — И. П. Ворошилов и К. С. Телятьев. Им платили по 900 руб.

В отчёте ответственного секретаря Камчатского губернского бюро ВКП(б) Д. С. Бузина за 1925 г. указывалось: «В селении Верхнекамчатске учительствует некто Бобров, окончивший Восточный институт во Владивостоке. На Камчатку попал в разгар реакции. Учительствовал в Мильково в 1921/22 гг., но был снят партизанским отрядом. В 1923 г. получил назначение в Верхнекамчатскую школу».

В 1928 г. издано обязательное постановление № 1 КОИК, вводившее обязательное обучение детей в школах 1-й ступени.

После установления советской власти в народном образовании произошли значительные изменения. Вот что вспоминал житель Мильково И. А. Карпов: «В школе обучение стало вестись по-новому. Было отменено церковное преподавание. А с приездом учителя Николая Николаевича Вагинского были введены уроки чтения, чистописания, арифметики. Немного позже в нашей школе появились первые пионеры. Ими стали Фаддей Еланцев, Ваня Потапов, Ваня Плотников, Лёва Телятьев, Гоша Григорьев и я».

Первый выпуск Мильковской неполной средней школы состоялся в 1933 г. Лучшими учениками были Сергей и Николай Костромины, Николай Карпов, Николай Пермяков, Константин Верещагин, Ульяна Плотникова, Нина Ворошилова.

Государство придавало школьному делу большое значение. В 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном образовании». В 1931 г. в ходе его выполнения введены единообразные предметы, расписания занятий, оценки. Важное место стало уделяться дисциплине учащихся. В 1932 г. были переработаны программы и созданы новые учебники. К 1930-м гг. школы открылись почти во всех камчатских селениях. Сюда стали направлять молодых учителей после окончания педагогических техникумов (училищ).

В начальных школах изучались десять предметов: русский язык устный, русский язык письменный, арифметика, естествознание, география, история, чистописание, рисование, физическая подготовка и пение. Наряду с преподаванием предметов, предусмотренных школьной программой, среди школьников велась и идеологическая работа. Областная газета «Полярная звезда» 31 марта 1929 г. поместила следующую заметку: «3 февраля у нас, в селе Кирганик, в школе 1-й ступени, проводился вечер по поводу основания комсомола. Сперва было торжественное заседание Мильковской ячейки ВЛКСМ совместно с беспартийной молодёжью. На повестке дня стоял доклад о задачах комсомола...»

К середине 1930-х гг. безграмотность среди населения на Камчатке продолжала оставаться на высоком уровне. Кампания по ликвидации безграмотности (ликбез) в Мильковском районе по состоянию на 1937 г. характеризовалась следующими показателями: 74 неграмотных, из них учились 40; 224 малограмотных, в том числе 70 учащихся.

До 1944 г. в состав Мильковского района, образованного в 1933 г., входили селения Малка и Начики. Обычно в малокомплектных школах этих селений преподавали два учителя. Первый вёл занятия в первом и третьем классах, другой — во втором и четвёртом. Один учитель исполнял обязанности заведующего школой. В 1939 г. в Малкинской школе преподавали Линёв и Сахно. В этом же году общие затраты на это учебное заведение, отопление, инвентарь, зарплату составили 6 555 руб.

В 1939/40 учебном году в классах Малкинской начальной школы занимались:

— в первом: Н. К. Гарднер, К. С. Цегликов, Е. И. Абакумова, А. Ф. Абакумова;

— во втором: Екатерина Верещагина, Зоя Верещагина, Александр Зимин, Павла Нечаева, Павел Зимин, Арсений Верещагин;

— в третьем: Фёдор Зимин, Домна Дурынина, Иван Нечаев, Любовь Машихина, Матвей Атласов;

— в четвёртом: Анфиса Верещагина, Гавриил Нечаев, Варвара Плотникова, Ольга Лапина, Мария Верещагина, Иван Зимин, Надежда Машихина.

В 1944 г. учились 16 чел.

В 1943 г. в Верхнекамчатской школе занимались 24 чел., 14 мальчиков и 10 девочек. В 1946 г. число детей значительно выросло и составило 40 чел. Во время Великой Отечественной войны один из учащихся не мог посещать школу из-за отсутствия зимней одежды.

В 1938/39 учебном году из 197 школ КО 162 располагались в неприспособленных помещениях. В 1939 г. ассигнования на народное образование области составили 19 млн 789,3 тыс. руб. Бюджет Мильковского района в этом году предусматривал затраты (тыс. руб.): содержание школ — 321,3, капитальный ремонт — 17,0, содержание интерната при школе — 60,0, дополнительные мероприятия по школе — 3,0; на внешкольную работу с детьми — 4,5, на неполное среднее и среднее образование взрослых — 20,1, на ликвидацию неграмотности и малограмотности — 10,1.

За 1932—1940 гг. ассигнование на народное образование в области увеличилось более чем в 20 раз и составляло в 1940 г. 26 млн 722 тыс. руб.

В 1939 г. Мильковская школа находилась по адресу: улица Набережная, 3. В ней было по два вторых и третьих класса, остальных — по одному. В первом классе занимались 37, а в десятом — семеро учеников. При школе имелся интернат, где было 29 «интернов», то есть детей из других селений района. Преподавали девять учителей, всего обучались 187 учеников.

9 ноября 1938 г. в Мильково открылась неполная средняя школа для взрослых. В четвёртом классе занимались девять, в пятом — семеро, в шестом — восемь, а всего 24 чел.

В 1940/41 учебном году в Мильковском районе работало восемь начальных школ со 194 учащимися, в двух неполных средних школах — 131 чел. и в средней школе — 281 ученик. Всего в районе учились 606 ребят.

В 1944/45 учебном году в Мильковской начальной школе в первом классе обучались 28 чел., из них не успевали 11. Во втором из

48 не успевали 22 ученика, в третьем из 35 — 30 и в четвёртом из 21 учащегося не успевали семеро.

В школах района преподавали выпускники Петропавловского педучилища и учителя, окончившие разные дальневосточные учебные заведения. Молодые специалисты должны были отработать на Камчатке три года, затем большая часть из них уезжала. Некоторые оставались, например Копытины. Безусловно, камчатские уроженцы в этом смысле были предпочтительнее. Среди учителей-камчадалов можно назвать М. Ф. Пермякова, трудившегося в селении Макарка, Ф. Сновидову из Долиновки.

В 1944/45 учебном году в селениях Мильковского районе работали следующие школы:

— в Щапино — двухклассная (17 чел., успевали 14);
— в Макарке — четырёхклассная (28 чел., успевали 19);
— в Лазо — четырёхклассная (39 чел., успевали 24);
— в Кирганике — четырёхклассная (26 чел., успевали 21);
— на Опытной станции — трёхклассная (28 чел., успевали 23);
— в Мильково — четырёхклассная (132 чел., успевали 62);
— в Верхнекамчатске — четырёхклассная (28 чел., успевали 19);
— в Шаромах — четырёхклассная (21 чел., успевали 14);
— в Долиновке — шестиклассная (78 чел., успевали 63).

В Среднекамчатске учились 74 чел. из них успевали 57.

Некоторые школы имели местные особенности. Так, в Пущино в 1946/47 учебном году в первом и втором классах учились всего 10 чел. Здесь была всего одна классная комната, общая площадь школы составляла лишь 24 кв. метра. Учебный год по разным причинам начался только 26 декабря. Учительнице Е. Е. Виноградовой пришлось столкнуться с тем, что родным языком для большинства был удмуртский и только трое считали родным русский.

Кроме основной деятельности, в школах проводилась большая внеклассная работа. В селении Макарка в 1947/48 учебном году было 29 учащихся, по итогам занятий в следующие классы переведены 24 чел., пятеро оставлены на второй год. За учебный год учитель провёл семь бесед, пять читок художественной литературы, четыре родительских собрания, посещал родителей учеников на дому.

В Кирганикской начальной школе в 1939/40 учебном году учились 34 чел., имелись пятеро неуспевающих. Здесь вели календарь погоды, создали географическую площадку, работали кружки рукоделия, физкультуры, противохимической обороны, был выпущен один номер стенгазеты, проведено две беседы, два общих сбора и одно родительское собрание.

Новым этапом школьного образования стала практика привлечения детей к сельскохозяйственному производству. Одной из первых в этом стала Мильковская средняя школа. 27 января 1960 г. бюро КОК КПСС приняло постановление «Об опыте работы Мильковской средней школы по организации ученической учебно-производственной бригады». Документ предлагал окружному, городскому и районным комитетам партии обсудить во всех средних школах вопрос о внедрении мильковского опыта по соединению обучения с производительным трудом.

Газета «Камчатская правда» 10 января 1962 г. привела выступление ученицы Мильковской средней школы Шуры Пинегиной на совещании работников сельского хозяйства Камчатки. Девушка, в частности, сказала: «Наша школа — политехническая, с сельскохозяйственным профилем, поэтому у нас много внимания уделяется совхозному производству, изучению сельскохозяйственных машин, агротехники. Свои опыты мы проводим на школьном учебно-опытном участке под руководством учителей. Мы выращивали в прошлом году более ста видов растений и убедились: замечательно растут они!

Уже три года выращиваем мы, например, цветы. Наши растения прекрасно растут, цветут и даже многие из них дают семена. У нас, в Мильково, можно с успехом выращивать такие культуры, как сахарная свёкла, морковь, горох, бобы, салат, шпинат и другие овощи. На Камчатке всё может хорошо расти!

В прошлом году по заданию областного комитета партии мы провели опыты выращивания кукурузы, сахарной свёклы и подсолнечника. Все эти культуры дали хорошие результаты. Особенно порадовала нас сахарная свёкла.

Лучший урожай дала свёкла сорта “Рамонская-632”. В пересчёте на гектар мы получили её 442 ц, свёклы сорта “Рамонская-46” — 360, сорта “Белоцерковская” — 320, “Рамонская-624” — 280 ц. Эти урожаи говорят о том, что можно добиваться хороших результатов в выращивании свёклы на кормовые цели».

Тут следует заметить, что первые попытки профессионального образования в камчатских школах были предприняты ещё в XIX в. По этому поводу К. Дитмар отмечал: «Завойко распорядился об устройстве... ткацких школ. Одна из таких школ была устроена в Милковой... Жители собирали... высокую крапиву, обрабатывали её для получения волокна как лён и затем пряли и ткали из обработанного таким образом материала очень хорошее полотно... Всё предприятие увенчалось большим успехом и принесло немало

выгоды населению, а двум девушкам даже вручили премии, присланные Санкт-Петербургским экономическим обществом. Для одной из них назначена была брошка, для другой — серьги; и брошка, и серьги — золотые с гранатами. К нашему удивлению, обе отказались от подарков, мотивируя свой отказ тем, что весь их костюм не вяжется с такими богатыми украшениями».

Народное образование в Усть-Камчатском районе. Первые школы на территории современного Усть-Камчатского района открыла в Нижнекамчатске и Ключах духовная миссия ещё в XVIII в., однако просуществовали они недолго. В Ключевской школе обучались 15 чел., здесь имелись азбуки, буквари, псалтыри, катехизисы.

Школа в Ключах вновь заработала в XIX в., а в 1910 г. Министерство народного просвещения открыло начальное училище в Усть-Камчатске. В 1918 г. Усть-Камчатский исполнительный комитет обратился в КОК с просьбой об открытии в селении высшего начального училища. В ответ на это было решено: «Сообщить Усть-Камчатскому комитету, что вопрос о высшем начальном училище стоит на очереди и может быть возможен по исходатайствованию необходимых кредитов».

На заседании 3-го Камчатского областного съезда, состоявшегося 15 сентября 1920 г., делегат от Усть-Камчатской волости П. Ф. Бирюк снова просил открыть высшее начальное училище с ремесленными классами. При нём следовало иметь общежитие.

Помимо занятий, в учебных заведениях проводились и праздники. На третий день рождественских каникул 1920 г. была устроена новогодняя ёлка для детей Усть-Камчатска. Средства на празднование выделили предприниматели Г. Г. Дембри (100 руб.), Караев (50 руб.), Китао (20 руб.), а также организации — Центросоюз (50 руб.) и Союз камчатских кооперативов (150 руб.). Всего по подписному листу собрали 465 руб.

10 июля 1929 г. культурная секция Усть-Камчатского райисполкома просила власти об укомплектовании школы персоналом: заведующим предложен Федюков, учителями — Черняева и Фетисова.

29 июня 1935 г. КОИК принял постановление «О ходе подготовки к новому учебному году», где указывалось, что Усть-Камчатская неполная средняя школа нуждается в капитальном ремонте. К 20 июня его ещё не начали, не заготовили и дров, но учителей квартирами обеспечили. Документ обязывал председателя райисполкома завершить ремонт этой школы и школы рыбокомбината к 20 августа, заготовить и завезти топливо к 1 сентября. «Привлечь к участию в ремонте Усть-Камчатской школы рыбокомбинат, так как

школа старшими классами и интернатом обеспечивает 50 % детей рабочих Усть-Камчатского комбината».

В 1932 г. открылась начальная школа для детей работников РКЗ № 1. В 1935 г. в районе было 15 школ, в том числе 13 начальных, одна неполная средняя и одна средняя. В них обучались 1 142 чел., трудились 59 педагогов. За добросовестную работу в 1939 г. учительница Усть-Камчатской школы А. И. Петрова отмечена орденом Ленина — высшей наградой СССР.

В 1940 г. в районе насчитывалось 14 начальных школ на 659 учащихся, четыре неполных средних (668 чел.) и три средних (1 998 чел.). В начале 1939/40 учебного года коллектив неполной средней школы включился в социалистическое соревнование. Все учащиеся взяли на себя конкретные обязательства и заключили договоры между классами. Исходя из обязательств учителей, учащихся и классов, общее собрание школы приняло следующее решение, подписанное П. Филимоновым, М. Фёдоровым и М. Кареевым:

— к концу учебного года добиться 100-процентной успеваемости и отличного поведения;

— не иметь пропусков и опозданий без уважительных причин;

— хорошо поставить внеклассную работу, «честно выполняя следующий утверждённый план»: выпустить 40 значкистов ГСО и 50 — ПВХО;

— по три раза в месяц проводить занятия кружков: физико-математического, естественно-географического, струнного, драматического и хорового;

— выпустить за учебный год 12 номеров школьной стенгазеты;

— аккуратно выполнять план работы комсомольской и пионерской организаций и ученического комитета.

По всем перечисленным выше пунктам на социалистическое соревнование вызывалась Усть-Камчатская средняя школа.

Как сообщает комбинатская газета «Политотделец», к 15 ноября 1939 г. абсолютная/относительная успеваемость и посещаемость Первозаводской Усть-Камчатской школы «выражались в следующих цифрах», точнее, в %:

— первый класс: 86,5/97 и 87 соответственно;
— второй класс: 84,3/96,5 и 98,7;
— третий класс: 71,2/91,1 и 97,7;
— четвёртый класс: 74/93,4 и 98;
— пятый класс: 63/93 и 89,7;
— шестой класс: 81,3/98 и 98;
— седьмой класс: 100/100 и 99,6.

Эта же газета в 35-м номере от 29 июня 1941 г. в заметке М. Беловой «Ученики помогают комбинату выполнить план путины 1941 г.» сообщала: «По окончании учебного года ученики неполной средней школы по приглашению дирекции рыбоконсервного завода решили помочь комбинату в выполнении плана путины 1941 г. Многие ученики очень добросовестно относятся к порученной работе, уважают старших товарищей, потому что понимают, что перед нами стоит почётная задача — выполнить и перевыполнить план путины 1941 г. Хорошо работают ученики Гнедчик, Абрамов, Амяга, Иванчин, Насоненко, Никифоров, Бабышкин, Епифанов, Лаптенок, Бондаренко В., Бондаренко Н., Химченко, Наймушина, Березина, Ковресьева Н., Ковресьева В. и Королёва. Другим ученикам надо брать пример в работе с этих учеников».

Абсолютная успеваемость по начальным школам за первое полугодие 1940/41 учебного года составила 83,35, по неполным средним школам — 79,67, по средним школам — 71,91 %.

24 января 1949 г. состоялось заседание сельского Совета депутатов трудящихся, рассмотревшего вопрос «Итоги учебного полугодия по Усть-Камчатской средней школе». Докладывал директор школы Гнедич. Депутат Сенькин отметил: «За учебное полугодие дети были плохо обеспечены тетрадями и учебниками, ученики начальной школы зачастую пишут на клочках бумаги, а, между прочим, учителя собирали деньги, как на тетради, так и на учебники. Тетради же дают в недостаточном количестве, а учебников нет совсем. Школа не обеспечена в вечернее время светом, а днём в классах также темно — лишь потому, что окна школы занесены снегом и они не очищаются». Успеваемость учащихся оставалась на низком уровне, депутаты отметили, что из 341 учащегося в первом полугодии не успевали 75. Большое значение подготовке школьных зданий к новому учебному году придавала и областная печать. Так, «Камчатская правда» 22 августа 1950 г. сообщала: «В Усть-Камчатске закончен ремонт средней школы. В классах переложены печи, произведена покраска стен, потолков, отремонтированы парты, столы. В связи с ростом населения рабочего посёлка рыбокомбината встал вопрос о строительстве новой школы».

В 1950 г. в Усть-Камчатске было три начальных школы, одна семилетка и одна средняя школа с общим числом учащихся 955 чел. В них было занято 37 учителей.

Решением Усть-Камчатского райисполкома от 27 августа 1956 г. под строительство новой школы отведён возвышавшийся над прочими земельный участок площадью полтора гектара, на месте, где

раньше располагалась пограничная вышка. Новую трёхэтажную школу № 1 на 400 мест наметили сдать к 25 августа 1959 г.

В действующей средней школе занимались учащиеся с пятого по десятый классы, младшеклассники посещали двухэтажную деревянную, расположенную недалеко от кинотеатра «Луч». Рядом с ней находился стадион «Труд», где шли уроки физической культуры и спортивные соревнования. В посёлке Варгановка находилась начальная школа. Здесь учились дети работников строительно-монтажного управления и сплавного рейда.

В 1966 г. открылась школа № 3 в Новом посёлке. В 1976 г. здесь обучались 1 311 учащихся и работали 65 учителей, в том числе отличники народного образования РСФСР А. И. Чиколенко и В. Г. Вершинина. Много лет в школе проработали А. Д. Бурмагина, Т. С. Чистякова, А. С. Тайгачёва. В 1982 г. на мысе Погодном сооружена средняя школа № 2. В ней в разное время работали заслуженные учителя Российской Федерации Л. К. Позакшина, Р. Ф. Хохрякова, Т. А. Калинина. Добрую память оставили учителя-ветераны В. А. Галицкий, З. И. Грунина, Ж. П. Малышкина, Т. П. Теплова, Н. А. Федоренко и многие другие.

В 2000 г. на территории Усть-Камчатского муниципального района «функционировало» восемь дошкольных образовательных учреждений. В связи с сокращением численности детей дошкольного возраста и снижением спроса населения на «услуги дошкольного образования» — так теперь в «рыночных условиях» называлась ещё совсем недавно благородная деятельность по воспитанию и образованию молодого поколения, с июня 2001 г. по январь 2002 г. закрыто два детских сада.

С 2001 г. в районе работает шесть муниципальных дошкольных образовательных учреждений и дошкольное учреждение «Золотой ключик», подведомственное Министерству обороны России.

В 2003 г. в селе Козыревск построено новое здание средней школы № 6.

Приложения

Школа в тундре
(речь учителя кочевой школы Ф. И. Косыгина)

Четыре года тому назад Тигильский райисполком выдал мне 50 руб. и отправил меня к кочующим корякам для организации школы. Я поехал. В пути встретил одну ярангу, в которой жил, как мне потом удалось установить, председатель нацсовета Авнувен. Рассказав о цели своего приезда,

я обратился к нему за помощью. Он не понимал меня. Через некоторое время мне удалось связаться с кочевниками, разбросанными вокруг его яранги в радиусе 20–30 км.

Первый учебный год в зиму 1932/33 года мы провели в наспех сколоченной яранге, в которой занимались и последующие два года. На третий с помощью населения, заранее заготовившего лес и сплавившего его, мы выстроили деревянную школу, в которой разместились три класса с 50 учениками. Школа вскоре завоевала симпатию населения, о ней заботились буквально все. Летом заготовляли рыбу, снабжали учеников мясом, прислушивались к советам учителя, наводили в своих ярангах частоту. Словом, кочевники ничего не делали, прежде чем не посоветуются с учителем.

Председатель нацсовета Авнувен научился грамоте. Его примеру последовали и другие коряки. Другой председатель нацсовета Овланче мало разбирался в своих делах, так как был неграмотным. По примеру своего предшественника он обратился в школу и очень быстро научился грамоте.

Школьники сперва боялись учителя. Во всяком случае, относились к нему недоверчиво, но через год полюбили. Я это сужу по тому, что во время моих проводов многие из них плакали. Кочевая Воямпольская школа завоевала большой авторитет среди населения. Она преобразила их жизнь.

В прошлом году меня перевели в другую кочевую школу — Паланскую, что в 36 км от селения Паланы. И здесь бросилась в глаза исключительная забота населения о школе. Население заготовило столько продуктов, что их вполне хватило на горячие завтраки в течение всего учебного года.

В четырёхклассной школе преподавали я и моя жена. На каждого из нас, следовательно, приходилось по два класса. Несмотря на перегрузку, мы всё же урывали время на посещение яранг населения. Это ещё больше расположило родителей школьников к нам и школе. Благодаря этому мы были обеспечены всем необходимым. Всю зиму не ощущали недостатка в дровах, в продуктах.

Камчатская правда, 1936 г.

Праздник в новой школе

В последние дни зимних каникул все жители села Шаром, от мала до велика, собрались, чтобы отпраздновать день новой школы. Они заполнили новое школьное здание, в котором теперь будут учиться дети. С интересом рассматривали подготовленную к этому событию выставку детского творчества.

Открыв вечер, председатель колхоза «Новая деревня» Захар Иванович Мерлин рассказал о том, как и когда была построена старая школа, в которой довелось учиться ему.

Павел Александрович Заочный и Дарья Фёдоровна Машихина были в числе первых учеников, пришедших в 1927 г. — в год открытия — в сельскую школу. Они выступили и поделились своими воспоминаниями.

Ещё не так давно Эмма Чиркова посещала эту сельскую школу, а сейчас она учится в Мильковской средней школе и в каждые каникулы приезжает

в родное село. Вот и сейчас приехала на каникулы. Эмма взяла слово и рассказала, как она живёт в интернате, как учатся и трудятся её товарищи.

В заключение Рая Возмищева — ученица Шаромской начальной школы — рассказала присутствующим о делах школы, о её хороших учениках, которые помогают в учёбе товарищам, рассказала, как школьники участвуют в колхозных работах.

Вспомнив прошлое и порадовавшись настоящему, участники вечера просмотрели концерт художественной самодеятельности, поставленный объединёнными силами учеников и комсомольцев села. Хорошо прозвучали песни, исполненные хором под аккомпанемент баяна, на котором играл Владимир Воробьёв. Виктор Мерлин, аккомпанируя себе на гармонии, спел песенку из кинофильма «На графских развалинах». Рая Возмищева и Таня Зимина спели «Школьный вальс». Они с Олей Заочной и Валей Новиковой исполнили танец «Берёзка». В концерте было ещё много интересных номеров. Зрители остались очень довольными. После этого до позднего вечера играли в настольные игры, а молодёжь танцевала.

Н. Зимин

Камчатский колхозник, 13 января 1960 г.

Шёл отряд по берегу...

Тема партизанского движения во время гражданского противостояния на Камчатке 1920-х гг. отражена в научно-популярной литературе, изданной на полуострове. К юбилейным датам в советское время выпускались сборники документов и воспоминаний. В них показаны борьба красных партизан с белыми отрядами в окрестностях Петропавловска и блокада города, события в Тигиле, расстрел сторонника советской власти в Уке, бои на севере Камчатки. Достаточно подробно известно о походе отряда Г. И. Чубарова в 1923 г., когда в Наяхане и Гижиге был уничтожен отряд полковника В. И. Бочкарёва.

Мы же расскажем об одной малоизвестной странице красного партизанского движения — о деятельности в 1921—1922 гг. Усть-Камчатского партизанского отряда, сведения о котором в печати почти отсутствуют.

В партизанском движении на Камчатке участвовали в основном приезжие с материка, добравшиеся до полуострова на заработки. Местное население в силу разных причин было задействовано в меньшей степени. Чтобы понять, почему на Камчатке действовали партизаны, на наш взгляд, надо учесть несколько чисто местных обстоятельств:

— наличие японских военных сил в Петропавловске;

— отдалённость от Центральной России при слабой транспортной доступности;

— малая численность населения и его сложный этнический состав, преобладание менее политизированных коренных обитателей над пришлыми лицами;

— низкая численность местного пролетариата — основная группа рабочих и специалистов завозилась с Японии и из Приморья.

Почему партизанский отряд был создан именно в Усть-Камчатске? Здесь в наибольшей степени сосредотачивались пришлые люди во время лососёвой путины, сюда прибывали сотни рабочих из революционного Владивостока. Ежегодно на лососёвую путину рыбопромышленники завозили до 1 300 чел. Значительная их часть, подвергшаяся большевистской обработке, была настроена на перемены в стране. Многие имели боевой опыт Первой мировой и гражданской войн. Почти все мужчины на Камчатке были опытными таёжниками и охотниками. Кроме Усть-Камчатска, отряды самообороны также появились в селениях Ука, Ковран, Утхолок и Тигиль. Но в них входили преимущественно местные жители, имевшие между собой тесные родственные связи.

Предпосылки создания партизанского отряда и обстановка в Усть-Камчатске. Участник экспедиции Ф. П. Рябушинского В. Н. Лебедев, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., так обрисовывает местное население: «Ничтожное по численности, тем не менее, чрезвычайно пестро во всех отношениях. Русские казаки, по крови полукамчадалы, башкиры, финны, японцы, корейцы — вряд ли исчерпывают национальный калейдоскоп этого приморского пункта, так как постоянно прибывают новые пришельцы. Купцы, приказчики, "петропавловские мещане", агенты рыбопромышленных компаний, охотники-рыболовы, рабочие разных специальностей — живут здесь постоянно или бо́льшую часть года. Наряду с крепкими патриархальными семьями, можно встретить совершенно разлагающиеся; наряду с энергичными, смелыми тружениками — жалких, больных алкоголиков; наряду с зажиточностью — нищету; одни соединяют добродушие и мягкость с прямотой и глубоко развитым чувством собственного достоинства, другие — принижены, хитры, недобросовестны...»

В одном из отчётов рыбоохраны 1920-х гг. указано: «Безработный элемент, не только из городов, но и из деревень, с одной стороны, а местное население — с другой стороны, наводняют сельцо Усть-Камчатск. И, подобно приисковой, заболевают "рыбной горячкой". Количество ловцов колеблется от 800 до 1 300 чел. Азарт

достигает высших пределов, заражает окружающих, не причастных к промыслу лиц и грозит нарушением административно-хозяйственного плана эксплуатации рыбных запасов».

Из кого же состоял партизанский отряд? По нашим подсчётам, в нём было около двадцати местных уроженцев, собранных со всей Камчатки, десять корейцев, а основной костяк составляла совсем недавно появившаяся в Усть-Камчатске «пёстрая публика», заброшенная на край земли революцией и гражданской войной, как правило, имевшая богатый жизненный и военный опыт.

В 1921 г. на лососёвую путину в Усть-Камчатск прибыла большая группа бывших каппелевцев. Их появление усложнило обстановку в селении. По данным В. П. Пустовита, один из них, И. З. Акуленко, на допросе в 1937 г. так обрисовал события весны 1921 г.: «Армия Каппеля от Читы вплоть до Маньчжурии вела отступление... Прибыв в Маньчжурию, все каппелевские части были обезоружены... и все каппелевцы, в том числе и я... были доставлены эшелоном. Со станции Раздольной я и другие каппелевцы выехали во Владивосток». Акуленко — один из немногих каппелевцев, вошедших в состав отряда. Видимо, он был хорошо знаком с его командиром Я. М. Созутовым, в показаниях сообщает: «Я ушёл партизанить с отрядом села Усть-Камчатск Созутова Якова Михайловича, с которым я пропартизанил до начала 1923 г.».

Камчатка входила в состав «буферного государства» — Дальневосточной республики (ДВР, столица — Верхнеудинск), провозглашённого 6 апреля 1920 г. ДВР была признана только РСФСР, это случилось 14 мая 1920 г. Цель создания ДВР — предотвращение прямого военного столкновения РСФСР с Японией. Во Владивостоке находились японские корабли и войска, японцы вмешивались в политическую и экономическую жизнь Дальнего Востока. Бывший премьер ДВР П. М. Никифоров позже писал: «Империалисты США, Англии, Франции и Японии продолжали строить планы борьбы против Советской России, организовывали контрреволюционные заговоры и мятежи внутри страны, вторжения вооружённых белогвардейских банд в пограничные районы. На Дальнем Востоке империалисты пытались осуществить свои планы руками белогвардейцев, организации которых находились на содержании иностранных разведок...»

В конце октября 1921 г., в связи с приходом в Петропавловск военных судов с особоуполномоченным правительства братьев Меркуловых Х. П. Биричем и генералом Н. А. Поляковым, Камчатский областной народно-революционный комитет (облнар-

ревком) покинул Петропавловск. В окрестностях города с целью запереть «белых» в нём начал действовать партизанский отряд. Поначалу в него входил 21 чел. Местное население стало называть партизан «сопочниками».

В это время рядом с Петропавловском и вдоль восточного побережья полуострова между городом и Усть-Камчатском лежало несколько небольших селений. Их жители занимались летом рыбалкой, а зимой — охотой на пушного зверя. Большинство поддерживало партизан, некоторые относились к ним равнодушно. Вот что вспоминал бывший партизан П. Г. Ивашкин: «По пути в Калыгирь остановились в селе Жупаново. На сельском сходе всё мужское население села объявило себя мобилизованным в партизанский отряд».

Руководство отрядами решило, что в ключевые пункты Камчатки должны быть направлены уполномоченные облнарревкома с определёнными правами. В Усть-Камчатск таковым назначили А. С. Лукашевского. 14 февраля 1922 г. ему было выдано удостоверение № 69, подписанное председателем облнарревкома И. Е. Лариным и секретарём Щербаковым. В документе указывалось, что А. С. Лукашевский наделён чрезвычайными полномочиями. Его основная цель в Усть-Камчатске — организация местного партизанского отряда и закупка для отрядов, действующих в окрестностях города, оружия, патронов, обмундирования и продуктов питания.

(Андрей Савельевич Лукашевский родился на Украине в 1881 г. В 1899 г. окончил Житомирскую фельдшерскую школу, в 1902 г. призван в армию. В Петропавловск прибыл в 1918 г. Из-за угрозы мобилизации в армию Колчака уехал в Усть-Камчатск. 10 января 1920 г. избран секретарём волостного комитета. В 1921—1922 гг. — один из руководителей партизанского движения на Камчатке. В 1924 г. принят кандидатом в РКП(б). Последние годы жил в Караге. В мае 1937 г. умер от сердечной недостаточности.)

Получив задачу, Лукашевский из Халактырки выехал на собачьей упряжке в Усть-Камчатск. По пути посещал сёла, лежавшие на основном тракте, беседовал с жителями. Участник тех событий П. Г. Ивашкин в своих воспоминаниях уточнил задачу, стоявшую перед Лукашевским: «...вменялось в обязанность организовать в селении Усть-Камчатск вооружённый отряд для отражения могущего быть налёта на этот пункт военных судов с белобандитами из Петропавловска. Кроме того, товарищу Лукашевскому предлагалось по пути следования в Усть-Камчатск проводить сельские собрания и волостные съезды в волнарревкомах, расположенных

в долине реки Камчатки, для избрания на волостных съездах делегатов на созываемый облнарревкомом чрезвычайный уездный съезд. Одновременно проводить работу по вербовке добровольцев и как можно быстрее направлять их для пополнения нашего партизанского отряда, блокирующего город Петропавловск».

Помимо этого, Лукашевскому поставлена задача — контролировать власть в Усть-Камчатске. 16 апреля 1922 г. «белая» газета «Камчатский листок» сообщала: «Лукашевский поехал вербовать добровольцев в красную банду. В некоторых селениях, где он проезжал, камчадалы его встречали с такими приветствиями: "Цо, паря, воевать захотел? Пусть мурки воюют, нам, паря, не надо!"»

А. С. Лукашевский при поддержке местных властей в целом смог решить поставленные перед ним задачи. Надо отметить, что партизанский поход стал возможным только после окончания путины, где были задействованы почти все отрядники. Рунный ход лосося в реку Камчатку заканчивался в конце августа, в сентябре кижуч шёл уже в меньших количествах, приёмка рыбы на заводы (русские и японские) завершалась.

Усть-Камчатский добровольческий отряд был создан в марте 1922 г. Первоначально его военным советом руководил поляк М. Я. Яворский. В отряд вошли добровольцы, занятые на лососёвой путине рыбаки и несколько местных жителей. Время от времени отрядники собирались и решали текущие вопросы местной жизни, в том числе и политические.

Вот одно из типичных заявлений от 7 мая 1922 г.: «Усть-Камчатскому военному совету добровольческого отряда гражданина Симеона Константиновича Попова заявление. Прошу... принять меня в число добровольцев на защиту прав трудового народа от банд меркуловского правительства. Все возложенные на меня обязанности обязуюсь исполнять точно, беспрекословно, в чём подписываюсь». В другом заявлении содержится «обещание верности службы трудовому народу для защиты края от врага и восстановления порядка и справедливости. Искренне желая отдать себя служению народу, не считаясь с лишениями и опасностью, я вступаю в боевое ядро. Все силы и душу свою отдаю на защиту трудящихся. И пока ещё есть у нас враг и области нужны солдаты, вся жизнь моя — только народу. Ему одному — моя кровь для изгнания врага. Клянусь же, товарищи, всем дорогим для меня, что за слияние с Советской Россией голову отдаю».

Партизанам выдавали удостоверение личности, утверждённое военным советом в марте 1922 г.: «Предъявитель сего — член

Усть-Камчатского добровольческого отряда, организовавшегося в селении Усть-Камчатск для изгнания из пределов Камчатской области именующей себя меркуловской власти, банд Бирича, Полякова и Бочкарёва, для защиты интересов трудящихся масс, занимающихся исключительно производительным трудом, всей Камчатской области, что подписями и приложением казённой печати удостоверяется».

По просьбе облнарревкома, в самый разгар путины 14 июня 1922 г. военный совет рассматривал вопрос «об организации помощи добровольческим отрядам, действующим на Петропавловском фронте, областного народно-революционного комитета». Выслушав сообщение делегата съезда Чернышёва о переговорах с японской фирмой «Ничиро Гио-Гио», постановили выписать от неё продуктов и товаров из Хакодате в селение Налычево из расчёта на 120 чел. на шесть месяцев общей суммой 7 082 руб. В их числе: 1 000 кулей муки (на 4 500 руб.), 90 пудов сахара (729), 10 ящиков постного масла (190), 20 пудов топлёного сала (320), одно место кирпичного чая (50), 20 ящиков керосина (180), два пуда байхового чая (128), два ящика спичек (75), 15 кулей риса (240), три пуда свечей (50), пуд мыла (180), 10 кусков белой дрели (ткани) по 45 ярдов (200) и ткани цвета хаки (240 руб.). «Означенная сумма должна быть покрыта рыбой, сдаваемой в свежем виде... Переговоры с фирмой о передаче заказа и выполнении всех формальностей поручаются волостному комитету совместно с делегатом съезда тов. Чернышёвым К.».

Гражданское противостояние имело свои особенности. Проходивший на Камчатке чрезвычайный 2-й Петропавловский уездный съезд Советов решил направить в город делегацию. Она должна была объявить Биричу решения съезда и вручить ему ультиматум о добровольном оставлении города, а японскому консулу — о выводе японских военных кораблей. К этому времени партизаны расстреляли попавшего в плен полковника Лукомского. В ответ белые арестовали делегатов съезда Иллариона Рябикова, Егора Попов и Герасима Яковлева. Затем Попова и Яковлева, как местных жителей, отпустили.

Военный совет поддерживал вероломно арестованного И. В. Рябикова. Вот выдержка из протокола заседания от 17 мая 1922 г.: «...вынести протест против ареста делегата Рябикова, как представителя всего трудового народа Камчатки, причём предупредить: если в известный срок Рябиков не будет освобождён и передан

областному съезду, то к сочувствующим меркуловскому правительству будут приняты решительные меры уничтожения».

Военный совет разрешал и морально-этические вопросы. Так, 31 июля 1922 г. «ввиду того, что революционные отряды исключительно составляют идейные работники, защищающие сознательно права трудового народа... совет находит нужным от годичного пожертвования отказаться, о чём и сообщить волкому».

8 сентября 1922 г. в совет с заявлением обратилась гражданка Любовь Тимофеевна Белоногова, жительница Усть-Камчатска. Просила «оставить для хозяйства одного Петра или Ивана, ввиду того, что я не могу одна вести хозяйство, потому что я больная, и работы по домашности очень много. Собаки никому не отданы, юкола не убрана и нет ни полена дров». За неграмотностью заявительницы по её просьбе расписалась Дарья Попова. Решением совета от 11 сентября на хозяйстве оставлен Пётр Белоногов. Подобные заявления подали: К. Ременюк (по болезни), Поликарп Шкуренко (строил дом), Илья Абрамов («шагать не могу, болен ногами»), а также Полонский и Скороходов (по семейным обстоятельствам).

8 сентября 1922 г. собрание усть-камчатских охотников решило отчислять в фонд помощи красным отрядам пятую часть от заработка и охоты.

После отправки людей на «Петропавловский фронт» военный совет продолжил работу. В частности, 18 сентября 1922 г. рассматривались меры, кои следовало предпринять к «противному элементу». Постановлено: «предложить Павлову, Казакову и Анищенко выехать на фронт с товарищами, уезжающими с катером... В случае отказа от таковой поездки выслать с пароходом на материк без права возвращения на Камчатку».

17 октября 1922 г. совет, рассмотрев третьим вопросом выдачу дров семьям отправившихся на фронт, единогласно определил: «собрать с каждого каюрного по одному аршину дров».

В адрес руководства военного совета неоднократно поступали запросы облнарревкома о присылке к городу людей и помощи продуктами и обмундированием, вроде: «Предлагается вам с получением сего командировать к Петропавловску с посылаемыми нами товарищами сколько представится возможным, но возможно большее число добровольцев-бойцов из состава вашего отряда, а также рыбаков, прибывших на пароходе “Томск”, если они надёжные люди и пожелают вступить в отряд. Все перебрасываемые вами к Петропавловску отрядники должны быть хорошо вооружены, обмундированы и снабжены продовольствием».

Вот распоряжение облнарревкома, адресованное Усть-Камчатскому волкому и военсовету 12 августа 1922 г.: «Областной комитет предлагает вам с получением настоящего приготовить катер продовольственного отдела, находящийся в союзе Камчатской кооперации, и передать его в распоряжение наших представителей, членов военно-революционных отрядов, командируемых нами на катере, согласно удостоверению № 570. Кроме того, предлагается выдать и сколько возможно погрузить на катера продовольствие, обмундирование, мануфактуру. Спешно изыскивать средства и приобрести... оружие, которое немедленно выслать с командируемыми товарищами».

Вероятность появления белых в Усть-Камчатске была высокой. В мае вышла в море канонерка «Взрыватель». В Усть-Камчатск пришло сообщение, что судно с «восемью вооружёнными поляковцами [следует] на Командорские острова. Если возможно, передайте, что в случае, если "Взрыватель" зайдёт в устье [реки Камчатки], примите все меры, чтобы захватить его».

В июне 1922 г. из Владивостока для поддержки Бирича и Полякова прибыл «батальон смерти». Его цель — запереть сёла восточного побережья — Халатырку, Налычево, Семячик (Шемлячик), Жупаново, Калыгирь, Усть-Камчатск, поддерживающие партизан. Командир батальона капитан 1-го ранга Ильин предлагал партизанам прекратить борьбу и сдаться без боя. Заявлял, что в противном случае сожжёт «все деревни, жители которых оказывают вам приют. Военный корабль сметёт их в пять минут до основания... Жалеть женщин и детей мне не приходится, коль скоро они явятся отродьями такого преступного племени».

После усиления белого присутствия в Петропавловске и ставшего известным плана высадки десанта с корабля «Магнит», военный совет разработал план защиты Усть-Камчатска. В селении вводился пропускной режим.

На 2-м чрезвычайном Петропавловском уездном съезде выступал А. Л. Бурнатов, делегат от Усть-Камчатской волости. Он сообщил, что «получена телеграмма... в которой ставилось в известность население Усть-Камчатской волости о едущих из Владивостока на Камчатку на пароходе "Кишинёв" вооружённых отрядах в количестве 500 чел. Эта телеграмма ужасно кольнула мирное, совершенно невооружённое население нашей волости... Вследствие этого наш Усть-Камчатский сельком немедленно созвал экстренное общее сельское собрание, где... был протест против вторжения в пределы Камчатской области черносотенных вооружённых отрядов,

а также вынесено желание признать единственной и законной властью в Камчатской области только Камчатский областной народно-революционный комитет...»

23 сентября в Усть-Камчатске заседали волостной и сельский советы, совместно с военным советом и госполитохраной, обсуждавшие меры по защите селения от «банд из города Петропавловска». Пассажиры, приехавшие на японском пароходе «Кобе-мару», рассказали, что в город прибыли воинские подкрепления, а «Магнит», ушедший на Командоры, на обратном пути может направиться в Усть-Камчатск.

План обороны Усть-Камчатска в случае подхода белых сил был таков:

«1. При появлении биричевских банд на Устье принять самые решительные меры, не дать высадиться таковому на правый берег реки Камчатки.

2. В знак непризнания власти Бирича водрузить красный боевой флаг.

3. На случай, если Бирич пожелает сделать общее собрание, то ему в таковом отказать.

4. Переговоры можно допустить, только вести таковые через парламентёров, для чего военным советом назначается пропускной пост и лица для переговоров и вручается инструкция таковым от отряда. Примечание: на пропускном посту должно находиться не менее семи человек. В случае переговоров парламентёров вменяется старшему на посту принимать переговорщиков с завязанными глазами и обезоруженных.

5. Для бдительного наблюдения и крайней осторожности выставить секретные посты в следующих пунктах: пост из двух или же из трёх человек — на правом берегу реки Камчатки, то есть на Устье (кошка), и один пост на левом берегу по течению реки Карлушки, против нового завода, — из пяти человек.

6. На правом берегу реки Камчатки в районе деревни должна быть предусмотрена боевая линия. Боевую линию считать усиленной от Банной речки вплоть до Баночки. Против Рябова на Баночке пост должен состоять не менее как из пяти человек.

7. Для снабжения передней линии продовольствием установить ближайшие дома.

8. Для бдительного надзора в тылу надо установить патрули, при этом усматривая главное место саботажников.

9. Для связи с передовыми постами и тылами устанавливается днём сигнализация флагами, а в ночное время — факелами.

10. Блиндажи оставить открытыми.

11. Учредить в тылу фельдшерский перевязочный пункт.

12. Ввиду того, что медикаментов для первой необходимости в отряде не имеется, поручить военному совету изыскать средства для вышеназванной цели в срочном порядке.

13. В случае отступления от первой линии, то есть с правого берега реки Камчатки, отряд переходит на боевую линию, то есть действия являются такими же, как у партизан, но отступающие цепи связи между собой не должны терять.

14. Причём от каждых пяти до десяти человек при отступлении цепью должна быть связь, каковая доносит военному совету при главном резерве обо всём случившемся.

15. Перевязочный пункт намечается военным советом в том месте, где не должно полётом пули угрожать раненым.

16. При оставлении боевой линии в деревне, цепи, отступающие боевым партизанским порядком, отступают цепью по направлению Монастыря, причём открывают одиночный огонь по наступающим.

17. Монастырские тундра и озёра должны служить боевой базой второй линии: делать отступление только с разрешения военного совета.

18. Дальнейшее отступление уже от второй линии: боевая линия — правый и левый берега Камчатки вплоть до Россыпи.

19. Для снабжения боевой линии в тылу должны находиться: катера, кунгасы, лодки и тому подобные плавучие средства и командный состав».

Отряд разделился на две части: отправившуюся на Петропавловский фронт и оставшуюся в Усть-Камчатске. Вот список добровольцев, изъявивших желание идти к городу: Д. Емельянов, Н. И. Алеко, Ф. К. Попов, Бурдуковский, Л. Логинов, М. Помазкин, Д. Петров, Роман Ушаков, Алексей Селезнёв, И. Лисенок, Илья Абрамов, К. Круглов, М. Копылов, М. Сахаров, Гугляж-Сиваченко, Ким, Ермил Фомин, И. Фотин, В. Григорьев, Р. Писсон, П. Скороходов, В. Кочергин, И. Бодаровский, Гайса Утяшев, И. Савинский, К. Ременюк, И. А. Худяков, Леонард Климентович, Крупенин, В. Миронов, Антон Акиёнок, Пётр Москалёв, Герасим Мустафинов, Данила Чистяков, Фёдор Мартьянов, Васильев, А. Расторгуев, В. Савинский, Виктор и Эммануил Степановы, Никифор Павлов, Казаков, Георгий Орлянский, И. Стишенко, Ф. Круглов, П. Метелёв, Ефим Иванов, М. Уколов, Ф. Мартьянов, А. Корчевой, Ф. Малюта, В. Ацунский, Т. Чепик, С. Чистяков, Зыкин, Скрибин, всего 57 чел.

В фондах Государственного архива Камчатского края имеется и более поздний список отряда, главой которого уже назван Я. М. Созутов. Кроме него, в отряд входили: Г. Ф. Трухин, Д. А. Усть-Качкинцев, Т. Т. Шамаев, А. Н. Савинский, И. В. Брагин, С. К. Попов, Е. Карелин, В. Косыгин, И. Попов, И. Белоногов, И. Знаменский, Г. М. Блищенко, И. З. Акуленко, М. Шагаев, Василий Ким, Пак Пенгу, И Хак Пони, Ким Эн Су, А. Л. Саватеев, Я. Ворошилов, Тореев, Нам Александр, И. Семёнов, всего 24 чел.

В донесении командующего партизанскими отрядами Камчатки В. Д. Богомолова командующему войсками Охотско-Камчатского края М. П. Вольскому тоже есть сведения об отрядах. «Первый Усть-Камчатский экспедиционный отряд: командир отряда Яков Созутов, его заместитель Трухин Григорий, численность 46 чел.: приезжих — 19, местных — 18, корейцев — девять. Вооружение: винтовок — шесть штук, винчестеров калибра 30/30 — 32 штуки, винчестеров калибра 30/40 — восемь штук, всего 46 штук. Снаряжение: патронов у каждого по 100 штук, подсумки и патронташи имеются не у каждого. Обмундирование казённое, паёк солдатский мирного времени. В Усть-Камчатске: Усть-Камчатский отряд численностью около 60 чел., командир Яворский. Отряд состоит чисто на добровольческих началах, который всё время находится под наблюдением уполномоченного губревкома Лукашевского». Эти люди оставались в селении для отражения возможной высадки белых.

В. П. Пустовит также сообщает о численности партизан: «Из Усть-Камчатска 7 сентября был отправлен отряд в количестве 24 чел., в Петропавловск прибыло 46 чел. За время прохождения селений численность отряда за счёт добровольцев возросла на 22 чел.».

Первый Усть-Камчатский отряд отправился на Петропавловский фронт 7 сентября 1922 г. на катере «Александр Невский». 2 октября вышел второй — численностью 17 чел. под руководством Г. Трухина. Первый отряд двигался по реке Камчатке, посещал все селения, где агитировал записываться в свой состав, собирал тёплые вещи. Им руководили П. Охапкин, Н. Александров, А. Лукашевский.

Выбор командира оказался непрост, обсуждались разные кандидатуры. Удостоверение Я. М. Созутову о том, что он является «начальником отряда», выдано только в день выхода из Усть-Камчатска. На него возлагалась чисто военная часть операции. Текст удостоверения: «Совет Усть-Камчатского отряда, 7 сентября 1922 г., село Усть-Камчатск, № 97. Дано настоящее Усть-Камчатским военным советом Созутову Якову Михайловичу в том, что

он назначается начальником добровольческого отряда, отправляющегося на Петропавловский фронт сухопутным путём. Председатель военного совета (подпись), член (подпись), секретарь (подпись)».

(Яков Михайлович Созутов родился 28 апреля 1890 г. В 1911 г. призван в армию, служил в 15-й роте лейб-гвардии Павловского полка в Санкт-Петербурге. Участник Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер. Первый Георгиевский крест 4-й степени заслужил, будучи старшим унтер-офицером, в бою 25 августа 1914 г. у деревни Уршулин, когда «примером личной храбрости и мужества увлёк нижних чинов, находившихся в мёртвом пространстве, и тем способствовал успеху атаки». Крест 3-й степени № 46997 получил, став подпрапорщиком, за бой 16 марта 1915 г. при деревне Малый Плоцк. «Увидев неприятельский аэроплан, организовал и энергично управлял ружейной стрельбой по нему своим взводом, благодаря чему аэроплан был сбит». Вторая степень пожалована «его императорским высочеством великим князем Георгием Михайловичем на станции Вилейка 28 сентября 1915 г.». Высшая — 1-я степень (№ 8779) получена лично от императора Николая II 15 декабря 1915 г. на станции Подволочинск. После Октябрьской революции Созутов вернулся на родину, в Елабугжский уезд Вятской губернии, но вскоре по мобилизации попал в Прикамский полк армии Колчака. В мае 1921 г. с группой бывших однополчан уехал на Камчатку. В 1921—1922 гг. трудился на заводе Дембби кассиром. В начале сентября 1922 г. назначен командиром Усть-Камчатского партизанского отряда. В конце 1920-х гг., когда он уехал на заготовку дров, сгорел его дом, в огне погибла вся семья — жена, сын и мать жены. 10 ноября 1929 г. женился на разведённой А. М. Кабановой, 1905 г. р., 11 ноября 1931 г. у них родился сын Евгений. За участие в партизанском движении на Камчатке награждён командующим Приморской группой войск И. Федько почётной грамотой и ружьём. Служил начальником милиции в Усть-Камчатске, трудился в колхозе по торговой части. Был членом правления кооператива, членом сельскохозяйственной секции при райисполкоме. До 1934 г. имел в Усть-Камчатске деревянный дом, корову. Работал кассиром в Госбанке. В 1935 г. переехал в Омск, затем — в Краснодар, вновь был кассиром банка. Арестован 21 марта 1938 г. Приговорён к высшей мере наказания с конфискацией имущества как «участник немецкой контрреволюционной диверсионно-шпионской организации». По другим данным, умер 14 декабря 1944 г. в заключении. Реабилитирован в 1957 г.)

Кандидатура Я. М. Созутова была не единственной. Так следует из слов В. Д. Жиганова, известного среди эмигрантских кругов, автора большой работы «Русские в Шанхае». В годы Первой мировой войны он дослужился до чина штабс-капитана, во время гражданской войны воевал в составе каппелевских войск. Весной 1922 г. уехал из Владивостока на заработки на Камчатку. В августе 1922 г. ему тоже предложили встать во главе партизанского отряда. На это он ответил: «Я решил в гражданской войне больше не участвовать. Если мобилизуете — пойду служить!» Но мобилизация не состоялась. На следующий год ему предложили занять должность главного инструктора территориального батальона Камчатки. Зимой В. Д. Жиганов преподавал в начальной школе. В 1925 г. арестован ОГПУ, отправлен во Владивосток. Во время плавания ему удалось бежать с парохода, зашедшего в Японию.

Маршрут первого отряда по реке Камчатке. От Усть-Камчатска до Кирганика шли на катере, далее — пешком до Начики, где готовились к зимнему переходу. Из Начики отправились до Петропавловской сельхозфермы и далее до города. При движении на катере отряд сопровождали уполномоченный облнарревкома А. Лукашевский, начальник госполитохраны Александров, инструктор волостных сельских комитетов Охапкин, представители Усть-Камчатского волостного и сельского ревкомов Акимов и Димитриев. Поход начался неудачно — вышел из строя двигатель катера. Об этом свидетельствует акт, составленный в тот же день, 7 сентября 1922 г.: «Выйдя из Усть-Камчатска с отрядом, в двенадцать часов был замечен слабый ход катера. Сопровождающий нас катер “Невский № 1” буксировал нас до Чёрного Яра, куда экспедиция прибыла около четырёх часов. Вышли из Чёрного Яра в пять часов самостоятельно, причём, пройдя с версту, машина встала, простояв полтора часа. Вновь была пущена в ход, пройдя ещё три четверти версты, машина встала снова. Возвращавшийся с Берёзового Яра катер “Невский” буксировал нас до Берёзового Яра, так как самостоятельно идти не могли. Прибыли в Берёзовый Яр около восьми часов вечера. Принимая во внимание вышеизложенное, члены экспедиции нашли необходимым созвать комиссию... для осмотра мотора и его пригодности для дальнейшего следования экспедиции. После осмотра специалистами — товарищами Мосько и Замировским последними было заявлено, что мотор требует капитального ремонта и дальнейшее продвижение с этим катером будет не без риска больших задержек в пути».

Тем не менее, несмотря на поломку, в этот же день вечером отряд прибыл в Нижнекамчатск, расположенный в тридцати километрах вверх по реке от Усть-Камчатска.

8 сентября состоялось собрание граждан Нижнекамчатского сельского общества, где присутствовали Созутов, Лукашевский, Александров, Охапкин, заведующий хозяйством отряда Димитриев. С докладами выступили Охапкин, Димитриев и Александров.

«Доклады выступающих собранием были приняты с глубоким сочувствием. Одновременно с ним открыт лист для записи добровольцев на фронт, стоящий около Петропавловска, и лист для вписывания добровольческого пожертвования в пользу фронтовиков». После этого было зачитано объявление командира японского миноносца «Маки». Его разъяснил Лукашевский. Третьим вопросом была заслушана инструкция начальникам отделов госполитохраны. «Инструкция собранием к сведению принята».

В Нижнекамчатске было выдано удостоверение № 289 И. Ф. Сновидову «в том, что он назначен и состоит начальником госполитохраны при Камчатском областном народном комитете в районе селения Нижнекамчатск». Подписал документ начальник госполитохраны Александров. (В конце 1920-х гг. И. Ф. Сновидов был назначен председателем Усть-Камчатского райисполкома, но в этой должности проработал недолго, был репрессирован.)

Из Нижнекамчатска отряд по реке вышел до Камак и далее до Ключей, где прошло собрание двух отрядов — Ключевского и Усть-Камчатского. Пополнившись новыми добровольцами, выехали дальше, посетили находившиеся выше по реке селения Кресты, Ушки и Козыревск.

Житель Ключей механик Ширинкин помог с ремонтом мотора катера, ведшего два кунгаса с партизанами. Работу он завершил в конце октября, получив премию в 200 руб. Ширинкина пригласили на катер мотористом. Весь путь до Кирганика, куда мог дойти катер, пройден успешно, несмотря на очень сложную навигационную обстановку на реке Камчатке. В середине сентября уровень воды резко падал, лоцманская служба здесь отсутствовала.

Я. М. Созутов позже сообщал: «Двигались по реке Камчатке вверх на Мильково, проводя в сёлах вербовку в партизанский отряд... В селе Ключи по прибытии туда нашего отряда гражданин Ширинкин был взят мотористом на катер... сопровождал нас от села Ключи до села Кирганик, то есть в течение 10–12 дней...»

Маломощный катер преодолел расстояние от Усть-Камчатска до Козыревска за одиннадцать дней. 18 сентября в Козыревске

состоялись митинг и собрание женщин. Был создан женский комитет по сбору пожертвований для партизан Петропавловского фронта. На собрании выступили Охапкин, Лукашевский и Димитриев. Собрание постановило: «Организовали женский комитет по сбору пожертвований, для каковой цели избрали комитет из трёх лиц: председательницы Татьяны Никитиной и двух членов — гражданок Варвары Кочергиной и Любови Чуркиной, а также постановили поддержать всеми возможными мерами как фронт, так и народную власть в лице областного комитета».

(Осенью 1972 г. по маршруту отряда отправилась группа комсомольцев из Усть-Камчатска, названная «Эскадроном революции». В состав группы входил журналист В. Киселёв, описавший этот поход в газете «Ленинский путь». Он привёл рассказ коренного жителя Козыревска 70-летнего Николая Константиновича Чуркина о приходе в село партизан. Их расквартировали по домам, часть поселили в школе. «Состоялся митинг. Командир отряда Яков Михайлович Созутов просил жителей собрать тёплые вещи для партизанских отрядов, действующих в районе Петропавловска. И козыревчане откликнулись на этот призыв». Н. К. Чуркин вспомнил, что некоторые местные жители вступили в отряд. Позже один из них возглавил козыревский колхоз «Путь Ленина».)

Наступила осень. Как будут складываться дальнейшие события, руководство партизанским движением не знало. Многие отрядники болели, им не хватало продуктов, одежды и обуви. Поэтому начали готовиться к ещё одной партизанской зиме при отсутствии снабжения и нехватке боеприпасов. Надеялись на Усть-Камчатск, откуда можно было получить муку, жиры, крупы и оружие. Поэтому требования к местной власти становились всё настойчивее...

Следующим пунктом, мимо которого должен был пройти отряд, было местечко Макарка. На 350-м километре с правого берега в Камчатку впадала небольшая речка, вытекавшая из озера. Здесь обосновалась большая группа бывших каппелевских офицеров и солдат, образовав артель по заготовке леса. Они сплавляли его в низовья реки Камчатки. В боевых действиях на Камчатке не участвовали, дав подписку, что вмешиваться ни во что не будут, и все взятые обязательства выполнили. Сам Я. М. Созутов был из их числа и, безусловно, со многими был знаком по совместной службе и работе в Усть-Камчатске.

Отряд прошёл по реке до Кирганика более 400 вёрст от Усть-Камчатска. Далее около 400 вёрст — пешком до Петропавловска по так называемому тракту — лесной тропе между селениями.

От Кирганика путь лежал в большое село Мильково, до него было немногим более двенадцати вёрст. До Мильково отряд преодолел полпути, когда Лукашевский, Охапкин, Александров и ещё двое на катере вернулись обратно.

Мильково в то время было крупным селом. Здесь жили потомки русских крестьян. Население было патриархальным, придерживалось православных обычаев. В годы русско-японской войны из мильковчан был собран отряд ополченцев, участвовавший в боевых действиях на западном побережье Камчатки. Во время гражданского противостояния мильковчане образовали дружину и выступили в помощь «старой», то есть «белой» власти, но дошли только до соседних Шером. Поэтому руководство партизан рассматривало Мильково как реакционное село и готовилось к столкновению с мильковчанами.

Как развивались события, на страницах районной газеты «Знамя труда» вспоминал один из свидетелей, житель Мильково И. А. Карпов: «В один из солнечных июньских дней 1922 г. (здесь автор не точен. Отряд был в Мильково в конце сентября 1922 г. — *В. Б.*), когда мы, мальчишки, как обычно, играли в конце улицы (Долгой, сейчас Партизанской. — *В. Б.*), из кустов показались незнакомые вооружённые люди. Поочерёдно выходя из лесу, они тут же почему-то ложились на землю. Один из них, кроме ружья, держал красный флаг. Мы бросились по домам. Впопыхах рассказав взрослым о пришельцах, мы снова выскочили на улицу. Мужики поднялись со своих крылец, где они, по обыкновению, отдыхали... А поляна тем временем была наполнена вооружёнными людьми. “Партизаны... Партизаны пришли...” — раздавались повсюду голоса.

Убедившись, что сопротивления со стороны сельчан не последует, отряд стройным порядком вошёл в село. Мы, пристроившись рядом, провожали его до дома купца Коршунова. Партизаны вызвали старосту села и попросили место для ночлега. Назавтра было объявлено о сельском собрании.

Проходило оно в нашей школе. Окна были открыты и, стоя под ними, мы слушали, как командир объяснял жителям, что царское правительство свергнуто и по всей стране установлена власть рабочих и крестьян. Большинство присутствующих слушали оратора внимательно, иные время от времени шептали что-то друг другу на ухо, были и недовольные. При голосовании за новую власть подняло руки большинство.

Утром следующего дня над школой развивался красный флаг, оповещая всех жителей камчатского села о начале новой жизни.

Этот день был как праздник. Принаряженные, в приподнятом настроении, собрались сельчане на пришкольной площади. Весь день они не уходили отсюда. Люди танцевали, пели. Партизаны играли в лапту, уходя, подарили свой мяч нам, мальчишкам. Далеко за село провожали сельчане партизан, а мужики на лошадях сопровождали их до соседнего села Верхнекамчатск. Много разных толков было после этого события».

Дополнительные сведения приводит в своих воспоминаниях участник Великой Отечественной войны, уроженец Мильково Ф. Е. Еланцев: «Бойцы отряда Созутова вывесили в Мильково красный флаг. Вечером они устроили встречу с местными жителями, а нас, мальчишек, угощали конфетами. Хорошо запомнил отъезд партизан. Запомнил я и фамилию начальника, сопровождавшего отряд до Мильково, им был Охапкин. Отсюда Охапкин в сопровождении нескольких человек убыл в Усть-Камчатск на катере. Прощались партизаны красиво, салютуя из винтовок и винчестеров. Мильковцы выделили лошадей, помогли партизанам в их дальнейшем продвижении к Петропавловску».

В Мильково отряд переночевал в домах местных жителей и на следующий день вышел в Верхнекамчатск, оттуда — в Шеромы, затем — в Пущино. От Пущино надо было пройти большое расстояние, преодолеть реку Камчатку и выйти на Ганальскую тундру. Здесь в октябре снег уже не редкость. После Ганальской тундры тракт вёл в селение Ганалы на реке Быстрой. Далее предстоял переход до селения Малки. Здесь, в четырёх верстах от селения, находятся горячие ключи. От Малок отряд двинулся в Начики. До конечной точки пути оставалось менее девяноста вёрст или четыре-пять переходов. В Начиках второй отряд догнал первый, партизаны соединились и стали уже серьёзной военной силой.

Уроженец Верхнекамчатска Константин Модестович Верещагин, 1916 г. р., 30 августа 2001 г. рассказал нам: «Хорошо помню усть-камчатский партизанский отряд. Они шли строем, одеты были по-разному. Шли быстро, пришли, пообедали и дальше пошли в город. Из Верхнекамчатска с ними никто не пошёл. У нас в доме обедали три человека. Партизаны спешили, в этот день они должны были дойти до Шером и там переночевать».

Видимо, основное пополнение партизан произошло в Ключах, где находился местный отряд. Если принять во внимание воспоминания жителя Козыревска Н. К. Чуркина, записанные В. Киселёвым, то, например, в Козыревск в декабре 1922 г. вернулись Ион Васильевич Попов, Михаил Помазкин, Захар Попов, Фёдор Попов,

Семён Попов и другие добровольцы. Житель Кирганика П. Е. Чуркин отметил, что из Козыревска были и братья Кречетовы. Выходит, что в Козыревске к отряду примкнули не менее семи местных жителей.

Здесь, похоже, речь идёт о братьях Фёдоре Спиридоновиче (Белая Голова) и Максиме Спиридоновиче Кречетовых. Их старший родственник Иван Дмитриевич Кречетов, ему было уже за пятьдесят, вряд ли записался в отряд. Это нам подтвердила старожил Козыревска М. Калашникова. После возвращения из Петропавловска М. С. Кречетов возглавил Козыревский сельревком, но руководил им недолго. Впоследствии, в 1930-х гг., он был репрессирован.

В других селениях верховья реки Камчатки отряд пополнился всего на два-три человека. Деятельный участник тех событий В. И. Семёнов указывал, что численность отряда достигала 60 чел. Семёнов вспоминал: «...мог ли стоять в стороне от этих событий трудовой люд Усть-Камчатска — самого крупного в Камчатской губернии района? Тогда в него входили Мильковская до села Ганалы, Козыревская, Ключевская и Дранкинская — до села Рекинники — волости, а также нынешний Быстринский район. Не только продовольствием и боеприпасами помогали устькамчатцы облнарревкому. Именно в эти годы из рыбаков и охотников формируется отряд, призванный обеспечить успех горожанам, не дать возможности белогвардейцам высадиться в их тылу. В дальнейшем шестьдесят бойцов этого отряда совершили бросок через долину и к концу октября 1922 г. соединились с отрядом облнарревкома, который в ноябре очистил от белобандитов город».

Другой участник отряда, М. Н. Копылов, живший в Ключах, рассказывал, что вступил в отряд 28 августа 1922 г. В нём было 50 чел. «Наш отряд двигался... по долине реки Камчатки. Остановились в селе Начики, не доходя до Петропавловска 94 версты. Цель нашей остановки — войти в связь со штабом 4-го отряда губревкома, который находился в селе Налычево, в другой стороне от Петропавловска, примерно в шестидесяти верстах от него, а также для того, чтобы приготовить себе обувь, тёплую одежду для зимы и сделать лыжи для ходьбы. [Это заняло] примерно дней двадцать... Получили сведения, что Владивосток занят советскими регулярными войсками. Узнав это, белые давай скорее собираться и тягу из Петропавловска... Когда нам сообщили, что белые из Петропавловска уехали, наш партизанский отряд двинулся в Петропавловск. Задержались в трёх верстах от города на сельхозферме, где и встретились с партизанским отрядом губревкома. 10 ноября в десять часов утра мы вошли в Петропавловск, где установили

рабоче-крестьянскую власть... В половине декабря месяца того же года пришёл из Владивостока "Главком Уборевич", на котором прибыли красноармейцы... После чего наш усть-камчатский отряд, а также губревкома распустили по домам».

В октябре 1922 г. «белое» руководство Приморья рассматривало возможность бегства на Камчатку. 25 октября 1922 г. японские войска, а затем части белой армии покинули Владивосток. В город вступила Красная Армия.

Боевых столкновений усть-камчатских партизан с белыми не случилось, так как последние ушли морем из Петропавловска за несколько дней до прихода отрядов облнарревкома. Но до конца октября 1922 г. обстановка оставалась неясной даже для руководства отрядами. Так, П. Г. Ивашкин вспоминал: «...было уже начало ноября. Стали готовиться к зимним операциям: заготовляли лыжи, нарты. Вскоре прибыли два разведчика от Созутова и сообщили, что усть-камчатские партизаны уже недалеко, а продвигаются медленно потому, что отряд везёт большое количество патронов».

Весть о вступлении партизан в Петропавловск дошла до селений долины, откуда ушли с усть-камчатским отрядом и добровольцы из других селений. 23 ноября А. С. Лукашевский писал из Усть-Камчатска: «На основании информаций, полученных мною от члена облкома Щербакова, председателя комитета Ларина, члена облкома Шлыгина с Созутовым, а также уведомления дважды Петропавловской городской управы и селения Завойко, выяснилось, что банды белых из Петропавловска бежали... В город вступил Ларин с отрядами.

Сообщая об этом и идя навстречу скорейшему восстановлению экономического положения Усть-Камчатской волости, нарушенного всеобщей мобилизацией, военсовету надлежит созвать 24 ноября общее собрание граждан Устья, на котором и объявить о снятии военного положения и о роспуске военнообязанных. В этот же день произвести манифестацию в память освобождения Камчатки от банд меркуловщины и закрепления прав и власти трудящихся».

3 декабря 1922 г. газета «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» опубликовала приветственную телеграмму от 24 ноября: «Поздравляем отряд с бескровным взятием Петропавловска. Шлём братский привет трудящимся материка в день празднования торжества очищения Камчатки и всей России от последних банд белых. Граждане Усть-Камчатска».

В декабре 1922 г. В. Д. Богомолов отправил уполномоченному А. С. Лукашевскому письмо: «Добрейший Андрей! Поздравляю

тебя с Новым годом, годом беспощадной пролетарской диктатуры! Андрей, новости не пишу, ты их почти все знаешь и, вероятно, учитываешь, какие они должны быть, тем более ты всё поймёшь из посланных мною газет. Но, между прочим, напишу, что скоро будут в Усть-Камчатске представители с материка: военный комиссар товарищ Марков (или другой кто-нибудь) и представитель Рабоче-Крестьянской инспекции и небольшой отряд военной силы регулярных советских войск. Ты пока этого всем не говори, но постарайся одёрнуть, кого следует. Всё-таки интересней встретить товарищей в должном порядке. В той цели, чтобы была видна и наша работа на Камчатке. Конечно, я знаю, как тяжело работать в Усть-Камчатске, и я лично ценю твой труд выше всех нас. Кому обязаны отряды? В данном случае я, как стоящий во главе отрядов, говорю это: только тебе. Ну, пока, много писать не буду. Мне некогда и тем более ты сам знаешь, что нужно делать, и тебе на месте видней...»

Свою оценку событиям в ходе гражданского противостояния в жалобе прокурору СССР от 21 февраля 1940 г. дал арестованный И. Е. Буянов, обвинявшийся по делу «Автономная Камчатка». Он отметил: «За неимением военных специалистов на местах никаких военных занятий в отрядах не производилось. Отряды состояли преимущественно из охотников, занимавшихся в то же время рыболовством. Каждый член отряда имел собственное охотничье оружие, зарегистрированное в отряде. Управлялся отряд военным советом, избранным общим собранием членов отряда. В состав военного совета входили председатель, секретарь и члены.

Дисциплина отрядов выражалась в обязательстве посещения общих собраний и выполнения постановлений таковых. Кроме этого, имелось клятвенное обещание, подписанное каждым членом отряда.

В то же время Усть-Камчатским отрядом была организована материальная помощь Петропавловскому фронту путём пошивки палаток, верхнего и нижнего белья и прочего и посылки продуктов через... рыбопромышленника Ничиро в ближайшую к Петропавловску бухту Налычево. Для оплаты продуктов, купленных у Ничиро на сумму около 7 000 иен, по инициативе отряда организован был “субботник” по ловле рыбы в пользу Петропавловского фронта, в котором принимали участие все жители Усть-Камчатска и ближайших селений.

Все члены отряда не пользовались никакими видами довольствия, жили в своих квартирах, занимались обычным своим делом, преимущественно рыболовством...

Выбрали из своей среды достойного, всеми уважаемого командира товарища Созутова, под командой которого и был отправлен отряд по реке Камчатке, при проследовании по пути через лежащие селения пополняясь добровольцами. Отряд до полпути сопровождался уполномоченным облнарревкома Лукашевским, ОГПУ (точнее, госполитохраны. — *В. Б.*) Александровым, представителями волревкома, сельревкома и от Усть-Камчатского отряда Охапкиным. Вместе с отрядом направлялось вещевое снабжение фронта.

Уполномоченные представители, сопровождавшие отряд, снабдились за счёт фронта лучшим обмундированием, замшевыми тужурками с вязаными воротниками и рукавами, американскими бутсами (ботинками с высоким голенищем. — *В. Б.*)... На этой почве по возвращении сопровождавших отряд произошли на общем собрании серьёзные разногласия, вылившиеся затем в открытую вражду уполномоченного облнарревкома Лукашевского с председателем военного совета Яворским...»

Второй Усть-Камчатский отряд. 12 августа 1922 г. партизанское командование отдало распоряжение Усть-Камчатскому военному совету: отправить «добровольцев-бойцов» на «Петропавловский фронт». Одновременно в Усть-Камчатск послан Г. Ф. Трухин с несколькими спутниками. В их задачу входило взять налоги с рыбопромышленников восточного побережья, собрать и доставить на «Петропавловский фронт» оружие, патроны, снаряжение, обмундирование и продукты.

Г. Антонов, один из участников этого похода, позже вспоминал на страницах «Камчатской правды»: «Летом того же года в партизанских отрядах стал остро ощущаться недостаток продовольствия, главным образом хлеба. Не хватало оружия и боеприпасов. В конце августа ревком направляет в Усть-Камчатск группу партизан в 10–12 чел. Ей дано задание: добыть в Усть-Камчатске муку и другое продовольствие, оружие и боеприпасы и доставить морем в отряды, действовавшие под городом...

По предписанию командира мы не должны были ввязываться в схватки с белогвардейцами. Поэтому наш маленький отряд двинулся целиной, “медвежьими уголками”, где нет дорог, куда лишь изредка заходят охотники. Часто приходилось пробираться через бурелом и непролазную чащу валежника, то и дело путь преграждали быстрые горные речки и приходилось переправляться через них — где вброд, а где на плотах...

Таким образом, отряд, хотя и медленно, всё же добрался до бухты Медвежка. Километрах в двенадцати от Калыгиря путь прегради-

ли прибрежные скалы. Мы развели костёр в условленном месте, и наутро за нами пришёл маленький катер. Все сели в шлюпку, и катеришка, захлёбываясь торопливыми выхлопами, потащил нас на буксире в Калыгирь.

На подходе к Калыгирю нужно было пройти через бары. Катер прошёл благополучно, но ведомая им шлюпка перевернулась. Утопив несколько винтовок, продрогшие и измученные, мы выбрались на берег, где нас радушно встретили местные жители...

Решено было во что бы то ни стало достать утопленное оружие. Хозяева посоветовали нам дождаться отлива, а потом мы с их помощью достали из воды все винтовки.

В Калыгире отряд простоял несколько дней. Здесь нас застал приказ ревкома: конфисковать в Шемлячике всю продукцию у рыбопромышленника-коммерсанта Дедухова.

В первых числах сентября, попрощавшись с гостеприимными калыгирьцами, наш отряд на шлюпке, буксируемой тем же калыгирьским катером, отправился в Жупаново, где должен был взять каппелевский вельбот грузоподъёмностью десять тонн. Там мы провели общее собрание жителей. Население с интересом расспрашивало о положении в городе...

Ещё три дня — и мы в Шемлячике. Здесь отряд разделился на две самостоятельные группы: одна ушла на катере в Усть-Камчатск, а другая осталась в Шемлячике, поставили палатку и стали выжидать. Рыбопромышленник нервничает, наше присутствие беспокоит его, но рыбу он продолжает ловить: недели через две должен прийти пароход и забрать продукцию.

Через два дня подул крепкий морской ветер, начался шторм. Он всё усиливался... Мы очень беспокоимся за уехавших на катере товарищей. Наш командир, собрав импровизированный военный совет, решает захватить идущий сюда пароход и заставить капитана перевезти нас в Усть-Камчатск.

Я когда-то работал учеником на пароходе и был знаком с расположением кают и трюмов на судне. Делаю схему. Устанавливаем обязанности каждого в предстоящей операции. Наконец пароход пришёл. Капитан посылает на берег катер и кунгас для погрузки рыбы».

Но другой участник похода — А. И. Козырин — спустя тридцать семь лет пишет: «...я провёл без посадки на мель по коварному фарватеру, по перекатам и порогам реки Камчатки глубокосидящие суда от устья до Щапина. Выше до Кирганика мы переправили грузы на вёртких батах. Трухин был справедлив, уважая знания и опыт, в поддержке дисциплины проявлял твёрдость...

Из Калыгиря к нам поступил мотористом некто Медкун, любивший препираться и нарушать дисциплину. Командир, едва его не застрелив, круто наказал — выгнал с судна в Щёках на безлюдном месте. Впрочем, это был единственный случай. Командиру беспрекословно повиновались, бойцы его любили, многие были обязаны ему жизнью».

Историк Б. И. Мухачёв со слов А. И. Козырина указывает: «Отряд формировался в селе Калыгирь. В него включили 15 чел. Возглавил партизан охотник Тимофей Трухин...» Далее А. И. Козырин сообщал: «В Шемлячике на рыбалке реквизировали катер и направили на нём в Усть-Камчатск первую группу партизан — пять человек».

Вот что рассказывал об А. И. Козырине в статье «Один из отважных», опубликованной в «Камчатской правде», В. И. Семёнов. По его словам, Козырин «участвовал во многих боевых операциях партизан против белых, совершил вместе с другими партизанами знаменитый рейс из Жупаново в Усть-Камчатск на катере, конфискованном партизанами на пароходе “Томск”. Несмотря на штормовую погоду и опасности, партизаны в сентябре 1922 г. на этом катере доставили Петропавловскому партизанскому отряду необходимое продовольствие и патроны, пожертвованные рыбаками и охотниками селения Усть-Камчатск».

О командировке в Усть-Камчатск и действиях второго партизанского отряда подробно докладывал сам Трухин: «Я с откомандированными в моё распоряжение двенадцатью отрядниками 15 августа вышел в путь. До села Калыгиря наш путь был по суше, а в Калыгире, взяв катер, принадлежащий названному обществу, и присоединив к своему отряду ещё четырёх человек калыгирцев, двинулись в Жупаново. В Жупаново, ввиду того что не было содержательницы рыбалки Шеболдиной, я не мог приступить к взысканию налогов и сборов, но мною было оставлено в Жупаново три добровольца, и я им поручил, как только прибудет на пароходе или на катере содержательница рыбалки Шеболдина, то взыскать с неё налоги и сборы и наложить на неё денежный штраф за то, что она неправильно производила улов рыбы на реке Жупановой, а сам, сделав опись всего принадлежавшего рыбалке имущества и заручившись постановлением жителей жупановского общества о том, что оно будет всячески помогать оставленным мною трём добровольцам в их работе по взысканию с Шеболдиной штрафа, налогов и сборов, я на катере с отрядом выехал в Шемлячик. Прибыв на Шемлячик, я на другой день конфисковал у содержателя рыбалки Деду-

хова катер, который потребовал ремонта два дня. После его исправления я откомандировал на этом катере на Усть-Камчатск пять человек отрядников во главе с Дыптаном и Слободзяном, а сам остался ждать парохода “Томск”. До прихода парохода мною была произведена конфискация спирта в количестве одиннадцати с половиной ящиков, карт два ящика, один ящик бус и прочая мелочь, принадлежащая некоему Емельяну Годованому, приехавшему лечиться на ключи.

Дней через семь пришёл на Шемлячик пароход “Томск”. Я со своим отрядом поехал на пароход, потребовал от капитана сдачи оружия всеми пассажирами и потребовал от него предъявления документов, что имеется из продовольствия и одежды на пароходе. Оказалось, что пассажиры все были рабочие с рыбалок, было несколько коммерсантов, но оружия, как те, так и другие, при себе не имели. Капитан мне заявил, что пароход “Томск” он белым не отдаст, и выдал мне в этом расписку, а что касается взыскания с едущих коммерсантов налогов, то этого сделать не пришлось, потому что у них не было наличности, а пришлось бы взыскивать натурой, то есть рыбой, с которой возиться было некогда и народу у меня в отряде было мало. Продовольствия на пароходе “Томск” было только для пассажиров и команды, поэтому взять ничего не пришлось, не было также ничего из одежды и обуви. Видя такое положение и узнав на пароходе “Томск”, что командированные мною с Шемлячика на катере в Усть-Камчатск не прибыли, полагая, что катер погиб, зная положение отрядов, оставшихся под городом без продовольствия, я решил конфисковать находящийся на пароходе катер “Невский” и на Шемлячике у Дедухова все продукты и материалы, что и сделал, и Дедухов погрузил на пароход только одну икру. Прибрав всё продовольствие — муку, сахар, сало и рыбу, что отняло времени три дня, я с отрядом пошёл на ключи, где проживали больные. На Шемлячике было сделано собрание приехавших на ключи лечиться, на котором было постановлено: передать для отрядов облнарревкома находящееся у них оружие. Таким образом, мне были переданы там два винчестера и одна трёхлинейка с патронами.

После этого я с отрядом выехал в Усть-Камчатск на катере, конфискованном на пароходе “Томск”. Подъезжая к Усть-Камчатску, я увидел идущую по морю шлюпку, которая была буксирована с Шемлячика катером, на котором были командированы мною Дыптан и Слободзян. Я сразу же заподозрил, что с товарищами случилось несчастье. Так оно и вышло на самом деле: катер был

разбит у мыса Шуберт, а шлюпка большая была выброшена на берег благополучно, человеческих жертв, к счастью, не было.

Прибыв в Усть-Камчатск, я узнал, что для отрядов облнарревкома там ничего приобретено не было, ни из продовольствия, ни из оружия. На первом общем сельском собрании Усть-Камчатска выяснилось положение и было решено послать за приобретением оружия в селение Ключи, куда и поехал уполномоченный Лукашевский, но, зная, что для меня в Устье мало собрано оружия и патронов, я послал трёх человек на катере в Ключи, а сам остался в Устье. Лукашевский моих людей задержал, и они вернулись с Ключей только на восьмые сутки, привезли оружие, одежду и обувь. В это время на море поднимался шторм. Выжидая погоды, я прожил на Устье около пяти дней и потом на катере "Невском" с полным грузом и восемнадцатью товарищами (ещё была одна большая и две маленькие шлюпки) выехал в море. Остановились на ночёвку в устье залива. Вечером, когда пошёл сильный отлив, у катера сорвало якорь, и нас понесло в устье. Шлюпка большая задержалась, и когда нас несло, моторист на катере всё время разжигал мотор, но вместо бензину оказался взятым у нас газолин. Моторист, попробовав разжёчь катер спиртом, которого у нас было около двух банок, вылил в бак катера одну банку, и на катере произошёл пожар. Поспешно пересадили на шлюпки людей и этим спаслись. Из груза ничего не пострадало, а катер пропал. Машину с катера снял и передал волкому.

Прибыв в Усть-Камчатск на шлюпке, я потребовал от волкома катер "Болиндер", нагрузились и снова выехали на то же место, откуда нас сорвало отливом на катере "Невском".

Вечером к нам прибыли из волкома люди и передали, что "Свирь" (канонерская лодка белых. — *В. Б.*) вышла из Петропавловска, знает о нашей экспедиции по морю и ждёт нас в Шемлячике. Я ещё с ними не соглашался, прождав до утра. Утром пришла шхуна Свенсона, и последний подтвердил то, что мне передавали из волкома. Я тогда и решил оставить путь по морю, а пойти со своим отрядом по долине Камчатки, захватив с собой оружие, патроны и обмундирование, что и сделал. Прохождение отряда по долине реки Камчатки было везде благополучное, и в Начиках я догнал ранее вышедший из Усть-Камчатска отряд под командой товарища Созутова».

Рассматривались два варианта движения второго отряда до Петропавловска: морским путём или по реке Камчатке. Каждый имел свои плюсы и минусы. Октябрь — время морских штормов, но

и движение катеров по реке Камчатке тоже затруднено: уровень воды в ней значительно упал.

Военный совет постановил: «С целью сохранения ценного груза (оружие, патроны, тёплая одежда) предполагаемую поездку отряда морским путём изменить, направив таковой вверх по реке [Камчатке] насколько возможно катером. Далее — на батах и лошадях».

Дату выхода второго отряда уточняет документ, хранящийся в краевом архиве (Ф. 300. Оп. 1. Д. 15. Л. 18): «2 октября 1922 г. из Усть-Камчатска вышел отряд из 17 чел. под командой товарища Трухина, командированного облревкомом и военным штабом».

В это время первый отряд под руководством Я. М. Созутова приближался к Начикам, месту, где находился штаб всех партизан. В октябре здесь собралось много народа. Прибыли первый и второй отряды из Усть-Камчатска, находилась группа партизан при штабе. Все готовились к почти стокилометровому переходу из Начик в Петропавловск. Впереди была зима, и как будет складываться обстановка — тогда ещё не было понятно, поэтому партизаны делали лыжи из берёзы, чинили одежду, ходили на охоту, рыбачили.

После сборов и подготовки отряд двинулся дальше, через Начикинский перевал, в селение Коряки, затем в Завойко и дальше ближе к городу на сельхозферму. Здесь было составлено воззвание к трудящимся по случаю освобождения Петропавловска. С партизанами провели беседу о поведении в городе, о соблюдении строжайшей дисциплины.

10 ноября 1922 г. партизанские отряды вошли в Петропавловск. Горожане их встретили «...с хлебом, солью и красными флагами».

В Петропавловск отправились не все отрядники, тому есть несколько причин. Заведующий Усть-Камчатским районным архивом М. Шадрунов 23 июня 1967 г. опубликовал в газете «Ленинский путь» статью «Тревожный 22-й год». Он отметил, что 1 октября 1922 г. военный совет Усть-Камчатского добровольческого отряда постановил выделить людей из Нижнекамчатска, Камак и Николаевки на устье реки Камчатки для несения караульной службы. «При этом предусматривалось, чтобы все имели продовольствие, оружие, палатки. 28 октября предписанием № 1 Усть-Камчатского военного совета за подписью председателя П. Охапкина и его заместителя П. Постаралкина заведующему фронтом обороны А. Глущенко предложено произвести учёт мужского населения Усть-Камчатска, годного встать в ряды бойцов. В Николаевку, Чёрный Яр, Нижнекамчатск и Камаки военный совет отправил распоряжение № 13, гласившее, что прилагает все усилия к поднятию на

должную высоту дела обороны побережья от вторжения банд белых. Предлагалось немедленно избрать из числа граждан каждого селения одного взводного командира и помощника ему — по возможности людей опытных, служивших на военной службе или бывших на фронте». Приводится список жителей Нижнекамчатска, находившихся в карауле: В. А. Греченин, Т. И. Козаев, Э. Косыгин, З. А. Петров, Т. С. Попов, Н. М. Попов, М. В. Портнягин, П. В. Портнягин, А. Сновидов, Цо Ен Седи. Посты неслись на Устье и на Цуцумской кошке.

О деталях и завершении похода в статье «Трудные годы», опубликованной в «Камчатской правде» в сентябре 1967 г., рассказывал П. Г. Ивашкин: «Областной народно-революционный комитет решил отправить группу партизан в Усть-Камчатск, куда изредка приходили пароходы с грузами различных торговых фирм и где можно было приобрести боеприпасы. Член облревкома А. С. Лукашевский, посланный в Усть-Камчатск ещё до этого, уже провёл большую работу. Партизаны из Петропавловска должны были помочь ему. Но как попасть в Усть-Камчатск?

По сухопутью — примерно восемьсот километров. Это трудный и долгий путь. Быстрее можно было добраться по морю, но не на чем. И тогда приняли решение: снять катер с первого же парохода, который подойдёт к сёлам Шемлячик, Жупаново, Калыгирь или Островное. Долго ждать не пришлось. С севера возвращался пароход “Томск”. Партизаны сняли с него катер и на нём добрались до Усть-Камчатска. Здесь уже был создан крупный партизанский отряд, который направлялся к Петропавловску. А. С. Лукашевский с помощью посланцев облревкома закупил продовольствие и боеприпасы и отправил их с партизанским отрядом. Этот отряд под командованием Созутова ускоренным маршем по сухопутью направился к Петропавловску. С его приходом мы смогли бы предпринять решительные действия против белогвардейцев...

10 ноября наш отряд строем, с красным знаменем, с революционными песнями направился в город... Большинство жителей Петропавловска вышли встречать нас. Партизаны в строю, а за ними и все встречавшие прошли через город и остановились около здания областного революционного комитета. Отсюда более года назад уходили мы в сопки. Сюда же пришли, теперь неся победу над врагами рабочих и крестьян. Начался митинг. Первым выступал И. Е. Ларин. На митинге выступали также члены областного народно-революционного комитета П. И. Шлыгин и М. П. Щербаков...»

Ключевской отряд был организован 23 января 1922 г. под началом командующего военными отрядами облнарревкома В. Д. Богомолова. 25 марта Богомолов сообщал в Усть-Камчатск: «Живу в Ключах. Совершенно свободен к выезду в Усть-Камчатск, но не могу выехать, потому что занялся работой по организации населения для борьбы с тёмными силами, а их здесь очень много, но в настоящее время дела идут очень успешно».

В Ключах некоторое время сохранялось двоевластие. Усть-Камчатский военный совет (председатель М. Я. Яворский) был вынужден учитывать это. 30 апреля 1922 г. он направил Ключевскому волревкому распоряжение: «Вследствие возможных... слухов о том, что Ключевская волость, настраиваемая коммерсантами и их приспешниками против истинного народовластия и непризнания областного комитета как единственной признанной трудовой власти, военный совет предлагает вам в срочном порядке сообщить... действительно ли разделение состоялось, чем такое вызвано и кто во главе той власти, которая нарушает законность?

При этом присовокупляем, что кроме народно-революционных комитетов никакой другой власти допущено быть не может, и те, кто не признаёт действительно народно-трудовой власти в лице Камчатского областного комитета, будет признан врагом трудового народа со всеми последствиями в духе военного времени.

В том случае, если действительно раздел состоялся, то комитету следует указать гражданам, что это преступно и недопустимо, а потому должен быть только один народно-революционный комитет, который обязан всемерно поддерживать Камчатский областной комитет как власть, стоящую на защите прав и интересов трудящихся.

По получении вашего сообщения военным советом будут приняты надлежащие меры. Настоящее распоряжение предлагаем объявить населению Ключевской волости».

Председатель чрезвычайного уездного съезда И. В. Рябиков и председатель облнарревкома И. Е. Ларин от имени съезда телеграфировали в Усть-Камчатск и в Козыревск: «В силу сохранения порядка в Ключах, нарушенного чёрной сотней, принять меры и, если потребуется, перебросить силы в Ключи для подавления и ареста реакционеров и вывоза их в Усть-Камчатск под стражу».

2 мая 1922 г. Яворский сообщал Ключевскому волревкому, «законно избранному 28 марта 1922 г.»: «На основании данных распоряжений Камчатского областного комитета, военный совет, стоя на страже законности и должного порядка, предлагает вам следующее:

1. Считаясь с переживаемым политическим моментом, законно избранный комитет... ни в коем случае не должен слаживать (слагать. — *В. Б.*) своих полномочий ранее долгожданного срока, то есть шести месяцев.

2. В случае возникновения каких-либо недоразумений и могущего быть несвоевременного и незаконного переизбрания комитета, последний ни в коем случае не может передавать дела другому комитету и, имея в виду те последствия, которые могут быть за незаконное сложение своих полномочий, особенно принимая во внимание тяжесть политического момента и ответственной работы комитета на дело прав трудового народа Камчатки...

5. Для избрания нового комитета или же дополнения его только частью членов должно быть назначено заблаговременно общее собрание граждан всей волости, имеющих право выбирать и быть избранными, при условии, что на собрании должно быть законное число таких граждан, то есть не менее двух третьих всего населения волости.

6. Не имеющие права выбирать и быть избранными — лишь лица явно контрреволюционного настроения, слабоумные, состоящие под судом и следствием, иностранные подданные, а равно малолетние.

7. При назначении кандидатов в состав комитета собранием должны быть строго соблюдены правила о политическом убеждении, дабы в состав комитета не проходили люди, настроенные безразлично к текущему политическому моменту, или же противники настоящего строя народовластия.

8. Недопущение какой-либо части населения на собрание граждан вследствие подразделения на приписных и не приписных...

9. За такое нарушение граждане подвергаются самым строгим взысканиям, а считаясь с тем, что Камчатка объявлена на военном положении, то ответственность виновных будет рассматриваться по духу военного времени, как преступление перед всем трудовым классом не только Камчатки, но всей великой Советской России...

Следует хорошенько уяснить себе, что только при тесном сплочении и единении мы можем быть сильны и стойки, а потому и можем с гордостью сказать, что мы — дружеская и здоровая семья тружеников, что нам дорога завоёванная свобода трудового народа и мы способны укрепить её и пользоваться ею. А этого можно достичь только силой здравого понимания того, что переживаемый тяжёлый момент — это есть последние конвульсии предсмертной агонии всех врагов трудового народа, сидевших целые века на наших шеях и сосавших нашу кровь наподобие пиявок. Позор великий и веч-

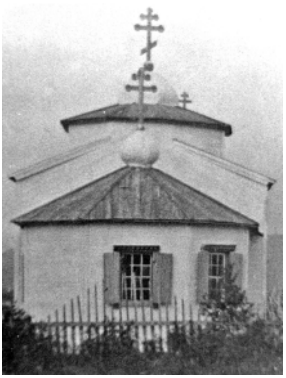
ный позор тем из людей, которые идут против своей истинной власти народа, своих защитников от царских опричников и слуг капитала!»

И. Е. Буянов, долгое время живший в Ключах, бывший секретарь военного совета в отрядах Усть-Камчатска и Ключей, арестованный в 1938 г., 21 февраля 1940 г. писал в жалобе прокурору СССР: «В Ключах имелись богатая церковь и убогая школа, из которой воспитанники выходили, едва научившись читать и писать, потому что школьные работники были сами тупые, бездарные ремесленники, в компании с попом и приставом забивали детские головы внушением религии и изучением молитв. Село Ключи до 1929 г. было убогой деревней, дворов сто, народ занимался промысловой охотой на пушного зверя. До революции село кишело спекулянтами, скупавшими за бесценок пушнину, державшими всех охотников в кабале...

Большинство населения, обманутое своими “благодетелями”, пошло за сторонниками власти Бирича, выбрав своё волостное правление, по дореволюционному принципу возглавляемое старшиной. Часть осталась пассивной. Остальная часть организовалась в партизанский отряд в помощь облнарревкому, в том числе и прежний волревком в полном составе. Таким образом, получилось двоевластие, выразившееся в неподчинении волостного правления волревкому и наоборот. Никаких грубых эксцессов на этой почве не произошло. Позже, спустя месяца три-четыре, двоевластие в Ключах ликвидировали.

К тому времени сторонники власти Бирича, не исключая руководителей, поняли свою ошибку, выразившуюся в том, что воззвание Бирича, попавшее в Ключи контрабандным путём, обсуждалось только в Ключах. В остальных сёлах района были организованы партизанские отряды для борьбы с белобандой Бирича, объединившихся под руководством партизанского отряда»...

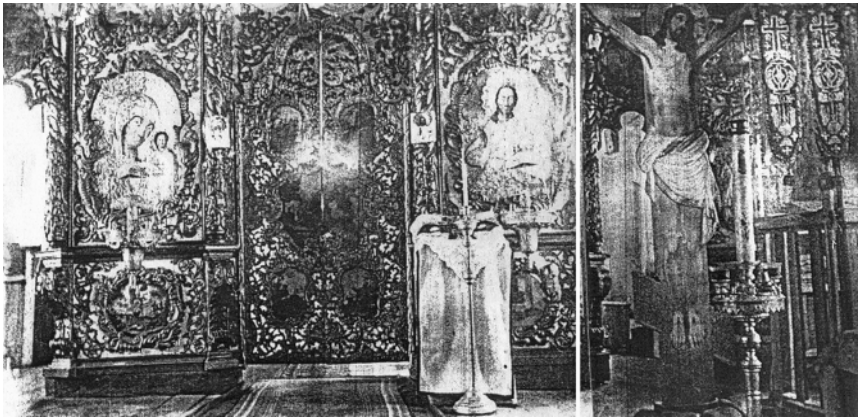
Образование и деятельность партизанских отрядов — это ещё одна страница в истории гражданского противостояния на Камчатке в 1921—1923 гг.

Шаромы, часовня, 1909 г. Фото П. Крынина; Нижнекамчатская Успенская церковь, 1909 г.; А. Атласов у часовни в честь В. Атласова в Ключах, 2011 г.

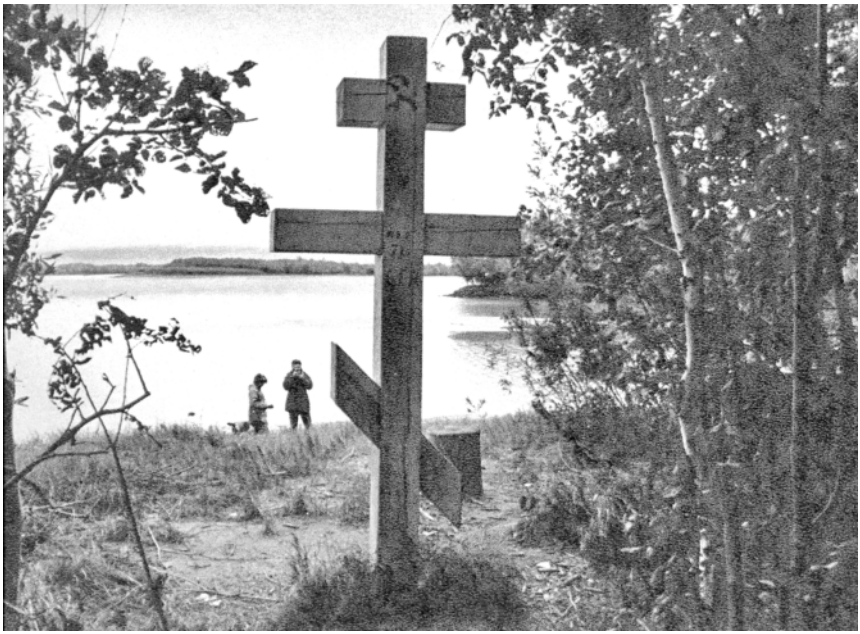
Селение Малка. Бывшая часовня

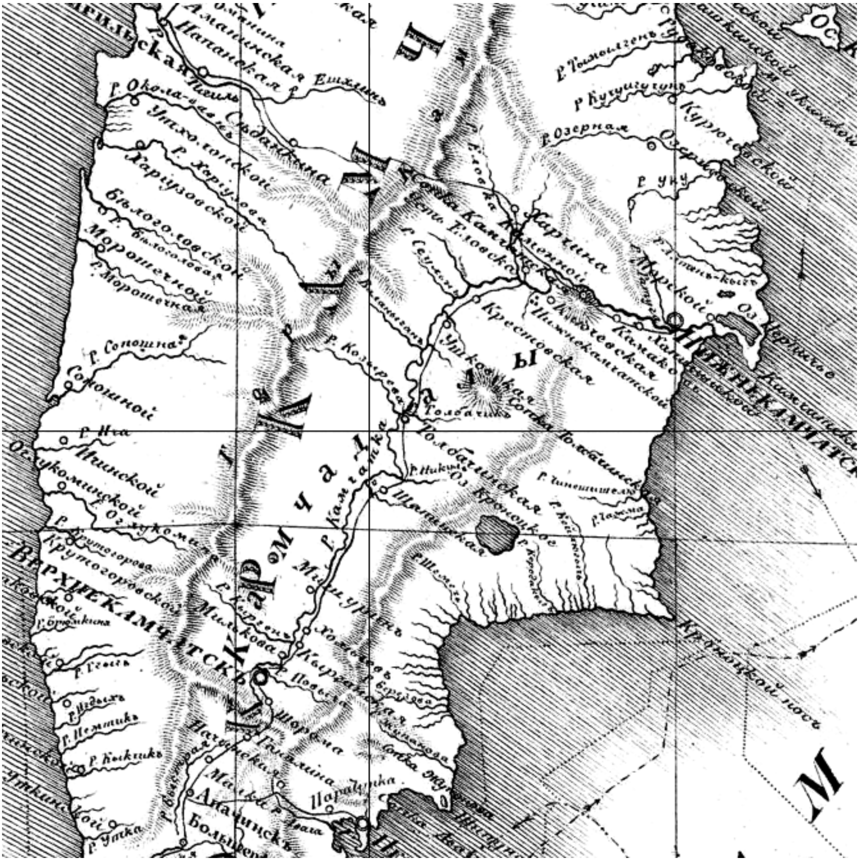
Иконостас Нижнекамчатской церкви, 1909 г. Из фондов РГИА ДВ

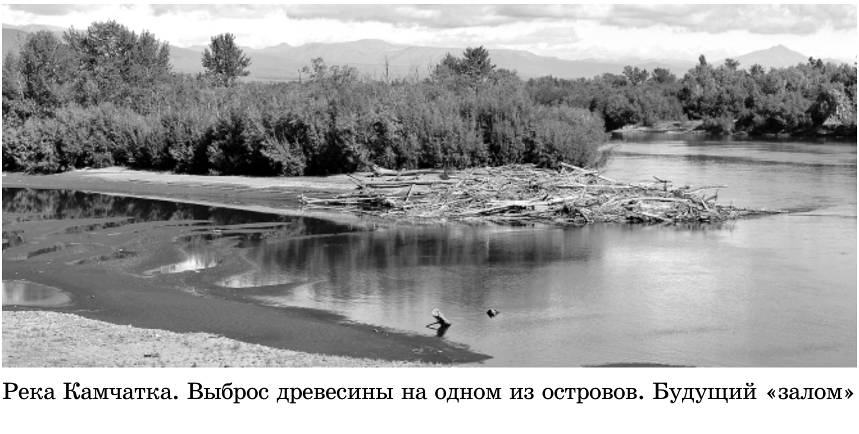
Мильковская церковь незадолго до пожара. Фото автора

Крест В. Атласова в Устье реки Белой. Восстановлен в 1959 г. Г. И. Щедриным. Фото из альбома Г. Богуславского «Памятники Сибири»

Средняя Камчатка. Карта середины XIX в.

Река Камчатка. Выброс древесины на одном из островов. Будущий «залом»

Члены шведской экспедиции в Петропавловске у дома Петерсона (современная улица Партизанская)

Северин Карлсон с дочерьми Марией и Ксенией

Маршрут Э. К. Безайса, участника экспедиции Ф. П. Рябушинского в 1908—1909 гг.

В 1908 г. на полуострове начала работу научная экспедиция, снаряжённая по инициативе известных русских учёных Ю. М. Шокальского и П. П. Семёнова-Тянь-Шанского на средства мецената Ф. П. Рябушинского.

Бурное развитие капиталистических отношений в начале XX в. способствовало вовлечению в общерусский рынок и далёких окраин. После русско-японской войны 1904—1905 гг., по итогам которой Россия потеряла, в том числе, и южную часть Сахалина, роль Камчатки, как рыбопромыслового района, резко возросла. Заключённая в 1907 г. рыболовная конвенция разрешала японцам лов рыбы во внутренних водах России. Иностранные предприниматели теперь могли почти бесконтрольно вывозить на свои рынки высококачественную рыбопродукцию, получая огромные барыши.

Экономическое и политическое проникновение японского капитала на наиболее богатую в сырьевом отношении дальневосточную территорию — полуостров Камчатка — было очевидно. В быстром росте новых экономических отношений в Стране восходящего солнца известное место занял и камчатский лосось.

Камчатка всё ещё оставалась малонаселённой, здесь отсутствовала какая-либо промышленность, не было дорог. Население занималось рыбным промыслом и охотой на пушного зверя, обменивая шкуры на товары первой необходимости. Ко времени образования в 1909 г. Камчатской области остро ощущалась потребность в научных сведениях о климате, гидрологическом режиме рек, почвах, растительности полуострова.

По итогам работы экспедиции был издан ряд научных трудов, в том числе «Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 гг.» П. Ю. Шмидта; «Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.» и «Флора полуострова Камчатка» В. Л. Комарова; «Воды юго-восточной Камчатки» В. Н. Лебедева; «Отчёт о командировке в Камчатку в 1908 г.» В. Л. Бианки.

Сроки подготовки экспедиции Ф. П. Рябушинского были крайне сжаты. 21 апреля 1908 г. на почтовом поезде участники выехали из Санкт-Петербурга, а 11 мая прибыли во Владивосток. 7 июня участники зоологического отдела на пароходе «Люцун» прибыли на

рейд Усть-Камчатска, затем детально обследовали устьевую часть Камчатки — главной реки полуострова и Нерпичье озеро. Вместе с ними сюда прибыл сотрудник ботанического отдела Э. К. Безайс.

Характеризуя и обосновывая его участие в экспедиции, В. Л. Комаров писал: «На место старшего помощника своего отдела я пригласил Эдуарда Карловича Безайса, который окончил сельскохозяйственное училище в Горках Могилёвской губернии, был сначала учителем в Череповце, а затем в течение девяти с лишним лет агрономом тюремного ведомства на Сахалине...

В 1905 г. он при занятии Сахалина японцами был взят в плен, по недоразумению приговорён к расстрелу за то, что местное население не давало подвод победителям, затем увезён в Японию. По возвращении в Россию Э. К. Безайс временно оставил службу и поступил в Петербургский университет по агрономической группе наук физико-математического факультета. В 1907 г. он ездил по моему предложению на работы по исследованию и описанию растительности побережья Онежского озера и представил подробные отчёты. Благодаря всему этому, Э. К. Безайс свободно мог считаться человеком, знакомым как с агрономией, так и с ботаникой и, кроме того, особенно ценным потому, что практически он долго работал в близком по условиям к Камчатке Тымовском округе Северного Сахалина».

В задачу Э. К. Безайса входило обследование остатков земледелия, сохранившихся в Ключевском селении, сбор сведений о природе долины реки Камчатки, об огородной и вообще хозяйственной деятельности населения.

Выехав из Ключей 26 июля 1908 г., он поработал в долине реки Камчатки и уже в начале сентября прибыл в Завойко, где 5-го встретился с В. Л. Комаровым, возвращавшимся из своего маршрута. «Он всюду производил, между прочим, сельскохозяйственную статистическую перепись и теперь то же самое делал в Завойко и Хуторе».

Таким образом, Э. К. Безайс одним из первых собрал и описал растительность в пойме рек Камчатки, Тигиля, Еловки. В письме из селения Ключевского, датированном 17 июня 1908 г., он даёт промежуточный отчёт о работе в первые дни пребывания в низовьях реки Камчатки. Коллекции и отчёт Э. К. Безайса были использованы В. Л. Комаровым для написания работы «Флора полуострова Камчатка».

Из отчёта за 1908 г. члена ботанического отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского Э. К. Безайса: «После полуторадневного

переезда по Берингову морю мы 7 июня около обеда стали на якорь недалеко от знаменитой кошки, отделяющей реку Камчатку в её устье от морского прибоя.

Погода благоприятствовала нам: не было совсем ветра, значит, и никакой волны. Но, несмотря на это, при разгрузке на шлюпках уже на самом берегу приливная волна иногда захлёстывала в шлюпки, несколько подмочив вещи.

Разгруженные вещи переносили поперёк песчаной косы на другой берег, откуда при помощи казаков селения Усть-Камчатск доставили на брошенный консервный завод, лежавший здесь же, на устье, на небольшой косе, составляющей правый, противоположный кошке берег. Эта коса тянется на расстояние 8–10 вёрст, берег её к реке довольно высокий, постепенно подходит к другому берегу прежнего русла реки, теперь представляющему собой глухой длинный залив, коса понижается и постепенно подходит под воду. Устье реки Камчатки представляет громадное пространство низменности. С левой стороны к реке примыкает огромное озеро Нерпичье. Кроме нынешнего русла, есть ещё глухие рукава — остатки прежних русел.

Река Камчатка от села Нижнекамчатска имеет почти восточное направление, подходя к Берингову морю, круто изменяет направление на южное, даже чуть уклоняясь к западу. Подобное отклонение русла реки объясняется тем, что громадный прибой моря на месте вливания реки строит плотину — бар из оседающих частиц песка. Бар, постоянно возвышаясь, вырастает в косу — кошку. Пятьдесят лет тому назад река Камчатка впадала в море прямо против селения Усть-Камчатска, не будучи отклонённой к югу. За последние пятьдесят лет она отклонялась, образовав кошку около двадцати вёрст длиной.

При нынешнем проезде военного губернатора (Приморской области генерал-майора В. Е. Флуга. Камчатка в то время входила в состав Приморской области. — *В. Б.*) депутация местных жителей обратилась к нему с ходатайством о разрешении им прокопать на собственный счёт кошку в месте прежнего 50 лет тому назад устья. Дело состоит в том, что в экономической жизни местных аборигенов в прежнее время значительную роль играла мелкая рыбёшка — колюшка, по местному названию хакельница (хахальца. — *В. Б.*).

В прежнее время она громадным руном устремлялась вверх по реке. Жители её черпали небольшими садками — чиручь; пойманную вываливали прямо на землю нетолстым слоем, где она на солнце высушивалась. Сухая она являлась прекрасным кормом

для собак. В последние три года она совсем не появлялась. Причиной ея отсутствия надо признать то обстоятельство, что устье реки прибоем отворачивается всё более к западу, поэтому прежняя речная вода бьёт не в море, а более в западный берег.

Стаи кочующей хакельницы по морю не попадают в пресную воду и уходят дальше. Часть рыбы, попавшая в устье реки, истрачивает свои силы на преодоление мелкого и бурного бара и потом очень стремительного течения реки.

Кошка тянется в юго-западном направлении. Южный ея конец — самый молодой, им кошка нарастает в длину, она кончается баром, то есть сравнительно мелким местом, узкой подводной песчаной грядой, по которому ходят свирепые буруны.

Самый молодой конец кошки и склон, обращённый к морю, лишены какой бы то ни было растительности. Коса представляет собой довольно высокий вал из крупного песка и обкатанных обломков горных пород. В большие шторма волна перекатывается через кошку.

12 июня благодаря попутчику Сновидову мне удалось выехать с консервного завода вверх по реке. Над устьем в этот день стоял холодный (плюс пять градусов) сырой туман. Всё время до 12 июня на устье стояла холодная погода, поэтому растительность сильно запаздывала в своём развитии. Низменные берега устья реки Камчатки покрыты исключительно чахлыми низенькими кустами тальничка. Река разлилась на огромное пространство. На крутых склонах изогнутость стволов по направлению ската объясняется односторонним давлением снежного покрова с верху склона вниз. Этой же причиной можно объяснить и искривлённость берёзы.

14 июня вечером на катере отправился вверх по реке в село Ключевское. На пути между Камаки и Нижнекамчатском растительность везде одинаковая... Проезжая так называемые Щёки, недалеко от Камак мы вступили в местность, где растительность заметно становится пышной и богаче. Щёки — это довольно высокие обрывистые берега реки — прорыв рекой Камчаткой горной цепи. По склону Щёк растёт почти чистый берёзовый лес.

15 июня рано утром выехали из селения Камаки. Выше этого селения река всё время то раздваивается, то растраивается на два-три русла. Везде воды очень много... Низменные берега поросли исключительно ивой до того густо, что они полностью затеняют почву. Село Ключевское (Ключи) расположено у западного подножия Ключевской сопки вдоль правого берега реки Камчатки. Расстояние до конусообразного кратера 22–25 вёрст. Против селения с западной

стороны на левом берегу реки поднимается довольно крутой Харчинский хребет — остаток действующего вулкана, дающий довольно крутой отрог, лежащий против самого селения, обросший весь лиственным лесом. Хвойных деревьев поблизости совсем не видно. Ближайшие хвойные деревья... находятся в 13-вёрстном расстоянии от села выше и ниже по течению реки Камчатки. Все низменные места теперь затоплены. По показаниям местных жителей прошлая зима была необычно многоснежная, сугробы доходили в селе до крыш. Все ожидали высокого разлива воды в реках, но эти ожидания не оправдались. После постепенного таяния снега весной наступал холод, и лишняя вода успевала уйти. Сейчас ещё стоит, как это во все годы бывает, высокая вода. Нерка и чавыча пошли громадными стадами. Вода в реках очень мутная от массы взвешенных землистых частиц. Против селения на реке три островка побольше и один очень крошечный — Сопочка.

Первые 23 острова низменны и залиты водой реки, как и низменные берега, густо-густо заросли тальником, так густо, что в некоторых местах невозможно пробраться сквозь них. Сопочка недалеко от правого берега в виде крошечной горки. На этой горке ямы — следы прежних жилищ людей, она сплошь обросла кустарником выше человеческого роста...

Местность около селения слегка всхолмленная. В 6–8-вёрстном расстоянии от села уже довольно крутой подъём на Ключевскую сопку. Ближайшие холмы около села покрыты густым роскошным кустарником из жимолости...

По самому берегу расположились дома села, по отлогому склону лежат поля и огороды. На огородах почти исключительно садят на грядках картофель, очень немного других овощей. Что касается полей, то они засеваются одним ячменём и небольшими клочками конопли для волокна. Половина полей совершенно заброшена. Одно из таких заброшенных полей расположено на бугристом скате. Сухая почва покрыта невысокой и негустой растительностью из хвоща, цветущего одуванчика... Большое новое заброшенное поле почти сплошь заросло кипреем и пижмой...

По низким местам, около самой реки затапливаемым вешней водой, обильно растут вербы до 12 вершков толщиной...

По берегу реки Камчатки вниз от села на одну версту из-под берега бьют несколько ключей с кристально чистой водой с постоянной температурой в пять с половиной градусов. Эти ключики носят названия Долгого Ключа. Берег здесь высокий, оброс роскошным кустарником, среди которого громадная рябина, до-

стигающая толщины до восьми вершков, роскошные кусты бузины в цвету...

28 июня поднимался с двумя проводниками на довольно высокий отрог Харчинского хребта против селения на другой стороне реки Камчатки. Подъём довольно крутой...

В пять часов пополудни были сделаны наблюдения для определения высоты, не доходя немного до гребня... В шесть часов одиннадцать минут после обеда, после спуска у подошвы отрога, вторичное наблюдение. Склон, по которому мы взбирались на вершину, южный, вернее, юго-восточный, он всегда сильно освещён.

4 июля. Вдоль правого берега реки в окрестностях села Ключевского есть выходы ключей в самую воду реки. Температура их почти у всех одинаковая — 5,5–6 градусов. Ближайший ключик — вниз по течению от села у островка Сопочки. Видно, что ясная вода сочится между камней. Камни поросли сплошь зелёными нитчатыми водорослями. В нескольких местах через прозрачную воду видны на дне кипящие участки, площадью не больше дна стакана. Окружающая вода в реке теперь мутная, в ней не видно и на один дюйм глубины, тогда как над ключиками, где скопляется кристально прозрачная подземная вода, дно на глубине нескольких аршин видно отчётливо. Плывущий на лодке получает странное впечатление, что он с лодкой висит на воздухе...

Следующий ключ — это Долгий, который уже описан. За ним вниз по реке Монастырский ключ, он так же как Долгий, образует небольшой заливчик. Против ключа посреди реки довольно большой, очень низменный остров Монастырский из довольно крупного речного песка. Этот остров своим верхним концом нарастает, а нижним размывается. Молодой конец состоит из сыпучего песка, на котором постепенно появляются густые всходы краснотала: сначала вышиной по пояс, дальше — выше роста человека, такой густоты, что через него можно пробраться, протаптывая наземные части ивняка. Красные гладкие стволики ивняка над почвой выхватываются сравнительно с подземной замытой частью незначительно.

Мы пробовали откопать одно растение, стволик которого был толщиной с палец, он возвышался над землёй в один аршин. Чтобы его откопать лопатой, нам пришлось потратить три часа. Дело усложнилось тем, что приходилось сильно расчищать яму, она постоянно затекала сыпучим песком с боков. Подземная часть стебля такая же красноватая, конечно, без листьев, идёт вниз вертикально. Она превышала надземную часть по крайней мере в три раза. За песком, укрепляемым краснталом, идёт уже уплотнённое место

с тальником, достигающим крупных размеров. Тальник образует до того густое насаждение, что под ним ничего не растёт. Дальше к старому — нижнему концу — редкое насаждение из крупных верб и... ольхи, под ними сравнительно роскошная, очень густая травянистая растительность из жгучей крапивы. На открытой полянке на песке найдены два кустика цветущего астрагала. По берегу очень много небольшого ветвистого хвоща, который носит здесь название шурупник. Посреди Монастырского острова есть небольшое озерко, края которого обильно обросли высоким, густым хвощом, который скашивается в сентябре на сено, скармливается скоту...

Ниже ещё по реке — так называемый Большой ключ, он представляет собой длинный, нешироким языком в берег, залив, в нём со стороны реки мутная вода грязно-жёлтого цвета, потом приобретает вид почти кирпичного цвета от впадающего в этом месте ручья, питаемого водами с подножья кратера Ключевской сопки. В глухом конце залива вода до того прозрачна, что лодки, кажется, висят в воздухе. Ключ имеет постоянную температуру в 7–7,5 градусов, зимой никогда не замерзает. Сюда скопляется очень много рыбы. Он является кладовой рыбы для местных жителей на целую зиму, черпающих её неводом по мере надобности. Дно Большого ключа заросло почти сплошь кудреватой нитчатой растительностью, служащей зимой пищей уткам, которые остаются зимовать. В ключ впадает почти не текущий ручеёк с один аршин шириной, носящий название Ледушка...

За Ледушкой место более возвышенное, ровное, почти открытое.

Сухая речка находится на расстоянии десяти вёрст ниже села. Она получила название Сухой, потому что периодически высыхает и наполняется водой. Это зависит от того, что она питается ледниковыми водами со склонов Ключевской сопки. Воды тающего льда, конечно, собираются днём, поэтому самая большая вода — перед вечером, тогда она имеет грозный вид. Почти кирпичного цвета, мутная вода несётся с рёвом по каменистому ложу. Зато ранним утром она почти пересыхает. Во время извержения лавы — эта последняя, попадая на лёд, растаивает его, скопляется масса воды, низвергающаяся большим потоком и разливающаяся на большое пространство. Действительно, подъезжая к Сухой речке, приходится проезжать большие пространства, покрытые почти сыпучим песком. По берегу кучами растут громадные тополи...

Не доходя до песков Сухой речки, попадается сухое открытое место, носящее общее нарицательное имя Алашика (другое произношение — алас, то есть поляна. — *В. Б.*).

По Алашику редко разбросаны громадные тополя, здесь видны даже четыре лиственницы... Тополя достигают толщины от 7 до 14,5 вершков, лиственницы — до 15,5 вершков, довольно много порядочных деревьев боярки... Алашик славится обилием круглой сараны... Сюда жители села отправляются компаниями для сбора этого лакомства.

5 июля. Подъём на Ключевскую сопку. Мне удалось под вьюк найти только одну лошадь, поэтому пришлось подниматься пешком. Погода была хорошая, солнечная, и сама сопка не была окутана туманом. Производились отсчёты анероида и термометров для определения высот».

Достигнув альпийских лугов и собрав образцы растений, Безайс из-за дождя был вынужден спуститься вниз. 9 июля он предпринял поездку на бате на недалеко отстоящее от села довольно большое озеро Курарочное (сейчас пишется как Куражечное. — *В. Б.*), лежавшее ниже по течению реки Камчатки, с её левой стороны. Озеро сообщалось с рекой несколькими протоками с сильным течением.

До 25 июля Безайс работал в окрестностях Ключей, а 26 июля отправился вверх по реке «около десяти часов утра при довольно сильном ветре низовом, то есть северо-восточном. Собирается дождь...» Путешественнику не повезло — разразился предосенний циклон. После нескольких часов движения пришлось ночевать на берегу реки Камчатки... 27 июля путешественник прибыл в Кресты, 28-го вышел оттуда. Снова заночевал на берегу реки, так как погода стала ненастной. 29 июля опять ночевал на берегу. В одиннадцать дня 30-го прибыл в Ушки. Расстояние, которое обычно проходили за один, удалось преодолеть только за два с половиной дня.

«Ночью 31 июля был сильный заморозок в минус три с половиной градуса. Картофельная ботва вся попортилась. Ещё в шесть часов утра вся трава была белая от инея». В этот же день, в двенадцать дня, Безайс прибыл в Козыревск. Отметил, что у старосты имеется небольшой посев ячменя — 30 фунтов, но часть его погибла от ночного заморозка.

Дневник далее:

«*1 августа* выехали из Козыревска, предыдущей ночью опять был заморозок. Погода солнечная, прохладная. Дует так называемый “Курильский ветер” (юго-восточный). Все сопки открыты от тумана, на них масса снега, все вершины блещут ослепительной белизной. Особенно много снега на ближней Плоской сопке».

2 августа. «Ночью было холодно. Ночевали на острове...» За этот день прошли значительное расстояние. «Вечером стали на ночлег на правом берегу реки Толбачик...

4 августа прибыли в Толбачик, селение расположено на правом берегу реки Толбачик, довольно высоком. Местность около селения ровная, песчаная...

6 августа на шести вьючных лошадях после обеда выехали по тропе в селение Щапино». Ночевали в лесу. С утра шёл дождь, но путешественники продолжали свой путь.

8 августа прибыли в Щапино, здесь пересели на баты, перегнанные камчадалами из Толбачика, и 9 августа двинулись дальше.

Далее по реке Камчатке через Кирганик, Мильково, Ганальскую тундру, Малку и Начики прибыл в Завойко (ныне город Елизово).

Летом 1909 г. Э. К. Безайс на охранном крейсере Управления государственных имуществ «Командор Беринг» отправился в Тигиль. Проведя работы в его окрестностях, по реке и через Седанкинский перевал он достиг Еловки, откуда на бате проследовал в Харчинское озеро, затем в Ключи и далее в Усть-Камчатск. Оттуда на пароходе Добровольного флота «Тамбов» вернулся в Петропавловск.

Э. К. Безайс исследовал и описал значительную территорию центральной Камчатки и внёс весомый вклад в её изучение. Через двадцать лет в этих местах работал известный камчатский краевед и исследователь П. Т. Новограбленов, сумевший дополнить исследования Э. К. Безайса.

Подводя итог исследований Э. К. Безайса в 1909 г., В. Л. Комаров отмечал, что тот «успешно выполнил взятые им на себя работы».

Э. К. Безайс не публиковал работ по результатам камчатских исследований. Исключением стала статья «Условия почвообразования на Камчатке», напечатанная в сборнике «Материалы по изучению русских почв», вышедшем в 1911 г. в Санкт-Петербурге.

По реке Камчатке в 1909 г.

Многоцелевая экспедиция, снаряжённая русским промышленником Ф. П. Рябушинским, по словам известного географа-исследователя П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, «оставила эпоху в истории русского земледелия». Один из руководителей, П. Ю. Шмидт, писал о начале её работы: «В ноябре 1907 г. Ф. П. Рябушинский обратился ко мне с предложением взять на себя организацию зоологического отдела задуманной им экспедиции на Камчатку. Проект организации и плана деятельности зоологического отдела

был мною разработан и утверждён Ф. П. Рябушинским. Задачи зоологического отдела предполагались чисто научные. Предполагалось изучить фауну Камчатки возможно более многосторонне, обращая в особенности внимание на те группы животного царства, которые были не затронуты или мало затронуты предыдущими исследованиями».

Зоологический отдел в 1908—1909 гг. работал в устье и долине реки Камчатки, на Кроноцком и Курильском озёрах, реке Аваче. Отдел возглавил Пётр Юльевич Шмидт (1872—1949) — зоолог, ихтиолог, один из ведущих специалистов по ихтиофауне северной части Тихого океана. В отряде также состояли: сотрудник Зоологического музея Академии наук орнитолог и энтомолог Валентин Львович Бианки, ихтиолог и гидробиолог Александр Николаевич Державин, гидролог и метеоролог Санкт-Петербургского университета Владимир Николаевич Лебедев. Недолго проработал препаратор Мюнхенского музея Людвиг Бэр, утонувший в реке Камчатке в 1908 г.

Работы по гидрологии в зоологическом отделе возглавлял В. Н. Лебедев (1882—1942). Отчёт под названием «Исследование вод Камчатки В. Н. Лебедевым в 1908—1909 гг.» он опубликовал в 1911 г. в «Известиях Восточного отдела Императорского Русского географического общества» (ИРГО).

В этом отчёте приведён наиболее полный список названий рек, озёр и местностей в бассейне реки Камчатки. Значения многих из них уже, видимо, утрачены. Некоторые носители ительменского языка не смогли нам перевести записанные В. Н. Лебедевым названия, хотя отдельные гидротопонимы ещё поддаются переводу. Например, место *Атхл* можно перевести как *Солнечное*, *Светлое*.

В. Н. Лебедев в дальнейшем стал видным учёным, доктором географических наук, одним из основателей Государственного гидрологического института и одним из организаторов первых оперативных гидрологических прогнозов в СССР. За работу на Камчатке он, как и некоторые другие участники экспедиции Ф. П. Рябушинского, был удостоен Большой серебряной медали ИРГО. Он впервые ввёл в науку понятие «устьевая область реки». Используя это словосочетание, хотел подчеркнуть особенности гидрологических и морфологических процессов в устье реки Камчатки, которые, как справедливо считал, связаны с «совместным действием реки и моря» (Лебедев, 1919).

На Камчатке реки исстари являлись основными транспортными артериями. По ним направлялись вдоль морских берегов из Южной Камчатки на север и по долине реки Камчатки. Далее —

по рекам Еловке и Седанке на охотское побережье или по Озерной (восточной) — вдоль моря. Зимой по этим путям ездили на собачьих упряжках, летом — на батах. Если путешествие вниз по течению не вызывало больших трудностей, то «толкаться» деревянными шестами вверх было тяжко, это требовало больших усилий. «Толкались», как правило, молодые камчадалы, лет 16–25, те, у кого подходила очередь на каюрство. Обычно время в пути до очередного селения занимало весь световой день.

Во время разлива реки каюры часто спрямляли путь и шли «по тундре», то есть по заливаемой рекой местности — по меньшей глубине и не такому сильному течению, как на речном русле. Такой способ передвижения существовал до начала XX в., пока Камчатское торгово-промышленное общество не наладило сообщение с Центральной Камчаткой по реке при помощи парового катера. Тот брал на буксир три-пять кунгасов, нагруженных товарами, и тащил их вверх по реке. Катер ходил без расписания. Такие перевозки существовали вплоть до конца 1920-х гг. Тогда в связи с пуском в Усть-Камчатске рыбоконсервного завода и Ключевского леспромхоза началось регулярное сообщение по реке Камчатке моторными катерами.

В 1908 г. в составе гидрологического отдела (отряда) Лебедев вышел 16 июля из Усть-Камчатска и только 25 августа добрался до Мильково. Ниже мы приводим фрагменты его дневника:

«*16 июля* мы вышли с завода на большом кунгасе, на буксире у катера Камчатского торгово-промышленного общества. В три часа дня мы вышли из Усть-Камчатска. Кое-где по берегам попадается удобный бечевник, но, в общем, его мало. Травы по берегам больше, она выше. В 06.50 измерена температура воды реки — +13,6 °С. Около восьми часов вечера стали на ночлег у Чёрного Яра.

17 июля в 06.50 вышли дальше вверх по реке. Начиная от Пекукского острова, местность меняется: растительность становится обильнее, появляются высокие деревья, на Пекукском острове — даже лиственница...

Чуть повыше верхнего устья Пекуки проехали устье Наталькиной речки, длиною около полуверсты, вытекающей между холмами саженей в 15 высотою. Несколько выше устья этой последней в 10.35 пристали к правому берегу у небольшой распадинки среди высоких холмов, наполненной густыми, сырыми зарослями гигантского шеломайника.

Горы сходились всё ближе и переходили почти в теснины, но в них не было ничего мрачного, что связывало обыкновенно с этим

именем. Весёлая, яркая зелень почти сплошь покрывала холмы и даже почти отвесные обрывы Коврижки поросли густой тёмно-зелёной щетиной ольхового стланика. Наиболее из многочисленных обнажений находятся у мыса Россыпь. Близ мыса У камня, содержащего небольшой выход коренных пород, область аллювиальных отложений по обе стороны реки быстро расширяется. Вдоль устья реки Азабачьей тянется длинная коса.

Выше Нижнекамчатска у правого берега — мокрая тундра; левый берег тоже довольно низменный. К месту Шемурахц левый берег повышается, само это место представляет собой чрезвычайно живописную ярко-зелёную полянку у подножия высокого горного мыса. Последний, подойдя далее к реке, образует Обуховский Яр...

Около острова Ицудацова мы были на траверзе первых горных выступов Щёковского хребта...

Около восьми вечера пришли к Чистому Яру и заночевали на примыкающей к нему низменной аллювиальной площадке.

18 июля около шести утра отправились в дальнейший путь. Высокие остроконечные холмы, пригорки, лужайки, ручейки... сменяли друг друга. Бесчисленные ямы, разбросанные повсюду, свидетельствовали о том, что эти живописные уголки когда-то были полны жизни и движения...

Проехали у правого берега довольно значительное обнажение; у Казённого Яра, выше Казённой речки и выше реки Горбуши — несколько обнажений близ уреза воды. Около десяти часов утра вышли из Щёк. Немного выше устья реки Ильцунец у правого берега отмечена “улова”, то есть водоворот. В 11.25 утра прошли у того же берега холмы Дилхенихтс, близ которых находятся одноимённое озеро и речка...

Около двенадцати дня прошли устья речки Арлосц, Малой и Большой Хапичи, отдалённые от реки песчаными косами; в 12.15 прибыли в Камаки. В 14.45 вышли дальше.

Выше селения Камаки река разделяется на четыре протоки: Озерную, отделяющую от себя Каменную, затем Быструю (главное русло) и Кривую. По слиянию двух последних протоков река принимает название Широкой.

В 20.20 мы пристали на ночлег в глубине излучины реки Быстрой, повыше Поперечной протоки.

19 июля в начале десятого утра мы продолжали путь вверх по реке...

От 14.00 до 14.40 устроили привал верстах в двух ниже верхнего устья Каменной протоки; в 15.09 прошли это устье, а в 15.44 —

рыбные балаганы “Казачье”. Само место рыбной ловли, по записям В. Л. Бианки, находится немного ниже, выше рыбалки отделяется от реки Камчатки Кривая протока, ниже устья которой... Чёрный песок, а примерно в версте ниже последнего — Питательная протока и одноимённый остров.

Около 19.15 вечера пришли в селение Ключевское.

31 июля ветер окончательно стих, и в 13.50 дня я выехал на батах вверх по реке. Если не считать выходов камней повыше селения, то ландшафт собственно берегов реки в общем тот же, что и раньше; в просветах береговых кустов у правого берега реки отсюда открывается вид на подножие Ключевской сопки... От 15.55 до 16.30 везшие меня каюры отдыхали. В 19.50 пристали на ночлег несколько ниже протоки Бильценок.

1 августа в 06.55 минут отправились далее. В восемь утра проехали устье реки Бильценок, где заканчивается Долгий плёс, начинающийся у реки Эульценок. В 09.40 приехали в селение Кресты, откуда с берега реки были взяты пеленги...

В Крестах меня ожидал неприятный сюрприз: оказалось, что на пройденном перегоне опрокинулся бат с моими всеми вещами. Хотя инструменты, которые могли бы пострадать, я вёз с собою, но сушить вымокшие вещи всё-таки пришлось, что меня несколько задержало.

3 августа в 08.50 мы вышли в путь. Вместе с появлением высокоствольного хвойного леса верхние устья протоков и промежутки между островками кое-где загромождены подмытыми и принесёнными рекою деревьями...

Был обеденный перерыв несколько выше реки Половинной. Существенное изменение в окружающем ландшафте представляют отроги Срединного хребта, которые становятся отсюда видными. Далеко заходя в долину реки, они одиноко возвышаются на западе среди низменной равнины. Их плоские, как стол, вершины и мягкие, живописные контуры представляют резкий контраст с суровым величием снежного вулканического гнезда на востоке. Эти чрезвычайно характерные горы называются Байдарами. Ближе всего к реке Круклинская Байдара, с которой течёт одноимённая река, а также река Пингратос. Недалеко от устья реки Круклинской находится обрыв жёлтого песка и встречается вновь лиственница. В 18.20 остановились на ночёвку между реками Круклинской и Караткапак.

4 августа вышли около пяти часов утра, некоторое время шли среди лиственничного леса, у реки Тиминчик миновали одноимённую тундру и в 06.45 минут прибыли в селение Ушки. К моему большому удовольствию, здесь население оказалось гораздо отзыв-

чивее к нашим интересам. Уже около десяти часов утра я мог приступить к промерам и гидрологическим работам против селения, а в 12.00 отправился в экскурсию к Ушковскому ключевому озеру, в нескольких верстах выше селения. Его кристально чистые, холодные синие воды, выбегающие могучими струями из-под камней в таинственной тиши высокоствольного леса, необыкновенная прохлада и свежесть воздуха, фантастическое голубое царство на дне, которое видно до мельчайших подробностей, — производят неотразимое, чарующее впечатление. На обратном пути в селение я произвёл промеры по фарватеру, причём оказалось, что выше селения Ушки река Камчатка всё ещё обладает у вогнутых берегов глубинами около 7 м.

В селение я вернулся около половины восьмого вечера, а в половине восьмого утра 5 августа уже выехал дальше вверх по реке.

Выше реки Крерук вновь появляются лесные завалы близ островков и выходящих в реку камней. Один из этих выводов... даже носит название “У порога”. Между этим местом и протокой Комарной В. Л. Бианки отметил Половинный островок, а пониже последнего местность носит название “У матоцки”.

Подъезжая к селению Козыревка, я обратил внимание, что вода в реке стала значительно прозрачнее, чем раньше. В Козыревку прибыли в 14.45.

Вечером того же 5 августа я сделал с В. Л. Бианки небольшую экскурсию к ключевому озеру, расположенному ниже селения, и измерил с берега температуру воды у выхода главного ключа. Комары и мошки, от которых почти не было спасения, порядком отравили удовольствие от этой прогулки, как и второй экскурсии, 6 августа, в смешанный лес. 7 и 8 августа мне пришлось ограничиться наблюдениями за уровнем воды в реке.

Ночью с 8 на 9 августа ударил сильнейший утренник. Мы прямо продрогли в наших палатках. 9 августа я занимался гидрологическими наблюдениями в реке Камчатке на профиле селения и на ключевом озере ниже последнего...

10 августа утром собрал опросные сведения о реке Камчатке, ближайших речках и озёрах, в 13.45 выехали далее вверх по реке.

В 14.40 миновали “застой”, находящийся близ выхода лавы, с которым обыкновенно связаны выходы ключевой воды. Выше устья реки Кахтан... у правого берега — протока “У балаганчиков”.

От четырёх до пяти часов дня отдыхали на большом песчаном выступе между реками Кахтан и Тойонской прорвой. Около 18.50 пристали на ночлег к Мартышкину острову.

11 августа около восьми утра вышли дальше. От 10.30 до 11.20 чаевали в протоке у левого берега, повыше верхнего устья старой реки. Около часа дня стали минут на десять для метеорологического отсчёта.

В устье реки Козыревки от 14.50 до 16.00 остановились на обед. Около 19.00 пристали к берегу близ верхнего устья Динильской протоки. Общая картина берегов без перемен.

12 августа ушли в 07.10. Около девяти утра задержались минут на десять для гидрологических наблюдений в устье реки Толбачик.

Берега, слагаемые уже более крупными материалами, становятся вместе с тем несколько светлее. Зелёные стены по обе стороны реки сближаются, вода в реке становится прозрачнее, и общий ландшафт делается мягче, приветливее. Сопок не видно. От 10.40 до 11.50 каюры отдыхали повыше реки Кулхпек на песчаном выступе у правого берега реки. Хвойный лес, вероятно, вследствие расширения долин на время отходит от реки, иногда показываясь в некотором отдалении от неё.

Камчатский бат свободно проскальзывает между ветвями, но иногда, под страхом потерять глаза, приходится возможно быстро пригибаться к нему головой или даже падать на дно бата. От 15.15 до 16.00 остановились на обед у длинного песчаного выступа между двумя группами рыбных вешал. Ниже верхних вешал у левого берега отмечен тундренный ручеёк Тхокрук...

В 17.30 пристали у вогнутого правого берега реки против Толбачикских *л*етников. Здесь мы предполагали застать толбачинских каюров, которые по плану, намеченному в Козыревке, должны были быть высланы сюда из селения Толбачик, но на пустынной полянке, окаймлённой деревьями, не было никого. Только окровавленный череп медведя, валявшийся на берегу, свидетельствовал о недавней удачной охоте.

Прошла беспокойная ночь, проведённая в палатке, наполненной комарами и мошками.

13 августа утром козыревские каюры уехали, а из Толбачика никто не приходил. Я решил отправиться пешком в селение, находящееся, как говорили, верстах в пятнадцати от реки и отделённое от последней смешанным лесом и болотами.

Козыревские каюры хотя и убеждали меня оставаться и ждать, но перед отъездом всё же показали начало конной тропы от берега к селению. Но узкая дорожка, на которой едва помещаются две поставленные рядом ноги, временами почти теряется в траве и, в особенности, в болоте; вправо и влево от неё нередко отходят такие же

тропинки. На восьмой версте я встретил двух молодых парней, посланных за мной из Толбачика. Вернулись к реке, пообедали, а затем на лошадях поехали в Толбачик, куда прибыли уже к вечеру.

Ясным утром 14 августа раскрылась дивная панорама сопок Толбачикской группы, далеко выходящих за пределы линии вечного снега. Самая величественная из них — Большой Толбачик с его исполинским кратером, обломанным с одной стороны. Днём того же числа занимался гидрологическими наблюдениями на реке Толбачик, светло-зелёные воды которой струятся по камням у самого селения.

15 августа, в Успение, разумеется, в селении праздновали, и в этот день удалось только подобрать каюров для дальнейшего движения вверх по реке и проверить при участии старосты и некоторых других жителей мои записи...

16 августа мы не без труда прошли к реке — лошади местами проваливались. Остаток дня я употребил на гидрологические работы и промеры на профиле Толбачикских *ле*тников.

17 августа, в 09.50 вышли вверх по реке. Река стала уже и излучины чаще, поэтому счёт расстояния местными жителями ведётся по "пескам", то есть песчаным выпуклым береговым излучинам. Между 14.00 и 17.30 проводники несколько раз останавливались в общей сложности на два с лишним часа. Выше протоки Иуслим открылся великолепный вид на Кунчоклу. По словам каюра, вершина её вся из "дыроватого камня", то есть из лавы.

Чуть ниже реки Кидынец, в обрыве у левого берега на глубине метра замечено громадное дерево, погребённое под наносами реки Камчатки, причём самый берег уже успел покрыться высокою древесною растительностью. Повыше реки Кидынец дно настолько каменисто, что шест, которым "пихаются" каюры, "ничего не берёт", то есть скользит по крупному галечнику.

В 19.10 пристали на ночлег у 15-го песка.

18 августа в 08.50 ушли дальше. Близ устья реки Николки, образуя резкую границу с аллювием реки Камчатки, открывается обрыв жёлтого песка в пять-шесть саженей высотою. Наверху обрыва — сплошная лиственница. Здесь около 09.30 остановились на четверть часа для гидрологических наблюдений.

На 24-м песке... — обеденный перерыв. В этих местах, как говорят каюры, самая полная вода бывает в последних числах июня и в начале июля, то есть раньше, чем в низовьях. От 16.45 до 17.00 производил гидрологические наблюдения в устье реки Щапиной, между 17.00 и 18.00 каюры отдыхали выше устья последней,

а я, по соглашению с одним из них, выполнил некоторые наблюдения в реке Камчатке.

Около 19.15 стали на ночлег у 23-го песка.

19 августа в 08.25 вышли вверх по реке. Чуть повыше места ночлега оказалось много пней, занесённых песком, уже посреди самого главного русла реки. Против 44-го песка проехали первый "яр". Плоский увал высотою 10–15 сажен с востока подмывается рекою, образуя крутой песчаный обрыв, по которому кроной вниз, корнями вверх ползут вместе с песком огромные деревья. На север и на юг увал спускается крутым (градусов 40–45) облесенным склоном. За яром стояли минут десять. В 14.15 прибыли к Щапинскому переходу, то есть к Щапинским *ле*тникам, в тесном смысле слова, где нас ждали новые каюры. Камчадальское название этого места записано у меня довольно разборчиво, но настолько трудно произносимо, что я привожу его не без некоторого сомнения: четвёртые Щапинские летники носят название "Каледвщ", выступ, на котором они находятся, называется "Избушечный песок".

Уже лица некоторых толбачинцев тёмным матовым румянцем на слегка желтоватом лице и тёмной окраской волос отличались от большинства прежде встречавшихся типов, у щапинских же каюров эти черты бросались в глаза ещё сильнее. Что придаёт особенную привлекательность этому типу — это открытое, смелое выражение лица и внимательные, интеллигентные глаза.

В 05.45 вышли дальше, и начался, безусловно, самый тяжёлый переход. В этой части течения очень много быстрин и отмелей из крупного галечника, где бат застревает и портится от сильного трения, а шест скользит по камням, едва не выпадая из рук.

Новых по существу явлений во время этого пути отмечено не было, но рядом незаметных переходов береговой ландшафт, ещё между Козыревкой и Толбачиком довольно сумрачный, постепенно перешёл в свою полную противоположность. Высоко поднимающиеся светлые обрывы с живописной сменой растительности всё чаще нарушали однообразность низменных берегов реки. Но когда из-за яра, как из-за кулисы, выглядывала убегающая вдаль нежно-зелёная береговая поросль, то и эта привычная картина как-то оживала в рамке новых форм. Иногда казалось, что шумит большой водопад — это сыпались громадные массы песку со склона высокого яра. Уже издали мы видели тёмные клубы, точно от большого лесного пожара, а подъезжая, убеждались, что произошёл свежий обвал.

19 августа мы стали на ночлег за 2-м песком от Щапинского перехода уже около 18.30.

20 августа вышли около 08.10. В 09.10 близ 4-го песка открылся вид на Кунчоклу. От 16.55 до 17.20 занимался гидрологическими наблюдениями в устье реки Урсц, или Урхц (современное название Урц. — *В. Б.*), заваленной группой обвалившихся берёз. У 25-го песка, точно спрессованного суглинка, остановились на ночь в 18.15.

21 августа около 08.20 мы вышли вверх по реке... Обеденный перерыв близ верхнего конца 36-го песка... Около 16.30 проехали интересное место обнажения — Каткоэлаць.

От 16.05 до 16.20 производил гидрологические наблюдения в устье реки Китилгиной. Эту реку мои щапинцы называли "Кылтыгина" или даже "Кылтыга". От 16.30 до 17.40 каюры отдыхали близ места, отмеченного на плане как "Машуринский лабазок" (лабазок — помост, куда поднимаются местные жители, чтобы следить за приближением и ходом рыбы. — *В. Б.*).

На каменистом дне реки местами образуются отдельные кучи галек, задерживающие бат. Каюры называют эти кучки "сиверки" и уверяют, будто бы это рыбы нагребают камешки на свою икру. В полвосьмого вечера стали на ночлег.

22 августа вышли в девять утра. Проезжая *ле*тник Кындынек, обратил внимание, что буква "н" произносится в этом слове с совершенно ясным носовым оттенком. Подобное произношение мною впоследствии неоднократно отмечалось в испорченных камчадальских названиях... В Машуру прибыли в 11.50.

В Машуре меня ожидала приятная встреча с участниками экспедиции Переселенческого управления. Кроме возможности отправить о себе весть, которая уже казалась утраченной до будущего года, для меня было интересно обменяться с производителем работ И. Г. Протопоповым впечатлениями о природе и населении Камчатки. До второй половины дня, пользуясь любезностью И. Г. Протопопова, умевшего немного справляться с батом, я побывал на озере близ селения, где произвёл некоторые гидрологические наблюдения.

Вечером совместно с И. Г. Протопоповым собирал опросные сведения у группы жителей селения Машуры во главе со старостой.

На памяти жителей не произошло ни одной перемены русла реки Камчатки. Из прежних же перемен сохранилось наиболее свежее воспоминание о той, которая произошла в песках в 12 верстах ниже Машуры, пониже обнажения Каткоэлаць — "Новая река", или, как её обычно на Камчатке называют, "прорва"...

Река Кимитина, впадающая чуть повыше селения, вскрывается несколько позже главной реки в последних числах апреля. Первая

травка на проталинках появляется в первых числах мая, в тех же числах снег совершенно стаивает. Лето 1908 г. считается дождливым, но с 15 августа погода получше. Вообще считается, что с июня до 15 августа дожди бывают чаще. Последние несколько лет, по мнению старожилов, были сравнительно более дождливыми. Туманы бывают редко, за истекшее лето были раз пять. Ветер чаще западный, но летом 1908 г. часто бывал и морской. Самый сильный ветер — западный, но иногда и северный. Зимою морской ветер бывает с пургой, а остальные несут лишь сухой снег. Последние весенние утренники бывают в начале июня, но такие запоздалые утренники бывают примерно через год, а обыкновенно они прекращаются в последних числах мая. Осенние утренники начинаются уже с 20-х чисел июля (!), а в последних числах июля и в первых числах августа бывают постоянно. Первый снег выпадает в первых числах октября, зимняя дорога устанавливается в первых числах ноября и держится до первых или даже до 20-х чисел апреля. Толщина снега на реке — около аршина, вообще же самый глубокий снег здесь бывает по пояс и лишь очень редко — выше.

В общем, селение, расположенное в таком живописном месте, производит довольно безотрадное впечатление: бедность, особенно поражающая по сравнению с Толбачиком и Мильковым, какая-то пришибленность, унылые жалобы на судьбу.

23 августа в 10.30 тронулись дальше. Между 2-м и 3-м песками — масса больших камней до 0,75 м в диаметре... Производил гидрологические наблюдения в устье реки Кимитиной, которая впадает двумя рукавами, верхний из них к осени пересыхает. Яры становятся всё живописнее, так как речные излучины вдаются в них глубже и 20–30-саженный обрыв охватывает реку настоящим амфитеатром, замкнутым тёмной оградой хвойного леса. От 17.35 до 17.50 останавливались для гидрологических наблюдений в реке Половинке. В 18.45 остановились на ночлег у 14-го песка.

24 августа ...пошли дальше. Время от времени песок в отмелях вновь замещает галечник... У 24-го песка проехали начало старой реки, верхнее устье которой находится против места впадения реки Кырганик; оттуда же открылся превосходный вид на Валагинский хребет, острые, пирамидальные формы которого напоминали некоторые ландшафты приморской полосы. От Паранюшкиной протоки, слева от реки, виднеется плоский увал — Едома...

Около 19.00 прибыли к Кирганикскому переходу. Пришлось сходить за каюрами в селение, переночевать с ними на берегу реки и только на утро двинуться дальше.

25 августа вышли в 07.55. У устья реки Кырганик стояли около десяти минут. Здесь место сравнительно открытое благодаря обширным галечникам староречей и протоков. Теперь и у правого берега терраса “яра” отошла от реки и виднеется в отдалении в виде плоского длинного увала — Едомы. За Едомой высится уже совсем близко сплошная тёмная зубчатая стена Валагинского хребта с глубокими мрачными падями.

Пониже реки Азанац правый берег вновь становится обрывистым, но всё же едва достигает 5–6 саженей... Остановка в устье реки Валагиной для гидрологических наблюдений. Валагинская шайба, находящаяся против устья на противоположном берегу, представляет собою деревянный сруб, в котором хранится рыба. Обычное значение подобных сооружений — служить кладовыми во время зимних охотничьих поездок. От времени до времени встречаются береговые обрывы, но высота их теперь уже нигде не превышает двух саженей. В 16.10 дошли до устья протоки Антоновки близ Милькова, а ещё через пять минут стали у рыбных вешал, недалеко от устья протоки. Отсюда в селение до дома старосты минут двадцать шли пешком».

После работы в районе Мильково В. Н. Лебедев 4 сентября добрался до Шаром, 5 сентября проехал реку Грешную и прибыл в Пущино. 16 сентября он работал на Пущинских ключах, 17 сентября снова выехал в среднее течение реки Камчатки и только 10 декабря 1909 г. на собачьей упряжке вернулся в Петропавловск.

Он так выразил своё отношение к нашему краю: «Когда перед нашим отъездом в золотой дымке, пронизанной солнечными лучами, открылась в последней раз царственная семья вулканов Ключевской группы, можно было унести с собою самое чарующее впечатление о природе этого уголка».

Приложение

Названия географических объектов реки Камчатки по материалам экспедиции Ф. П. Рябушинского 1908—1909 гг.

Бухта Куиц.
Заливы: Кудахал, Калахчин (Калахчан).
Летники: Каледвщ, Кындынек.
Место Шемурахц.
Мысы: Эульхуд, Кульчен’гыч, Купхан, Кульчинец, Атхло.
Озёра: Быпылженок, Катхоц, Курсин, Вороценок, Сузуцье, Ципхепкин, Купхан, Красикошко.

Острова: Кирун, Танеханец (Танехан).

Реки и протоки: Ларем, Ильчунец, Вельхеникс, Халница, Тарховая, Цмеклкииц, Тхаач, Ашхава, Бекеш, Кульхажинская, Крерук, Кахтан, Кидынец, Урсц, Кытылга, Каткоэлац, Азанац, Кчаунчш, Беккет, Бекет, Тахирка, Хапича, Бильценок, Эульцанек, Иулисим.

Сопка Шумакарак.

Урочище Киргурич.

Хребет Кумрочь.

Холмы: Кулукольцы, Инчохонч, Дилхенихтс.

Юрта Атклак.

Бурнашевы — проводники научных экспедиций

Экспедиционная деятельность на Камчатке является составной частью истории отечественной науки и культуры. Она началась в XVIII в., когда на полуострове работали Первая и Вторая Камчатские экспедиции. В XIX в. здесь трудились В. М. Головнин, А. Эрман, И. Г. Вознесенский, К. Дитмар, Б. Дыбовский, К. Богданович и многие другие. В XX в. изучение полуострова приобрело новый качественный уровень и стало комплексным. В самом начале века В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон входили в состав Северо-Тихоокеанской экспедиции, в 1908—1910 гг. впервые на Камчатке работала комплексная экспедиция Ф. П. Рябушинского.

Передвигаться по полуострову было очень сложно, так как дороги между населёнными пунктами отсутствовали. Для поездок летом местные обитатели чаще всего использовали баты, позже часть маршрутов проходили на лошадях. Зимой главным транспортным средством были собачьи нарты, на севере же использовались оленьи упряжки.

Первоначально пути проходили по восточному и западному побережьям, долине реки Камчатки. По долине путь пролегал на север по притоку Еловке и через перевал — на Тигиль или по реке Озерной — на восточное побережье. Уже во второй половине XVIII в. маршрут от Петропавловска до устья реки Камчатки был почти не востребован, так как население в этих местах вымерло от эпидемии. Указанные пути часто использовались вплоть до середины XX в.

Путешественников сопровождали местные жители — коряки и камчадалы. Обычно каюры везли своего пассажира до соседнего селения. Наименьшим считалось расстояние между Мильково и соседними Верхнекамчатском (на юг) и Киргаником (на север) — менее 20 вёрст. А между отдельными сёлами расстояние по реке

или по зимнему тракту достигало 50–70 вёрст, как, например, от Толбачика до Козыревска.

Если на Камчатке работала научная экспедиция, то её руководство, как правило, нанимало на длительный срок, вплоть до нескольких месяцев, знатоков местности. Камчадалы с детства были знакомы с окрестностями своих селений, уже в подростковом возрасте участвовали в зимней охоте, проходившей в значительной отдалённости от них. В поездках «за луком» и ягодой, на рыбалку и осеннюю охоту они в совершенстве овладевали знаниями о речных системах, горных хребтах, перевалах. Все реки и горные вершины имели местные названия, передававшиеся из поколения в поколения.

В. Н. Лебедев в 1909 г. указывал, что бо́льшая часть названий рек и мест имеет ительменские корни. Например, местность Шемурахц, остров Ицудацов, речки Арлосц и Кидынец, протока Бильценок и другие. Русские названия тоже присутствовали: Кривая, Широкая, Поперечная, прочие, но в меньшей степени.

Первой прибывшей на Камчатку комплексной экспедицией стала снаряжённая Ф. П. Рябушинским. Она действовала в 1908—1909 гг., а её проводниками были жители селения Толбачик И. В. Митевский, Е. Е. Бобряков, И. П. Бушуев, Мерлин; обитатель Нижнекамчатска И. Е. Снафидов; житель селения Камаки А. С. Расторгуев; староста Ключевского селения А. Н. Ушаков; житель Усть-Камчатска А. К. Косыгин, сероглазкинец С. Атласов; старосты селений Пущино и Машуры и другие.

Из камчадалов-проводников большой вклад в работу исследователей внёс житель селения Начики Павел Григорьевич Бурнашев. Доктор В. Н. Тюшов, автор известного труда «По западному берегу Камчатки», характеризуя селение Начики, упоминает о семье Бурнашевых: «Начикинское селение, расположенное среди хребтов, считается, если не самым, то, во всяком случае, одним из самых высоколежащих селений, приблизительно на 1 000 футов над уровнем моря. В нём с 1894 г. — всё те же семь маленьких домов тех же домохозяев: Евгения Слободчикова, Григория Бурнашева, Фёдора Бурнашева...»

Упоминание о проводнике Григории Бурнашеве встречается и у В. Л. Комарова. Два летних сезона в 1908—1909 гг. он возглавлял ботанический отдел экспедиции. 27 мая её участники прибыли в Петропавловск. В первое лето В. Л. Комаров исследовал южную часть полуострова: окрестности Петропавловска, район Начик, Охотское побережье в устьевой части реки Большой.

Во время нахождения в районе Начикинского озера и сплава по реке В. Л. Комарова сопровождал проводник Г. А. Бурнашев, писарь Начикинского селения. Он рассказывал Комарову о реках, озёрах, местных способах заготовки рыбы. «Про реку Щокоч (современная Сокоч. — *В. Б.*) он сообщил, что она вытекает из озера, площадь которого в четыре раза меньше, чем площадь Начикинского озера...»

В. Л. Комаров отмечал, что Г. А. Бурнашев был грамотным человеком: «...староста Начики — очень симпатичный и умный человек Д. Уваровский. Писарь Начикинского селения — Г. А. Бурнашев». Далее, характеризуя Г. А. Бурнашева, Комаров пишет: «Наш проводник, писарь, человек очень умный и наблюдательный, хороший промышленник». Далее: «На стоянке Г. А. Бурнашев поделился с нами ещё несколькими сведениями. Сненку, которой теперь так много в реке, иногда собирают, пока она ещё свежа, и запасают на корм собакам в ямы...»

В ходе экспедиции В. Л. Комаров познакомился и с семьей Г. А. Бурнашева, в том числе с его сыном Павлом. Тот в 1905 г. окончил полный курс Петропавловского городского училища. В этот год аттестаты получили всего три ученика, среди них «Бурнашов Павел, сын инородца-камчадала из селения Начики».

П. Г. Бурнашев участвовал в качестве проводника в шведской экспедиции в 1922 г.

25 июня 2020 г. исполнилось 100 лет, как на Камчатку прибыла шведская научная экспедиция, внёсшая заметный вклад в изучение полуострова. В её состав входили: руководитель зоолог Стен Бергман, его супруга Дагни, ботаник Эрик Хультен, супруга Хультена — Эльза, энтомолог Рэне Малэз, препаратор Эрнст Хедстрем.

Экспедиция работала три лета и две зимы и покинула полуостров в сентябре 1922 г. Один из её участников, Рэне Малэз, затем ещё долгое время изучал природу полуострова и пытался организовать соболиный питомник сначала в Ключах, затем на окраине села Елизово.

Эрик Хультен в отчёте о путешествии на юг Камчатки неоднократно самым положительным образом характеризовал Павла Бурнашева: «Сразу с середины лета 1922 г. мы отправились в путь на юг... Первым идёт Бурнашев, маленький камчадал с косматыми, чёрными волосами и с медно-красным цветом лица. Он обут в “торбаса”, мягкие сапоги из медвежьей шкуры, и с коротким карабином “винчестер” на ремне за спиной. У него тип, подходящий к какой-нибудь книге об индейцах, и я много раз на дню находил повод

удивляться его невероятному инстинкту, когда он преследовал северного оленя по следу, разводил костёр в проливной дождь или находил проходимый путь, когда все возможные кажутся перекрытыми. Без сомнения, здесь чувствуется большой опыт, я никогда не позволял себе резкого замечания, даже когда мне казалось, что мы идём неверно, даже зная, что он никогда прежде не бывал в этой местности».

Указывая на трудности маршрута, Э. Хультен отмечал: «Ветви собраны группами плотно, как метла, и верхушки торчат вертикально. Когда пробираешься по склону, приходится больше использовать руки, чем ноги, и это в целом напоминает гимнастику на верёвочной лестнице. Идти пешком здесь затруднительно, но вести лошадей — это и вовсе адский труд. Камчадалы — далеко не божьи дети в том, что касается труда, и ольховников сильно боятся, однако Бурнашев — редкое исключение. Он ловко работает топором, отрубая ветви, чтоб освободить проход. Он обещал мне в точности следовать моим указаниям и держит своё слово».

Охоту во время путешествия Э. Хультен описывал так: «По долинке ручья поползли Бурнашев и я вверх по течению, надеясь встретить мишку, но он был шустрее, чем мы, и ушёл в сторону палатки, где моя жена готовила завтрак. Бурнашев и я сперва прицелились, и тут Приятель (собака. — *В. Б.*) появился нам по прицелу, громыхнули наши винчестеры...»

В завершении экспедиции Э. Хультен снова характеризует П. Г. Бурнашева как знатока местности: «Через несколько дней этого тяжёлого перехода мы пришли, наконец, в место, известное по прошлогоднему походу, первому форпосту цивилизации, маленькому купальному домику у Апачинских горячих источников. Мне трудно понять, как Бурнашев смог найти этот маленький домик посреди обширной однообразной берёзовой рощи без инструментов и без тропы».

В фондах Архива Российской академии наук в переписке В. Л. Комарова имеется письмо к нему от П. Г. Бурнашева. Как в дальнейшем складывалась судьба обычного камчадала, проводника экспедиции Э. Хультена, как развивалась Камчатка в 1930-х гг., — всё это мы можем узнать из этого письма, которое ниже приводим полностью:

«За двадцать лет добрый день! Как я был рад услышать от вашего бывшего ученика Панина Кирилла Ивановича о вашем житье-бытье и здоровье! Наверное, вы уже давно забыли о нас, так как это было так давно. Прошло много времени, так вот, Владимир

Леонтьевич, как вышло дело: случайно для меня обо мне наводит справки Кирилл Иванович, где живёт такой-то и чем занимается?

(Кирилл Иванович Панин стоял у истоков рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Родился в 1911 г. в Санкт-Петербурге. В 1928 г. окончил школу-девятилетку. В 1929 г. поступил в Ленинградский государственный университет на биологический факультет, окончил его в 1933 г. Наркомпросом РСФСР отправлен на Дальний Восток в распоряжение Тихоокеанского института рыбного хозяйства, позже ТИНРО. С сентября 1933 г. по сентябрь 1955 г. работал в КО ТИНРО научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией промысловой ихтиологии, директором. Работу на Камчатке начал на наблюдательном пункте по изучению сырьевой базы сельди в Кихчикском районе. С 1955 по 1963 г. трудился в ТИНРО во Владивостоке.)

Примерно так в мае месяце сего года на заводе Кихчик АКО пришлось его встретить и познакомиться. Узнав о вас, я детально его выспросил и рассказывал ему, откуда и как знаю вас. Тогда же я дал слово, что напишу вам о себе, надеюсь, если это вас хоть и не обрадует, но всё же вспомните о нашем крае — Камчатке.

Желательно сначала о семье, а потом по порядку обо всём понемножку. Отец мой, Григорий Александрович, умер в 1917 г. перед революцией. Мать же умерла в 1919 г., помер и братишка мой Гришутка, если помните, самый малый браток. Старший брат и я — одинёхоньки. В 1923 г. я из-за недохода рыбы из Начик ушёл в Апачу, а сейчас живу в Кихчике. Вот как это случилось. В 1915 г. я поступил на службу в ведомство связи, побывал в Приморье, а в 1919 г. ушёл со службы, занимался крестьянством, то есть, как знаете, охотой и рыболовством. Так, в 1923 г. рыба в Начику не пришла, и пришлось бросить родное село и переехать в Апачу, где в 1926 г. меня мобилизовали опять на почту, и я пробыл два года в Усть-Большерецке. Между прочим, это село организовалось после вас, после постройки телеграфа с 1911 г., а сейчас оно районное, порядочное по населению.

Я по болезни опять ушёл со службы, опять мотался среди крестьянства. С 1931 г. опять поступил уже по согласию в связь, но уже линейным работником, и с тех пор по сие время топчу тундру западного берега.

Правда, мне ещё 45 лет, но жизнь искоробила моё здоровье, и приходится или уйти со службы, или ехать лечиться. На месте пока нет хорошей медпомощи. Жизнь моя так сложилась, что пришлось не раз быть в когтях смерти, но обходилось благополучно, лишь

немного поболеешь и опять горбатишься, но результаты начинают сказываться. Так, пожалуй, об этом хватит, больно скучно это.

Расскажу вам о жизни Камчатки вообще. Камчатка с 1922-го года стала советским уголком, о котором царское правительство не думало заботиться, за исключением постройкой церквей, церковных школ и т. п.

Теперь же за тринадцать лет советской власти много, много изменилось. Всюду и везде колхозы. В каждом колхозе — школа, хотя и недостаточная по своему объёму. Теперь поп и пристав — не хозяева, их не стало. Теперь хозяин села — это сельсовет, а в районе — райисполком. Теперь не редкость и не чудо встретить камчадала, который занимает должность прокурора, председателя райисполкома (высшее должностное лицо в исполнительной власти на территории административного района. — *В. Б.*), интегрального работника (сотрудника кооперации. — *В. Б.*) и прочие, а нашего брата-связиста стало много. А ведь помните, в селе зачастую некому было написать какое-либо донесение начальнику уезда. Хотя неграмотность полностью не ликвидирована, но осталось их [неграмотных] очень мало. Теперь на каком-нибудь собрании смотришь — камчадал стоит на трибуне и так режет, что любо-дорого слушать, а было время, и слова не добьёшься. Мне это пришлось видеть и переживать и сделать вывод: какая разница против прежнего строя правления! Каждый имеет право говорить, каждый защищает права гражданина.

Помните, наверное, ещё какие были хибарки в самом Петропавловске. Старого Петропавловска, по чести сказать, не стало, а стал новый советский Петропавловск, да не кучка домишек, а от Сероглазки и чуть не до Солеварки растянулся. (Солеварка — бухта на восточном берегу Авачинской губы. Названа так ещё в XVIII в. Здесь выпаривали соль из морской воды. В начале XX в. в бухте переселенцами было основано селение Солеваренное, упоминавшееся Комаровым в 1908—1909 гг. — *В. Б.*)

Мы видим теперь в городе во время праздников не один десяток или сотню людей, а целые десятки тысяч народу. Наряду с ростом города, идёт усиленное строительство и по сёлам. Имеется и машинно-тракторная станция, что в старину и не думал никто из нас. Возьмём ту несчастную тропу, которая связывала область с Петропавловском. Её не стало. Между городом и Усть-Большерецком и также по восточному берегу частично ходят автобусы (имеется в виду, что автобусное сообщение было организовано в городе. — *В. Б.*). Трактор не только по совхозам есть, но и по колхозам.

Раньше ведь об этих машинах никто и не мыслил. А трактористы-камчадалы не редкость. Электричество, радиовещание, моторизация тоже в широком развитии.

Рыбоконсервные заводы (говорю про западное побережье) рабочих завозят не только на сезон, но и на несколько лет. Это дело в вашу бытность здесь даже ещё и не начиналось, а в советском хозяйстве рыба стала валютным делом. На рыбную путину партия и власть обратила особое внимание и, конечно, это правильно. В старое время по морю ходили только пароходы да шхуны, преимущественно в Японию, а теперь мы можем и в январе и в любое время года сесть на катер или кавасаки и ехать в Петропавловск. (Кавасаки — деревянное самоходное плавсредство с рубкой, предназначенное для буксировки кунгасов и прибрежного лова рыбы. Использовалось в рыбном хозяйстве Камчатки до 1950-х гг. — *В. Б.*)

Что было не под силу царским чиновникам, то советскому работнику ничего не стоит провернуть. Воздушная связь также здесь развивается, хотя не частная.

Почта и телеграф ранее были чем-то неземным. С 1910-го года провели телеграф от Петропавловска до Тигиля и в 1913-м году — от Петропавловска до Козыревска. Работа по связи ежегодно развивается и развивается, наряду с этим растёт и потребность в связи. Где нет телеграфа — там телефон, радио, агентства и прочее. А ведь этого при царе ничего абсолютно не было. Печать работает не только в городе, районе, но и по другим, более населённым пунктам: рыбокомбинатам, совхозам и прочим. В случае чего — пиши в газету, и всё.

Во время революции, хотя пороху и мало расходовали, но всё же белым не так здоровилось и здесь. Власть Советов здесь настала, как я уже сказал, с 1922 г., а до того хозяйничали тут и белые, и интервенты. Конечно, они были лишь только в Петропавловске и в окрестности его, а далее их власть почти не распространялась по месту, но, между прочим, хозяевами считались губернатор или ставленник Бирич, генерал Поляков и прочие черносотенцы, которым на материке уже не было места. Были и до них перевороты, была и советская власть, но это на время бывало: сегодня красные, завтра — белые. Конец положили всем бандитам уже в 1922 г. Красная Армия и партизаны. С тех пор ни Япония, никто другой не стали сюда заглядывать. Живём и строим без иностранцев и без белых.

Между прочим, я в 1922 г. побывал в экспедиции на юге Камчатки до Курильского озера по центру полуострова по горам и [про-

шёл] обратный путь по морскому берегу от Явиной. Да, Владимир Леонтьевич, жизнь, то есть время, не только меняет человеческую жизнь, меняется и природа. Возьмём, например, сопку Желтовскую. Ваш коллега Кондратьев в свою бытность около этой сопки предсказал конец её молчанию, и предсказание это сбылось в точности. Сопка, молчавшая неизвестное время, в 1925 г. сбросила свой колпак и начала извергаться. Да и много явлений в природе, то же Култучное озеро около Петропавловска стало заливать свои берега или почва оседает. Там, где можно было пройти в ботинках, вода стала сантиметров на 20–30.

Был я в экспедиции со шведом Хультеном, которого вы, возможно, знаете и лично, а может, нет, но знакомы с его сочинениями про Камчатку. Вот его-то сочинение и повлекло к знакомству с Паниным, который, читая Хультена, заинтересовался мною. А Хультен как будто писал обо мне немало. Хультен, будучи в экспедиции, положил немало трудов [для] съёмки южной части полуострова. Имея при себе последней техники аппарат, он очень верно наносил на карту ту или иную точку. За ориентировочную точку он брал Опальскую сопку. Побывал я с ним с устья реки Банной до её вершины, по Карымчиной тоже с устья до вершины, по Толмачёвой, Опалой, Асаче, Ходутке, Саван, Голыгиной и Озерной. Он интересовался всем, что попадало ему на глаза. Большой интерес произвели на него горячие ключи, вулканы и гербарий.

(Эрик Хультен родился в шведском городе Галле в 1894 г. На Камчатке был в 1920—1922 г., собирал растения в окрестностях Петропавловска, на мысе Лопатка, в районе Мутновской сопки, поднимался на вершины вулканов Авача, Ходутка, Опала, Топик и Ильинская сопка, был на озёрах Курильском, Камбальном и Толмачёвском и на 15 горячих ключах. Автор книг «Флора Камчатки и окружающих островов» и «Растительный покров Южной Камчатки». — *В. Б.*)

Пробыла здесь эта экспедиция три года и смоталась в 1922 г. по эвакуации отсюда белых. Председателем экспедиции был Бергман, а всех их было шесть человек. Как говорят, эта экспедиция немало ценного материала вывезла с Камчатки.

Теперь скажу вам об охоте. Охота на соболя стала незавидная. Последние годы соболя стало мало. Лиса сохраняется и водится ещё в достаточном количестве. Много больше стало, чем было раньше, выдры. Но, в общем, звероловство стало незавидное, так как во время последних лет царизма и во время революции охота не соблюдалась, и в самом главном заповеднике Кроноки охотились

на полный ход, чем и подкосили соболя. Вот с наступающего сезона на соболя сделали запуск, не будут его бить, возможно, он вновь заведётся. Появилась белка, раньше её здесь не было. Опыты домашнего выкармливания соболя не увенчались успехом, но всё же на этом не останавливаются ни партия, ни правительство, опыты продолжаются и как будто есть шансы на хорошее будущее.

Рыба стала иметь своё расписание. Раньше, как правило, рыбы ежегодно было достаточно, а с 1914 г. ход ея изменился, и в некоторых реках, в особенности Большой, рыба стала появляться только в чётные годы, а в нечётные ея почти не приходит. Вот нынешней год ея было столько, что все реки испортились от гнилой рыбы.

Не знаю, какая участь постигла ваших в то время товарищей — Сергея Николаевича, Всеволода Павловича, где они сейчас, чем занимаются? Последнее письмо от Сергея Николаевича получили в 1912 г., в котором он обещал ещё раз написать, но так мы и не получили больше ничего. Что с ним случилось, не знаю. (Сергей Николаевич Поршняков и Всеволод Павлович Савич — студенты-естественники Петербургского университета. Первый участвовал в экспедиции на свои средства, второй входил в состав ботанического отряда, собирал и изучал споровые, в особенности лишайники. — *В. Б.*)

Был бы много вами обязан, если бы вы написали мне о вашем житье-бытье, здоровье, а также о Сергее Николаевиче. Просил бы Вас не отказать писнуть мне письмецо. Возможно, вас что заинтересует, а я тут немного помыкался по горам, тундрам и озёрам, возможно, был бы чем вам полезен.

Вот на днях я только закончил ремонт телеграфной линии на своём участке, вернулся в Кихчик, и можете ли представить, я подхожу к заводу, а оттуда снялся тральщик, на котором выехал Панин в Петропавловск. Так и не пришлось его увидеть, такое огорчение! Он работает в Камчатском отделении Тихоокеанского института рыбного хозяйства, был здесь, в Кихчике, по изучению сельди. Сезон закончился, и он выехал в Петропавловск.

Так, заканчивая на этом своё такое письмо, прошу вас, Владимир Леонтьевич, не забудьте нас, камчатских жителей, пишите письмо. Я буду считать долгом гражданина ответить на ваше письмо, настолько, насколько развит мой узкий кругозор. Шлю свой пламенный привет. О вас я всегда помнил и буду помнить.

До свидания. С совершенным к вам почтением, *Бурнашев Павел Григорьевич*. Кихчик, Камчатка, от 4 октября 1934 г.».

Шведская научная экспедиция

В 2020 г. исполнилось 100 лет с начала работы на Камчатке шведской научной экспедиции во главе со Стеном Бергманом. До настоящего времени итоги её деятельности не получили научную оценку. Результаты были опубликованы в более чем сорока изданиях под заголовком «Ergebnisse der schwedischen Kamtchatka-Expedition 1920—1922» в журнале «Arkiv for zoology 1925—1935», изданном Шведской академией наук. Другие материалы экспедиции — рукописи, письма, статьи из газет и дневники Стена и Дагни Бергман, Эрика Хультена — хранятся в архиве Центра истории наук в Шведской королевской академии наук. Ботанические и зоологические образцы, собранные во время экспедиции, сейчас являются собственностью Музея естествознания в Стокгольме. Кроме того, архивный материал хранится у дочери Бергмана — Астрид Бергман-Саксдорф и её сына Дженса Саксдорфа. Можно добавить, что некоторые материалы с Камчатки находились в доме его старшей дочери Рэндэ. Впервые свободный доступ к книге об этой экспедиции мы получили только в 2000 г.

В начале 1990-х гг. житель Камчатки Андрис Натинь, в совершенстве владевший эсперанто, получил от зарубежных коллег книгу на этом языке о зимних путешествиях шведов по полуострову. Через некоторое время он её перевёл и передал рукопись в отдел редкой книги областной библиотеки имени С. П. Крашенинникова, который тогда возглавляла Г. Б. Намжилова (1945—2007). В 1996 г. Галия Батоевна любезно разрешила нам познакомиться с этой работой. В 1998 г. текст рукописи был набран на компьютере. Попытка издать книгу увенчалась успехом только в 2000 г. при помощи ОАО «Камчатскэнерго» (генеральный директор Е. Клочков). В то время на Камчатке царил глубокий экономический кризис и в расчётах между предприятиями широко использовались взаимозачёты. Генеральный директор разрешил сделать взаимозачёт с типографией на стоимость издания книги.

Книгу «По дикой Камчатке» выпустило издательство «Камчатский печатный двор» тиражом 2 000 экземпляров, вскоре она получила большую популярность среди краеведов.

За 70 лет после выхода в свет исходной книги на русском она не выходила, если не считать изложения её фрагментов (составитель Наталья Нейман) «На далёкой Камчатке» и «На далёкой Камчатке. Путешествие по стране вулканов, медведей и номадов» (составитель С. Дмитриев). Обе книги изданы в 1929 г.

В 2000—2001 гг. шведская журналистка Лена Хаглунд сняла фильм «По следам шведской экспедиции Стена Бергмана». А в 2013 г. она же в соавторстве с Хенриком Экманом и Бертилем Линьтнером издала фотоальбом «Стен Бергман. Камчатка, Курилы, Корея и Новая Гвинея», где впервые был опубликован ряд ценных фотографий из камчатской жизни.

После выхода на русском книги «По дикой Камчатке» Стаффан Там передал мне полную версию труда С. Бергмана «Камчатка» на шведском языке. Сейчас он находится в Камчатской краевой научной библиотеке имени С. П. Крашенинникова. Затем был получен второй экземпляр объёмом 447 страниц, где содержатся 148 фотографий и гравюр, три географические карты. На нём имеется автограф Стена Бергмана. Глава этой книги о летнем путешествии по полуострову была переведена в 2009 г. со шведского на русский М. В. Фёдоровым.

Перевод с эсперанто сокращённого варианта книги «По дикой Камчатке», изданной в 2000 г., выполнен А. И. Натинем. Когда же книга, любезно предоставленная шведской стороной, была получена в полном варианте, в неё дополнительно были включены 12 глав: «Первая экскурсия на полуострове», «К высочайшему вулкану», «Ловля лосося», «К еловым лесам в сердце Камчатки», «Сплав по реке», «Когда Петропавловск стал белым», «К медведям на юг Камчатки», «К Мутновскому вулкану», «Жилища каменного века в бухте Лиственничной», «В глубь южной Камчатки», «Среди горных баранов и сивучей», «Последнее путешествие».

В состав шведской экспедиции входили шесть человек: Стен Бергман, его супруга Дагни, Эрик Хультен и его супруга Эльза, энтомолог Ренэ Малэз, геолог и препаратор Эрнст Хедстрем.

Руководитель С. Бергман так описывает свои задачи: «Зоологические и ботанические исследования. Затем это должны были быть этнографические исследования и сбор образцов, что в основном лежало на мне. Зоологическая часть принадлежала Малэзу и мне с участием Хедстрема и моей жены. Малэз главным образом должен был заниматься низшими животными, особенно насекомыми, я — высшими, по большей мере птицами. Кроме того, предполагалось, что Малэз и я вместе займёмся сбором морских зоологических образцов в Авачинской бухте и на её входе. Ботаник Хультен вместе со своей женой проведут фауно-географические исследования и особенно соберут гербарий. Образцы поступят в несколько шведских музеев, главным образом, в Государственный музей (Риксмузеум)».

В предисловии к изданию 1932 г. С. Бергман писал: «Читатель познакомится со многими странными племенами, которые живут примитивной жизнью охотников, рыбаков или оленеводов в диких местах Камчатки, а также с разными приключениями, которые встречает путешественник в этой стране, где природа сурова и негостеприимна, а люди гостеприимны и приветливы.

Наши силы выдержали тяжелейшее испытание метелями и холодом, но все удивительные переживания среди людей и животных и результаты тех исследований, которые нам посчастливилось осуществить, щедро вознаградили нас за наши старания, заставив легко забыть все трудности. Эти переживания оставили воспоминания на всю нашу жизнь, и эти воспоминания никогда не угаснут. Эта книга, которая теперь выходит на эсперанто, ранее уже была переведена на одиннадцать языков».

Надеемся, что читателям будут интересны наблюдения иностранцев за сменой политической обстановки на полуострове, описания оседлого и кочующего населения, его быта, духовной жизни. В книге много места отведено показу природы, животного и растительного мира, климата Камчатки.

С самого начала экспедиции путешественники попадали в невероятные положения. Первое испытание им пришлось пережить уже через несколько дней после отправления в плавание. 4 июня 1920 г. охранное судно Управления государственных имуществ «Беринг» налетело на камни у мыса Лопатка, получив пробоину, и пассажиры с экипажем вынуждены были спасаться на берегу.

По прибытии в Петропавловск экспедиция разделилась на группы: Стен Бергман, Дагни и Эрнст Хедстрем работали по одной программе; чета Хультенов занималась сбором и описанием растений; Ренэ Малэз готовил материалы по собственному замыслу.

Сведения об экспедиции распространились ещё до её прибытия на полуостров. 20 мая 1920 г. из Токио на Камчатку за подписью поверенного в делах шведского посольства Викстранда пришла телеграмма: «Всем гражданским и военным властям Камчатской области. Шведское посольство в Токио сим честь имеет просить все гражданские и военные власти оказывать всякую помощь шведской естественно-научной экспедиции, направляющейся в Камчатку. Эта экспедиция отправляется по поручению Шведского общества географии и антропологии и цель ея исключительно научная».

Зимние поездки по полуострову изложены в книге «По дикой Камчатке», поэтому коротко остановимся на летних. После устройства в доме Петерссона на Третьей улице в Петропавловске (ныне

улица Партизанская. Дом, в котором остановились шведы, сохранился до наших дней, он расположен около городской школы № 4) состоялся первый выход в окрестности города, по направлению к селу Завойко (ныне город Елизово).

Стен Бергман так описывает этот маршрут: «Город внезапно окончился, и главная улица превратилась в просёлочную дорогу, которая ведёт в Завойко, 28 вёрст от Петропавловска. Это единственная проезжая дорога, которая находится на Камчатке. Сразу за городом — маленькое озеро с солоноватой водой. Мы свернули с дороги и прошли по северному берегу озера по маленькой тропе, которая вилась вдоль крутого горного склона. Вскоре перед нами открылась величественная панорама, при виде которой невольно останавливаешься, теряя ощущение действительности. Перед нами возникли два огромных вулкана, доминирующих над ландшафтом...»

Далее он сообщает: «Путешествие продолжалось. Вскоре появилось маленькое озерцо, пару сотен метров в длину, местность стала ровной и во всех отношениях очаровательной. По обеим сторонам поднимались маленькие возвышенности, поросшие отдельно растущими берёзами либо тесно переплетёнными рощицами ольшаника.

Отсюда распознаётся гора Мишенная, отличный обозревательный пункт, а здесь — гора Зеркало. Между обеими вьётся дорога на Завойко и следует телеграфная линия с двумя проводами. Один идёт на западное побережье, другой — в долину реки Камчатки...»

Вторую экскурсию шведы предприняли на остров Топорков. Автор описывает и другие вылазки в окрестности города: «Сейчас мы предпринимаем однодневные поездки в разные стороны, откуда привозим разнообразные трофеи флоры и фауны, которые надлежащим образом препарируем и присоединяем к нашим сборам. Соседи между тем недоумевают, может, у нас “винтика в голове не хватает” или “муха в голове”, поскольку мы собираем мух, крыс, рыб, разные травы.

Обычно мы делим экскурсии на две части — зоологическую и ботаническую. Женщины остаются дома на хозяйстве, но когда свободны, тоже принимают участие в экскурсиях.

Зоологи сейчас предприняли походы в дельты рек Авача и Паратунка, на целую неделю. Неделю же ботаники были на Авачинском вулкане с подъёмом на него. Мы собрали хороший урожай со всех направлений.

Среди интереснейших экскурсий, которые мы проделали этим летом, было посещение птичьей скалы у побережья Камчатки, ко-

торое я описал. Путешествие было предпринято на ближайший птичий остров Топорков, находящийся в Тихом океане от входа в Авачинскую бухту к югу и примерно в 35 верстах от Петропавловска. Это место гнездования для тысяч и тысяч водоплавающих птиц».

Не учитывая особенностей передвижения по полуострову, осенью 1920 г. участники экспедиции отправились в Усть-Камчатск, где изучали тундры устьевой части реки Камчатки. Из-за отсутствия возможности осенью вернуться в город, они были вынуждены до конца февраля пробыть в устье реки. Весной шведы совершили переход из Усть-Камчатска в Петропавловск по речной долине. Во время этого путешествия они решили подробно исследовать долину реки Камчатки.

Летние поездки в 1921 г. С. Бергмана начались в мае, когда ещё не везде сошёл снег. Шведы снова отправились из Петропавловска на «Адмирале Завойко» в Усть-Камчатск. Далее на катере по реке Камчатке поднялись к Ключам, добравшись туда в конце мая. Лагерь устроили в двух верстах выше Ключей, на берегу реки Камчатки, откуда вели исследования окрестностей. Для сбора бабочек и других насекомых они привлекали местных мальчишек, оплачивая их труд. Из лагеря была хорошо видна Ключевская сопка.

Бергман описывает извержение вулкана: «Сопка была такой же белой, как прошлой зимой, и каждый вечер брызгала огнём. После работы мы использовали посиделки у костра, чтобы наблюдать, как вулкан с небольшими промежутками выбрасывает столбы огня. В бинокль мы могли видеть, как страшные, раскалённые камни вылетают из кратера. Порой казалось, что как будто идёт дождь из них. Иногда сверху доносился сильный грохот. При виде такой необычной силы в движении мы не сомневались, что присутствуем при каком-то грандиозном спектакле. Ещё никому не удавалось подняться на Ключевскую, и нужно было не рассматривать её в бинокль часами, чтобы изучить её, а подняться на неё». Здесь С. Бергман неточен. Впервые на Ключевской вулкан поднялся горный кондуктор Данила Гаусс (Гауэр) в 1788 г.

После работы в районе Ключевского вулкана участники экспедиции направились вверх по реке Камчатке, в район селения Щапино, где продолжили изучение лесов Центральной Камчатки.

Бергман описывает дальнейшие труды: «После результативного месяца у Ключей мы переехали в еловые леса. Сборы за месяц сильно увеличились: 150 птиц, основные рыбы и многочисленные насекомые. Мы закончили исследования в берёзовых лесах и их окрестностях...» Тут же озвучивает новую задумку: «Мой план

был пройти на моторном катере вверх по реке до деревни Щапино в 400 верстах от Ключей и оттуда ещё 20 вёрст до места лагеря. Все сборы, сделанные в Ключах, мы перевезли на зафрахтованном катере до Щапино».

Деятельно поработав в центральной части полуострова в разгар лета, экспедиция разделилась — один из участников, Ренэ Малэз, должен был отправиться на восточное побережье. Автор сообщает: «Время пребывания в районе еловых лесов подходило к концу. Мы с коллекциями вернулись к нашему прежнему лагерю у реки Камчатки. Пребывание в еловых лесах было как плодотворным, так и приятным. Отсюда наши дороги разошлись. Малэз отправился в долблёном бату с двумя камчадалами до деревни Машура в 70 верстах выше по течению. Отсюда он позднее стартовал с туземцем на нескольких лошадях к большому Кроноцкому озеру, находящемуся между рекой Камчаткой и морем. В мои планы входило изучение лиственничных лесов в среднем течении реки. Для главного лагеря я определил место, расположенное в 35 верстах от Козыревска».

С. Бергман подробно описывает дальнейшее путешествие по реке Камчатке: «В первый день поездки мы проехали громадный “яр”, то есть высокий крутой береговой обрыв. Река размывала пески, врезавшись вглубь более чем на сотню метров. Мы торжественно, неторопливо проплыли через этот проход. В высоту видно слой за слоем в разрезе. Это настоящий открытый лист в истории Камчатки. В этом высоком яру можно увидеть торчащие бивни мамонтов или кости других животных, которые вымываются и обрушиваются в реку».

Далее исследователи работали в окрестностях Козыревска, изучая прилегающую местность, затем катером вернулись в Усть-Камчатск. Здесь «мы целый месяц изучали тундры... Наконец-то пришёл пароход компании “Гудсон Бей” и взял нас до Петропавловска. Там мы встретились с товарищами, но не с Малэзом, который ещё не вернулся из Кронок. Нам было много чего рассказать о своих приключениях друг другу».

Осенью со шведами случилось следующее. Когда с последним пароходом Добровольного флота «Яна» они отправились к устью реки Камчатки, чтобы провести там исследования, на обратном пути в районе Усть-Камчатска разыгрался частый в это время шторм. Капитан «Яны» не стал ждать его окончания и ушёл в Петропавловск. Так учёные, не имея запасов продуктов и тёплой одежды, остались зимовать в устье реки Камчатки.

Стен Бергман писал: «Весь октябрь и часть ноября мы жили в летнем доме. Но позже стало слишком трудно. Когда мы по утрам просыпались, приходилось выгребать снег из комнаты и рубить лёд в ведре с водой. Наконец мы сумели найти себе более достойное жилище — в доме японской радиостанции. Четыре японских радиотелеграфиста и их слуги были нашими соседями». Шведы решили идти в Петропавловск на лыжах в сопровождении одной нарты. Переход занял полтора месяца.

В следующую зиму (1921/22 г.) часть экспедиции выехала в район рек Быстрая и Тигиль, где кочевали коряки и ламуты. Здесь взору европейцев предстала совсем другая, многовековая, культура кочевников-оленеводов, вызвавшая у автора неподдельный интерес.

Последнее лето С. Бергмана на Камчатке в 1922 г. было посвящено всестороннему изучению почти ненаселённой в то время её южной части. Туда экспедиция отправилась в начале июня.

«Этот день, 5 июня, был по-весеннему солнечным в Петропавловске. Все горы, конечно, были ещё белыми, но южные склоны начинали понемногу зеленеть. В этот день мы покинули Петропавловск: Хедстрём, моя жена и я вместе с тремя камчадалами-полукровками и одним русским (Г. Подпругиным. — *В. Б.*). На нашем маленьком судёнышке, вывозившем нас из бухты, стоял 18-сильный мотор “Редвинг”. Мы привязали сзади гребную лодку и направились вдоль юго-восточного побережья».

На психологическом состоянии шведов сказывалась напряжённая политическая обстановка в городе. С. Бергман пишет: «Ощущение было неповторимым, особенно после беспокойного Петропавловска. В тот же день утром большевики обстреляли радиостанцию с сопки над городом. Русский военный корабль сделал десять орудийных выстрелов по склонам, чтоб отогнать большевиков. Снаряды и пули свистели над городом, и японцы выслали пару патрулей с ручными пулемётами. Для нас было лучше выйти в открытое море, где царило великое спокойствие».

Много российских источников рассказывают о ходе гражданского противостояния на Камчатке, в частности о попытке партизанской атаки на город в июне 1922 г. А вот как оценивали эти события иностранцы: «Эти десять дней были самыми ужасными, которые нам пришлось пережить в Петропавловске. В некоторые дни в городе царила настоящая анархия. В один из дней бандитская банда, состоящая из белых солдат, ограбила семь домов по Третьей улице, куда мы ходили за покупками. С полуметровыми ножами в руках они забирались через окна и двери в дома и забирали

всё ценное. Того, кто не успевал спастись, находили с распоротым животом или с револьверной пулей в голове. Третья улица была наиболее уязвимой и скоро буквально обезлюдела. Никто не рисковал спать в своих квартирах. Поскольку мы были иностранцами, считалось, что мы находимся под охраной, в отличие от русских, поэтому соседи, находившиеся вне себя от страха, предпочитали ночевать к нам поближе. Ночью наша столовая была забита народом. Две ночи мы стояли на вахте, вооружённые до зубов.

В двенадцать часов в первую ночь в наружную дверь постучали. С револьвером, в боевой готовности и не без холодка в спине я спросил, кто там. Напряжение спало, когда оказалось, что там перепуганные соседи, которые не осмелились остаться у себя дома и пришли к нам. На следующий день я увидел в окно два японских патруля, марширующих от пристани и несущих с собой пулемёты. Японцы никогда не вмешивались понапрасну, и было ясно, что готовится что-то серьёзное».

Участники экспедиции прибыли в бухту Ахомтен. Здесь состоялась успешная охота на медведей. Отличился проводник Кирик Крупенин, он за несколько минут убил шесть зверей.

Для шведского музея были добыты медведь, олень и горный баран. Бергман изучал и птиц. «На следующий день я решил постараться добыть чёрных стрижей, которые прежде нам не давались. Я обнаружил, что их гнёзда находятся в нескольких крутых скалистых берегах, обрывающихся в море».

В бухте Лиственничной с помощью находившихся здесь рыбаков-корейцев он провёл раскопки древних поселений: «Здесь, возле очага, мы нашли большой запас синих плоских и спиралеобразных раковин, абсолютно целых. Некоторые были перламутровые и блестящие, но они были такие хрупкие, что ломались при простом прикосновении. Мы нашли довольно много красивых наконечников стрел из обсидиана. Хедстрём нашёл по краям одной совершенно неясного происхождения ямы целую кучу глиняных обломков, непонятно к чему относящихся. Три штуки имели ушки своеобразной формы. Несколько наконечников стрел мы даже взяли с собой домой. В разных юртах нашли мы несколько фрагментов синих ракушек и несколько глиняных обломков».

Последний маршрут шведов лежал от Гаврюшкина камня по побережью, через мыс Лопатка, где они намечали наблюдать за перелётными птицами, и далее по западному берегу через мыс Камбальный, реку Озерную, Апачу и Начики — в Петропавловск.

«13 августа мы вышли: моя жена, Хедстрём и я, в длинное путешествие из Гаврюшкиной. Мы взяли с собой всё, что нужно, в рюкзаки, включая палатку и спальные мешки. На человека пришлось килограммов по двадцать, у жены немного меньше. Провианта взяли на два дня, помимо чая, соли и нескольких плиток шоколада "Марабу". Вместо провианта мы взяли с собой побольше боеприпасов.

Камчадалы проводили нас и помогли нести вещи первые полмили. Потом мы попрощались и договорились встретиться в Петропавловске. Один из них, Подпругин, был очень надёжный человек, и я был убеждён, что он доставит мотобот с ценным грузом в невредимом состоянии до Петропавловска, что он и сделал».

Учитывая то, что пройти пешком надо было более пятисот километров, неся значительный груз, еду с собой путешественники почти не брали, Камчатка кормила их на всём протяжении маршрута: ловили рыбу, охотились на дичь.

«Когда мы съели запас, рассчитанный на первые два дня, мы полностью перешли только на то, что добывали сами, — записал С. Бергман. — Следовательно, когда мы съедали завтрак, у нас не оставалось ни кусочка до обеда, однако мы особо в еде не нуждались, поскольку успевали добыть пищу до полудня по ходу движения. Правда, ели примерно четверть того, что нам требовалось, и вскоре нашей пищей стали только лососи и утки. Обычно жарили и то, и другое на вертелах над костром. Это было и проще всего и вкуснее. До Лопатки пришлось добираться целую неделю».

В конце августа у берегов Камчатки произошло трагическое событие. Ничто не предвещало беды, дни стояли ясные, какие бывают в конце августа — сентябре. Командование японского крейсера «Ниитака» решило устроить отдых для экипажа, после многодневного плавания сойти на берег и посетить камчадальскую деревню Явино.

Часть команды во главе с командиром крейсера на шлюпках высадилась на берег. На борту осталась часть моряков. Во второй половине дня с моря подул бриз, постепенно переросший в сильный штормовой ветер. Волны с каждым часом становились всё выше и выше — на западное побережье пришёл первый мощный осенний циклон. Крейсер развернуло лагом (бортом) к берегу. Оставшийся на борту экипаж не справился со сложившейся опасной обстановкой. Корабль стал угрожающе крениться и перевернулся вверх килем. Несколько дней из корпуса судна раздавались удары. Люди просили о помощи, но прийти ей было неоткуда. Все, находившиеся внутри корабля, погибли. Численность экипажа превышала 300 чел.,

только 19 из них спаслись. 15 сентября на японском военном транспорте «Нозима» прошло прощание с моряками, а 17 сентября «Нозима» ушёл на родину, увозя останки 36 японских моряков, которых удалось найти, и шестерых спасшихся. Всего погибли 284 чел.

Стен Бергман так описывает это событие: «После тихого и тёплого дня 25 августа внезапно вечером пришёл страшный тайфун. Мы находились в двух километрах от места, где намеревались заночевать, но у нас не оказалось возможности туда добраться. Шторм был такой сильный, что мы не могли даже стоять. В маленьком соломенном сарае мы провели кошмарную ночь. На море творился ад кромешный. Никогда я не видел такого ужасного шторма. Этой ночью на западное побережье Камчатки выбросило 30 судов. На следующий день в часе пути от нашего сарая мы обнаружили большой японский броненосец "Ниитака", японский военный корабль высокого ранга, лежащий перевёрнутым, с килем в воздухе, в двухстах метрах от берега. Внутри броненосца первоначально находилось более 350 офицеров и матросов, которые все, за исключением двенадцати, погибли...»

Книга заканчивается эмоциональными впечатлениями о пребывании на Камчатке: «К 15 сентября мы прибыли в Петропавловск. Тем самым мы закончили последнее большое путешествие и теперь ожидали выезда домой на отдых. Подошли к концу три лета и две зимы, которые мы провели в экспедиции. За это время мы прошли по диким, пустынным местам без признаков цивилизации, проехали много миль на собачьих упряжках, проплыли на батах... Несмотря на заросшие, скалистые горы, мокрые тундры, снежные штормы и холод, Камчатка навсегда останется в наших сердцах! Печальным было то, что мы не встретились здесь с товарищами. Малэз оставался в центре Камчатки ещё на несколько лет, притянутый магнетической силой этой земли».

18 сентября на японском пароходе «Кобе-мару» С. Бергман с женой и Хедстрем выехали в Японию. И только 9 января 1923 г. участники экспедиции прибыли на центральный вокзал в Стокгольме... В этом же году в семье Бергманов родилась дочь Рэндэ...

После обработки собранных материалов и публикаций по итогам Камчатской экспедиции, Стен Бергман организовал в 1929—1930 гг. экспедиции на Курильские острова, затем в 1935—1936 гг. — на Корейский полуостров. Завершил он свою исследовательскую карьеру многолетним изучением Новой Гвинеи, где он побывал трижды: в 1948—1950, 1952—1953 и 1956—1959 гг.

Издание полной версии его книги явилось бы значительным вкладом в изучение прошлого нашего полуострова.

Шведский учёный Ренэ Малэз

В 1922 г. на Камчатке завершила работу шведская научная экспедиция во главе со Стеном Бергманом. Как известно, в её состав входило шесть человек: Стен Бергман, его супруга Дагни, Эрик Хультен и его супруга Эльза, Ренэ Малэз, энтомолог, геолог, и препаратор Эрнст Хедстрем.

Имя Ренэ Малэза мало известно широкому кругу читателей, о нём на Камчатке знают только специалисты, хотя сделанные им фотографии широко представлены в изданиях разных авторов о полуострове 1930—1950-х гг.

Ренэ Малэз родился в 1892 г., жизненный путь окончил в 1978 г., прожив 86 лет. Свои лучшие и плодотворные годы провёл на Камчатке (с перерывами): с июня 1920 г. по 1930 г.

О пребывании и итогах его деятельности известно очень мало, поэтому сегодня мы попытаемся приоткрыть некоторые страницы его деятельности.

Р. Малэз исследовал восточное побережье Камчатки в районе устья реки Камчатки и центральной части полуострова. Он деятельно изучал насекомых, обследовал Петропавловск и его окрестности с июля по сентябрь 1920 г. и с мая по сентябрь 1922 г. В сентябре 1920 г. облазил горы бухты Ахомтен (Русской); в мае 1921 г. — Усть-Камчатск; с мая по сентябрь 1921 г. изучал долину реки Камчатки, селения Ключи, Козыревск, Щапино, Николку, Долиновку (Машуру); в сентябре-октябре 1921 г. — Кроноцкое озеро и бухту Ольга (Кроноки).

1922 г. стал одним из самых сложных в истории Камчатки. Это было время гражданской войны, когда на полуострове шло противостояние между «белыми» и «красными». Шведы тоже оказались косвенно вовлечены в эти политические события. После отъезда с Камчатки пятерых членов экспедиции, Р. Малэз решил остаться на полуострове и продолжить свою работу в Кроноках. В зиму 1922 г. он покидает Петропавловск. Местная газета «Камчатский листок» 1 октября 1922 г. сообщила: «26 сентября на “Мазатлане” (американская торговая шхуна. — *В. Б.*) уехал в бухту Чажму учёный-энтомолог Ренэ Малэз, единственный член шведской экспедиции, оставшийся для научных работ на Камчатке. Из бухты Чажмы господин Малэз намерен проехать на собаках в селение

Ключи на реке Камчатке и провести там зиму. С этим учёным поехали два проводника».

О пребывании в Кроноках Малэз в своей книге «В стране охоты и вулканов. Путешествия на Камчатке» писал: «Это было 2 февраля 1923 г. Я, приехав на наш склад на морском берегу, оставил там использованные фотопластинки и, тяжело нагрузив нарту, главным образом мукой, на пяти собаках двинулся назад в наш лагерь. К четырём часам вечера оставалась ещё половина пути, а собаки и сам я сильно устали. Решил остановиться на ночёвку в старой охотничьей юрте возле дороги. Юрта была очень ветхая и каждую секунду грозила обрушиться...

В три часа ночи меня разбудило самое сильное, какое только можно себе представить, землетрясение... Мы пошли к берегу по реке и километрах в трёх от устья встретили первые следы ужасной катастрофы. Нам преградил путь огромный барьер, образованный из массы исковерканных деревьев, которые раньше росли по долине реки, перемешанных с огромными глыбами льда, каждая величиной с дом...

Мы пошли на место, где лежала наша лодка, вытащенная из воды на берег метров на сто и крепко привязанная между двух лесин внутри густого леса. Теперь весь этот лес исчез. От шлюпки не осталось и следа. Пошли к "шайбе" — здесь новая неприятность: она валялась в нескольких сотнях метров от прежнего места вверх дном. Местами кое-где в снегу и в солёной воде лежали наши разбросанные вещи. Мы нашли два кулька муки, несколько кассет с киноплёнкой, пустые банки и куски одежды — вот всё, что нам осталось. Все собранные коллекции и картографические материалы погибли...»

После потери имущества во время февральского цунами 1923 г. Малэз решил отправиться в Японию, чтобы приобрести повое, необходимое для дальнейших путешествий по Камчатке. 31 августа 1923 г. в Японии он стал свидетелем ещё одного катастрофического землетрясения. После таких потрясений учёный уехал через Владивосток в Швецию, куда прибыл в ноябре 1923 г. На родине приступил к работе над книгой «Охота и землетрясение, судьба и приключения на Дальнем Востоке», вышедшей в 1924 г.

Малэз вновь вернулся на полуостров осенью 1924 г. В информационном отчёте Камчатского губбюро РКП(б) за июль — ноябрь 1924 г. отмечено: «На одном из последних японских пароходов ("Мураран-Мару") в Петропавловск вторично прибыла шведская экспедиция во главе с гражданином Малэзом. Этот Малэз был

здесь в период 1919—1922 гг., имеет богатый труд о Камчатке на шведском языке. В данное время экспедиция состоит всего из двух человек».

Во время своего второго пребывания на Камчатке в 1924—1929 гг. он пытался организовать соболиную ферму и продолжал изучать насекомых возле Усть-Камчатска, Козыревска, Ушков, Толбачика, горячих источников на реке Анауна, а также в окрестностях Петропавловска, Елизова, Паратунки, в Авачинском заливе, в бухтах Саранной, Тарье. Он посетил остров Старичков, поднялся на Авачинский вулкан.

О пребывании шведов в Ключах в конце 1920-х гг. нам рассказал камчатский старожил, уроженец Усть-Камчатска Михаил Акимович Кириченко, 1918 г. р. Тогда он учился в Ключах в школе крестьянской молодёжи, с одноклассниками ходил смотреть на соболей, содержавшихся в пристройке к дому, где жили шведы. Кириченко также сообщил, что Малэз скупал живых соболей у ключевских охотников, чтобы потом разводить их в неволе.

Весной 1925 г. на Камчатку из Швеции приехала журналистка Эстер Бленда Нордстрем. В мае этого года был зарегистрирован брак между ней и Малэзом. Молодая семья отправилась в Ключи, где Малэз продолжил создание соболиного питомника. Но эта затея не увенчалась успехом, одной из причин неудачи стали бюрократические сложности. Вот один документ, сообщающий об этом: «Товарищ Янушкевич (инструктор окружкома ВКП(б). — *В. Б.*)! В ваше отсутствие я три раза обращался в райревком о выдаче мне денег, оставленных в депозит уплаты таможенной пошлины в сумме 124 руб., но не получил никакого результата. По имеющимся сведениям, все предметы оборудования собольих питомников освобождаются от таможенной пошлины, а потому, крайне нуждаясь в средствах, прошу выдать мне удержанную с меня сумму. Селение Ключи. 11.02.1927. *Малэз*».

Ответ Янушкевича: «Телеграфировать окрревком. Малэз ходатайствует об освобождении уплаты пошлины за привоз оборудования питомника. Основание: решение последнего совещания окрревкома поддерживаю. Жду ответа. 16.02.27».

Малэз на Камчатке имел связи с японцами и американцами, в частности с американским торговцем шведского происхождения Олафом Свенсоном, владельцем шхуны «Мазатлан».

Историк Б. И. Мухачёв свидетельствует: «Весной 1921 г. на Камчатку прибыло судно “Адмирал Завойко”, на котором прибыл представитель ЦК А. С. Якум. В Авачинской губе находился япон-

ский броненосец “Ивами”, который препятствовал отходу судна для снабжения партизанских баз. Тогда кооператор Кочергин... предложил обратиться к Р. Малэзу. Кочергин хорошо знал шведа и пригласил его к себе в гости... Якум пожаловался Малэзу, что японцы задерживают отправку угля на Командоры, Малэз пообещал: “Хорошо, я поговорю с японским консулом”. На другой день опять встретились... Сдержанно улыбаясь, американский представитель сказал: “Вопрос решён. Послезавтра можете сниматься с якоря”».

В 1995 г. в Усть-Камчатск приехали шведские журналисты, собиравшие сведения о советских зонах, а таковая здесь существовала ранее. В качестве переводчика иностранцев сопровождал мильковчанин М. Фёдоров, мой товарищ по камчатскому пединституту. У журналистов с собой оказалась книга, изданная почти семьдесят лет назад в Швеции.

После беглого просмотра фотографий стало ясно, что речь в ней идёт о Камчатке 1920-х годов. На снимках было изображено село Ключевское, священник в храме, камчадалы, знакомые камчатские пейзажи. Под честное слово, с помощью Михаила, я взял у гостей эту книгу на сутки. Благодаря поддержке управляющего делами Усть-Камчатской районной администрации А. Б. Заборовского книга была скопирована.

Сидя в тогда областной научной библиотеке, в зале иностранной литературы, со словарем в руках переводил надписи под фотографиями. Работники библиотеки любезно посоветовали мне обратиться к В. И. Сергеенкову, переводчику со шведского, приехавшему в гости к брату, известному камчатскому музыканту В. Т. Кравченко. Прошёл ещё год, и вот у нас в руках очутился перевод книги Эстер Бленды Нордстрем «Деревня в тени вулкана».

Эта книга была издана при поддержке руководства ОАО «Камчаткомагропромбанк». К сожалению, качество фотографий оказалось очень низким, поэтому пришлось иллюстрировать книгу изображениями, выявленными в других источниках.

В конце жизни Ренэ Малэз собрал богатейший архив фотографий, в том числе и изображений Камчатки 1920-х гг. Среди них было много видов вулканов, поэтому он обратился к директору Института вулканологии С. А. Федотову с предложением купить у него камчатские фотографии. Насколько нам известно, приобретены они не были. Сохранились письма Ренэ Малэза, которые Федотов передал бывшему сотруднику Института вулканологии А. Н. Каргопольцеву.

Чехословаки на Камчатке

Интерес к Камчатке в Европе всегда был высок. Многочисленные туристы снимали и показывали по телевидению и во Всемирной сети любительские фильмы о природе полуострова, здесь работали телекомпании из США, Южной Кореи, Германии и Швеции.

Появлялись материалы, связанные с Камчаткой, и в печатных изданиях. Так, побывавший в 1999 г. на Камчатке словак Святослав Крно в журнале «Историческое ревю» опубликовал статьи о Владимире Атласове, Первой и Второй Камчатских экспедициях, побеге из Большерецка Морица Беньевского. В своё время в журнале «Люди и страны» вышла небольшая статья чехословацких легионеров, посетивших полуостров в 1920 г. Известно об этом визите крайне мало, один из источников о нём — статья «Изучение Камчатки» в газете «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» от 26 мая 1920 г. (№ 106). Ниже приводим её полностью:

«Чехословацкая Центральная экономическая комиссия в Сибири прислала на Камчатку научно-информационную экспедицию с целью экономического изучения Камчатки, изучения вопроса её колонизации и производства целого ряда кинематографических снимков. Для последней цели экспедиция имеет 20 000 футов фильмов (киноплёнки. — *В. Б.*) и ожидается ещё 10 000 от Приморского земства. Экспедиция намерена посетить окрестности Петропавловска, затем следовать в вершину реки Камчатки, пройдя всю долину этой реки, и из Усть-Камчатска вернуться во Владивосток осенью. Состав экспедиции следующий: Тржештик Я. Ф., экономист, начальник экспедиции; Штумпф К., фотограф; Штерба Т., агроном-инженер; Урбанчик, экономист; Перингер И., врач; Павлик И., кинооператор; Вавра Ф., художник; Сметана К., как опытное лицо, бывшее на Камчатке; Лабуда Я., препаратор; Пакаев Г. Ф., делегированный в состав экспедиции от Приморского земства».

Сведения о пребывании этой экспедиции на полуострове ранее не публиковались, поэтому полагаем, что они будут интересны читателям. Вот статья «На Авачинском вулкане» Ф. Урбанчика:

«На двадцатый день нашего плавания мы приблизились к южной оконечности Камчатки — мысу Лопатка. Тайфун закончился, только древесные стволы, которые были выворочены вместе с корнями, говорили о том, что близко берег. За бортом судна много любопытных тюленей добродушно смотрели на нас. Ещё час плавания — и мы увидели очертания восточного побережья полуострова, на вершинах гор лежал ослепительно белый снег.

На фоне города Петропавловска курится Авачинская сопка. Скоро мы войдём в тихий, красивый залив. Капитан парохода “Томск” отдал приказ отдать якорь недалеко от берега.

В тундре, около тридцати километров северо-западнее Петропавловска, мы видим три вулкана: Коряцкий, Авачинский, Козельский. Только Авачинская сопка проявляет активность, она достигает высоты 2 750 м.

Мы решили совершить восхождение на Авачинский вулкан. Из Петропавловска мы шли тихим лесом на небольших местных лошадках с очень длинным хвостом. Вдоль дороги росли красивые цветы и сибирские берёзы. Вечером мы пришли к лавовому потоку и рядом поставили палатку. Ночью шёл дождь, палатка промокла. Утром мы продолжили путь. Через некоторое время застрелили молодого медведя. Вечером на границе растительности мы разбили палатку и перед подъёмом переночевали. Встали рано утром, в пять часов утра, Авачинская сопка вся в облаках. Мы вступаем на лаву, которая совсем ещё теплая. Подъём проходит тяжело. Идём очень медленно. На высоте 2 500 м видим большую андезитную глыбу и чувствуем сероводородный запах. Подъём ещё несколько метров, и мы на крае кратера. Я завязал себе нос и рот и спрыгнул в чрево вулкана. Температура лавы в кратере — 85 градусов. Размер нового кратера не могу сообщить точно, потому что он был в дыму и облаках. Пошёл снег, мы решаем спускаться. Время на подъём у нас составило девять часов, а спуск всего три часа, во время спуска мы несколько раз падали в пепел и лаву».

Это восхождение началось 16 августа, а совершили его инспектор Петропавловского высшего начального училища П. Т. Новограбленов, областной инженер В. К. Магаринский и экономист Ф. Урбанчик.

После посещения Авачинского вулкана чехословаки побывали на островах Медном и Беринга. Во время путешествия они снимали фильм. Это были одни из первых киносъёмок на Камчатке. Они представляют для нас безусловный интерес. Сегодня в некоторых европейских странах имеется чёрно-белый фильм о Камчатке, снятый в 1920-х гг. Возможно, это лента чехословацких путешественников. Было бы любопытно посмотреть её.

Малоизвестная работа П. Т. Новограбленова

В материалах XXX Крашенинниковских чтений, состоявшихся в Камчатской краевой научной библиотеке имени С. П. Крашенинникова в 2013 г., нами опубликовано сообщение «Список некото-

рых работ П. Т. Новограбленова». Среди прочих под № 16 указана работа «Петропавловск-Камчатский».

В ходе поисков в камчатских библиотеках, музеях и архивах обнаружить её не удалось. Но в результате переписки с Российской государственной библиотекой 16 января 2013 г. из Москвы получен список работ П. Т. Новограбленова, хранящихся в библиотечных фондах. В нём перечислены 16 материалов, опубликованных в научных изданиях и камчатских газетах.

После Октябрьской революции 1917 г. в России вопросам развития краеведения был дан существенный толчок, стали издаваться специальные журналы. Возникло Центральное бюро краеведения, с 1923 г. выходил журнал «Краеведение», а с 1925 г. — «Известия Центрального бюро краеведения». В 1930 г. оба издания были объединены в журнал «Советское краеведение». Статья П. Т. Новограбленова «Петропавловск-Камчатский. Камчатское краеведное общество», опубликованная в журнале «Известия Центрального бюро краеведения», вышла в рубрике «Дальний Восток».

В 1920—1922 гг. П. Т. Новограбленов деятельно сотрудничал с участниками шведской научной экспедиции. Её руководитель Стен Бергман писал: «...выдающимся человеком был начальник школы высшей ступени города Петропавловска — камчадал, учившийся в Томском университете. Он был интеллигентным человеком и отлично говорил по-английски. Главное, что у него был интерес к естественным наукам, он усердно посвящал своё время ботанике и, разумеется, хорошо знал условия страны. Он в различных случаях оказал нам ряд ценных услуг».

П. Т. Новограбленов вёл широкую переписку с советскими и иностранными учёными, в частности с В. К. Арсеньевым, В. Л. Комаровым, Р. Малэзом и другими. Он родился и прожил на Камчатке до конца жизни, имел много родственников и большой круг знакомых, что, безусловно, помогало ему в путешествиях по полуострову. 1920-е гг., хотя и очень сложные политически, тем не менее, стали наиболее продуктивными в творческой деятельности Прокопия Трифоновича:

— в 1924 г. совершает поездку на Банные горячие ключи;

— в 1925 г. выходит его работа «Ганальская ботаническая экспедиция»;

— в 1926 г. ведёт ботанические исследования на реке Жупановой;

— в 1927 г. с двумя проводниками путешествует по маршруту село Ключевское — село Толбачик — Петропавловск через Ключевскую группу вулканов.

После 1927 г. вплоть до 1932 г. П. Т. Новограбленов каждое лето посещал самые отдалённые уголки Камчатки.

Полевой период с 20 июня по 10 октября 1932 г., как оказалось, последний, он посвятил исследованию района рек Быстрая (Эссо) и Козыревка, вулкана Ичинский (Алней). По итогам подготовил две работы «Алней» и «Краткий очерк Ламутской земли». Последняя до настоящего времени так и не опубликована.

Самым насыщенным оказался 1927 г. После завершения учебного года П. Т. Новограбленов на пароходе прибыл в Усть-Камчатск, затем по реке Камчатке добрался до Ключей. 21 июля с двумя проводниками, опытными местными охотниками Алексеем Николаевичем и Яковом Васильевичем Ушаковыми, выехал на лошадях на дол Ключевской группы вулканов. 28 июля группа достигла селения Толбачик.

16 сентября 1927 г. П. Т. Новограбленов пишет из Петропавловска академику В. Л. Комарову: «Всё лето 1927 г. я посвятил поездке с исключительно ботанической целью по склонам Ключевского вулкана и долине реки Камчатки... Взяв два металлических пресса и запас бумаги, инструменты и сухари, я уехал в Усть-Камчатск, собирал растения на кошке... Отсюда на моторе (моторном катере. — *В. Б.*) попал в Ключи, откуда съездил на северный склон Ключевского вулкана...»

Описывая трудности, с которыми сталкивался во время путешествия, он сообщает: «Моя гербарная бумага и прессы оказались подмоченными, и мне предстояла тяжкая работа — высушить свои сборы и бумагу в Толбачике. При наличии русской печки у Митевского, где я снял комнату, я в три дня справился с этой работой».

Ещё несколько дней Новограбленов обследовал окрестности селения Толбачик. Впоследствии он отмечал: «С грустью я расставался с любопытной группой вулканов Ключевского дола...»

В цитированном выше письме академику Комарову П. Т. Новограбленов, описывая свой дальнейший маршрут из Толбачика до Петропавловска, сообщает: «Далее жил на Николке, Машуре... Мильково, Пущинских горячих ключах. Через Ганальскую тундру вернулся в Петропавловск. Из Машуры ездил три дня по Кимитиной. Сборы оказались значительными, познания у меня расширились...»

Почти неизвестная на нашем полуострове статья П. Т. Новограбленова «Петропавловск-Камчатский. Камчатское краеведное общество», опубликованная в «Известиях Центрального бюро краеведения», редактируемых академиком С. Ф. Ольденбургом, была получена нами недавно. По сути, это отчёт о работе местного краевед-

ческого общества за 1927 г. Учитывая небольшой объём, приводим её ниже целиком. Возможно, статья будет полезна современным исследователям.

Камчатское краеведное общество. Оторванность Камчатки от культурных центров чрезвычайно тяжело отзывается на работе молодой камчатской краеведной организации. Зимою почты с далёкого материка нет, летом письма и литература поступают на пароходах Совторгфлота нерегулярно. Поэтому руководящие письма от Центрального бюро краеведения, срочные запросы центральных научных организаций приходят всегда с запозданием, причём ответы на запросы, заполненные анкеты могут быть посланы ещё с большим запозданием...

Краеведная работа, однако, идёт. Общество пользуется популярностью среди населения Камчатки. В члены его вступают работники советских учреждений и охотники из Усть-Камчатска, Мильково, Машуры, Тигиля, Паланы и других мест. Экспонаты поступают с Чукотки, Анадыря, Северной Камчатки, Хайрюзово, Ключевского вулкана. Музей общества обогатился в 1927 г. ценными коллекциями по каменному веку Камчатки (жирники-лампы, топорики из сланцев, наконечники копий и стрел из вулканического стекла, скребки, ножи из обсидиана) и ботанике края (гербарий из Паланы от учителя И. В. Лонгинова; склонов Ключевского вулкана и вулканов Ключевского дола натуралиста П. Т. Новограбленова).

Летом удалось приобрести съёмочный киноаппарат, автомат с фильмом к нему. Фотосекция общества решила организовать в ноябре месяце выставку фотографий и на ней открыть конкурс на лучшие работы. Общество приняло посильное участие в сборе экспонатов для Всесоюзной выставки искусства народов СССР, приобретя их в Анадыре и на Чукотке и выделив частью из витрин Камчатского музея.

Весной 1927 г. на общих собраниях общества были заслушаны доклады, вызвавшие большой интерес среди членов. П. Т. Новограбленов выступил с докладом «Жупановский горный район». Докладчик, совершивший путешествие в 1926 г. по долине реки Жупановой, дал описание новой группы горячих ключей (Кехкуйских) и сообщил о неизвестных до сих пор горячих минеральных источниках (Озеринка и Тёплый ключ по реке Аваче и «кипяток» по реке Чаевой). Затем он доложил о неизвестных вулканах Аак, Арик, Тарбеевская сопка, Юрьевский, Игоревский (последние три вулкана в настоящее время имеют другие названия. — *В. Б.*), а также об исследовании вулканического «веера», своеобразного

излияния лавы в долине реки Левой Авачи. В сжатой форме он дал характеристику каждого нового вулкана. Доклад иллюстрировался образцами лав, ключевых натёков, редких папоротников и высших цветковых растений, а также фотографическими снимками. В апреле был поставлен доклад статистика Шаврова «Хозяйство и быт Северной Камчатки».

Докладчик всю зиму работал по переписи туземцев в районе от Тигиля до Седанки, до Рекинники по западному побережью, затем по хребтам и далее по восточному побережью вниз до Уки. Весьма полно, с рядом интересных цифровых данных, он охарактеризовал все 23 населённых пункта Северной Камчатки с хозяйственной стороны и со стороны племенного состава. На территории Северной Камчатки Шавров различает несколько этнических групп, более или менее резко отличающихся по языку и физическим особенностям друг от друга, а именно: в Тигиле сохранились потомки завоевателей Камчатки — казаки; на север от Воямполки обитают н'мелл'у, причём от селения Лесновского далее к северу н'мелл'у делятся на оседлых (ным-н'мелл'у) и кочевников ('мелл'ремку). По физическому типу эта народность отличается от коряк, но говорит на языке, близком к коряцкому. Коряки (чауту) занимают область хребтов, среди которых бродят их стада оленей. В Паланском районе живут ламуты, причём они быстро ассимилируются коряками.

Ительмены с их своеобразным языком сохранились в чистом виде в Седанке. Дранка, Ивашка, Ука заселены метисами, камчадалами, то есть обрусевшими н'мелл'у, уже забывшими свой язык.

В летнее время были совершены две массовые экскурсии: одна для изучения вулканической деятельности Авачинской сопки, вторая — в Тарью для исследования древних юртовищ ительменов. В экскурсии на Авачинский вулкан приняли участие 18 членов, и половина из них совершила восхождение на вершину. Восхождение продолжалось 12 часов; на вершине (высота вулкана 9 200 футов) экскурсанты пробыли более часу, рассматривая кратер. Кратер Авачинской сопки имеет до 500 м в диаметре, будучи несколько вытянут с востока на запад; глубина воронки кратера огромна. Бездна не могла быть измерена даже приблизительно: мешали газы и пары. Два раза в глубине кратера был слышен глухой шум: выделявшаяся сера сразу же сгорала на воздухе. Руководителем этой экскурсии был В. Ф. Комаров. Весьма значительным достижением общества явилось восхождение его членов на неприступную до сих пор вершину Коряцкого вулкана, которое было совер-

шено 16 августа. Партия из пяти человек во главе с Ф. М. Физиком пошла по юго-восточному склону, следуя вверх по гребню между первым и вторым барранкосами, и через девять часов вступила на высшую точку (11 802 футов) вулкана. Путь на самой вершине оказался очень тяжёлым: скалы, фирны и ледник оказались трудно проходимыми.

Первая попытка подняться на Коряцкий вулкан была сделана энтомологом Герцем в 1886 г., затем в 1925 г. и в 1926 г., в течение двух лет Камчатское краеведное общество пыталось достичь вершины этого вулкана. Партия 1926 г. поднялась на 3 000 м, но из-за мороза принуждена была вернуться вниз.

Хорошая погода и прекрасный проводник позволили Ф. М. Физику и его товарищам победить духа вулкана и встать на девственную вершину вулкана-гиганта.

В течение двух летних месяцев в долине реки Камчатки работал натуралист Новограбленов, командированный туда краевым обществом. Новограбленов совершил путешествие вокруг Ключевской сопки, величайшего в мире вулканического конуса, гербаризируя в альпийской области. В результате этого путешествия в Петропавловск были доставлены гербарий Ключевской группы, также предметы быта и орудия каменного века ительменов. Предварительный отчёт уже составлен, обработка гербария и других сборов идёт в Камчатском музее успешно.

В 60 км от деревни Машура по реке Кимитиной обществом летом 1927 г. были открыты новые горячие ключи — Кимитинские, также в хребте Валагинском найдены окаменелые раковины (в восточной части Камчатки, залитой лавами позднейших излияний, палеонтологические находки чрезвычайно редки).

Председатель общества А. Т. Якимов, так много сделавший для организации краеведной работы на Камчатке, выехал на материк, и общество лишилось в его лице одного из активнейших своих членов, о чём нельзя не пожалеть.

О КАМЧАТСКОЙ СТАРИНЕ

Камчеткн — край земли

На берегу моря сидел старый, очень старый человек. Сидел и смотрел вдаль подслеповатыми глазами, туда, где небо сходится с водой. Думал о прожитой жизни, вспоминал молодость, когда был сильным и удачливым охотником. На собачьей упряжке весь берег моря объезжал, много шкурок зверей добывал и приносил той единственной, от взгляда которой замирало сердце.

Много-много раз короткое лето сменялось длинными зимами. У старика уже родились правнуки, его род окреп. В нём много мужчин, полны родственниками все соседние стойбища. Сёстры, племянницы, внучки уехали в них, стали хорошими жёнами. Впереди опять долгая зима, но она не страшит старика — оленей стало больше, есть юкола, женщины заготовили много ягоды.

Когда солнце склонилось к закату, подъехала собачья упряжка. Подошёл белый человек с толмачом и спросил: «Скажи, старик, есть ли земля там, за морем?» Помолчал старик и сказал, не отрывая взгляд от моря: «Нет там земли. Это край, по-нашему — камчеткн. Дальше ничего нет — только вода и льды».

Позже местные жители объяснили пришельцам: *камчеткн* почукотски — *край*, независимо от того, что обозначает это слово: нижнюю часть кухлянки, то есть подол, или край земли, уходящий в море. С тех пор белые люди стали называть полуостров у большого моря-океана Камчаткой.

А поведала нам это старинное предание Александра Кергельхот, чукчанка, уроженка реки Вывенки.

Орочи против Бонапарта

В отражении знаменитого нашествия «двунадесяти языков» на наше Отечество в 1812 г. приняли, хотя и косвенное, участие и коренные народы Охотско-Камчатского края. Нам удалось записать вот такую старинную легенду.

...Ранней весной 1813 г. на охотское побережье пришла тревожная весть: на Россию напали иноземные войска под руководством знаменитого воина Бонапарта, захватили Москву и сожгли её. Русский исправник сказал, что Белый царь просит своих подданных помочь в изгнании супостата, все земли посылают свои

ополчения на борьбу с врагами, многие жертвуют продукты, одежду, деньги и драгоценности в пользу армии. Но при этом все области должны вооружить своё ополчение, так как казённого оружия не хватает.

Орочи охотского побережья собрали большой родовой сход. Три дня и три ночи в юртах горел огонь, в котлах варилось мясо, старейшины родов советовались: что делать? Ещё свежи были в их памяти события, когда их изгоняли из тёплых южных земель. Тогда враги не жалели никого — ни женщин, ни детей, поэтому орочи вынуждены были уйти на холодный север и привыкать к его суровой природе. Решили так: мы — люди православные, должны помочь своему Белому царю. А вдруг эти чужеземцы придут сюда к нам, отберут у нас оленей, запретят охотиться, возьмут в плен наших детей и женщин?

Выбрали главным посланцем в далёкую и неведомую Россию старшего «деда» из большого Долганского рода. На сборы в дальнюю дорогу воинам отвели один день. Прощание было недолгим и молчаливым. Впервые воины уходили так далеко, туда, где садилось солнце. Собрали для них лучшее оружие, копья, приготовили стрелы с железными наконечниками, ведь они пробивают даже хорошую кольчугу. Каждый воин имел нож и перемётную кожаную суму, где помещалось всё его имущество.

Начался долгий поход орочинского войска. Шли сутками, спешили. Проходили земли якутов, хантов, манси. Везде, где шли орочи-воины, их настороженно встречали местные охотники. Спрашивали: кто такие, куда идут. Узнав, что идут отбивать Москву от врагов, молча давали мясо, лодки для переправы через реки, проводников, ведших кратким путём. Месяц за месяцем двигалось войско. К вечеру разбивали лагерь, готовили еду, плотно ужинали. Ранним утром вставали, завтракали и весь день шли навстречу врагу. К весне 1814 г. орочи перевалили Уральские горы и достигли большой реки Волги. Поселений становилось всё больше, встречались большие города, поля, засеянные злаками.

Царские чиновники доносили в Санкт-Петербург, что с востока в Россию быстро движется тунгусское войско, состоящее более чем из тысячи суровых воинов. Русские люди с интересом и некоторой тревогой всматривались в азиатские черты пришельцев, одетых в шкуры, и спрашивали кочевников: «Не калмыки ли вы?» — «Нет, — отвечали те, — наши кочевья далеко, на берегах Ламского моря».

Генерал-губернатор Москвы дал указание доставить к нему старшин орочинских родов — подданных царя. Глубокой осенью 1814 г.

он принял старшин, передал благодарность императора Александра I за готовность орочей встать на защиту страны. Но война уже окончилась, неприятеля изгнали из пределов Отечества, не дождавшись отважных воинов с побережья холодного Ламского моря — уж больно далёк и долог был их путь. Старшин наградили серебряными медалями и платками — подарками для их жён, а каждый воин получил по пуду сорочинского зерна, то есть риса, и по копейке серебром.

События давно минувших лет...

А вот какую легенду нам поведала уроженка селения Напана Вера Бречалова.

...После эпидемии «чёрной оспы», случившейся на рубеже 1800-х гг., многие камчатские селения обезлюдели. Жизнь в них отшумела навсегда, и они уже никогда не возродились. По восточному берегу, начиная от Гавани, то есть тогдашнего Петропавловска, и до устья реки Камчатки исчезло более десятка селений. Западный берег пострадал значительно меньше, здесь сохранились все селения, отстоявшие на 30–40 вёрст от устьев рек, впадавших в Охотское море. Это — ительменские острожки Утка (Уут), Компаково, Кихчик, Ича, Морошечное, Сопочное, Ковран, Утхолок, Напана, Тигиль. Через четыре десятилетия, в 1840-х гг., в каждом из них насчитывалось от 70 до 100 обитателей.

Реку, возле которой стояло селение, местные жители считали своей, в ней промышляли рыбу. Сроки лова и количество пойманного устанавливал тойон, то есть староста, его указания всеми исполнялись неукоснительно. С ноября до конца февраля большинство мужчин уходили на соболиную охоту. Ценная шкурка этого зверька в то время служила основным источником средств, дававших возможность приобрести продовольствие и жизненно необходимые припасы. Охотились, как правило, в верховьях рек и на их притоках.

Много веков рядом с оседлыми рыболовами-ительменами соседствовали кочевые коряки. И вот в начале 1840-х гг. в хребтах рядом с северными селениями Тигиль и Напана появились неведомые люди. Они пришли в селения и спросили стариков, можно ли им поселиться на их земле.

Кто эти чужаки? Почему у них нет своей земли? Сколько их? Много вопросов возникло у местных рыболовов... Не дали они ответа сразу. Решили, когда будет заготовлено достаточно юколы, заморожено осеннего кижуча и сёмги, установится нартовый путь —

собрать сход уважаемых людей всех родов со всего побережья. Нартовый путь установился к концу ноября, но ещё встали не все реки. Поэтому только к началу декабря в Напане собрались представители камчатских родов.

Обсуждали, что делать? На этой земле живём мы, жили наши деды, деды дедов, их деды. Ловили рыбу, охотились. Потом в лесу появилась берёза, её становилось больше. Затем пришли русские люди, принёсшие свои веру, язык, законы, обучили ительменов грамоте, строительству домов. Появились ружья, соль, хлеб, железные котлы и ножи, одежда, сшитая из тонкого материала, а не из кожи. Узнали дети Кутха и о Белом царе, жившем далеко, на другом краю земли в огромном остроге, где дома выше самого старого тополя, а в этом остроге людей больше, чем в сентябре плодов на хареме (боярышнике).

А теперь новые люди пришли на нашу землю, просят разрешения поселиться здесь. Много земли у рыболовов. Законы гостеприимства говорят, что надо разрешить гостям жить здесь. Долго пили чай старики, на девятом чайнике решили — дать им землю в верховьях реки Тигиль. Там давно никого нет, а для оленей есть неплохие пастбища. Пусть живут, если сумеют приспособиться к тем суровым местам. Сказали пришельцам: «Оставьте своих женщин и детей в наших селениях. Идите, смотрите землю, откуда берёт начало река Тигиль, там кочуйте. Когда посмотрите, приходите за вашими женщинами».

Так в верховьях Тигиля стали кочевать несколько родов орочей, как они себя называли...

В продолжение темы приведём ещё одну легенду, записанную со слов Ольги Павловны Ичанга (Смирновой) по рассказам её деда Михаила Николаевича Ичанга, участника похода из района современного Эвенска до реки Быстрой в середине XIX в.

...На небе месяц рождался столько раз, сколько пальцев на одной руке, а орочи всё шли на юг в поисках новой для себя земли. Шли через незнакомые горные хребты, спускались к рекам и поднимались на новые возвышенности, идя навстречу ветру, сырому и сильному.

К кочевой жизни орочи привычны. Они хорошо чувствуют, сменится ли погода, есть ли поблизости чужие люди, знают повадки зверей, умеют ловить рыбу и делать запас юколы. Кочевников возглавляли старики, родившиеся на земле, где жили юкагиры, большой и сильный народ. Там, на реке Колыме, была хорошая рыбалка, но очень студёная и длинная зима. Орочи — люди из племени

тунгусов, живших когда-то в южных землях Азии, рядом с тёплым морем. В те далёкие времена на них обрушилась беда: на тунгусское племя напали воинственные соседи — кидани со своими союзниками. Они сжигали селения, убивали мужчин, а женщин и детей брали в рабство. Тунгусы боролись с врагом отчаянно, но их силы были неравны. Многие роды ушли на север: одни — на Лену, часть — на Колыму, третьи кочевали по берегам других рек северного и сурового океана.

Много лет прошло с тех пор, молодые обратились в стариков, потом их внуки тоже состарились, а племена тунгусов всё кочевали и кочевали с небольшими табунами оленей в поисках новых земель. Редко, только летом, встречались родами, обменивались новостями, товарами, договаривались о встрече в следующем году.

На реке Колыме прослышали они от чукчей о земле Камчатынкан, протянувшейся на юг по краю большого моря — Ламского. Говорили: там теплее, есть ягельные пастбища, в реках много рыбы. Несколько орочонских родов прошли Парапольский дол и остановились на корякской реке Апуке. Здесь жил богатый чавчувен из рода Чечулиных. Долгий разговор был в юрте хозяина этих мест. Орочи подарили ему шкурки зверей, железные ножи. Чечулин выслушал старейшин-орочонов и сказал: «Кочуйте по моей земле со своими оленями, но если через год вы не найдёте себе новых пастбищ, в следующую весну я пригоню свой табун к вашим оленям и всё стадо будет моим. Новая кровь никогда не помешает моим оленям».

Не теряя времени, старейшие орочи отрядили пятерых самых опытных охотников и трёх молодых братьев на поиски новых земель, богатых ягелем. Рано утром караван всадников и вьючных оленей отправился в путь. Снова на небе рождался месяц столько раз, сколько пальцев на одной руке, а караван всё шёл и шёл в поисках новых мест для жизни. Шёл, пересекая реки и горные кряжи. Вот вдали показалась высокая гора. Путники назвали её Уленгэнде и пошли к ней. Однажды они увидели долину реки. Вечером у костра старики решили — послать туда молодых братьев, проверить, не живёт ли кто там.

Утром братья отправились в путь. По горным увалам и распадкам вышли на горное плато, откуда открывался путь в долину. Спуск занял немного времени. В долине реки было тепло. Над водой стелился белый дым. Слышался шум воды, но юрт не было видно и лая собак не слышно. Белый дым отдавал непривычным запахом, не похожим на дым от костра, река оказалась тёплой. Братья искупались и назвали реку Хуксычан — Тёплая вода. Она

впадала в большую реку с быстрым течением. По её берегам росли высокие тополя. Рыбы в реке, которую они назвали Быстрой, было больше, чем в Хуксычане. Правда, поймать её оказалось сложно. «Придётся искать протоки и ставить запоры», — решили братья.

Вернувшись к старейшинам, рассказали, что нашли хорошее место. На Хуксычан-реке можно разбить стойбище, а оленей пасти в горной тундре, где много ягеля.

Когда наступила осень, вновь собрались старики-орочи в юрте оленевода Чечулина. Сказали ему: «Мы нашли землю в горах, где есть ягель для оленей, есть река с тёплой водой, есть рыба, хорошая охота. Мы будем откочёвывать туда». Подарили коряку много шкурок, добытых во время поиска новой земли. И когда солнце взошло над тундрой, караван всадников со стадом оленей ушёл туда, где и ныне кочуют эвены по тундрам горной Камчатки...

Необычный жирник

В хозяйстве древних народов Камчатки использовались только самые необходимые предметы. Их небольшой перечень обуславливался занятиями населения. У ительменов основным было рыболовство, вспомогательное значение имели морской промысел, охота и собирательство. Всю домашнюю утварь, орудия лова, охоты и другие хозяйственные предметы они делали сами из дерева и бересты при помощи каменных и костяных орудий. Мужчины вырезали посуду из кусков дерева, изготовляли нарты, делали снегоступы, баты. Для этого искусно использовали большой набор специальных орудий: каменные тёсла, топоры, строгальные и режущие ножи, скребки из рога оленя или камня.

Обычно сырьё для необходимого орудия или предмета быта запасали заранее, а изготавливали его зимой в полуземлянке (тхымрачх). Баты выдалбливали из тополя на открытом воздухе, работу начинали, как правило, весной. Для изготовления жирника требовалось значительное время. Сосуд светильника делали из глины или камня, фитилём в нём служил толчёный сухой мох или трава.

В мае 2020 г. в Мильковский филиал Камчатского краевого объединённого музея местный краевед Михаил Фёдоров передал необычный жирник, найденный им недалеко от берега реки Камчатки. Хотя ранее жирники широко использовались для освещения и обогрева жилищ, но в археологических раскопках они встречаются нечасто. Наиболее ранние находки жирников в раскопках сделал В. И. Иохельсон, работавший на Камчатке в 1910 г.

В июле 1910 г. камчатский рыбопромышленник Г. А. Крамаренко провёл раскопки рядом с селением Камаки. Здесь им «были найдены каменные чаши-лампы (жирники. — *В. Б.*), каменные топоры и разное каменное орудие». Советский историк В. В. Антропова уточняет: «...найдены две лампы-жирника, два маленьких топора, наконечник стрелы из обсидиана...»

Этнограф Е. П. Орлова, работавшая на Камчатке в середине 1920-х гг., пишет: «Под Петропавловском у подножия Мишенной сопки на её юго-западном склоне я нашла в небольшом раскопе жирник или каменную лампу. Сделана она из твёрдой кристаллической породы, очень грубо, в середине имеется небольшое углубление для жира и фитиля, который свивался из растительных волокон. Жир употреблялся преимущественно рыбий — кижуча. Размер лампы-светильника — 25 на 15 на 6 см».

Бывший директор Камчатского областного краеведческого музея, археолог А. К. Пономаренко, долгое время изучавший археологические памятники, в монографии «Древняя культура ительменов Камчатки» описывает обнаруженные им жирники:

«Жирник из песчаника подтреугольной формы со слабовыпуклыми сторонами. Стенки углубления наклонные, дно вогнутое. Внешние края и нижняя часть закруглены и сглажены. По краям углубления прочерчены глубоко врезанные линии. Длина 129 мм, ширина 87 мм, высота 44 мм. Был найден у обнажения культурного слоя... Жирник из базальта. Углубление для жира овальное, размер 85 на 120 мм. Одна сторона углубления заужена и вытянута. Форма гальки, в которой выбито углубление, асимметричная, на дне углубления — нагар. Был найден у обнажения культурного слоя».

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. В. Стеллер отмечал: «Жирники ительменов заливались рыбьим жиром или жиром морских животных. Фитили делали из растительных волокон». Далее он сообщает, как использовались жирники: «Из стеблей растений “Кукушкин лён” обыкновенный туземцы изготовляют фитили для своих каменных ламп, наполненных ворванью, тюленьим или рыбным жиром; таким способом они в ночное время освещают свои жилища».

Кроме того, использовался и китовый жир. Стеллер пишет: «Особенность этого зверя в том, что в пищу людям идёт только его мясо... тогда как его жир служит лишь для сжигания в лампах...»

Рассказывая про охоту на тюленей на реке Кихчик, Стеллер отмечает: «Иногда такая экспедиция даёт добычу в 60–100 тюленей... Эти же охотники снабжают население тюленьим жиром, ко-

торый за отсутствием свечей служит в течение круглого года осветительным материалом». Одним из основных источников жира для населения была нерпа. По данным 1876 г., в селениях Западной Камчатки их добыли: в Аманино — 21, в Воямполке — 85, в Напане — 35, в Утхолоке — 142, в Хайрюзово — 235.

Коренное население использовало жирники и в XIX в. Об этом сообщает доктор В. Н. Тюшов: «Освещение этих жилищ... производится нерпичьим или медвежьим жиром. Для этого на деревянной подставке, имеющей форму, напоминающую собою подсвечник... ставится или каменная, или жестяная посудка, заменяемая нередко половиной раковины... В жир опускается в качестве фитиля или какой-нибудь лоскуток, или мох. Это так называемые жирники "переносные". Но бывают и постоянные, то есть укреплённые на одном определённом месте. Последние устраиваются таким образом: в избранном удобном месте, в потолке... проделывается отверстие, в которое вставляется деревянная трубка, выходящая на чердачное... помещение верхним концом, а нижний остаётся в комнате.

К этому нижнему концу привязывается берестяной колпак, раструбом вниз. К этому раструбу подвешивается на четырёх коротеньких верёвочках из крапивы (прядева) или из сухожилия оленя дощечка, на которую ставится собственно "жирник". Труба эта и берестяной раструб над жирником служат для вывода образующихся при горении газов и сажи (чад) и называются камчадалами "пангыр-он", а самый жирник — "пинчь", подставка (дощечка) — "хиушчах" или "пэнч-блхын" (в селении Напана). Вследствие недостаточной тяги жирники эти дают очень мало света и очень много копоти...»

У ительменов и коряков жирники были почти одинаковы. В. И. Иохельсон подробно описывает применение жирников коряками: «Для освещения служит каменная лампа. Её делают из песчаника в виде мелкой чаши и ставят на деревянный обрубок или подставку высотой в 50–60 см... У оленных коряков подставки немного ниже, наверху сделано маленькое углубление, в которое помещается дно светильника, чтобы придать ему некоторую устойчивость. Лампа ставится так, чтобы фитильный край был ниже противоположного; тогда сало или ворвань тают от тепла огня и стекают к фитилю. Фитиль делается из мха или гнилушек в виде грубого шнура, который кладётся в выемку вдоль края светильника... Приморские коряки употребляют для освещения тюлений жир, а оленные — твёрдый белый жир, вываренный из раздробленных оленьих костей... Тюлений жир даёт тусклое жёлтое пламя, очень

много копоти и противный запах. Оленье сало горит белым пламенем без копоти и вони. За фитилём смотрят, снимают нагар палочкой или деревянной щепкой. Обыкновенно подставка стоит на земляном полу около порога пологов, и женщины работают при тусклом свете, сидя на пороге или за ним на оленьих шкурах».

Учитывая относительно высокую стоимость керосина и его редкий завоз в отдалённые селения, жирники время о времени применялись в отдельных хозяйствах вплоть до середины XX в.

Шведский путешественник С. Бергман во время поездки по западному берегу Камчатки в 1922 г. в селении Напана записал: «Стемнело, и наш хозяин-камчадал зажёг свой жирник, то есть лампу на рыбьем жире, так как у него закончился запас керосина. Жирник состоит из железной плошки, наполненной медвежьим или тюленьим жиром. Маленькая полоска материи служит фитилём».

Рассказывая о ходе ликвидации безграмотности населения в Корякском округе в середине 1930-х гг., учитель В. Мазно пишет: «В каждом селе Пенжинского района работали ликбезы. Мне пришлось вести это дело в бывшем селе Иткана. После дневных забот всё взрослое население с букварями и тетрадями тянулось в школу. Шли и седовласые старики. В школе тепло, отапливалась она чугунным камбузом. На каждом столе стояли свечи, а иногда их заменяли жирники».

Сообщения о жирниках встречаются и в устном творчестве. Так, в одном из вариантов легенды о Тылвале, рассказанной в 1926 г. 48-летней жительницей Тигиля А. Мироновой и записанной этнографом Е. П. Орловой, говорится: «Давно-давно это было — дедушка мой тогда ещё жил. Наверное, не помню, до потопа или после потопа было, только жил на Камчатке Тылвал. Дедушка мой хранил ещё жирник — лампу каменную, которую Тылвал ему подарил, да Ахтамоша, мой сынок, куда-то выбросил её»...

Постепенно, к 1970-м гг., даже самые отдалённые селения Камчатки были обеспечены электричеством, но с ним случались перебои. Писатель и поэт В. Алотов в очерке «Эта неугомонная Марья» (2005) пишет: «Оклан всегда оживает, когда в селе находится глава (администрации. — *В. Б.*). Тогда что-то можно узнать, поделиться своим житьём-бытьём. Но вот уехала в райцентр по делам. С транспортом у нас проблемы, и нет главы две-три недели. В селе как-то пусто. Тихо. Света нет. Дизель хандрит постоянно. Сидим при жирниках».

Жирник, найденный в Мильковском районе, не имеет подобных среди других, в разное время описанных и изученных. Формой он напоминает носовую оконечность современного корабля. Его мастер-

ски изготовил человек, как нам представляется, имевший пространственное, скульптурное воображение, которому было не чуждо чувство прекрасного. Этот образец жирника, безусловно, станет украшением экспозиции филиала Камчатского краевого объединённого музея в селе Мильково.

Камчатская земля хранит ещё много загадок. К сожалению, далёкое прошлое сегодня изучается очень медленно.

Необычная встреча
(рассказ Сергея Игнатьева)

Олени паслись в лощине, где было много ягеля. Справа и слева лощину окаймляли пологие сопки, поросшие ольхой. Пастушья юрта стояла вдали от стада, рядом с быстрым ручьём, бегущим в Охотское море. Напившись солёной морской воды, олени медленно перемещались в горные тундры.

В этот день пасти оленей выпало Камаку. В кухлянке, подпоясанный ремнём и в резиновых сапогах, он отправился к стаду. На боку, как обычно, пареньский нож в самодельных ножнах, в руках аркан — чаут. Ничто не предвещало ничего особенного.

Было пасмурно и прохладно, на юго-западе собирались тёмные тучи. Приближался «час волка», солнце опустилось до горных хребтов. Вдруг взгляд Камака уловил, как со стороны хребта быстро приближается какой-то человек, мягко ступавший по кочкам необычной походкой. На нём — шкура редкого пепельно-серого цвета мехом наружу. Когда незнакомец приблизился, у Камака по спине пробежал холодок — перед ним оказалось лицо, заросшее волосами, с глазами, отливавшими красным, походившими на медвежьи. Такого медведя Камак с братом добыли в прошлом году.

Человек оказался выше Камака на три головы, был весь в шерсти, свисавшей с него клочьями. Камак почувствовал, что незнакомец хочет причинить ему зло, резким движением выхватил чаут и стал быстро вращать его над собой. Чаут издавал свистящий звук, остановивший незнакомца. Так они стояли несколько минут друг против друга, разделённые только кругом чаута. Потом незнакомец отошёл на пару шагов, постоял немного и, не оборачиваясь, медленно стал удаляться. Когда незваный гость ушёл, Камак почувствовал такую усталость, будто целый день с грузом камней поднимался на высокую гору.

В следующую смену Камак взял карабин, с ним было спокойнее. Через несколько дней он снова заметил теперь уже знакомую

фигуру рядом с дальними кедрачами. Но на этот раз странный человек прошёл в стороне от табуна.

Про эту встречу Камак никому не рассказывал много лет. Думал, не поверят. Но однажды во время чаепития, услышав по радиоприёмнику передачу про снежного человека, поведал в кругу родственников о той давней и необычной встрече в корякской тундре...

В поисках камчатской старины

С 10 по 25 августа 2008 г. в долине реки Камчатки работала краеведческая экспедиция, организованная газетой «Абориген Камчатки» и елизовским альпинистским клубом «Медведь». В ходе её были выявлены места нахождения старых камчатских селений — Начики, Малка, Ганалы, Пущино, Шаромы, Машура.

На месте расположения селения *Начики* сейчас находится метеостанция, живут несколько семей её работников. Одна из работниц любезно показала нам старинные монеты, найденные ею на своём огороде. Самая старая датируется серединой XVIII в.

Жители старых Начик переехали в соседние селения — Сокоч, Коряки, Елизово. Из былых строений остался один сарай, построенный в начале прошлого века, да сохранился высокий бугор, где был погост. Местоположение былого селения удалось определить, также используя фотографии из книги Елима Павловича Демидова, князя Сан-Донато (1868—1943). Он с женой Софьей Илларионовной Воронцовой-Дашковой (1870—1953) в самом начале XX в. прибыл на полуостров поохотиться на снежных баранов. Результатом этой поездки стала книга, в неё включены многие фотографии села Начики и его обитателей. В честь князя местные жители даже назвали озеро в верховьях реки Авачи.

Старое селение *Малка* располагалось ниже одноимённого современного на живописной террасе реки Быстрой. Место бывшего селения поросло высокой травой. Современная Малка находится выше, на старой террасе, и состоит из десятка домов.

Чтобы попасть в старые *Ганалы*, нам пришлось преодолеть две речки — Немтик и Быструю. На берегу раньше стояли несколько домов, были разбиты небольшие огороды. Сейчас здесь нет ничего, всё заросло травой, но угадывается старая дорога на Пущино. На погосте одиноко белеют остатки креста над могилой неизвестного человека...

Местные жители, как могли, помогли нам транспортом и сопровождали в путешествии по медвежьей тропе. Он них мы услышали легенду о происхождении реки Собачьей: «Однажды зимой жи-

тели Ганал поехали в горы на охоту на баранов, которых увидели на склонах хребтов. На следующий день несколько собак прибежали обратно в село. Люди поняли, что случилось несчастье. Быстро собрали нарту и поехали по следу. Оказалось, что охотники попали под лавину и их засыпало снегом. Каюров удалось откопать и привезти в село. В честь того, что собаки спасли людей, перегрызя постромки, реку, на которой охотились ганальцы, и назвали Собачьей». Впрочем, происхождению этого названия есть и другое объяснение: в устье этой реки летом держали ездовых собак. А ещё надо напомнить, что совсем недавно на указателе рядом с мостом через эту реку висела табличка с надписью «Соболья».

В *Пущино* по старому селу нас провела Тьян Заочная, здесь прошло её детство. Подробный рассказ перенёс нас в середину XX в. Вот здесь, на полянке, дети играли, а на уютной проточке собирались и мечтали о будущем школьники-пущинцы.

Современные *Шаромы* находятся в километре от старого села, рядом с рекой Пинайкой. Здесь также нет строений, остались только деревья, служащие старожилам приметами. «Вот здесь, у этого дерева, стоял наш дом, — с грустью в голосе рассказывала нам уроженка Шером Н. С. Чернова, — а рядом, у того дерева, — дом наших родственников»...

Машура — одно из самых больших селений на Камчатке в XVIII в. Наш поиск на берегу не дал никаких результатов. Здесь не удалось найти ни одного гвоздя, осколка стекла или пуговицы — всё смыла река.

Одной из задач экспедиции было обнаружение «Дикарских пещер». Слухи об этих ранее обитаемых пещерах на вулкане Толбачик появились давно. Ещё в 1827 г. капитан-лейтенант П. Ф. Кузмищев во время поездки по Камчатке записал много интересного об увиденном. Камчадал Ксенофонт Атласов из Верхнекамчатска показал ему бивни мамонта, найденные ниже Кирганика, и сказал, что видел изображение этих зверей в пещерах Толбачика, где много лет охотился на соболя. Он попросил у Кузмищева бумагу и по памяти нарисовал животное и маленькие фигурки рядом. «Это люди, — объяснил он. — Давно-давно они жили в пещерах. А писано красной краской».

Есть сообщения о пещерах с наскальными рисунками и у краеведа П. Т. Новограбленова, сделанные в конце 1920-х гг. Попытку обнаружить их предпринял в 1960-х гг. известный археолог Н. Н. Диков. Многие старожилы Лазо, Атласово, Козыревска также приводили о них разные сведения.

Через несколько километров нашего пути зарядил дождь, дорога упёрлась в болото. Пришлось выходить на кекурники и идти по ним. Сегодня кекурники обильно поросли кедрачом и багульником, пробираться по ним не просто, пару километров по прямой преодолевали за четыре часа.

От развилки по дороге на вулкан Толбачик вышли по бывшей линии связи в сторону реки Озерной, вытекающей из озера Амрок (Атрок в написании П. Т. Новограбленова, 1929 г.). От медведей нас защищали лайка Ника, аэрозольный баллончик да звуковые ракеты. Сначала встретились с лисой-огнёвкой с большими чёрными пятнами на боках. Таких раньше видеть ещё не приходилось.

Следы и лёжки «хозяина» попадались часто, но пересеклись с ним мы только единожды, хотя пока шли по медвежьей тропе, везде чувствовалось его присутствие. Очень часто попадались перевёрнутые старые стволы деревьев — это медведь искал насекомых, все муравейники были разорены. Внутренне мы были готовы к встрече, и вот собака встала. Рядом с тропой — заметный след, это зверь съезжал прямо на тропу перед нами. «Медведь», — спокойно сказал Сергей, хозяин собаки. Лайка смотрит на людей вопросительно. Видимо, зверь тоже наблюдал за нами. Остановились. Противная сторона вела себя спокойно. Постояв на тропе минут пять-семь, медленно двинулись своей дорогой. Заночевали мы всего в метрах трёхстах от того места, где пересеклись с медведем. Всю ночь лил дождь, почти все спали крепко, и собака не беспокоилась.

К реке Толбачик вышли только на второй день пути. Оказалось, что река прорвала небольшую перемычку, разделявшую её с рекой Озерной, и теперь текла по озерновскому руслу, о чём свидетельствовал белый цвет воды. Плёсы здесь очень редки, берег реки крутой, обильно поросший красной смородиной, березняком, ольхой, тальником. Шиповник встречался редко, зато попадались заросли ещё незрелой рябины. Несколько дальше от берега, как свечи, стояли лиственницы. В реке оказалось много топляка, часто встречались подмытые деревья, перегораживавшие её почти на всю ширину.

Нам предстояло исследовать огромную площадь в несколько десятков квадратных километров, поросшую обильной растительностью. Из-за неблагоприятной погоды, длительных дождей намеченное было выполнено не в полном объёме. Стало ясно, что времени, отведённого на поиски пещеры, явно недостаточно и нам требуется собрать дополнительные сведения о ней и месте её расположения.

Основная группа ушла по кекурнику на Звезду — кратер в районе южного прорыва вулкана Толбачик, а мне пришлось двигаться

в сторону Атласово, чтобы ещё раз встретиться со старожилами, уточнить детали поиска и договориться о дальнейших действиях. Предварительно решили идти в бывшее селение Толбачик, что находилось в двух десятках километров от Лазо. Раньше в Толбачике располагалась Покровская церковь, построенная незадолго до революции. Сейчас там есть водомерный пост.

Хочется поблагодарить всех, кто помогал нашим поискам. Это — С. К. Игнатьев из Ганал, Н. С. Чернова (Заочная) из Шаром, В. М. Кремнев, бывший житель Козыревска, Н. С. Исайкин, директор Козыревской школы № 6, И. И. Савосин, житель Атласово, и многие другие.

Крест Атласова

Более трёх веков назад, в 1697 г., казачий пятидесятник Владимир Атласов с группой казаков и промышленных людей совершил поход на полуостров Камчатка и в знак присоединения его к Российскому государству установил в долине реки Камчатки крест.

Об этом стало известно от С. П. Крашенинникова, он единственный, кто видел этот крест спустя сорок лет после похода казаков и оставил о нём сведения. В своём «Описании земли Камчатки» он сообщает: «...течёт в Камчатку с левой стороны речка Канучь, которая от российских жителей называется Крестовою, потому что близ устья ея находится крест, который при первом российском походе на Камчатку поставлен со следующей надписью: “СЕ. году, июля ГІ. дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарыщи НЕ. человек”».

Что означают сочетания букв СЕ, ГІ, НЕ?

До 1700 г. в России цифры обозначались буквами славянского алфавита. СЕ — это 7205 г. от сотворения мира, или 1697 г. от Рождества Христова, ГІ — это 13, а НЕ — 55. Таким образом, следует читать: «205 (1697) года, июля 13 дня, 55 человек».

Известно, что в походе участвовали 60 казаков и промышленных людей. Если учесть, что несколько казаков в начале пути были отправлены с пушным ясаком в Анадырский острог, трое убиты изменниками-юкагирами на реке Палане, то становится понятным число 55.

Установка Атласовым креста означала закрепление новых земель за Российским государством, в те годы это было мировой практикой. Член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Ефимов в монографии «Из истории великих русских географических открытий

в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII в. — первая половина XVIII в.» указывает: «...острожек на реке Чаныч, впадающей в реку Камчатку, взял с бою, поставил крест с надписью: “В 205 году, июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыщи (55 человек)”».

Если в полную воду ехать на моторной лодке вверх по реке Белой (Крестовке), то через несколько минут открывается пойменное озеро. На его высоких берегах чётко вырисовываются округлые ямы — остатки старинных жилищ ительменов. В озеро впадают два чистых ручья, берущие начало в отрогах Срединного хребта. С высокой долей вероятности можно утверждать (об этом и пишет А. В. Ефимов), что это был первый ительменский острожек в долине реки Камчатки, взятый Атласовым «с бою». Именно после его разгрома и выхода казаков к берегам главной камчатской реки Атласов и поставил свой памятный знак.

Исследователь Г. А. Леонтьева считает, что он появился 13 июля не случайно. Вот что она пишет в книге «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»: «Часто верующие люди давали своему святому патрону, то есть святому, имя которого им давалось при крещении, обещание по завершении многотрудного дела поставить крест “по обветшанию”. Этим трудным делом для Атласова были организация похода на Камчатку, первые шаги в новом регионе. Постановку креста Атласов приурочил к празднику святого равноапостольного князя Владимира, который был патрональным святым (покровителем) и землепроходца, и его отца. По православному календарю праздник святого равноапостольного князя Владимира падает на 15 июля (старый стиль). Крест был поставлен 13 июля (старый стиль), то есть за два дня до праздника. Таким образом, сам землепроходец подсказал дату присоединения Камчатки к России — 13 июля 1697 г. Если учесть, что между старым стилем (юлианским календарём) и современным (григорианским календарём) разница в XVII в. составляла 10 суток, то датой присоединения Камчатки к России по современному григорианскому календарю следует считать 23 июля 1697 г.».

У С. П. Крашенинникова река, у которой был поставлен крест, именуется Кануч. Безусловно, это русское произношение, искажение ительменского названия. Протоиерей П. Громов указывает на более точное — *Къчанутчш*, что в переводе означает *Испорченная река*. Видимо, непригодная для рыболовства, то есть основного занятия коренных жителей. Косвенно это подтверждается и назва-

нием на русском — *Белая*, по цвету воды в реке. Та становится мутной (белой) во время паводка, значит, её нельзя употреблять.

Далее П. Громов указывает: «Креста ныне нет, но от него река *Къчанутчш* получила название *Крестовой*, а от неё и самое селение, состоящее из нескольких семей пашенных крестьян, давних переселенцев с Лены, названо Крестовским». Напомним, что на Камчатку Громов прибыл в 1834 г. из Иркутска. В ту пору ительменский язык ещё был разговорным.

Почему русскими крестьянами селение Кресты было основано, прямо скажем, не на самом удобном для ведения сельского хозяйства месте? Причина этому только одна: между селениями Ушки и Ключевским по действующему тракту тогда считалось 69 вёрст. В условиях многоснежных камчатских зим на собачьих упряжках пройти его было очень трудно. Поэтому правители Камчатки неоднократно переносили селения и переселяли их обитателей, например, с западного берега в долину реки Камчатки.

Именно поэтому в самом начале 1820-х гг. группу крестьян из Ключей перевели на правый берег реки Камчатки, недалеко от впадения в неё реки Крестовки. Отсюда и возникло название нового поселения — Кресты, или Крестовское. Вместо прежнего названия Крестовой (Кануч) в конце XIX в. на картах появилось другое — Белая.

Чиновник по особым поручениям К. Дитмар, посетивший эти места в середине XIX в., несомненно использовавший труды Крашенинникова, сообщал: «В знак завладения страной он (Атласов. — *В. Б.*) воздвиг на берегу большой реки громадный крест с обозначением своего имени и времени прибытия. Говорят, что крест этот был виден ещё во времена Беринга».

Исследователь В. П. Маргаритов, побывавший на полуострове в 1897 г., указывал: «В настоящее время, то есть спустя ровно двести лет после похода Атласова, конечно, никакого креста с надписью на реке Камчатке не сохранилось, хотя предание о наименовании реки Крестовой существует среди населения ещё и теперь».

20 августа 1929 г. по левому берегу реки Белой во время экспедиции по Срединному хребту прошёл известный камчатский натуралист и краевед П. Т. Новограбленов. Он, подробно описывая весь свой маршрут, о наличии креста ничего не сообщает.

Краевед В. Воскобойников 25 сентября 1959 г. пишет в «Камчатской правде»: «Время уничтожило следы исторического памятника. Общественность посёлка Ключи решила его восстановить. Коллектив деревообрабатывающего комбината сделал крест. Сегодня, в выходной день, едем к устью Крестовой, чтобы поставить

его. Через два часа, чётко выделяясь на зелёном фоне леса, стоял памятный знак. Короткий митинг, закончившийся ружейным салютом, и школьники возлагают у подножья цветы с зеленью. Восстановление креста — дань глубокого уважения жителей долины землепроходцам, открывшим Камчатку, и, прежде всего, Владимиру Атласову».

К прежней, восстановленной по записи С. П. Крашенинникова, исторической надписи Атласова были добавлены слова: «Восстановлено в честь русских землепроходцев, открывших Камчатку. 9.VIII—1959 г.».

В статье «Добрая наследственность», посвящённой В. И Воскобойникову, опубликованной в сборнике «Норд Ост», Н. Е. Настич пишет: «В 1959 г. на берегу притока Камчатки — небольшой реки Крестовки В. И. Воскобойников обнаружил остатки креста, установленного Владимиром Атласовым...» Других сообщений об «остатках креста» ни в статье Воскобойникова, ни в дневниках участвовавшего в этом деле вице-адмирала Г. И. Щедрина не встречается. На наш взгляд, автор сделал личное, ни на чём не основанное дополнение к имеющемуся материалу. Этот крест простоял почти 29 лет. Он стал разрушаться, подгнил у земли, и 21 мая 1988 г. был заменён новым. Его поставили комсомольцы Ключевского леспромхоза и школьники средней школы № 4. В записке, уложенной в капсулу и зарытой у подножия креста, были указаны фамилии участвовавших в восстановлении памятного знака.

Ныне существующий крест, освящённый отцом Ярославом, был установлен 20 сентября 2000 г. в присутствии одного из потомков землепроходца — Евгения Ивановича Атласова.

Со времени Атласова крест стал памятным местом, реку Кануч стали именовать Крестовой. Крашенинников, рассказывая о местах остановок во время поездки по реке Камчатке, упоминает острожек Кресты, Крестовское. Ещё до прихода русских выше по реке Кануч находился ительменский острожек. Крашенинников пишет, что в Крестовском останавливались на ночлег, когда спускались по реке Камчатке. Путь от Верхнекамчатского острога до Крестов занимал семь дней. Переправиться отсюда на западное побережье и следовать до Тигиля можно было двумя путями. Первый — по Еловке, на это уходило более двух недель, второй — по реке Крестовой с переходом на Хариузову (Хайрюзову). Этот оказывался на два-три дня короче.

«Когда на Камчатке стали создавать колхозы, оказалось, что близ Крестов нет благоприятных мест для возделывания сельско-

хозяйственных культур. Власти решили переселить жителей на новое место — в Красный Яр. Однако ещё долгое время мы жили в Крестах, а работать ездили в Красный Яр, — вспоминала уроженка Крестов В. М. Чудинова. — Это в семи километрах, если идти по линии связи, а напрямую — четыре километра, но летом по тундре не пройдёшь — вода. В Крестах была часовня, возле дороги в Ключи, а за часовней — старое кладбище... Детьми мы ходили к реке, видели там какой-то крест. Он был уже подгнивший. На нём что-то было вырезано по-старославянски». Наличие креста в 1940-х гг. подтверждала и другая уроженка Крестов — жительница Ключей Анна Степановна Дубровина (Кречетова), родившаяся в 1928 г.

Что это за крест — сейчас сказать трудно, но, во всяком случае, не Атласова. Возможно, он был поставлен в связи с 200-летием присоединения Камчатки к России кем-то из местных жителей или путешественниками. Среди камчадалов не было принято во всеуслышание рассказывать о своих делах. Видимо, поэтому автор этого сооружения и остался неизвестным.

В бассейне нижнего течения реки Камчатки есть несколько мест с названиями Кресты, Крестовское. Выше Ключей река Камчатка распадается на несколько рукавов, один из них назван *Крестовским*, видимо, здесь и стоял один из первых Нижнекамчатских острогов.

Перед тем как сделать последний поворот, вырваться на равнину и дальше нести воды в Тихий океан, ниже Ажабачьего озера река Камчатка прорезает горный хребет Ковриижку. Несколько сот метров отделяют это место от протоки, вытекающей из озера *Крестовского*, что на левом берегу. Вся местность между протокой и крутым поворотом носит название *Кресты*. Руководитель зоологического отдела экспедиции Ф. П. Рябушинского П. Ю. Шмитд в 1908 г. отмечал: «Наверху одного из бугров видны точно валы прежнего укрепления и большое число юртовых ям. Древнее поселение камчадалов видно и ещё полверсты выше по реке, в местности, которая называется “У Креста”».

Не исключено, что эти названия связаны с последующими походами русских казаков. Как правило, они ставили православные кресты, достигнув каких-то важных рубежей. Таким желанным рубежом для многих поколений казаков была река Камчатка. По некоторым сведениям, не подтверждённым документами, существовал крест и на самой южной оконечности полуострова — мысе Лопатка.

Надо сказать, что в то время, когда существовало селение Кресты (1820 г. — конец 1930-х гг.), имелась конная тропа вдоль реки

Белой (Крестовки) вверх до предгорий. Затем тропа по предгорьям резко поворачивала на восток и шла до Шивелуча, где крестовские мужики охотились на баранов.

Памятная часовня Владимиру Атласову

Отношение к погостам и памятникам характеризует уровень развития общества и его культуру. Памятники — это связь с историей земли, на которой они находятся. Памятники посвящены людям, внёсшим большой личный вклад в освоение Камчатки, или связаны с важным историческим событием.

Постановлением Совета народных депутатов КО 8 июня 2005 г. принят закон «О государственной охране и сохранении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в Камчатской области». Этим законом определены три группы объектов культурного наследия: народов России, областного (краевого) значения и местного значения.

На Камчатке имеется значительное количество памятников, бо́льшая их часть находится на территории Петропавловска-Камчатского. Это памятники мореплавателям В. Й. Берингу и Ж. Ф. Лаперузу, Ч. Кларку; посвящённые обороне города 1854 г., событиям гражданской войны и Курильской десантной операции 1945 г. За памятниками в городе ведётся надлежащее наблюдение, хотя некоторые сегодня требуют реставрации.

Помимо краевого центра, в каждом муниципальном районе представлены памятники истории местного значения. А вот они находятся в значительно худшем состоянии. Например, в Карагинском районе могила А. С. Лукашевского, много лет отдавшего здравоохранению Камчатки, и памятник над ней заросли травой и пребывают в запустении. В Усть-Камчатском районе в ненадлежащем виде находится Успенская церковь, где отсутствует ограда, не в полной мере соблюдается противопожарная безопасность. Много лет ведётся ремонт Мильковской церкви — памятника XIX в. До настоящего времени неизвестны места захоронений мореплавателя Фёдорова, одного из первых русских моряков, в 1732 г. достигшего берегов Северной Америки. Последнее прибежище на Камчатке нашли руководитель правительственной экспедиции XVIII в. Пётр Креницын, участник Второй Камчатской экспедиции Де Ла Кройер. Утрачена могила героя обороны Петропавловска в 1854 г. князя Александра Максутова. Этот список можно продолжать.

До недавнего времени на полуострове не было памятника и первому казачьему атаману Владимиру Атласову, прошедшему со своим отрядом Камчатку с севера на юг и составившему о ней первые достоверные сведения.

Вот некоторые данные Б. П. Полевого, много лет изучавшего жизнедеятельность Атласова.

Владимир Владимирович Атласов (около 1661—1711), происходил из устюжских крестьян. В поисках лучшей жизни его семья переселилась в Сибирь. Службу начал в 1682 г. в Якутске. Был женат на Степаниде, имел сына Ивана. До 1689 г. собирал ясак в бассейне реки Алдан и по рекам Уда, Тугур и Амгунь (левый приток Амура), до августа 1694 г. — по рекам Индигирка, Колыма и Анадырь. Из похода по восточной части Чукотского полуострова (лето 1692 г.) доставил краткие сведения о Чукотке, Аляске и об эскимосах. В 1690 г. был впервые направлен на службу в самый восточный острог — Анадырский. В августе 1695 г. назначен его приказчиком.

В декабре 1696 г. на собранные средства начал поход на Камчатку. В состав его отряда входили 60 казаков и промышленных людей, 60 колымских ясачных оленных юкагиров. Основным перевозочным средством служили оленьи упряжки. Так как одна оленья упряжка могла взять только двух человек и небольшую поклажу, понятно, почему количество каюров, служилых и промышленных было равным.

Во время камчатского похода (конец декабря 1696 г. — середина июля 1699 г.) прошёл сушей почти всё западное побережье полуострова (1 100 км), не дойдя 100 км до мыса Лопатки. К концу лета 1698 г. вышел к побережью Тихого океана (мыс Инканюш). Собрал первые сведения о вулканах, в том числе о высочайшей в Евразии Ключевской сопке, и о минеральных источниках.

В середине 1700 г. вернулся в Якутск и был отправлен с докладом в Москву. В Тобольске вместе с С. У. Ремезовым составил один из первых чертежей Камчатки. В Москве представил ряд «скасок» с первыми точными сведениями о природе и населении Камчатки, её животном и растительном мире, о морях, омывающих полуостров, их ледовом режиме.

За успешный поход, закончившийся присоединением Камчатки к России, Атласову присвоили чин казачьего головы и выдали награду в 100 руб. Эти деньги он истратил на товары — имущество недавно умершего купца. Наследники подали на Атласова жалобу, и он на четыре года был посажен в тюрьму. После освобождения (1707 г.) направлен приказчиком на Камчатку. В этой должности

пробыл всего полгода. Взбунтовавшиеся служилые люди посадили Атласова в темницу, из которой он бежал, и до января 1711 г. находился в Нижнекамчатске, где во время очередного мятежа казаков был убит. Именем Атласова названы остров, бухта и вулкан Курильской гряды, населённые пункты на Камчатке и Сахалине, ледник в хребте Черского.

Академик Л. С. Берг, давая характеристику Атласову, писал: «Представляет собою личность, совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его... заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII в., не исключая и самого Беринга, не даёт таких содержательных отчётов».

В первой «скаске», записанной в 1700 г., Атласов сообщал: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки инземцов гораздо много. Посады великие, юрт ста по три и в четыре и по пять сот и больши есть». Под юртами Атласов подразумевал лёгкие свайные балаганы, куда камчадалы переезжали на лето. Зимой они жили в больших полуземлянках, обычно в селении их стояло две-три, больше всего полуземлянок в начале XVIII в. было в селении Машура — девять.

Атласов впервые дал описание камчатских вулканов: «А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобно скирду велика гораздо и высока». На наш взгляд, это Плоская сопка, состоящая из Крестовского и Ушковского вулканов, хотя многие авторы считают, что это Шивелуч. Те, кто видел Шивелуч, подтвердят, что его очертания никак не подходят под «скирд», а Плоская сопка с реки Камчатки своей формой как раз его и напоминает. Ключевская и Плоская представляют собой единый массив, а Шивелуч расположен через реку Камчатку на значительном расстоянии, да и сам Атласов подтверждает: «...а другая близ её ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из неё дым, а ночью искры и зарево», это — Ключевская или Горелая сопка.

Фамилия Атласова и Камчатка связаны навсегда. Так распорядилась судьба, что, начав покорять Камчатку по своей инициативе, Атласов был убит восставшими казаками и здесь же и похоронен у подножия самого высокого вулкана — Ключевской сопки. До настоящего времени общественности не известно местонахождение его могилы. Ясно только, что Атласов был убит в январе 1711 г. в Нижнекамчатске.

В 1711 г. Нижнекамчатский острог находился на реке Камчатке в нескольких километрах выше по течению современного посёлка Ключи, недалеко от устья реки Еловки. Рядом с острогом на правом берегу реки в 1717 г. была построена первая на Камчатке церковь, сожжённая при восстании ительменов летом 1731 г.

В 1717 г. Игнатий Козыревский в Ключах основал заимку Якутско-Спасского монастыря, где заканчивали свой век больные и убогие казаки, не имевшие семей. Здесь были распаханы поля, на которых возделывали огородные овощи.

Рядом с заимкой находился погост. Как рассказывал писатель Н. Бушнев, он сам видел несколько каменных надгробий с выбитыми крестами и надписями на старославянском языке. Такие же сведения нам неоднократно сообщали старожилы Ключей.

Именно на место заимки в 1741 г. были переселены несколько семей пашенных крестьян из Илимского края. Следовательно, крестьяне могли использовать уже имеющийся погост, оставшийся им от казаков. О месте расположения погоста можно говорить лишь с большой долей вероятности. Ещё в работе иеромонаха Нестора «Описание фотографических снимков Камчатской области и из жизни Камчатской миссии», подготовленной для наследника царского престола Алексея Николаевича, датированной началом XX в., рядом с Ключевской церковью сохранилась могила в ограде. К сожалению, на снимке удалось прочесть только, что это было захоронение солдата: «Умер в январе 1901 г.». Нам известно точное месторасположение Ключевской церкви — на улице Кирова, напротив современного профтехучилища. Ещё сегодня на месте церкви остались два ряда полусгнившего венца.

Ключевской погост в XVIII—XIX вв. находился рядом с церковью и в связи с развитием села перемещался вверх от неё вдоль «церковной дороги» к «церковным горкам». Всего горок было три.

Современное кладбище (третье по счёту), закрытое лет двенадцать назад, находилось на самой верхней точке церковной дороги. Наиболее ранее захоронение здесь можно датировать началом 1930-х гг.

В семье крестьян Ушаковых из поколения в поколение передавалась легенда о месте захоронения казака Атласова. Нам неоднократно приходилось слышать от старожилов, что тот захоронен в Ключах и что на его могиле еще в 1950-х гг. находился камень. Затем на месте «второго» погоста была устроена зональная гидрометеостанция, действующая до настоящего времени.

Место захоронения В. В. Атласова, показанное нам старожилами Ключей, находится несколько ниже «третьего» кладбища и отделено

от него действующей дорогой. Сейчас там находится улица с жилыми домами, построенными совхозом «Ключевским» в начале 1960-х гг.

Хронологически, если считать по движению захоронений от церкви, можно датировать настоящую могилу концом, самое ранее — серединой XIX в., то есть маловероятно, что здесь захоронен В. В. Атласов. Хотя можно допустить, что его похоронили на возвышенности в нескольких десятках метров от действовавшего тогда погоста.

Тему камчатских Атласовых затрагивал и вице-адмирал Г. И. Щедрин, большой любитель истории Камчатки. В дневниках, которые он вёл во время поездки по реке Камчатке, видимо, со слов старожилов, довольно расплывчато отметил месторасположение могилы: «Похоронен Атласов на противоположном берегу». Видимо, напротив селения Ключи.

Это сообщение сегодня надо признать сомнительным. Хотя среди местного населения ходит легенда, что напротив села, на вершине Заречного хребта, существовало захоронение. Все очевидцы — Николай Удачин, Полина Дубровина (Михайлова), Валентин Бобряков, Анатолий Вихляев — утверждали, что от берега реки Камчатки была прорублена просека и на вершине находилась могила, где лежала чугунная плита. Но эта могила всеми приписывалась какому-то монаху. Если допустить, что это соответствует действительности, то такая плита могла появиться только в начале или на рубеже XX в. Но ни участники экспедиции Ф. П. Рябушинского в 1909 г., ни путешественник Г. Крамаренко, побывавший на вершине Заречного в 1918 г. и зарисовавший панораму реки Камчатки, ни слова не сообщают об этой могиле.

До последнего времени памятника В. Атласову на Камчатке не было. По инициативе Арнольда Атласова, жителя Новгородской области, в 2010 г. к 300-летию гибели В. В. Атласова в Козыревске мастером А. Р. Онищуком была срублена из лиственницы небольшая часовня, размером 4 на 2,5 м, доставленная в Ключи. Место для неё установки предложил тогдашний глава посёлка И. И. Купцов. Деятельную помощь в установке и устройстве кровли оказал председатель собрания депутатов посёлка Ключи П. М. Кошкарёв.

К зиме 2011 г. часовня была готова. На ней поместили надпись: «Владимиру Владимировичу Атласову 1661(4) — 1711 гг. от потомков и сибирского казачества. Памятник-часовня в 2010 г.». В июле 2011 г. часовня получила имя в честь Святого Владимира.

Учитывая историческую значимость деятельности В. В. Атласова в истории освоения русскими территорий Камчатского полуост-

рова, видимо, надо отнести памятную часовню к историческим объектам местного значения.

Кроме того, сегодня в устье реки Белой (по-ительменски Кычанутчш) находится восстановленный уже четырежды памятный крест, впервые поставленный Владимиром Атласовым в июле 1697 г.

Имя Атласова обозначено на географической карте Камчатки. В 1952 г. в его честь назван остров (ранее Алаид), хотя на многих современных картах прежнее название сохранено. В Мильковском районе в конце 1950-х гг. был образован новый посёлок лесников. По инициативе жителей его назвали Атласово. Сегодня здесь проживают около 700 чел.

Атласово расположено на левом берегу реки Камчатки в её среднем течении. Ближайшие населённые пункты — Лазо и Крапивная. До Лазо летом сообщение осуществляется через реку Камчатку на барже, зимой — по ледовой переправе.

Современное сельское поселение сложилось уже к 1970-м гг., основным предприятием здесь был Камчатский леспромхоз, крупное деревозаготавливающее и деревообрабатывающее предприятие. Также работали лесхоз, рыбкоооп, средняя школа, почта, больница, дом культуры.

Населённый пункт сложился в ходе плановой застройки. Поворот федеральной дороги от Петропавловска-Камчатского до Усть-Камчатска на 121-м километре ведёт прямо к сельскому поселению Атласово. При этом дорога остаётся в стороне от основного жилого массива и уходит на реку Камчатку, где в летнее время работает самоходная баржа, перевозящая автомобили через реку. Далее дорога идёт к селению Лазо.

Слева от дороги правильными кварталами располагаются жилые дома и общественные здания. Основная сельская улица проходит вдоль дороги. Здесь располагаются школа, магазины, лесхоз и деревообрабатывающие предприятия. В составе жилого фонда преобладают одноэтажные деревянные дома с печным отоплением. Хозяева ежегодно заготавливают много дров, так как зимы в этих местах холодные. В утренние часы термометры часто показывают до минус тридцати.

В ясную погоду из села открывается прекрасный вид на вулкан Толбачик. К нему можно добраться летом через Лазо на автомобиле высокой проходимости.

Жители в июле — сентябре занимаются огородничеством, получают хорошие урожаи картофеля, смородины, облепихи, огородной зелени и других культур, заготавливают ягоды и другие

дикоросы. В окрестных лесах произрастают жимолость, голубика, шиповник, грибы. Наибольшей популярностью пользуется брусника, которую селяне заготавливают в больших количествах, а излишки продают.

Население сложилось после переезда сюда коренных жителей из закрытых селений Макарка, Толбачик, Щапино. Характерные для этих мест фамилии — Ушаковы, Слободчиковы, Еланцевы, Косыгины, Пермяковы, Плотниковы, Жировиковы. Значительная часть населения — потомки приезжих из разных областей СССР.

Фамилия Атласовых широко известна на Камчатке, они живут в Мильковском и Елизовском районах. Камчатские Атласовы ранее жили в сёлах Мильково, Шеромы, Ганалы, Малка, Елизово. С середины XIX в. в селении Сероглазка тоже появляются Атласовы, но это другая ветвь, с корнями из Якутска.

С. П. Крашенинников указывает, что тойоном в одном острожке на западном берегу Камчатки — Оглукоминском (в настоящее время пишется как Облуковина) был «новокрещённый ительмен Иван Отласов...»

Иринарх Сергеевич Малахов

Этот человек родился в 1834 г. в Русской Америке. Именовался креолом: отец — известный русский промышленник, мать — из индейского племени. Обучался на Аляске в Ново-Архангельской семинарии. В 1854 г. направлен на Камчатку, где участвовал в обороне Петропавловского порта от англо-французского нашествия. Служил в Петропавловском соборе, вёл миссионерскую работу среди коряков-олюторцев, некоторое время служил на реке Амур.

В 1865 г. И. С. Малахов начал преподавать во вновь открытом в Петропавловске церковном училище. Исследователь Л. А. Геготаулина сообщает: «Летом 1865 г. архиепископу Иннокентию было отправлено представление об открытии в Петропавловске церковного училища... Учителем назначался соборный дьякон И. Малахов, который к тому времени занимался обучением детей духовного звания. На 1 января 1866 г. в училище обучалось 13 мальчиков и 12 девочек под руководством И. Малахова. Занятия были самые обыкновенные: с уроками и переменами, с экзаменами и каникулами и, конечно, с оценками».

С 1873 г. И. С. Малахов служил в Дранкинской Иннокентьевской церкви. В этом же году он открыл в селении Дранка школу. Потом около двадцати лет миссионерствовал в районе бухты Барона Корфа, затем почти четырнадцать лет служил в Мильково. Сюда его перевели в 1888 г. Через год настоятель Мильковской церкви И. С. Малахов начал преподавать в местной школе.

В 1893 г. семья 59-летнего священника И. С. Малахова состояла из жены Марии Александровны (54 года), сыновей: старшего, имя которого разобрать нам не удалось (18 лет), 16-летнего Александра и семилетнего Николая; дочерей Ларисы (14 лет) и Елизаветы (20 лет), а также «девицы» Параскевы Александровны Логиновой (41 год).

За свои труды И. С. Малахов был неоднократно отмечен. Так, 30 января 1897 г. пожалован медалью «на ленте государственных цветов» за труды в ходе первой Всероссийской переписи населения. За заслуги в сборе народного ополчения и отражении японского нападения на Камчатку в 1904 г. указом Владивостокской духовной консистории 15 июня 1905 г. награждён камилавкой.

После продолжительной службы, 10 апреля 1906 г. И. С. Малахов был уволен за штат «по слабости здоровья и старости лет», о чём

сообщили «Владивостокские епархиальные ведомости». Он умер 1 апреля 1909 г. Со слов мильковских старожилов, был захоронен в деревянном склепе, выполненном из бревён лиственницы, рядом с алтарём Мильковской Богоявленской церкви.

Сын Иринарха Сергеевича Малахова — Николай Иринархович родился 23 сентября 1885 г. Получил образование, стал штурманом дальнего плавания. 5 марта 1924 г. он женился на 32-летней Елизавете Ивановне Лепялуотто. Её отец трудился механиком на рыбоконсервном заводе А. Г. Дембри в Усть-Камчатске, составил карту устья реки Камчатки. В семье было двое детей.

Дочь И. С. Малахова — Александра родилась 10 января 1878 г. в Дранке. В 1902 г. вышла замуж за унтер-офицера Максима Ивановича Сотникова, уроженца Тобольской губернии. Он прибыл на Камчатку в 1897 г. для обучения камчатских казаков обращению с новым для них оружием — винтовкой Бердана, так называемой «берданкой».

В 1902 г. М. И. Сотников вышел в отставку, в 1903 г. был назначен надзирателем за рыбными промыслами. В 1904—1905 гг. он — один из организаторов местного ополчения и деятельный участник войны с японцами. Убит ими (уже после официального окончания войны) 18 июля 1906 г. во время исполнения служебных обязанностей в устье реки Воровской.

Малаховы — фамилия, широко известная в Русской Америке. Так, В. И. Малахов — сподвижник первого правителя Русско-Американской компании (РАК) Александра Баранова. Служитель РАК К. Т. Хлебников сообщает: «Малахов Пётр Васильевич — креол, сын начальника Николаевского редута В. И. Малахова, в службе РАК с 1815 г., первым прошёл Юкон от Нулато до взморья (1838 г.)». В работе «Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова» указывается: «Малахов Василий Иванович — байдарщик кенайской артели (1786 г.), начальник Николаевского редута».

Фамилия Малаховых встречается у авторов, занимавшихся историей Русской Америки, — Сергея Маркова в «Земном круге» и Леонида Пасенюка «Русский зверобой в Америке». Про некоего Василия Малахова (данные об этой личности не проверены) в рассказе «Человек, потерявший лицо» писал Джек Лондон.

Изображение И. С. Малахова можно увидеть в так называемом «Альбоме А. П. Сильницкого» на фотографии, сделанной во время посещения села Мильково: священник стоит на речном причале среди местных жителей, встречающих гостей.

В Мильково рядом с кинотеатром «Зорька» местный мастер Владимир Карпович Донец изготовил и установил бюст В. И. Ленина. В 1990-х гг. его разрушили. В основании вновь возведённого бюста использованы фрагменты памятника, некогда установленного на могиле И. С. Малахова. После передачи здания кинотеатра под церковное здание эти фрагменты сохранялись в нём до пожара, уничтожившего их.

О дате гибели Иллариона Рябикова

В публикациях советского периода и современных авторов, касавшихся темы жизни и деятельности И. В. Рябикова, дата его гибели не указывалась. Обычно сообщалось, что в «сентябре 1922 г. И. В. Рябиков был расстрелян». В других источниках говорится, что он погиб в октябре 1922 г.

Кратко напомним о его жизненном пути.

Илларион Васильевич Рябиков родился в 1892 г. на станции Борзя Забайкальской железной дороги в семье железнодорожного рабочего. Окончил Иркутское техническое училище, участвовал в революционном движении, находился под надзором полиции. На Камчатку приехал в 1910 г. на строительство телеграфной линии от Петропавловска до Большерецка. По окончании её прокладки остался работать в Большерецке, затем перебрался в Тигиль. Занимался самообразованием, читал много политической литературы. Стал начальником почтового отделения, организовал Тигильский кооператив, был его председателем. Входил в число немногих фотографов на Камчатке, выпускал небольшую газету в нескольких экземплярах. Её печатал на машинке, расклеивал на столбах возле церкви и школы. Одна из его фотографий, где изображены тигильские дети, позже была опубликована «Камчатской правдой».

И. В. Рябиков был хорошо знаком с известным камчатским учёным и краеведом П. Т. Новограбленовым, в 1918 г. некоторое время жил у него на квартире в Петропавловске.

3 июня 1917 г. И. В. Рябиков женился на Марии Дюпиной. В метрической книге указывается, что младший механик Приамурского почтового округа Илларион Васильевич Рябиков, православного вероисповедания, 26 лет, первым браком сочетается с дочерью чиновника Тигильского почтово-телеграфной конторы Стефана Афанасьевича Дюпина — девицей Марией Стефановной, православного вероисповедания. Таинство совершили приходский священник Николай Мирошкин и псаломщик Александр Логинов.

В семье Иллариона Васильевича и Марии Степановны было двое детей. Вера родилась 3 июля 1918 г., Игорь — 24 апреля 1920 г. После гибели мужа М. С. Рябикова работала начальником почтово-телеграфного отделения в Тигиле, затем переехала в Петропавловск и позже — в Приморье.

12 апреля 1922 г. в селе Мильково открылся 2-й чрезвычайный Петропавловский уездный съезд, затем его работа продолжилась в селе Завойко (позже Елизово). Председателем съезда избрали И. В. Рябикова. 25 апреля 1922 г. съезд рассмотрел вопрос «О посылке в город Петропавловск делегации». Избрали троих: председателя съезда, делегата от Хайрюзовской волости И. В. Рябикова; делегата от Паратунской волости Г. П. Яковлева и делегата от Ключевской волости Е. В. Попова. Им предстояло провести переговоры с Петропавловской городской Думой и японским консулом о выводе из Петропавловска белых частей и японских кораблей. Вопреки обычаям, все делегаты были арестованы. Местных жителей — Г. П. Яковлева и Е. В. Попова — позже отпустили, а И. В. Рябиков с мая по сентябрь 1922 г. находился в трюме военного судна «Свирь», обращённого в тюрьму.

Белые и красные неоднократно применяли аресты к своим противникам. Известно, что белые «взяли» даже жён партизан Н. П. Фролова и И. Е. Ларина. Те прислали тогдашнему «белому»руководителю области — особоуполномоченному Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Биричу короткое письмо: «Предлагаем немедленно освободить женщин — Ларину и Фролову, в противном случае вы можете поплатиться вашей семьёй». А семья у Бирича была большая... Женщин отпустили.

Сообщение об аресте делегатов съезда разошлось по камчатским сёлам. 15 мая 1922 г. на заседании военного совета Ключевского отделения Усть-Камчатского районного добровольческого отряда была зачитана телеграмма из Завойко от уездного съезда, датированная 3 мая. В ней говорилось «об аресте Биричем делегации уездного съезда и издевательстве над народными представителями». Постановлено: «Послать горячий протест телеграммой срочно следующего содержания: “Ключевской военный совет от имени добровольческого отряда совместно с волостным комитетом требует немедленного освобождения председателя уездного съезда товарища Рябикова. В противном случае отрядом будут приложены все усилия к отмщению. Долой самозванцев, бандитов, насильников! Долой предательскую городскую думу! Да здравствует власть Советов!”»

В Усть-Камчатск на имя командира добровольческого партизанского отряда Яворского и начальника госполитохраны Александрова отправлена телеграмма: «Ввиду ареста бандитами делегата предсъезда товарища Рябикова во что бы то ни стало арестуйте зятя Бирича Хартлинга, отправьте в тайгу, храните, как заложника, до возвращения Рябикова. Вместе с протестом и требованием об освобождении Рябикова сообщите по радио гордуме, Биричу, что Хартлинг взят заложником, в случае убийства Рябикова Хартлинг будет уничтожен. Об исполнении сообщите съезду. С получением от съезда [сообщения] о возвращении Рябикова освободите Хартлинга. Товарищ (заместитель. — *В. Б.*) председателя съезда *Ларин*, секретарь *Щербаков*, *Бурнатов*, делегат *Чернышёв*» [ГАКК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 2. Л. 14].

23 мая 1922 г. съезд принял резолюцию по поводу ареста Рябикова из восьми пунктов. В ней, в частности, говорилось, «что задержание мирной делегации, посланной съездом, есть нарушение элементарнейших правил, существовавших до сих пор в этих случаях». На закрытии съезда 27 мая товарищ председателя съезда И. Е. Ларин отмечал: «...мы с горечью, товарищи, должны вспомнить о том, что между нами нет дорогого Иллариона Васильевича Рябикова, избранного нами в председатели съезда... Нам всем известно, что нашего дорогого товарища избили бандиты»...

Улица в Петропавловске-Камчатском, тянущаяся вдоль берега, где некогда стояло белогвардейское военное судно «Свирь», названа Рябиковской. В честь И. В. Рябикова появились улицы и в других селениях Камчатки, в 1920-х гг. существовало небольшое селение в долине реки Камчатки, также носившее его имя.

С целью установления даты гибели И. В. Рябикова мы обратились к документам, хранящимся в краевом архиве. Удалось установить, что в книге записей актов гражданского состояния указана дата его смерти — 25 сентября 1922 г. Причина смерти и место захоронения не указаны.

Видимо, как сообщает большинство авторов, изучавших эту тему, его тело было сброшено в Авачинскую губу.

Семья Крамаренко на Камчатке

Отечественная рыбная промышленность в крупном масштабе на Дальнем Востоке начала действовать с 1893 г. После обмена в 1875 г. Сахалина на Курильские острова русское население обратило внимание на выгодность сахалинских рыбалок, ранее

эксплуатировавшихся японцами. В заливе Анива русские промышленники в 1893 г. владели шестью-семью участками. Ввиду отсутствия достаточных капиталов и навыков ловили рыбу вместе с японцами. Те арендовали участки на год, на следующий передавали их русским. Например, в 1899 г. более десятка рыбалок, ранее занятых японцами, были арендованы русскими. В устье Амура участки, перешедшие русским, тоже впервые были открыты японцами, выезжавшими туда на лов рыбы с 1892 г.

Русские рыбные промыслы острова Сахалин на рубеже XIX—XX вв. развивались быстро. Последователями первого рыбопромышленника Якова Семёнова становятся Демби, Бирич, Крамаренко, Плетнёв, Суконнов и другие. В 1902 г. на острове имелось восемь предприятий с 56 рыболовными участками, давших более 500 тыс. пудов продукции.

В ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. 15-я японская дивизия генерала Харагучи оккупировала неподготовленный к обороне Сахалин. После окончания войны его южная часть по Портсмутскому договору, подписанному графом С. Витте и японским представителем Комурой, перешла к Стране восходящего солнца. Русские потеряли наиболее благоприятный в сырьевом, транспортном и природно-климатическом отношении район. Поэтому их интересы обратились к Камчатке. Пионерами рыбных промыслов в устье реки Камчатки стали бывшие сахалинские рыбопромышленники — Альфред Георгиевич Демби, Хрисанф Платонович Бирич и Гавриил Амосович Крамаренко. Они имели большой опыт эксплуатации рыбных участков на Сахалине ещё до войны.

Альфред Георгиевич Демби — сын одного из первых сахалинских рыбопромышленника Георгия Филипповича Демби.

Хрисанф Платонович Бирич — крупный рыбопромышленник, бывший сахалинский поселенец, родился в 1857 г. в местечке Щепетовка Волынской губернии. Окончил фельдшерскую школу. Отбывая каторгу на Сахалине, в начале 1890-х гг. организовал рыбные промыслы. Затем с 1908 по 1916 г. работал в устье реки Камчатки, где первым построил рыбоконсервный завод.

Гавриил Амосович Крамаренко — родом из семьи астраханских мещан. Судьба его сложилась так, что с 13 лет он был вынужден жить самостоятельно. Это во многом сложило его характер и деловые качества. В 1892 г. ему выпала редкая удача — выигрыш 1 000 руб. в лотерею, проводившуюся в пользу голодающих. Эти деньги он решил использовать для создания собственного дела. В 1893 г. прибыл в Приамурский край, где познакомился с рыб-

ным промыслом и местным рынком сбыта продукции. Живя в Астрахани, в то время рыбном центре России, он уже был знаком с основами обработки рыбы.

Первые шаги на новом месте молодой рыбопромышленник делал с помощью руководителя переселенческого дела в крае Ф. Ф. Буссе. По его совету он в 1894 г. посетил промыслы на реке Амур. Результатом путешествия длиной в 1 000 вёрст по главной реке Дальнего Востока и посещения Сахалина явилась объёмная статья «Рыбные промыслы на реке Амур и острове Сахалин», опубликованная в «Астраханском листке».

На следующий год Г. А. Крамаренко принял предложение местной администрации и вступил в должность старшего надсмотрщика за промыслами острова Сахалин, где в 1896 г. наладил работу на собственном селёдочном участке. В 1907 г. для изучения рыбных запасов полуострова и возможности организации рыбных промыслов он совершил путешествие на Камчатку.

5 июня 1907 г. выехал из Санкт-Петербурга на поезде. Через 13 дней пути по Транссибирской железной дороге Крамаренко прибыл во Владивосток, а 24 июня на почтовом судне «Уссури» направился в Петропавловск-на-Камчатке. Посетив японский порт Хакодате, «Уссури» 3 июля вошёл в Авачинскую губу. Петропавловск и окрестности были засыпаны толстым слоем вулканического пепла, выпавшего в ночь с 16 на 17 марта, после извержения, по мнению местных жителей, Асачинской сопки, находившейся на расстоянии 90 км от города.

Здесь путешественник встретился с командиром канонерской шхуны «Манджур» бароном Раденом, предложившим доставить его в Тигиль. Побывав почти на всех реках западного берега Камчатки (Камбальной, Озерной, Компаковой, Большой, Крутогорова, Облуковиной, Иче и других), исследуя рыболовную обстановку, «Манджур» прибыл на рейд одного из самых крупных селений побережья — Тигиля.

Отсюда путь Крамаренко лежал дальше на север полуострова, а затем — в восточном направлении до побережья Берингова моря. В начале века дорог, в нашем сегодняшнем понимании, на Камчатке не было. Сообщение между населёнными пунктами летом осуществлялось по рекам, на выдолбленных из тополя лодках — батах. Реже, на небольшие расстояния, — на вьючных лошадях, зимой — на собачьих упряжках. Исследователю предстоял долгий путь протяжённостью около 500 км через горные хребты, болота и реки.

Большой знаток Камчатки доктор В. Н. Тюшов во время пребывания Г. А. Крамаренко в Петропавловске посоветовал ему взять

у начальника уезда рекомендательное письмо к частным командирам и старостам селений, гласившее: «Предлагается всем старостам давать Г. А. Крамаренко лошадей с проводниками, за указанные прогоны».

19 июля, отдохнув два дня в Тигиле, путешественник на трёх лошадях, одна из которых предназначалась для перевозки груза, в сопровождении двух молодых проводников-камчадалов выехал к восточному побережью. Камчатские лошади — выносливые, спокойные животные использовались в основном для перевозок. На лето их выпускали пастись в тундру, а ловили по мере надобности (в данном случае из требовавшихся четырёх лошадей изловили только трёх, ещё одну «не поймали»). Дело в том, что камчадалы содержали своих лошадей на вольном выпасе и вылавливали их только к осенней охоте на соболя.

Время для путешествия у рыбопромышленника было ограничено, потому что через две недели «Манджур» должен был забрать его на восточном побережье, в Караге, чтобы затем следовать в Корф. Путь проходил по бездорожью, через топкие тундры, горные хребты, поросшие кедровником, берёзовым и ольховым лесом, бесчисленные горные и тундровые речки. Во время поездки к восточному берегу полуострова путешественник познакомился с животным миром. Здесь во множестве встречались бурые медведи, лисы-огнёвки.

Уделяя много внимания рекам полуострова как рыбохозяйственным объектам, Крамаренко донёс до современного читателя гидротопонимы начала XX в., звучавшие почти так же, как и в прошлом, XIX в., позже изменённые во время бурного хозяйственного освоения Камчатки, когда здесь работали многочисленные экспедиции, дававшие природным объектам новые названия. В его работе встречаются такие названия рек: Оттолонн, Кахтан, Палан, Кинкил и другие.

Г. А. Крамаренко отмечает незаконный лов лососёвых в устьях камчатских рек японскими рыбаками: «Не успел я подъехать к японскому промысловому балагану, расположенному на берегу моря в двух верстах не доходя до устья реки, как тотчас же была отправлена “летучая почта”, напомнившая мне японские приёмы ещё на Сахалине. А дело заключалось вот в чём: в реке, то есть в недозволенном месте, стояли две шхуны. Японцы меня приняли за представителя промыслового надзора и поэтому немедленно к шхунам командировали нарочного с необходимыми распоряжениями. Нужно было видеть, как этот несчастный японец бежал. Страх его ещё более усилился, когда я догнал его на лошади и направился не

к селению, а прямо к шхунам. Я, конечно, знал, в чём дело, но меня интересовал самый переполох японцев, которые, увидев всадника и бегущего японца, всем рабочим комплектом на двух кунгасах (больших рыбных лодках) спешно погрузили невод и, оставив реку, выехали к своим морским участкам».

Ко времени посещения Крамаренко села Палана его население насчитывало около двухсот душ, «но работников не более тридцати». Здесь к Крамаренко присоединились местный священник и сын торговца Косыгина, представителя широко известной на Камчатке фамилии.

Посетив селение Лесное, путешественник застал здесь типичную для Западной Камчатки картину: «Избы наполнены дымом, окна вместо стёкол затянуты рыбьей кожей. Всё это, взятое вместе с суровыми климатическими условиями и полным отсутствием культурного соседства, невольно ставит этих аборигенов в положение дикарей. К тому же обычные болезни: ревматизм и сифилис — окончательно оканчивают их».

Длительный ход христианизации коренного населения продолжался и в XX в. Но, наряду с выполнением православных обрядов местные жители не забывали и свои вековые обычаи, зачастую прибегали к помощи шаманов. Г. А. Крамаренко подробно описывает ход крещения у коряков: «Конусообразная просторная юрта, обтянутая замшей из оленьих кож и устланная ёлочными ветвями, вмещала в себя жилище целой семьи Ефрема с двумя его женатыми сыновьями и их детьми. Перед привешанным к жерди образомскладнем зажгли восковую свечу. Из соседней юрты пришли переодетыми в чистую праздничную одежду кум и кума. Краткая и прочувствованная служба моего спутника в этот момент на меня так подействовала, что я, забыв эту своеобразную обстановку, совершенно проникся чувством глубокого благоговения».

В селении Карагинском проживало всего 150 чел., включая детей. Домов, построенных из тополя, было девять, насчитывалось 29 работников.

Когда во время войны 1904—1905 гг. японцы пробовали ловить лосося на побережье, дружинники-камчадалы убили из их числа 65 чел., только пятерым удалось спастись на шхуне. Но в год описываемых событий (1907 г.) здесь уже работали 16 японских шхун, записанных на русских хозяев.

В прошлом году (1906) японцы хозяйничали здесь без всякого надзора. Местный староста потребовал с каждой шхуны по одному кулю риса за право ловли лосося. Японские рыбаки по всему

полуострову применяли практику спаивания представителей власти — старост и подпольно торговали низкосортным спиртом.

Всего в небольшой Карагинской бухте ловили около тридцати парусных шхун и один пароход. Рассказывая о действиях японцев, Крамаренко пишет: «В силу рыболовной конвенции с Японией промысел в реках и закрытых бухтах, предоставляется исключительно русским подданным, и притом с русскими рабочими. Как обойти такое правило? Японцы и решили пойти в соглашение с русскими спекулянтами, которые, получив от японцев по нескольку сот рублей, уступили им свои права на места промысла, на случай же появления надзора выступали показными хозяевами».

Ещё об одном случае, произошедшем в устье реки Уки, рассказал путешественнику служащий торговца Коцинского — Антон Николаев. Высадившиеся на берег японцы связали руки и ноги Николаева и его товарища, головы обвязали клеёнкой, облили их керосином и бросили на землю. «Мы с минуты на минуту со страхом ожидали смерти, думая вот-вот нас подожгут», — рассказывал потерпевший.

Дальше путь исследователя лежал вдоль восточного побережья. В Усть-Камчатске Г. А. Крамаренко застал самый первый на Камчатке РКЗ ещё Камчатского торгово-промышленного общества, который с окончания строительства так и не заработал. Устье реки Камчатки считалось одним из самых опасных для мореплавания вплоть до 1950-х гг., когда стали поступать суда прибрежного плавания с более мощными двигателями, способными преодолеть течение реки в баре. До этого времени, по нашим расчётам, здесь погибло около 100 чел. В 1902 г. в баре реки утонул катер с экипажем и пассажирами, среди которых был А. А. Прозоров, один из инициаторов строительства РКЗ в устье реки Камчатки.

В 1907 г. извергался самый величественный камчатский вулкан — Ключевская сопка: «...конусообразная гора с огненной вершиной. Пламя было видно простым глазом: кратер вулкана имеет довольно большой диаметр. То вспыхивает, то меркнет, как маяк».

В Петропавловске, куда путешественник вернулся в августе, он отметил наличие двухклассного училища, оживление деятельности порта, куда часто заходили коммерческие и военные суда. Среди населения города выделялась интеллигенция.

23 августа в 15 часов «Уссури» вышел из Петропавловска во Владивосток. После восьмидневного плавания по Тихому океану и Охотскому морю 31 августа 1907 г. путешествие закончилось.

Во время своего вояжа Г. А. Крамаренко впервые столкнулся со способом лова рыбы, практиковавшимся камчадалами: «Чируч» — сеть в виде кутца, или вентеря, устанавливается на одном месте. Жители заезжают на батах (лодках) несколько выше по течению, поднимают шум, от которого голец и спускается в море, попадая, таким образом, в сеть». Он приводит вес рыб лососёвых пород, вылавливаемых в камчатских реках (в фунтах): голец — 3,5, хайко — 6–5, красная — 2–6, горбуша — 3–5, кижуч — 7–12.

Подводя итоги поездки на Камчатку, Г. А. Крамаренко отмечал: «Эта наша русская окраина действительно колоссально богата рыбой и, главным образом, лососёвыми породами. Камчатка несравненно богаче Сахалина рыбой. Но при всём том, с точки зрения коммерческой, на Сахалине выгоднее иметь дело, чем в Камчатке».

Он указал основные отличия Камчатки от Сахалина. Прежде всего, географическое положение: Южный Сахалин находится в двух с половиной сутках перехода на судне от Владивостока и в одних сутках — от Японии, «то есть от ближайшего и верного рынка, Камчатка же на несколько суток ещё дальше Сахалина». Другие отличия, по его словам, заключались в следующем: «На Сахалине телеграф, что весьма важно для дела, в Камчатке его нет. С Сахалином частое почтовое сообщение, с Камчаткой — нет. На Сахалине леса сколько угодно и какого угодно, в Камчатке он редок и добыча его весьма затруднительна.

На Сахалине было население хотя и ссыльное, но по сравнению с камчадалами всё же относительно способное к труду; на камчадалов же и рассчитывать невозможно, как по их малочисленности, так и по их лени и присущей им косности.

На Сахалине хотя нет гаваней, но море менее бурливо, чем на Камчатке. Климатические условия Камчатки также менее благоприятны, чем на Южном Сахалине. Навигация западного побережья Камчатки, то есть более продуктивного района, значительно короче южно-сахалинской».

Далее вновь предоставим слово самому Г. А. Крамаренко, весьма красочно описывающему камчатские условия с точки зрения рыбопромышленника: «Масса речек Западной Камчатки изобилуют рыбой, но эти речки в большинстве случаев в устьях своих мелки... и не всегда дают возможность входа или выхода даже маленькому 100–150-тонному судну. Отсутствие же тихой стоянки для промыслового судна в высокой степени обесценивает и сам промысел.

Восточное побережье полуострова в отношении стоянки судов имеет за собой преимущество. Авачинская бухта, Карагинская и бухта

барона Корфа могут служить тихим убежищем для судов. Но зато рыбы здесь меньше по сравнению с районом западного берега. Строго говоря, самая большая и самая богатая рыбой река — это на восточном побережье река Камчатка, в среднем течении которой имеется даже хороший строевой лес, — но рейд её невозможен (то есть неудобен. — *В. Б.*).

Поэтому при настоящем положении дела на Камчатке может развиваться лишь такой промысел, как японский, оборудованный небольшими парусными судами, как более дешёвым средством передвижения. Экипаж этих судов является на промысле рабочей силой, что в свою очередь также удешевляет добычу самого продукта. При такой постановке дела на промысле не требуется возведения особых построек, не говоря уже о тех сооружениях, которые необходимы при оборудовании промысла для экспорта продукта на рынки Европы, как, например, особых ледников, рефрижераторов и т. п. Однако все перечисленные мною отрицательные стороны Камчатки отнюдь не должны служить поводом к пессимистическим взглядам на эту окраину. Факт тот, что Камчатка рыбой колоссально богата, а рынки для этого продукта обеспечены. Поэтому необходимо обратить внимание на возможность соединения всех речек западного побережья между собой железнодорожной линией с выходом последней в Петропавловский порт.

Без сомнения, если бы такой проект оказался осуществим с технической стороны, то Камчатка заняла бы наивыгоднейшее в мире значение в рыбном промысле. Протяжение этого железнодорожного пути всего 500–700 вёрст, и тогда все невыгоды упомянутого района сами собой исчезнут; побережье быстро заселилось бы и могло бы иметь прекрасные заработки от промысла, Петропавловский порт, имея за собою восьми-девятимесячную навигацию, превратился бы в живой коммерческий порт... Считаю необходимым высказаться ещё и за введение правительством тех мероприятий, которые послужили бы успешному развитию этой отдалённой, но богатой русской окраины, а именно:

— первая задача — устройство телеграфа, хотя бы беспроволочного и в нескольких пунктах;

— расширение пароходного почтового сообщения метрополии с Камчаткой и Японией;

— наискорейшее заселение русскими переселенцами, имея при этом в виду первый и главный источник их заработка — рыболовство и скотоводство. Такое заселение возможно, однако осуществимо лишь при условии широкого развития крупного промысла, ибо

рыбаки-переселенцы, конечно, не могут самостоятельно организовать сбыт рыбы на рынок;

— в этих видах необходимо широкое предоставление русским предпринимателям таких льгот, которые способствовали бы развитию в этой отдалённой окраине русского национального промысла, и какие льготы могли бы предотвратить неминуемый японский экономический захват Камчатки, — а именно:

а) долгосрочная аренда, не менее 24 лет;

б) арендатору известной реки или бухты разрешать на одном участке устройство тоней количеством не менее трёх, или как на одной тоне в 30-саженной речке нельзя рассчитывать окупить затраты промысла;

в) расстояние от тони до тони в реках допустить возможно минимальное, полверсты, и во всяком случае не более одной версты, так как в пятивёрстном расстоянии от устья рыба ловится уже лощалая (с ярко выраженными нерестовыми изменениями. — *В. Б.*), то есть мало пригодная для дела;

г) установить такие правила, которые служили бы определённым положением для предпринимателя на весь арендный срок, а отнюдь не подчинять его будущим правилам;

д) на первые 12 лет допустить на промыслах в качестве рабочих, помимо техников и мастеров, 20 % иностранцев, в последующий же 12-летний срок, когда дело разовьётся и окрепнет, можно оставить 10 %, то есть то число, какое допускается в настоящее время (3 чел. на участке с 30 рабочими);

е) рыбу и рыбные продукты, вывозимые на европейские рынки или на рынки внутренней России в свежезамороженном виде (в пароходах-рефрижераторах), или в сёмговом посоле, или в консервах, или вообще в приготовлении, отвечающем упомянутым рынкам, исключая японский сухой посол и тук, — на первые шесть лет аренды освободить от всякой попудной платы и какой бы то ни было аренды; в последующие же шесть лет взимать 5-копеечный попудный сбор, а в последующие 12 лет взимать не более 10 коп. с пуда, причём не устанавливая никаких других сборов или арендных плат.

Так как Камчатка близка к Японии, далека от русского предпринимателя, то не следует опасаться за предоставление означенных льгот.

Обратить внимание на устройство железнодорожного пути по западному побережью с выходом в Петропавловскую гавань, а также принять к сведению неспокойный рейд Усть-Камчатского залива и, если возможно, устроить и там нечто вроде мола. Первые четыре

пункта, несомненно, легче осуществимы. Но Камчатка, с чудной Петропавловской бухтой и со своим богатством, займёт надлежащее положение лишь только при осуществлении последнего проекта».

22 марта 1908 г. Г. А. Крамаренко сделал доклад в Санкт-Петербурге. Он указал на первостепенные, на его взгляд, меры, которые необходимо предпринять правительству для развития на Камчатке рыбной промышленности. Среди них уже известные: устройство телеграфа, расширение пароходно-почтового сообщения, заселение Камчатки русскими переселенцами, предоставление русским предпринимателям льгот, устройство железной дороги. В последующем все его идеи, за исключением последней, осуществились.

Местом своих рыбных промыслов на Камчатке сахалинские промышленники Х. П. Бирич, А. Г. Дембри и Г. А. Крамаренко выбрали устье реки Камчатки. Здесь в 1909 г. у Крамаренко работали 45 рабочих, было поймано и обработано 170 000 шт. лососёвых, валовой доход составил 25 000 руб. Гавриил Амосович был натурой многогранной, рачительным и неравнодушным хозяином. Он наладил заготовку леса, развернул строительство, вёл научную работу: записывал на фонограф голоса коряков, собирал их утварь, проводил раскопки.

В 1910 г. Г. А. Крамаренко вновь отправился на свои камчатские промыслы. 22 мая он со старшим сыном Гавриилом (Гагой), которому в феврале исполнилось 11 лет, выехал на поезде из Санкт-Петербурга. По Китайско-Восточной железной дороге в начале июня путешественники прибыли во Владивосток, где остановились на квартире Дембри. 10 июня 1910 г. на военном транспорте «Колыма» сын и отец Крамаренко отплыли на Камчатку. После непродолжительного пребывания в Петропавловске, 25 июня они на этом же судне выехали в Усть-Камчатск. Здесь отец и сын остановились у своего старого знакомого Х. П. Бирича, тут же жили датчанин Плаун и англичанин Бар. В первые дни путешественники посетили Усть-Камчатск, состоявший всего из 20 дворов. «Камчадалы знали папу и, вероятно, очень полюбили его: когда он пришёл в деревню, они его встретили с большой радостью», — вспоминал Крамаренко-младший.

Промысел Крамаренко находился несколько выше селения, здесь вели дело француз М. Пикар и икорный мастер Алексей Иванович Проценко.

В первое время пребывания в Усть-Камчатске отец и сын много времени посвятили охоте на бурого медведя в окрестностях озера Нерпичьего. Здесь Гага открыл счёт убитым медведям.

13 июля они отправились вверх по реке. Небольшой паровой катер Камчатского торгово-промышленного общества тянул три кунгаса с грузом, скорость хода была невысокой, и только к вечеру путешественники достигли Нижнекамчатска, пройдя немногим более 30 км. Из-за низкой воды войти в речку Радуга не смогли, поэтому заночевали на берегу. На следующий день к шести вечера достигли селения Камаки, здесь на стойбище «настоящих камчадалов» ими «были найдены каменные чаши-лампы, каменные топоры и разное каменное орудие».

Следующий день был затрачен на поездку до селения Ключевского, где находилось 80 домов местных жителей. В Ключах встретились с двумя итальянцами, с которыми Г. А. Крамаренко познакомил местный доктор.

На третий день путешествие продолжилось. В Крестах остановились у местного старосты, где местные жители пели песни, их записали на фонограф. Задержавшись из-за дождя, на лошадях отправились к Шивелучу, где кочевали коряки. Их путь проходил вдоль реки Белой, на берегах выдался богатый урожай ягод — красной смородины, голубицы, княженики.

Вопросы питания в походе решались довольно просто: «Староста вынул из своей сумки какой-то крючок, называемый по-ихнему “марик”, срубил большую палку, пристроил на неё крючок и пошёл к реке. Там он наметил в воде хорошую красную рыбу, нацелился, ударил её в бок и вытащил».

Несколько дней пути — и первая встреча с коряками. «Мы посмотрели за ствол, за ним спрятались испугавшиеся корячки, присели на корточки и с испугу дрожат».

Коряки жили в четырёх юртах, рядом находилось множество балаганов с юколой. Аборигены почти не говорили по-русски, переводчиком выступил старик Эй-Якут. После недолгих уговоров шаман-коряк спел песню, исполняемую перед охотой, потом продиктовал перечень широко употребляемых слов. Всего на фонографе было записано несколько звуковых валиков. Затем был снят на кинопленку танец корякского шамана. На вопрос проводника «Не испугались его?», один Крамаренко ответил: «Я читал от страху “Да воскреснет Бог”», а другой — что “Отче наш”».

Для сбора коллекции путешественники выменивали на корольки, бусы и сахар предметы местного обихода. А вот попытка купить целую корякскую юрту успехом не увенчалась.

Коряки собирали юрты из шестов, покрытых сшитыми между собой оленьими шкурами. Высота юрты достигала двух саженей

(около 4 м), а в окружности две — четыре сажени (4–8 м). Всё местное население насчитывало 70 душ. Люди носили кухлянки из оленьей кожи, надеваемые на голое тело, такие же штаны, торбаса и малахай.

«Если ребёнку-коряку захочется есть, он идёт к реке, ловит мариком рыбу, отрезает ей голову своим ножиком и сырую без всего ест».

«На обратной дороге, поднимаясь в гору, лошадь, на которой был фонограф, сорвалась и погибла. Фонограф, валики с записью голоса шамана — всё было поломано и пришло в негодность; все отнесли это к проделкам шамана».

Из Крестов вместе с начальником Петропавловского уезда С. М. Лехом путешественники вернулись в Усть-Камчатск. 6 августа на пароходе «Котик» под командой капитана Битте они вышли на Командоры. Попутчиком был итальянский писатель граф Маркетти.

В обратную дорогу Крамаренко отправились из Петропавловска. Здесь стояли военные судна «Манджур» и «Шилка», а также почтовый пароход «Цинанфу». Попутчицей Крамаренко стала дочь губернатора В. В. Перфильева, ехавшая учиться в Хабаровск.

Впереди семью Крамаренко ждали новые поездки на Камчатку.

Судьба семьи сложилась так. Г. А. Крамаренко был женат на Шеховской, польке по происхождению, у них были дети — Гавриил, Георгий, Николай, Александр и Мария. После революции старшие Крамаренко эмигрировали, в 1928 г. Г. А. Крамаренко и его жена ушли из жизни. Они похоронены на немецкой земле, в Берлине.

Старший сын Гавриил Гаврилович Крамаренко (Гага), в 1910 г., одиннадцатилетним вместе с отцом побывавший на Камчатке, выпустил книгу «В Камчатку», где поделился с читателями своими впечатлениями о полуострове, людях и событиях. Гага учился вначале в Царском Селе, затем в английском колледже, получил диплом техника малого промыслового флота. Затем он экстерном окончил 4-е Петроградское коммерческое училище. В конце 1920-х гг. Г. Г. Крамаренко жил во Владивостоке. Здесь он экстерном окончил институт, работал главным инженером верфи Дальгосрыбтреста, строившей сейнеры для вылова сардины.

С 1927 г. хозяйственную деятельность на Камчатке развернуло АКО, осваивались новые промысловые районы, строились РКЗ и посёлки, оживилось сельское хозяйство, создавалась лесная промышленность.

После того как Г. Г. Крамаренко высказал предположение о возможности строительства из камчатской лиственницы маломерных судов для нужд рыбной промышленности, его направили в Ключев-

ской деревообрабатывающий комбинат, где он возглавил строительство судоверфи. Вот что он вспоминал об этом: «По инициативе Г. Г. Крамаренко для рабочих судоверфи, прибывающих с материка, отводятся земельные участки, выделяются кредиты для строительства жилых домов. Всё это способствовало закреплению профессиональных кадров на полуострове».

Подробнее Гавриил Гаврилович сообщает следующее: «В 1932 г. послали на Камчатку. Предварительно добивался использовать камчатскую лиственницу для судостроения. Эксперты её браковали. Решил, что после предварительной обработки она будет пригодна. Чтобы взять богатства лосося у берегов Камчатки, нужны ставные невода, а к каждому неводу — по два переборочных кунгаса грузоподъёмностью 10–20 т. Это уже сотни единиц. Ещё нужно по нескольку кунгасов на каждый рыбный участок для перевозки груза на берег с парохода. Требовалось кунгасов сотни, а завозить их с материка на пароходах стоило слишком дорого, да и пароходов не хватит. Нужно строить их на месте. Такая стояла задача, и задача не простая.

У подножия Ключевского вулкана, рядом с камчатскими сёлами, решено было строить деревообрабатывающий комбинат, обеспечивающий Камчатку плавсредствами, бочками, столярными изделиями для домов, дверями, окнами, мебелью. Всё из местного леса. Из Калифорнии привезли оборудование для большой усовершенствованной сушилки древесины с автоматикой и лабораторией. Завезли десант с рабочими, оборудованием, станками, материалами.

Начали строиться. Мне была поручена обработка древесины, строительство судоверфи и плавсредств. Удалось добиться льгот для закрепления кадров. Первые месяцы строили индивидуальные домики для специалистов, предусматривали усадьбы для огородов индивидуального хозяйства, всё для закрепления кадров специалистов. Вербовали тех, кто увлекался охотой, рыбалкой, всё это было рядом. Построили цеха, смонтировали оборудование, организовали подготовительные курсы. Начали строить суда. Приспосабливались, находили лучшие варианты, и всё это делали без спешки. Продукты питания — по первой категории, пользовались льготами Севера. Зажили хорошо и сделали большое, хорошее дело. Камчатка стала давать очень много рыбы».

15 февраля 1938 г. Г. Г. Крамаренко был необоснованно арестован и 26 октября 1940 г. приговорён к лишению свободы сроком на восемь лет. После освобождения 13 августа 1946 г. он работал на

Тобольской судоверфи вплоть до 1981 г. Умер Г. Г. Крамаренко 20 января 1991 г.

Незадолго до ухода из жизни (9 августа 1990 г.) он написал письмо директору Ключевского леспромхоза: «...Попал я на Камчатку по своей собственной вине. Отправился в дикий, необжитый край из города Владивостока, где имел хорошую квартиру. Работал главным инженером судоверфи Дальгосрыбтреста на окраине Владивостока. Принесли мне на экспертизу образцы древесины камчатской лиственницы и просили сделать заключение специалиста о том, можно ли из неё строить деревянные суда. Из многих опрошенных специалистов и учёных я оказался единственным, давшим заключение, что строить можно, только если предварительно обработать её для надводной части и палубных надстроек по опыту судостроителей Аляски. Там растёт такая же лиственница.

По настоянию крайкома партии мне поручили самому поехать на Камчатку и освоить на месте постройку деревянных морских несамоходных судов японского типа "Сампасен", грузоподъёмностью 20 т, и "Дойкасен", грузоподъёмностью 8 т. Такие кунгасы нужны рыбакам.

Японцы успешно ловят рыбу ставными неводами. Это — длинные стенки из сетки, установлены от берега по направлению в море, а в конце — большая ловушка для рыбы. Рыбу из ловушки перегружают в кунгас и снова опускают её на дно. Кунгас с рыбой вытаскивают на берег моторной лебёдкой, подкладывая под кунгас катки. Сильно мешает береговой бурун океанского побережья. Восточное и западное побережье Камчатки богато рыбой и может поместить сотню ставных неводов, тогда потребуется кунгасов в два раза больше. Покупать кунгасы у японцев на валюту и много дороже своих, да и перевозить их нецелесообразно.

Задумался о серьёзном деле. Осечка недопустима. Надо делать всё наверняка. Решительно поставил свои условия. Чтобы заполучить опытных иностранных рабочих и специалистов, нужно создать им привилегированные условия. Добился, чтобы приехавшему рабочему оплачивали повременно шесть месяцев зарплату, а он строил себе домик, обзаводился хозяйством, устраивал огород, чтобы ему выдавали материалы для строительства.

Нам много помогали и дали даже небольшой самолёт, садившийся и на землю, и на воду. На нём легче было найти место лесозаготовки, отвезти больного в больницу, по делам съездить в Петропавловск. И вот, наконец, построили первые образцы кун-

гасов, испытали их и остались довольны. Довольны были и рабочие. Стали жить хорошо. Запасались на зиму рыбой и мясом. Рыба — у самого дома, богатая охота на оленя и горного барана. Получили семена овощей для северных районов, вырастили хороший урожай.

За успешное выполнение правительственного задания готовили персональную награду, оформляли документы на награждение, а вместо ордена 15 февраля 1938 г. принесли ордер на арест. Увезли в тюрьму не только меня, но много руководителей и специалистов. Правда, потом реабилитировали и выделили денежное пособие. Но рана всё же осталась.

Судить было не за что, поэтому заочно особым совещанием в Москве вынесли решение: изолировать в лагерях, как социально опасный элемент. Наверно потому, что до революции учился в Англии в профессиональном училище системы Оксфордского колледжа в пансионате, а родители жили в Петербурге».

До настоящего времени в Ключах на улице Береговой сохранился дом, в котором жила семья Г. Г. Крамаренко.

Второй сын Г. А. Крамаренко — Георгий (Жорж), автор книги «Камчатка. Моё путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г.», с младшим братом Александром эмигрировали из России. По сообщению сына Г. Г. Крамаренко, Георгия Гавриловича, они жили в Марокко, где работали на киностудии. Николай, по одним данным, был таксистом в Париже, по другим — погиб на деникинском фронте. Мария Гавриловна жила в Ленинграде. По её инициативе вторым изданием была опубликована книга её брата Гаги Крамаренко «В Камчатку».

Приведу интересный факт. В 1991 г. при встрече с Ольгой Антиповной Савинской, родившейся в самом начале XX в., мною среди других был задан вопрос: «А вы знали семью рыбопромышленника Крамаренко?» На это последовал ответ: «Да, я хорошо помню, как мы играли на берегу речки с Марией Крамаренко...»

Семья Крамаренко была знакома с известным русским путешественником и исследователем Дальнего Востока В. К. Арсеньевым. Они встретились и во время его путешествия по Камчатке в Усть-Камчатске. 27 июня 1918 г. на рейд Усть-Камчатска прибыл пароход, где находился Крамаренко-старший с сыновьями. Погрузив багаж в кунгас, путешественники отправились на берег. За время, проведённое в Усть-Камчатске, автор книги «В Камчатку» с братом работали на заводе, путешествовали по реке Камчатке, охотились на медведей и баранов, рыбачили.

Вот что пишет о встрече с Арсеньевым Г. Г. Крамаренко:

«*4 августа*. В приехавшей на крейсере “Командор Беринг” экспедиции участвуют: Г. Павленко, при котором один фотограф и один препаратор-рыбовод, служащий где-то в Лифляндии на рыборазводном заводе, затем господин Арсеньев, начальник партии по изучению долины реки Камчатки и её населения.

Господин Арсеньев, увидев папу, сразу же узнал его и напомнил ему, как он был на папином докладе в Петрограде, когда папа восемь лет тому назад после путешествия своего по Камчатке с фонографом и кинематографом читал доклад и показывал свои кинематографические съёмки в Географическом обществе.

Затем с этой же экспедицией приехал землемер, несколько студентов и один казачий генерал, господин Савицкий. Генерал этот едет в качестве помощника господина Арсеньева, он очень забавно и интересно рассказывает анекдоты. За столом теперь большое оживление, и от его анекдотов мы смеёмся до упаду».

Далее отмечает: «После чая к нам заходил господин Арсеньев. Он видел мой дневник и показал мне свой. Господин Арсеньев давно ведёт свой дневник и зарисовывает в него разные инородческие вещи, как то: шаманские принадлежности, нарты, сумки, охотничьи принадлежности. Он очень хорошо рисует и раскрашивает в натуральные цвета карандашами. Из разговора с ним я узнал, что господин Арсеньев писал много по изучению инородцев, читал доклады, а по его дневнику и рисункам я понял, что он действительно учёный-путешественник. Тут же он указывал мне и советовал, как нужно вести дневник и что я должен непременно научиться рисовать карандашом. А необходимо это для того, чтобы можно было зарисовать в дневник иллюстрации, которые могут давать более ясное представление о встречающихся в путешествии предметах, трудно объяснимых словами. К сожалению, в самый разгар интересных разговоров с господином Арсеньевым нас позвали обедать».

Пробыв в Усть-Камчатске более двух с половиной месяцев, Г. А. Крамаренко уехал в Японию. Из дневника Жоры Крамаренко:

«*Суббота, 14 сентября*. С севера возвратился пароход “Ставрополь”, А. Г. Демби условился с ним, чтобы он доставил часть промысловых рабочих во Владивосток, а нас, самих хозяев и служащих — в Японию. Поэтому мы спешно стали собираться. Багаж наш значительно уменьшился, так как много платья и обуви поизносилось, а часть старого мы роздали камчадалам.

Жаль было расставаться с Камчаткой! К здешнему дому мы уже привыкли, наслаждались охотой, к тому же и стол был очень

хороший. Вообще приволье было во всём! Однако делать нечего, надо собираться обратно в Иокогамскую школу.

К вечеру мы уже уложились. Братья Дембри взяли много приготовленной в дорогу дичи и другой провизии. Домашнюю же посуду, мебель и т. п. приказано было упаковать на зиму в ящики, сложить в одной из комнат нашего дома и все окна забить досками».

15 сентября семья Крамаренко вместе с братьями Дембри выехали из Усть-Камчатска. Завершилась лососёвая путина 1918 г. 30 сентября семья прибыла в Токио, где жила во время гражданской войны в России.

Северин Карлсон

Впервые история жителя Камчатки, шведа по национальности, Северина Карлсона стала доступной широкому кругу камчатских краеведов после выхода в свет книги Стена Бергмана «По дикой Камчатке», выпущенной на русском языке в 2000 г. издательством «Камчатский печатный двор». В ней автор посвятил С. Карлсону целую главу. Но ещё раньше к этой персоне обращались протоиерей Даниил Шерстенников и известный камчатский писатель и поэт Георгий Поротов, написавший рассказ «Боль Северина», опубликованный в книге «Камчадалы» только в 1994 г., через девять лет после кончины автора.

О Северине Карлсоне пишет и А. П. Сильницкий — один из немногих начальников Камчатки, оставивший очень хорошую память среди камчадалов. В работе «Поездки в северные округи Приморской области» он сообщает: «Тут же, в Явине, живёт и американец Кларксон. Он променял свою бойкую родину на безлюдную Камчатку... Кларксон больше занимается коммерцией, чем промыслами, но в остальном он такой же камчадал, как и все явинцы».

В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока хранятся документы об эпизодах русско-японской войны на Камчатке с упоминанием действий камчатских дружинников. В них Карлсон неоднократно упоминается как активный участник боёв с японцами.

Большой материал о Карлсоне оставил известный финский путешественник Сакари Пялси, встречавшийся с Северином на Камчатке. С. Пялси (1882—1965) был исследователем, археологом, писателем. Ему исполнилось 34 года, когда в 1916 г. Финский союз исследований древности решил отправить его в экспедицию по Северо-Восточной Сибири. Его исследования на Чукотке в общей

сложности продлились два с половиной года. В этом суровом краю Пялси делал фотографии и снимал на киноплёнку жизнь чукчей.

«Из своей исследовательской поездки на Чукотку и Камчатку Сакари Пялси привёз в Национальный музей Финляндии коллекцию из 238 предметов этнографической ценности, коллекцию из полутора тысяч зарисовок работ по кости, небольшой гербарий, фотографии, охватывающие всю поездку, фильм и частично завершённый письменный материал, который позже был оформлен в три книги: “Дневник путешественника по Северу”, “Фотографии из Арктики” и “В море и глуши”».

О пребывании на Камчатке он пишет: «По первоначальному плану экспедиции я намерен был перезимовать на севере, но в связи с падением курса русского рубля мои денежные ресурсы иссякли... Уже осенью, когда я был во Владивостоке, связь с родиной стала ненадёжной, а зимой 1917—1918 гг. совсем прервалась. Я переехал тогда в Японию, где на весьма скудные средства прожил до апреля 1918 г. Весной мне представилась возможность поехать на Камчатку в качестве закупщика пушнины от частной фирмы. В этой должности я прожил на Камчатке до мая 1919 г. ...Зимой я жил в селе Ключевском — на 100 вёрст в глубь страны от устья реки Камчатки».

Кто же такой Северин Карлсон и какой след он оставил на камчатской земле?

Ниже мы приводим материал, подготовленный Джоном Бентли на основе записей Сакари Пялси и других источников:

«Северин Карлович Карлсон родился 3 мая 1868 г. в Сперлиигсхолм, Овраби, около Хальмстада. Его родителями были Карл Свенсон и Бенедикта Передотер. Предки Северина имели довольно высокий социальный статус. Например, его прапрадед Пер Сегерлунд был таможенным офицером и даже имел собственную фамилию, что было редкостью в Швеции в те годы. Бабушка Северина, Ловиса Торнквист, была дочерью управляющего имением в Равдала Сатери. Однако со временем потомки становились всё беднее и беднее, так что Карл с Бенедиктой уже считались “статаре”, то есть батраками, работающими за еду и кров.

У Карла и Бенедикты было пятеро детей, однако выжило только трое братьев — Северин (1868), Йохан (1870) и Нильс (1873), две девочки умерли в младенческом возрасте.

Родители Северина вели бедную жизнь, работая в поле с утра до вечера почти без оплаты, только за еду и кров. Их дети с малых лет вынуждены были трудиться, помогая родителям. Само собой,

они мечтали вырваться из этих условий, и, в конце концов, все трое покинули отчий дом в поисках лучшей жизни.

В 1884 г. в возрасте 16 лет Северин нанялся коком на крошечную шхуну "Клара" водоизмещением всего 24 т и с экипажем в три человека (включая кока). Шхуна возила лес в Данию, и Северин прослужил на ней почти четыре месяца, получая по 10 крон в месяц за свой труд. Северин стал моряком и уже никогда не возвращался в родные края. Взамен он обрёл новую родину, и человеком, во многом благодаря которому это случилось, был Отто Куорикоски.

Отто Куорикоски родился в Финляндии в 1853 г. в уважаемой семье потомственных архитекторов и строителей церквей. Он получил очень хорошее образование (включая степень кандидата наук) и преподавал математику в лицее в Куопио. К сожалению, он слишком много пил и не мог держать себя в руках, находясь под воздействием алкоголя.

Его жизнь изменилась в 1883 г., когда, будучи пьяным, он ударил генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. После этого он вынужден был бежать из Финляндии, устроился на корабль, отправляющийся в Америку. Отто прожил там несколько лет, меняя места и занятия. Он был клерком и плотником в Сан-Франциско, воевал с пиратами и копал золото в Мексике, провёл год на Аляске в самом начале золотой лихорадки. Он вернулся в Сан-Франциско с мешочком золотого песка на 18 000 долларов, но полностью опустошил его за три недели непрерывных вечеринок.

В конце концов Куорикоски устал от Америки. Он не нашёл там счастья и решил двигаться дальше. В 1888 г. устроился на китобойное судно, направлявшееся в Берингово море. На том же судне был и его давний знакомый — Северин Карлсон.

Когда после успешного промысла китов судно подошло к берегам Камчатки, Куорикоски и Карлсон купили у капитана шлюпку, провизию, необходимые припасы и направились к берегу. В их первую ночь на Камчатке Отто разбудил Северина:

— Карлсон, не спите?

— Разумеется, нет, ведь вы же меня разбудили. Что случилось?

— Дайте мне бутылку виски, они ведь ещё остались?

Северин дал ему бутылку, которыми их предусмотрительно снабдил капитан, и Куорикоски сделал глоток. После этого он долго сидел молча. Затем сказал:

— Знаете Карлсон, я никогда не покину эту страну.

— Я не знаю, — ответил Северин, — но если вдруг уедете, то давайте уедем вместе.

— Нет, — сказал Куорикоски, — я точно знаю, что умру на Камчатке. Я останусь здесь.

(Кандидат философии из Финляндии, лютеранин Отто Куорикоски умер 23 марта 1901 г. в возрасте 47 лет. Погребён при Большерецком сельском кладбище [ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 40. Л. 308].)

В те времена, когда Северин обосновался на Камчатке, это был малонаселённый регион России. Население самого большого города, Петропавловска-на-Камчатке, составляло менее 400 чел. Общее население Камчатского полуострова не превышало 8 тыс. чел., среди которых около двух тысяч были русскими, а остальные — местными племенами. Основным родом занятий для русских была охота на соболя и медведя, а также рыбалка. Коряки и эвены разводили северных оленей.

Северин следовал местному укладу жизни и вскоре стал известным охотником на медведя. За первые два года жизни на Камчатке он убил 726 медведей, после чего перестал их считать. Некоторые полагали, что он убил больше медведей, чем любой другой местный охотник.

В 1904 г. началась русско-японская война. И хотя основные сражения проходили вдалеке от Камчатки, небольшой японский отряд высадился там в 1904 г. в надежде, что при отсутствии регулярных войск жители быстро капитулируют. Однако местные организовали отряды ополчения и успешно отразили вторжение. За активное участие в обороне Камчатки Северин Карлсон был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени.

Свои первые годы на Камчатке Северин провёл в Явино — небольшом селе на берегу Охотского моря менее чем с 50 жителями. В 1894 г. он принял православие и женился на местной девушке Матрёне Бутиной. Северин постепенно отошёл от охоты и стал торговцем — он покупал у охотников соболиные шкурки, продавая им ружья, патроны, спички и прочие необходимые вещи, которые получал от американских компаний за мех. У Северина и Матрёны было пятеро детей — три мальчика и две девочки. В 1911 г. в возрасте 38 лет Матрёна умерла. Явино перестало существовать в 1940-х гг. Сохранилось только несколько руин и могилы на старом кладбище, в том числе могила Матрёны Карлсон.

В 1912 г. Северин женился на молодой красавице Екатерине Спешневой. Он переехал из Явино в Мономахово (позднее переименовано в Соболево) — село примерно в 300 км к северу, откуда его новая жена была родом. Там он построил большой дом и про-

должил заниматься торговлей, которая тогда процветала. В то время он сблизился с другим шведом, жившим на Камчатке, — Янсоном.

Екатерина родила троих детей, двух мальчиков и девочку, и умерла в 1918 г. в возрасте всего 25 лет. Северин больше никогда не женился и воспитывал своих восьмерых детей в одиночку».

От первой жены у него были сыновья Константин (1897—1927), Николай (1897—1936), Александр (1900—1938), дочери Мария (1904—1957) и Ксения (1908—1993); от второй — сыновья Валентин (1910—1935) и Дмитрий (1913—1932), дочь Вера (1915—1986).

Далее С. Пялси сообщает: «Младший брат Северина — Нильс также покинул Швецию, уехал в Шанхай, где работал таможенным инспектором. Он был женат на японке Мураками; у них было трое детей.

Северин хотел, чтобы его дочери получили хорошее образование, включая знание иностранных языков, что было невозможно на Камчатке. Поэтому около 1916 г. он привёз Марию и Ксению в Шанхай, где они жили в семье Нильса и посещали католическую школу вместе с его детьми. Так продолжалось два года, до смерти Екатерины, после чего Северин забрал Марию на Камчатку, чтобы она помогала ему заботиться о младших детях. Ксения же продолжила обучение в Шанхае и потом в Нагасаки, прежде чем вернулась домой. Результат — она свободно говорила по-английски, что было редкостью для Камчатки в то время.

С установлением на Камчатке советской власти в 1920-х гг. торговый бизнес Северина начал приходить в упадок. В 1923 г. он переехал в Озерновский, посёлок неподалёку от Явино (точнее, село Запорожье или Запорожское. — *В. Б.*), где стал заниматься рыбным промыслом. Так продолжалось до тех пор, пока он не постарел и ослаб.

Последние годы жизни он провёл, будучи прикован к постели. Северин Карлсон умер в октябре 1932 г. от рака горла и был похоронен на берегу Охотского моря неподалёку от Озерновского"».

Северин Карлсон сыграл важную роль в обороне Камчатки от японского десанта во время русско-японской войны в 1904 г. Небольшой очерк о нём, который мы приводим ниже, опубликовал протоиерей Даниил Шерстенников:

«Попечитель Воровской школы господин Карлсон — швед, принявший православие на Камчатке и оженившийся на камчадалке. В молодых летах он приехал с родины в Америку, где провёл несколько лет в случайных подённых работах, затем ходил в плавания на купеческих кораблях в качестве матроса. На Камчатке он

поселился 22 года назад и жил в селении Явино, около мыса Лопатка, занимаясь рыбной ловлей, охотой и торговлей. В Воровском селении... приобрёл очень хороший дом и открыл торговлю мануфактурно-бакалейными товарами, мукой и съестными припасами. Теперь, я полагаю, все местные камчадалы в его руках, так как он даёт товары под промысел их пушным зверем. Цены на товары у Карлсона высокие. Например, ныне, пользуясь недостатком муки на всём побережье, он цену на кулёк муки поднял до 6,5 руб. А кулёк муки [стоил] 1 руб. 15 коп.

Я бы назвал его ростовщиком, если бы его приёмы не отличались от обыкновенных ростовщических некоторою гуманностью и осмотрительностью в действиях.

Во всяком случае, он — типичный камчатский торговец, отпускающий товар в долг и из-за этого рискующий своим капиталом. За риск он берёт, разумеется, приличный процент в виде пушнины, продаваемой ему его должниками. За часть покупаемых соболиных шкурок он платит товарами, за другую часть — наличными деньгами. А далее — опять риск. Хорошо, если ему удаётся сбыть свои меха в фирму Чурина или другого выгодно.

Но крупные фирмы тоже, прежде всего, заботятся о собственных барышах, поэтому дают своим комиссионерам сравнительно небольшой доход. Существующие цены, установленные контрактами с заграничными фирмами, они тщательно скрывают, оставляя своих скупщиков и приказчиков в неведении относительно действительных цен на пушного зверя на заграничном рынке. В таких случаях мелкие скупщики мехов выгоды свои приумножат путём высокой расценки отпускаемых камчадалам товаров... В результате камчадал проживает, а торговцы понемногу наживают капиталы.

Господин Карлсон передавал мне, что он пытался было сдавать свои меховые товары непосредственно за границу, но никакого толку из этой меры не вышло. Расценка меха за границей ниже, чем на Камчатке! Это странное явление можно объяснить тем, что заграничные магазины обеспечивают себя контрактами с крупными русскими фирмами, с которыми и имеют дело, уклоняясь от частичной и случайной скупки меховых товаров на стороне.

Господин Карлсон, как человек образованный, прошёл в Швейцарии курс реального училища (точнее в Швеции. — *В. Б.*), не чужд стремлений сделать что-нибудь полезное в интересах народного образования. Живя в Явино, он склонял население открыть народную школу, а когда камчадалы не особенно охотно отозвались

на его предложение, то он построил даже на собственный счёт небольшое школьное здание в соседнем Голыгинском селении.

Живя в Воровском, он состоял председателем церковноприходского попечительства, а теперь — попечителем местной церковноприходской школы, и как видели, не без успеха управляет хозяйственной частью школы.

В войну России с Японией господин Карлсон явился русским патриотом, согласно убеждению, что нужно охранять честь флага того государства, под защитою которого живёшь и благоденствуешь. Свои патриотические чувствования он рельефно выразил в столкновении камчадалов и казачьей местной команды с японцами на западном берегу Камчатского полуострова. Вероятно, событие это нигде не записано и, конечно, забыто всеми, поэтому я вспоминаю его, ибо оно интересно и приведёт меня к вопросу об отношении местных камчатских жителей к японцам и последних к первым.

В 1904—1905 гг., во время войны России с Японией, камчатская администрация распорядилась составить береговые команды — дружины из местных камчадалов с частью казаков для отражения от берегов неприятелей в случае высадки их на побережье полуострова. А жителям было велено в случае появления неприятеля убегать в леса и горы. Одна из таких дружин в количестве 88 чел. под начальством инструктора Сотникова засела в Явино — маленьком селении на западном берегу Камчатки. Был тут и Карлсон, завербованный в число дружинников.

Вскоре на горизонте Охотского моря показались три японские шхуны, которые затем бросили якорь около Явино в удобной бухточке. Экипажем японцев командовал капитан... решивший высадиться на берег, объявить Камчатку собственностью микадо (японского императора. — *В. Б.*) и местных жителей привлечь на верность Японии.

Знали или нет японцы о том, что в Явино засела местная дружина, решившая дать отпор вторжению их в чужие владения, только всё-таки они приняли меры предосторожности, высадившись на скалистом мысе, окружённом с трёх сторон морем. На перешейке поставили полевое орудие и укрепили его ложементами на случай осады. На вершине занятого клочка земли взвилось японское знамя, командир объявил страну завоёванной. Затем неприятели проникли в селение, нашли его пустым... Попавшийся крупный рогатый скот они порезали для своего лагеря.

В это время русская дружина держала совет, что делать. Враги не знали её сил и расположения, зато и она не знала сил неприятеля.

Сотников склонился к мысли штурмовать японскую позицию. Карлсон, напротив, держался убеждения, что штурм опасен потому, что, во-первых, силы штурмующей колонны весьма незначительны при 17 русских казаках. Остальные были камчадалы, не отличавшиеся ни храбростью, ни стойкостью, способные обратиться в бегство при первом отпоре со стороны врагов. Во-вторых, потому, что расположение неприятеля оставалось неизвестным. Не лучше ли пуститься на хитрость? Каким-нибудь образом узнать точнее про силы японцев и, если будет можно, ослабить их. Для этой цели избран был один камчадал, облачён в рубище.

Карлсон научил его сказаться его работником, присланным из Петропавловска к японцам с письмом на английском языке. В письме Карлсон обращался с просьбой о помощи его семейству, которое оставлено в окрестностях Явино и в настоящее время находится в крайней нищете и сильно болеет цингой. Проситель убеждал японского командира дать хлеба и лекарств, в благодарность за помощь обещал сообщить важные сведения. Вместе с тем, посланному приказано было внимательно осмотреть японский лагерь, сосчитать людей, высмотреть род вооружения и прочее, что заметит. Сказано — сделано. Шпион проник в японский лагерь и передал письмо командиру. Командир решил помочь семейству Карлсона присылкою кулька муки и некоторого количества медикаментов, затем дал камчадалу пространно написанное воззвание ко всем береговым жителям. В послании он убеждал их присягнуть японскому государю, обещая различные льготы...

Посыльный благополучно возвратился домой и сообщил, что хотя японцы не допустили его осмотреть расположения лагеря, но он успел заметить, что всех японцев не менее ста человек, что они в солдатской форме, вооружены ружьями и саблями. Тогда Карлсон посылает его с новой просьбой от имени семейства, которое просит послать врача для осмотра больных. Слушая его речь, доктор-японец выразил своему капитану опасение попасть в ловушку, но капитан приказал доктору собираться в путь и вместе с ним пошёл сам.

Конечно, заведённые в засаду, оба японца были арестованы. Увидев Карлсона, командир сказал: “Худо вы отплатили мне за доверие”. — “Что делать! — ответил тот. — Приходится защищать достоинство флага, под защитой которого живёшь, и если нельзя взять на войне силой, то приходится прибегать к хитрости”. — “Разумеется, я согласен с вами, — ответил командир, — но знайте, что я буду отомщён по японскому обычаю: если ты угостишь соседа, то сосед должен угостить тебя вдвое”.

Затем оба японца были отправлены в плен в Петропавловск, а из Петропавловска в селения Коряки и Мильково, где они прожили полтора года, до конца войны.

Думая, что японцы станут искать пропавшего командира, русские устроили засаду. Действительно, отряд в 20 чел. показался впереди и вскоре был окружён, а когда они решили защищаться, то камчадалы обратились в бегство, но залпом оставшихся русских все японцы были перебиты. Таким образом, японцы оказались в осадном положении, лишились командира, доктора и значительного количества товарищей.

Затем русская команда в ночное время штурмовала лагерь, но была отбита. Вскоре японцы сели на свои шхуны и поспешили восвояси. Тем и окончилась их попытка завоевать западное побережье Камчатки...»

Северин Карлсон жил в Явино с 1889 г., вёл торговлю в основном по западному берегу Камчатки — от Явино до селения Воровского. Собирал с жителей заявки на необходимые продукты и товары. Затем за пушнину поставлял заказ каждой семье, подавшей заявку.

В 1911 г. после длительной болезни его жена Матрена умерла, а 8 апреля 1912 г. он женился второй раз на 19-летней Екатерине Фёдоровне Спешневой, уроженке села Воровского. В Воровском построил большой восьмикомнатный дом, здесь же имел лавку. После кончины второй жены и изменения политической обстановки на Камчатке он снова переехал на юг Камчатки в растущее селение Запорожье. Здесь продолжал заниматься рыбным промыслом. Последние годы жизни сильно болел, жил в семье дочери Ксении. Скончался в октябре 1932 г. Точная дата его смерти пока не выявлена.

У Северина Карлсона осталась большая семья. Его правнук (внук дочери Ксении) Владимир Сергеевич Шатохин со слов бабушки сообщил 24 сентября 1989 г.: «Папа моей бабушки — Северин Карлович Карлсон — был швед, но принял русское подданство... Свою маму бабушка не помнит, так как та умерла, когда ей исполнилось три года, а случилось это в 1911 г., хотя Северин предлагал ей лечь на операцию и хотел отвезти в больницу на материк. После смерти Моти у Северина осталось пятеро детей. Старшему — Константину — было около шестнадцати, второму — Николаю, лет четырнадцать, Александру — двенадцать, Марии — восемь и Ксении — три года. Отец очень любил свою жену, после её смерти заказал на материке, а затем привёз и уложил на

могилу чугунную надгробную плиту, увенчанную вкручивающимся дутым крестом.

Через год Северин с семьёй покинул Явино и переехал в Соболево, где женился второй раз на Екатерине Фёдоровне. От второго брака у него появилось ещё трое детей: Валентин, Митя и Вера. Последняя приходится мне крёстной матерью, я тоже родился на Камчатке и провёл там с бабушкой Ксенией часть своего детства.

По воспоминаниям старшей сестры бабушки — Марии, с ними в Явино, ещё при жизни их мамы, жили какие-то квартиранты, старший брат Константин часто косил траву для коровы. Ещё она помнила, что у папы был свой катер, на котором он ловил треску и сдавал её в артель. Помнила, что Николай и Александр учились в мореходном училище.

Северин всячески старался поставить всех на ноги, дать детям образование. Он очень хотел, чтобы Ксения стала переводчицей, поэтому, когда ей исполнилось шесть лет, он её вместе с сестрой Марией увёз в Китай, в город Сватау (порт близ Гонконга). Там они обучались три года английскому языку. После смерти второй жены он их вывез. Затем с 1917 по 1919 г. Ксения будет учиться в Японии, в городе Нагасаки. В русской школе проучится всего три года.

Отчий дом она увидела пятнадцатилетней, проездом, когда семья переезжала в Озерную. В Явино вместе с их домом осталось шесть-семь жилых домов и церквушка, где, кстати, венчались Северин и Мотя. Они до смерти хранили толстые брачные восковые свечи и восковые цветы, и эти свечи потом будут положены каждому в гроб: маме — в 1911, папе — в 1932 г. Теперь же, в 1923 г., церквушка пустовала, в ней жил какой-то русский по фамилии Балабин с камчадалкой. Ещё была жива бабушка Марфа, жившая с сыном... Жителей осталось мало, зато на кладбище было очень много свежевырубленных крестов. Какая-то болезнь косила людей. И в этом лесу деревянных крестов стоял один металлический, на могиле Моти. Затем его открутит и положит своему умершему мужу бабка Елизавета, считавшая, что имеет на это право, так как её Илья и Северин были товарищами и вместе охотились.

Когда вошли в дом, Северин показал Ксении на потолке вбитый гвоздь с катушечкой и сказал, что здесь висела зыбка, в которой её, маленькую, качали.

Затем, много лет спустя, когда Северин уже не сможет по старости и болезни ловить рыбу, он продаст свой катер и опять поселится в Явино в своей избушке. И лишь болезнь заставит его оставить дом и переехать в Озерную, к дочери Ксении, где он умрёт в 1932 г.

на 68-м году жизни. Этот дом он купил Ксении, когда она, будучи семнадцатилетней девушкой, вышла замуж и поменяла фамилию на Лазебную...

И последняя история, которую я хочу рассказать. Довольно странно умер и Джон, друг Северина, тоже швед. Джон ещё жил в Явино, а Северин, уже больной, прикованный к постели, жил у дочери Ксении. Дедушка Джо, несмотря на большое расстояние — 18 километров, приходил или приезжал в гости на собачьей упряжке. После смерти Северина Джону стало совсем тоскливо в Явино, и он решил отправиться в Озерную, а весной туда приедет сын и заберёт его в Петропавловск, где он учится на капитана.

В тот зимний день ничто не предвещало беды. Пройдя пешком километров девять, Джон дошёл до японского завода, который зимой был закрыт и охранялся русскими старожилами, и упросил сторожа Литвинова отвезти его на собачьей упряжке в Озерную. Тот согласился, но в дороге разыгралась метель. Литвинов попросил старика пойти пешком, сказав, что собаки сильно устали... Что случилось, неизвестно, но приехал Литвинов в Озерную один, сказав Ксении, чтобы сообщила в сельсовет: Джон сбился с дороги и заблудился. Долго бушевала метель, что усложняло поиск. Нашёл его на третий день молодой охотник-стахановец по следу, оплёванному жевательным табаком. Джон лежал на спине, раскинув руки и устремив взгляд в небо...

Затем на аукционе были проданы вещи, сданные Литвиновым, — спальный мешок и саквояж, а деньги, вырученные от продажи, отдали сыну. Мою бабушку мучает сомнение, неужели это всё, что мог взять с собой Джон, переезжая к сыну?

Ещё будучи живым, её сын Дмитрий (назвала в честь брата) писал из Озерной, что как-то два брата-охотника, Толик и Саша, близ Явино случайно наткнулись на надгробную плиту Джона, которая уже почти вся заросла стелющимся кедрачом, но сам Дмитрий найти этой могилки не смог...»

Подлинный герой Арктики, или Непревзойдённый пробег

Старики-камчадалы часто вспоминали этот случай: «Цо, Ванька-то уцудил, до Мошквы на собачках допёр». Речь шла о ранее небывалой поездке от Петропавловска до Москвы на собачьей упряжке каюра из Сероглазки Ивана Михайловича Дьячкова. А перед этим он участвовал в многомесячной эпопее по поиску разбившегося самолёта с американскими лётчиками и в спасении пассажиров

с советского парохода «Ставрополь», вставшего на зимовку в Чукотском море.

С 1990-х гг. спортивное собаководство на Камчатке получило новый толчок. Значительную роль в подъёме интереса к нему сыграла гонка на собачьих упряжках «Берингия». Её маршрут: село Эссо — посёлок Марково на Чукотке оказался самым протяжённым в мире — 1 980 км, об этом знают многие. А вот другой переход, совершённый двумя камчатцами — помянутым И. М. Дьячковым и охотоведом Анатолием Дмитриевичем Батуриным, давно забылся...

Родившийся на Чукотке, по одним данным, в 1899 г., по другим в 1896 г., И. М. Дьячков жил и воспитывался в суровых условиях Севера. Когда ему исполнилось четырнадцать, встал вопрос о его обучении. Ближайшим учебным заведением было Петропавловское городское училище, туда Ивана и отправили учиться.

Весной 1917 г. он получил аттестат об окончании курса Петропавловского высшего начального училища. На Чукотку не вернулся, поселился в Сероглазке. Женился на представительнице известной камчатской фамилии — Марии Георгиевне (по другим данным, Васильевне) Крупениной. В семье Дьячковых родились дети — Владислав и Виктория.

По рассказам родственников М. Г. Крупениной, у Владислава были дети — Светлана, Любовь и Ольга. У Виктории — Борис, 1943 г. р., Игорь, 1947 г. р. и Сергей, 1949 г. р.

Камчатский исследователь В. П. Пустовит приводит факт участия И. М. Дьячкова в событиях гражданского противостояния на полуострове: «2 декабря 1922 г. в 17 часов из областного центра в Сероглазку отправился отряд из 12 чел. Командовал им помощник коменданта города В. С. Ревенко, которому поручили произвести арест четырёх “видных сероглазкинских контрреволюционеров”: В. Е. Крупенина, И. М. Дьячкова, Г. Н. Попова и Г. И. Томского. Чуванец Иван Дьячков вместе с русским Василием Крупениным свергал в 1918 г. красную власть в Петропавловске, сторожил в тюрьме советских работников». Тогда его отпустили на волю достаточно быстро.

По национальности Иван Михайлович Дьячков был чуванцем. В письменных русских источниках чуванцы упоминаются с середины XVII в. как один из юкагирских родов. Именно юкагиры стали проводниками-каюрами отряда В. В. Атласова и вместе с казаками совершили поход на Камчатку. В каждой оленьей упряжке было два человека: каюр-юкагир и пассажир-казак. Из Анадырского острога в поход вышли 120 чел.

Чуванцы занимались кочевым оленеводством, охотой и рыболовством. Били диких оленей во время их сезонных переправ через реки, горных баранов.

По Всероссийской переписи 1897 г. насчитывалось 452 чуванца, в том числе 275 оседлых и 177 кочевых. По переписи 1926—1927 гг. чуванцев значилось 707 чел., из них оседлые составляли 55 %.

В XX в. часть чуванцев из селения Марково перебралась на север Камчатки в Пенжинский район. В число известных чуванцев входит Афанасий Ермилович Дьячков (род. 1852). Он самостоятельно овладел грамотой, с 1883 г. был первым учителем Марковской школы, служителем метеорологической станции, автором историко-этнографического очерка «Анадырский край».

И. М. Дьячков, будучи опытным таёжником и охотником, неоднократно участвовал в восхождениях на «домашние» петропавловские вулканы, был проводником у туристов.

В списке учителей КО по состоянию на 1 января 1920 г. числится Иван Михайлович Дьячков, без указания школы.

25 августа 1927 г. в Петропавловске состоялось общее собрание Камчатского краеведческого общества. Слушали доклад Ф. М. Физика «О восхождении на Корякский вулкан». Собрание постановило: «Закрепить первенство восхождения на Корякский вулкан (сопку) за тов. Физиком, Дьячковым (крестьянин села Сероглазка), Пономарёвым и Невским».

Летом 1929 г. Экскурсионное бюро окружного профсоюза и краеведческое общество объявили, что 20—21 июля состоится восхождение членов профсоюза на Авачинский и Козельский вулканы. Экскурсанты пойдут пешком, а снаряжение и продовольствие повезут вьючные лошади. Стоимость участия — 9 руб. Во время экскурсии краеведческое общество намеревалось произвести киносъёмку. «Руководителем назначен М. Кренберг, проводником — местный уроженец И. Дьячков».

Ещё одно восхождение на Корякский вулкан прошло с 27 июня по 3 июля 1936 г. Его посвятили 25-летию краеведческого музея. Среди участников были директор музея Н. А. Цебенко, П. И. Трафимчук, И. Л. Добрынин, Л. В. Козлова, А. А. Виценко и уже бывавший на вершине вулкана И. М. Дьячков. Об этом сообщила «Камчатская правда» 6 июля 1936 г.

...31 октября 1929 г. газета «Полярная звезда» дала объявление: «Требуется каюр с нартой и двенадцатью ездовыми собаками с запасом юколы на десять месяцев для отправки с ледорезом “Литке” на север для оказания помощи пароходу “Ставрополь”.

Оплата по соглашению. Желающим наняться нужно обратиться в секретариат окрисполкома не позднее 7 ноября».

Суть дела: в летнюю навигацию 1929 г. «Ставрополь» из Владивостока вышел в рейс на север с грузами для Нижне-Колымска. Благополучно достигнув конечной точки пути, взяв разный груз и пассажиров, в том числе детей, пароход отправился обратно. Но в сентябре напротив мыса Северного в Чукотском море он уткнулся в непроходимые полярные льды и был вынужден встать на зимовку. Возникла угроза жизни экипажа и пассажиров — членов Колымской экспедиции и других, заболел капитан.

Неподалёку от «Ставрополя» зазимовала торговая шхуна «Нанук» хорошо известного камчатцам американского торговца Олафа Свенсона, вёзшая из Нижне-Колымска пушнину на торги в САСШ. Свенсон, предвидя большие расходы из-за опоздания на аукцион, обратился к американской лётной компании о вывозе части экипажа и пушнины по воздуху. Эту работу взял на себя известный полярный лётчик Карл Бен Эйельсон. Его самолёт «Гамильтон 10-002» потерпел крушение во время второго рейса.

7 ноября 1929 г. на помощь «Ставрополю» из Владивостока вышел ледорез «Литке» с разобранными самолётами и лётчиками М. Т. Слепнёвым и В. Л. Галышевым. Им предстояло также искать и пропавших американских лётчиков. Кроме того, решено вести поиски не только с воздуха, но и на собачьих упряжках. Для этого и требовался опытный каюр, им и стал И. М. Дьячков. Был собран запас юколы, одежда, нехитрый скарб, собаки, и каюр погрузился на «Литке». Впереди ему предстояла большая работа по спасению людей.

Пройдя сотни километров по льдам и торосам, затратив несколько недель, каюры искали пропавших лётчиков и самолёт. Северная пурга сделала своё дело, никаких их следов обнаружить не удалось. 25 января «лучший из местных каюров Дьячков вышел с санной партией к пароходу “Ставрополь”». Погибший самолёт был обнаружен с воздуха только 26 января 1930 г. возле реки Амгуэмы.

В начале января 1930 г. капитан «Ставрополя» П. Г. Миловзоров отправил председателю Полярной комиссии С. С. Каменеву телеграмму: «Докладываю, что район к востоку от мыса Северный около пункта, где самолёт лётчика Эйельсона видели в последний раз, дважды обследовали разведкой на собачьих упряжках. Был произведён осмотр горизонта с помощью сильных биноклей при ясной погоде, причём никаких признаков исчезнувшего самолёта не обнаружено. Свенсон готовит отправить в путь свою санную

партию. Но отсутствие корма для собак мешает организовать экспедицию, которая сможет бороться с препятствиями Севера».

М. Т. Слепнёв в очерке «Трагедия в проливе Лонга» так отметил участие И. М. Дьячкова в этой сложной работе: «Условия оплаты чукчей были весьма своеобразны: кроме денег, было необходимо всех поить чаем и подарить по коробке спичек. В фактории Пинкишей (120 км) — спичек сколько угодно, но оказывается — не дороги твои деньги, а дорога твоя любовь. Наконец к 28 ноября все приготовления были закончены, оба огромных металлических самолёта собраны. Мы горели нетерпением немедленно вылететь, но началась пурга. Наш маленький домик и оба наши самолёта были совершенно засыпаны снегом. По утрам, для того чтобы выйти из домика, приходилось прокапывать ход в снегу. 9 декабря на рассвете ушёл ледорез “Литке”, и мы начали зимовку. Нас — шесть человек. Пилот самолёта № 182 — Виктор Львович Галышев, механики Фарих, Эренлрейс, радист Кириленко, Иван Михайлович Дьячков — проводник-каюр — и я.

Началась бесконечная полярная ночь. Ветер перешёл в шторм. Громоздкую треногу для подъёма моторов сломало и завалило на один из самолётов. Самолёты стали совершенно невидными под снегом...»

Дни с 9 января по 25 января прошли в ожидании. М. Т. Слепнёв далее пишет: «25 января подлинный герой Арктики — каюр Дьячков — под завывание ветра и лай прекрасных камчатских псов, наводивших ужас на всех чукотских собак бухты Провидения, отправился в далёкий путь к “Ставрополю”, имея на нартах запасы продуктов и лекарств».

Вывозкой людей с парохода занимались В. Л. Галышев на своём самолёте и И. М. Дьячков — на нартах. Они сняли со «Ставрополя» 31 пассажира.

Поиски и отправка тел американских лётчиков завершилась только к марту 1930 г. М. Т. Слепнёв описывает окончание этих событий: «Так как санной партии нужно было идти не в Америку, а к заливу Лаврентия, то, “снарядив” Ивана Михайловича Дьячкова шестью пассажирами с соответствующим количеством чая, галет и сахара, я отправил санную партию в обратный путь». Далее он сообщает: «Собачьи нарты в полчаса разнесли весть, что самолёты готовятся к отлёту, и к мысу Северному из фактории, “Ставрополя” и чукотских яранг стало стягиваться всё живое».

Летом «Ставрополь» высвободился изо льдов. 5 июля 1930 г. он зашёл в бухту Провидения, взял находившихся там своих пассажиров,

самолёт Галышева вместе с экипажем и механиками и доставил всех во Владивосток. После окончания многомесячных поездок по снегам и льдам Чукотки, посещения родственников И. М. Дьчков опять уехал на Камчатку.

Вскоре в жизни уже знаменитого каюра наступил новый интересный этап. Ему предложили совершить небывалый пробег на его выдержавшей самый трудный экзамен упряжке до Москвы, завершить его на Красной площади.

Вот что годы спустя вспоминала об этом Прасковья Алексеевна Черных («Камчатская правда», 29 июля 1990 г., с сокращениями): «Знала я одного инженера — Анатолия Дмитриевича Батурина. Первый раз наша семья встретилась с ним примерно в 1925—1928 гг. на мысе Лопатка. В 1930 г. наша семья, было нас у мамы пятеро детей, переехала в Петропавловск, в Сероглазку. Вот тогда-то в 1930-м или 1931-м году этот инженер и нашёл нас дома. Он знал ещё по мысу Лопатка, что мама шьёт меховые вещи, и стал её просить что-то новое сшить, что-то старое подремонтировать — всё на двоих. Мама шила, а мы с сестрой ей нитки сучили из жилы.

Зимой Батурин с напарником поехали на собачьих упряжках из Петропавловска в Москву, ехали где-то около четырёх месяцев. Мне в то время было 14–15 лет, и меня очень интересовала эта поездка. И однажды я его спросила: “Дядя Толя, а почему вы ездите до Москвы на собаках, почему не пароходом?” И помню такой его ответ: “Панка, будут у тебя дети, внуки и правнуки, вот они будут ездить по железной дороге до Москвы”... Инженера Батурина больше я не видела. А напарник его — наш камчадал, сосед наш Иван Дьячков. Он каюром поехал тогда в Москву.

Летом Иван Дьячков вернулся пароходом один и привёз фотографии: на Красной площади — нарта с собаками, и сидят на нарте две женщины, а мужчины стоят около собак и держат собак за потяги. У каюра были дети моего возраста — сын Слава и дочь Виктория. Если они здравствуют, то фотографии, может, ещё целы. Ещё помню, привёз каюр подарок — «тозовку» (ружьё) с именной планкой жёлтого цвета».

А вот что сообщала «Камчатская правда» прямо во время этого ещё небывалого события в 1931 г.: «В центре проводится интересный опыт испытания ездовых качеств камчатской собаки. Переход начат из Свердловска по маршруту: Свердловск — Сарапул — Казань — Нижний Новгород — Москва. В пробеге приняли участие 11 камчатских собак и одна уральская, взятая из питомника свердловского Осоавиахима. На камчатских собаках, участвующих

в пробеге, в прошлом году каюр-погонщик Иван Михайлович Дьячков, принимавший участие в этом пробеге, сделал 2 000 километров, когда пришлось в малодоступные районы Севера доставить бензин и смазочные материалы для лётчиков Слепнёва и Гладышева, разыскивающих американского авиатора Эйельсона.

В задачи пробега Свердловск — Москва входит не только популяризация ездовой камчатской собаки и испытание пригодности её для транспорта в средних широтах, но и агитационная работа по подготовке тыла к обороне. На протяжении первой тысячи километров пути камчатские собаки показали свои высокие ездовые качества. Собаки совершенно спокойно проходили со средней скоростью 11–12 километров час по скверной дороге, делая более 70 километров в день. Путь Свердловск — Казань расстоянием больше 1 000 километров был пройден в 13 дней. На одном из перегонов собаки без отдыха прошли в течение дня больше 90 километров, имея скорость 12 километров в час. Пробег везде принимался с исключительным интересом населения. В Москву пробег должен был прибыть к 12 марта».

Результаты этого пробега были справедливо объявлены «крупной победой камчатской собаки».

Историк В. П. Пустовит приводит данные об арестах и гибели И. М. Дьячкова: «...в 1922 г. долго не задержался в арестном помещении, но в 1933 г. сел на девять месяцев как пьяница... Взят под стражу 8 октября 1937 г., будучи жителем села Сероглазка. Обвинён в контрреволюционной агитации, принадлежности к организации “Автономная Камчатка” и тесной связи (с 1931 г.) с японской резидентурой. Приговорён к высшей мере наказания с конфискацией имущества тройкой Управления НКВД по Дальневосточному краю 1 февраля 1938 г. Расстрелян 8 марта 1938 г. Реабилитирован 20 ноября 1963 г. Камчатским областным судом».

А вот краткие сведения о его спутнике — Анатолии Дмитриевиче Батурине. Из дворян. Русский. Родился 17 апреля 1888 г. в Санкт-Петербурге, окончил четыре курса кадетского корпуса и Санкт-Петербургский университет. Учёный, специалист-охотовед. Гласный и секретарь 4-й Петропавловской городской Думы; кандидат в члены Всероссийского Учредительного Собрания от партии социалистов-революционеров на выборах 29 октября 1917 г. В начале 1917 г. — помощник начальника соболиной экспедиции, затем заведующий экспедицией Минзема по обследованию пушных промыслов Камчатской области. В 1920 г. избирался депутатом Народного Собрания Дальнего Востока от Петропавловска. Входил в состав

образованного 12 ноября 1921 г. Временным Приамурским правительством Особого совещания по оказанию культурно-экономической помощи населению Охотско-Камчатского края. В 1933 г. — специалист Всесоюзного института пушного хозяйства. 29 апреля 1934 г. приговорён к высшей мере наказания. Дело прекращено трибуналом Дальневосточного военного округа 26 ноября 1956 г.

А. Д. Батурин был известным на Дальнем Востоке специалистом. Как указывает А. И. Тарасова, в 1923 г. в сотрудничестве с известным путешественником, учёным и писателем В. К. Арсеньевым он подготовил проект «Временного положения об условиях и порядке использования островов Дальнего Востока для промышленного звероводства». Главное внимание в «Положении» было уделено мерам по защите промысловых животных от браконьеров, по восстановлению численности и созданию базы для промышленного звероводства.

Забытый герой

Отношение к прошлому, к памятникам истории, к сельским погостам, к ушедшим близким и соотечественникам характеризует степень духовности общества. На территории Камчатского края находятся десятки исторических памятников и захоронений. К сожалению, сегодня они чаще пребывают в ненадлежащем состоянии. Заброшена могила известного фельдшера, одного из организаторов системы здравоохранения на полуострове А. С. Лукашевского, утрачено место последнего пристанища героя обороны Петропавловска в 1854 г. князя А. П. Максутова. Исчезло захоронение одного из организаторов и руководителей обороны Камчатки в 1904 г. М. И. Сотникова и павших вместе с ним камчадалов...

Сегодня мы вспомним о ещё одном захоронении, почти не известном, да и недоступном обычному камчатскому жителю. Это могила командира войсковой части № 47127 гвардии полковника Витольда Адольфовича Попко.

Его вдова Мария Михайловна Попко сообщила о муже: «Родился в Ленинграде 25 января 1917 г. в семье рабочего Путиловского завода. Отец был членом ВКП(б) с апреля 1917 г. — красногвардеец, умер во время блокады Ленинграда от голода в 1942 г. Мать — домохозяйка, пережила блокаду Ленинграда и умерла в 1975 г. Детские годы прошли в Ленинграде. Окончил среднюю школу, поступил в фабрично-заводское училище, окончил его, и ему предложили пойти в военное училище. В 1938 г. окончил Ленинградское

пехотное училище, был командиром взвода, начальником полковой школы. Воевал до августа 1944 г. в 7-й гвардейской дивизии в должностях начальника штаба полка, командира полка, начальника оперативного отдела.

В августе 1944 г. был вызван в ЦК ВКП(б) и направлен в правительственную командировку во 2-ю Польскую армию. Там он командовал 28-м пехотным полком 9-й Польской пехотной дивизии, в декабре 1944 г. получил звание полковника (в 27 лет). В начале 1945 г. 9-я Польская пехотная дивизия угодила в окружение, командир попал в плен, муж принял командование и вывел её из окружения. Войну закончил в Праге 10 мая 1945 г.

После войны дивизия, как самая боевая, была направлена на борьбу с бандеровскими бандами, успешно справилась и с этой задачей, "обеспечив спокойную жизнь польского народа". В 1946 г. польское правительство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой оставить мужа и ряд офицеров в Польской Армии. ЦК дал согласие. Но мы отказались принять подданство (Польши. — *В. Б.*).

В ноябре 1946 г. вернулись на Родину. Муж получил назначение в Туркестанский военный округ старшим инспектором управления боевой подготовки. В 1948 г. по его просьбе направили работать в войсках, Главное управление кадров Министерства обороны предложило Дальневосточный военный округ. С августа 1948 г. был командиром войсковой части 47127 в Нижнекамчатске. С 1945 г. занимал генеральские должности, в сентябре 1951 г. материал на присвоение звания генерал-майора был направлен из Дальневосточного округа министру обороны (получение генеральского звания ожидалось к 23 февраля 1952 г. — *В. Б.*).

Погиб 18 ноября 1951 г. (в 34 года), возвращаясь с заседания бюро райкома на собаках. Имел боевые награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны первой степени и медаль, высокие польские награды: орден Крест Грунвальда, серебряный Крест Виртути Милитари, золотой Крест Заслуги, Знак Грунвальда и медали».

Журнал «Солдат польский» в № 8 за 20 февраля 1972 г. опубликовал заметку (приводим перевод с польского), дополняющую изложенное выше: «Пишет Мария Попко из Ленинграда: "Уважаемый пан Эдмунд Гинальский (в годы войны полковник Войска Польского, автор книг о его боевом пути. — *В. Б.*)! Будучи в Москве осенью 1971 г. у полковника Герасименко, узнала, что в 1964 г. вы написали книгу о 28-м полку 9-й дивизии пехоты. Если бы пан видел, сколько слёз я пролила над этой книгой! Передо мной снова прошло всё то, что было пережито 26 лет назад... Мне трудно

писать, так я вся переполнена воспоминаниями пережитого. Дорогой пан Эдмунд, я очень вам благодарна за то, что своей книгой увековечили память о моём муже... Книгу я должна вернуть полковнику Герасименко, так как она с вашим автографом. Если вы имеете один экземпляр «Были мы за Эльбой», очень прошу вас прислать его мне. В Ленинграде живут: Новосад, Слепцов, Горощеня, Соснора — командир 26-го пехотного полка. Когда они узнают об этой книге, они тоже захотят её иметь".

Мария Попко была женой гвардии полковника Витольда Попко — командира 28-го пехотного полка с сентября 1944 г. Его полк помог выйти из окружения целой 9-й дивизии пехоты, которая была зажата в кольцо армией Хорнера в районе Будзищина. В боях раненный командир 9-й дивизии пехоты полковник Лаский был взят в плен. Тотчас же генерал Кароль Сверчевский назначил гвардии полковника Попко командиром 9-й дивизии, которой он командовал до осени 1946 г. Вернулся в Советскую Армию и служил до трагической смерти в 1951 г. (дорожное происшествие).

Был, как описывает полковник Эдмунд Гинальский, отважным, любимым командиром и уважаемым польскими солдатами. За боевые заслуги, храбрость и отвагу полковник Попко был награждён высокими наградами... Мария Попко делила с мужем военную службу, походы, о которой ей напомнила указанная книга».

Следует добавить, что за успешное выполнение боевых задач в годы Великой Отечественной войны 9-я Польская пехотная дивизия была награждена орденом Красного Знамени и ей присвоено почётное наименование «Дрезденская». В 1948 г. знамя дивизии украсила вторая награда — польский орден «Крест Грунвальда».

Войсковая часть № 47127 размещалась в Нижнекамчатске. В разное время этот населённый пункт имел административный статус острога, города, села и оставил значительный след в истории полуострова XVIII—XIX вв. Нижнекамчатск стоял на левом высоком берегу реки Радуги, левого притока реки Камчатки. С восточной стороны селение ограничивало Красиковское озеро, соединяющееся с рекой Радугой протокой. Одной из первых задач, которую предстояло решить военным, стало строительство моста через протоку. На месте расположения части предстояло соорудить казармы, склады, штаб, бытовые помещения, проложить дороги. Всё это было сделано в короткие сроки.

Сведения, полученные из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации по запросу № 8-585032 от 17 ноября 1994 г., позволяют восстановить историю войсковой части

№ 47127. После начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г. был сформирован 105-й отдельный резервный батальон 137-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта. Его командиром был назначен капитан Говоров, военкомом — капитан Коновалов. Батальон первоначально разместился в селе Елизово Петропавловского района КО. Об этом свидетельствует приказ Дальневосточного фронта № 0413 от 10 октября 1941 г.

Батальон был собран из 854 военнослужащих 223-го строительного батальона. С апреля 1942 г. часть именовалась 5-м отдельным стрелковым батальоном 137-го стрелкового корпуса. В августе 1942 г. она размещалась в районе реки 2-й Береговой (Дальний совхоз) Петропавловского района, что известно из приказа по 101-й стрелковой дивизии № 0253 от 19 августа 1942 г. С июня 1944 г. местом постоянного расположения части становится село Хвалёнка Усть-Камчатского района. В мае 1945 г. личный состав за исключением командования и офицеров штаба был переведён в 302-й стрелковый полк. «Основой формирования батальона на новом месте явились кадры 1-го стрелкового батальона 302-го стрелкового полка».

После участия в Курильской десантной операции августа 1945 г. 302-й стрелковый полк прибыл на место постоянного размещения в Хвалёнку. Село находилось на правом берегу реки Камчатки на отрогах Восточного хребта. Отсюда хорошо просматривалось низовье реки Камчатки и побережье Тихого океана. По побережью Тихого океана находились укрепления Камчатского оборонительного района. По словам участника Курильского десанта М. А. Кириченко, только на участке от реки Горбуши до села Крутоберегово за короткий срок были возведены 34 дзота. Вскоре было принято решение о перемещении войсковой части в Нижнекамчатск, на три километра выше места прежнего расположения.

Вот что годы спустя М. М. Попко вспоминала о жизни в Хвалёнке и Нижнекамчатске: «Приехали мы в 1948 г. ...Жили в землянках с коптилками (примитивный осветительный прибор, в котором горели керосин или соляр. — *В. Б.*), как на фронте. Потом строили дома в Нижнекамчатске для офицеров, казармы для солдат. Всё было построено, хорошие дома, казармы, столовые, клубы, и было электричество, и вот 18 ноября 1951 г. оборвалась жизнь Витольда, и он остался навечно лежать в той земле, где её “культивировал”. Да, жизнь жестоко обошлась с ним.

В летние месяцы посещали Ключи, как говорится, ездили в курортную зону. Любовались вулканами. В ноябре (1951 г. — *В. Б.*)

вздохнула Ключевская сопка (среди коренных жителей низовья реки Камчатки — камчадалов — существует поверье, что она «гремит» к несчастью. Так, до этого она «гремела» весной 1941 г. — *В. Б.*), как раз в то время Витольд Адольфович последнюю предпогребальную ночь находился в доме. Этот подземный грохот испугал всех, как прощальный погребальный артиллерийский залп прогремел над камчатской землёй. На следующий день с артиллерийским салютом он был похоронен в Нижнекамчатске...

Красивые места, много раз ездили на рыбалку, охоту — богатый край! А как богаты ваши леса ягодами, грибами! Да и медвежатина вкусная, не говоря уже о красной рыбе, икре и чавыче...

Витольду Адольфовичу пророчили большое будущее, карьеру. Это был мужественный, храбрый человек с ясным умом. В 27 лет он уже имел звание полковника, последние семь лет был на генеральской должности».

Решением КОИК от 29 марта 1968 г. селение Нижнекамчатск Усть-Камчатского района было исключено из списка населённых пунктов КО. Первые годы после официального закрытия жизнь здесь ещё теплилась: остались некоторые семьи, другие, перебравшиеся в окрестные посёлки, летом возделывали свои огороды, приезжали на рыбалку, жили по нескольку недель. Сейчас здесь всё заброшено: дороги и тропы заросли высокой травой и тальником, не сохранились даже остатки домов и заборов. От прошлой жизни осталась только деревянная церковь без ограды да заброшенный сельский погост на склоне горы Климовки, где сегодня больше берёз, чем крестов. На погосте можно увидеть остатки старой часовни, около десятка почерневших от времени крестов, среди которых выделяется высокая металлическая пирамида, увенчанная пятиконечной звездой. Это захоронение обнесено металлической оградой со следами облупившейся краски. Здесь и лежит герой Великой Отечественной войны, бывший командир войсковой части № 47127 гвардии полковник Витольд Адольфович Попко.

Какое-то время за могилой присматривали его сослуживцы и местные жители, в их числе уроженец Нижнекамчатска Пётр Витальевич Портнягин. После закрытия села люди переехали в другие места. П. В. Портнягин перебрался в село Крутоберегово, где через несколько лет погиб. С течением времени могила осталась без присмотра. Люди появлялись в этих местах всё реже и реже. Кто-то из них сообщил вдове полковника о незавидном состоянии места захоронения.

В 1973 г. в адрес председателя Усть-Камчатского райисполкома пришло письмо от М. М. Попко, в котором, в частности, говорилось: «Получила письмо из Усть-Камчатска, так как я периодически интересуюсь, в каком состоянии находится могилка моего мужа. И вот ужас! Мне сообщили, что она провалилась и памятник покосился... Прошу простить меня, но у меня нет другого выхода, убедительно прошу вас дать указание, чтобы могилку мужа привели в надлежащий порядок... И такая ужасная судьба — смерть была уготована ему на Камчатке... Хотя никто из нас не знает, где и когда ждёт роковой час... Да, его нет, но его дела вошли в историю. Пять книг вышли в свет в Польше. Сейчас готовится новая книга об истории 9-й пехотной Дрезденской Краснознаменной дивизии Войска Польского, о её командире Попко Витольде Адольфовиче...

Я двадцать лет работаю в системе Министерства обороны и знаю, что за могилами воинов следят местные власти. Прошу вас откликнуться на мой зов и дать указание привести в порядок могилу такого заслуженного человека, жизнь которого оборвалась на вашей земле. Я ничего не в силах сделать, так девять тысяч километров разделяют нас. Надеюсь на Вашу помощь...»

7 июля 1973 г. в Нижнекамчатск отправились школьники, члены кружка «Красные следопыты» усть-камчатского Дома пионеров — Наташа Аникеева, Наташа Аксёнова, Саша Воликов, Оля Паутова, Серёжа Постников, Тихонов, Женя Савина. Они привели в порядок могилу, о чём сообщили М. М. Попко: «Мы очистили траву, ржавчину, покрасили ограду и скамейки нитроэмалью бирюзового цвета, памятник — железным суриком. На могилке посадили ирис, незабудки и ягоду княженику...»

Так между следопытами и Марией Михайловной установилась долгая дружеская переписка, из которой теперь мы можем почерпнуть дополнительные сведения о её и Витольда Адольфовича жизни. 22 мая 1975 г. М. М. Попко писала в Усть-Камчатск о своих впечатлениях про недавнее празднование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Эти предпраздничные и праздничные дни были переполнены встречами с фронтовыми друзьями. 8, 9, 10, 11 мая была встреча с бывшими гвардейцами 10-й армии, в которой муж находился до августа 1944 г., до отъезда в правительственную командировку в польскую армию. Всё это происходило в очень торжественной обстановке. Сколько было радости! Многих не видела с 1944 г. Узнавали друг друга по фамилиям при регистрации. Много было расспросов, воспоминаний о Витольде Адольфовиче, о жизни, о Камчатке...

Да, сколько горя и слёз принесла война! Трудно найти семью, чтобы в её дом не постучалось горе. Во время блокады Ленинграда от голодной смерти умер отец Витольда, член партии с апреля 1917 г., красногвардеец. Мать пережила блокаду. Здоровье моих родителей тоже подорвала война, они погибли вскоре после войны. Мой младший братик ушёл в армию добровольцем в 16 лет и погиб в 1943 г. в 18 лет, в Запорожской области. За братской могилой, где похоронен 61 чел. и много неизвестных, ухаживают пионеры и комсомольцы... Второй братик был тяжело ранен четыре раза, к счастью, остался жив, но война всем участникам подорвала здоровье. По счастливой случайности, мы с мужем остались живы после такой кровопролитной войны, но судьба жестоко обошлась с нами, и его жизнь оборвалась 18 ноября 1951 г. в 34 года. Это был очень мужественный, храбрый человек. О его делах рассказывается в книгах, которые вышли в Польше в 1960-х гг.».

Спустя месяц с небольшим, 26 июня 1975 г., Мария Михайловна отправила усть-камчатским следопытам очередное письмо, из которого следует, что регулярное посещение ребятами могилы В. А. Попко и приведение её в порядок стало доброй традицией клуба. «С ответом на первое письмо задержалась, так как немного приболела. Врачи уложили в постель — сердце пошаливает, всё пережитое сказывается. Сейчас получше, поправляюсь. Если бы знали, дорогие, как я вам благодарна за вашу поездку, за приведённую в порядок могилку моего мужа, за ваше фото. Спасибо, мои милые, дорогие!!!

К моей благодарности присоединяются мать Витольда Адольфовича — Вероника Станиславовна и брат Ричард Адольфович... Сколько слёз пролито из-за того, что нас разделяет расстояние около девяти тысяч километров. С 1952 г. я не вижу ваши края, хотя часть моего сердца находится на Камчатке...

Сейчас я должна получить книгу о 10-й гвардейской армии, которую издал Воениздат Министерства обороны СССР. Там описаны некоторые операции, когда Витольд был в 7-й гвардейской в 1943—1944 гг., есть групповая фотография... Эту книгу "Незабываемые дороги" я вам пришлю к 1 сентября... Напишу письмо заведующему райотделом народного образования и директору школы, поблагодарю за то, что организовали вашу поездку к могилке».

18 августа 1975 г. М. М. Попко вновь сообщила о своих новостях и бедах, поделилась планами: «...3-го августа вернулась из санатория Министерства обороны СССР из города Пятигорска... По приезде меня ждала печальная весть — умерла мать Витольда Адольфовича, но мне не сообщили, чтобы не срывать лечение. Её со-

жгли в крематории, а урна ждала моего возвращения, и вот 12 августа захоронили. Тяжело... В июле от маршала М. И. Казакова получила книгу "Незабываемые дороги", а по возвращении домой она появилась в продаже, и я купила для вас. В этой книге мало боевых эпизодов, так как она издавалась о целой армии. Сейчас собираю материал, фото для новой книги...»

Некоторые подробности из жизни А. В. Попко на Камчатке и его гибели рассказывали местные обитатели. Жительница Усть-Камчатска Лидия Николаевна Кольмина, родившаяся в 1927 г., вспоминала, что В. А. Попко, когда бывал в посёлке, заезжал к ним в гости. В то время она жила в семье дяди, механика рыбокомбината. Полковник разрешал ей кататься на своём породистом жеребце. Лидия несколько раз по нескольку километров ездила на нём по морскому берегу.

Родившийся в Нижнекамчатске в 1937 г. Валентин Тарасович Фелонюк сообщил, что 18 ноября 1951 г. стояла пасмурная погода, было слякотно. Валентин помнил, что сказал матери: «Сегодня кто-нибудь влетит на речке». Мать ответила: «Типун тебе на язык!» А к концу дня стало известно, что утонул В. А. Попко. «Когда его хоронили, была вся воинская часть и все сельские жители, солдаты несли гроб на руках из его дома и дорогу не чистили, а утаптывали снег. У него был отличный жеребец и большая породистая собака. Сначала не стало жеребца, а за несколько дней до его гибели сдохла и собака».

Уроженец Нижнекамчатска 1941 г. Анатолий Михайлович Тарабыкин рассказывал, что В. А. Попко погиб, возвращаясь с заседания Усть-Камчатского райкома партии на нарте. Ею управлял каюр Янузаков. В двух километрах от Нижнекамчатска в реку Камчатку впадает небольшая протока, вытекающая из Крестовского озера. В месте впадения образовалась небольшая полынья, куда и провалилась упряжка. Каюр ножом обрезал средник, собаки выскочили из полыньи, каюр тоже успел выпрыгнуть на лёд. Полковник сидел на нарте, поверх шинели укрытый тулупом. Ноги в валенках находились на полозьях нарт, между копыльями. Так его и достали из-подо льда, «только пуговицы блестели на солнце... Потом каюр долго прятался».

Спустя почти полвека с момента гибели В. А. Попко в одном из сёл Камчатской долины автор этого очерка встретился с тем самым каюром, везшим полковника в тот злополучный вечер. С его слов, он уже ничего не помнит, ведь прошло столько лет... Разговора не получилось...

Шефство школьников-следопытов над могилой В. А. Попко продолжилось. Об очередной поездке к ней, состоявшейся летом 1983 г., сообщила районная газета: «Более десяти лет учащиеся Усть-Камчатской средней школы № 3 ухаживают за его могилой. 24 июня к могиле В. А. Попко была организована экскурсия, в которой приняли участие более восьмидесяти ребят из пришкольного пионерского лагеря средней школы № 3, пришкольной площадки средней школы № 2, детских комнат "Юнга" и "Бригантина". Руководитель краеведческого кружка Р. А. Криницкая рассказала ребятам о жизни В. А. Попко и познакомила с письмами его жены Марии Михайловны, которые хранятся в краеведческом музее. Учащиеся средней школы № 3 привели в порядок могилу — убрали опавшую листву, сухую траву и ветки, покрасили памятник».

Об этой поездке ребята тоже сообщили Марии Михайловне. В ответном письме она, среди прочего, вспомнила о торжественном приёме ветеранов Войска Польского, состоявшемся в 1975 г. в посольстве Польской Народной Республики в Москве, встречах в Центральном музее Советской Армии, фотографировании ветеранов у Знамени Победы «по соединениям».

В сентябре 2009 г. во время посещения бывшего Нижнекамчатска автору отрадно было увидеть, что за могилой В. А. Попко снова кто-то ухаживает, убирает траву. Спасибо этому человеку. Но сейчас памятник опять требует покраски, на нём необходимо заменить фотографию...

Мильковский художник Иннокентий Харитонович Коркин

Коркин — фамилия на Камчатке редкая и до середины XIX в. в документах не встречалась. В исповедальной росписи Мильковской Богоявленской церкви за 1893 г., в приходе под № 426 значится: «Временно проживающие крестьяне: Харитон Иванов Коркин, жена его Агафья Романовна, дети их: Михаил — 23 [года], Илья — 19, Лукия — 15, Пётр — 5, Евфим — 3, Елена — 18». Через два года, 16 ноября 1895 г., в семье Коркиных в селении Щапино родился седьмой ребёнок — сын Иннокентий, будущий художник.

Его мать — камчадалка, уроженка селения Щапино. Отец — Харитон Иванович Коркин, крестьянин Николаевского селения, был переведён на жительство в Щапинское селение на основании указа Приморского областного правления от 17 августа 1884 г. за № 6583. Это следует из «Ревизской скаски о 13-й народной переписи кам-

чадал Щапинского селения Петропавловской округи Приморской области», проведённой 4 февраля 1890 г.

Можно проследить, как исторические события влияют на судьбу одной семьи. В 1799 г. по распоряжению императора Павла I на Камчатку прибыл батальон солдат в 557 чел. Среди них находился один больной «гнилой горячкой». Карантинные меры против её распространения вовремя приняты не были. В результате разразившейся эпидемии погибли 1 682 камчадала и около 400 русских. Население многих камчадальских селений полностью вымерло. Прекратило существование и селение Паратунка.

В 1825 г. для заведения «в широком размере скотоводства» в долине реки Паратунки по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева сюда переселена группа ссыльных якутов, основавшая селение Тихая. Уже через четверть века К. Дитмар отмечал: «Впоследствии селение это, некогда цветущее, вследствие вымирания населения и вследствие запущения понемногу пришло в полный упадок и остатки его жителей-скотоводов разбрелись». Далее Дитмар пишет, что «оставшиеся в живых основали недалеко отсюда небольшую деревню Орловку, состоящую из двух домов». То есть, в 50-х гг. XIX в. осталось только два дома, в которых жили якуты.

Самое раннее упоминание фамилии Коркиных на Камчатке нам удалось датировать 1853 г. В одном из документов указывается: «Посетив заведение на Паратунских ключах, я нашёл, что дочь якута Коркина Авдотья от проказы очистилась».

Немецкий путешественник Китлитц, побывавший на Камчатке и выпустивший в 1838 г. книгу, указывает, что народонаселение долины реки Паратунки состоит из русских с небольшой примесью якутов из колонии Якутан, основанной в 1830 г. К. М. Браславец в работе «Диалектологический очерк Камчатки» упоминает: «Крестьяне А. Коркин и Е. Михайлов были “из ясашных” Якутской области». Всё это показывает, что Коркины появились на Камчатке именно в 1825—1830 гг.

По основной версии, Харитон Коркин прибыл из Иркутска, куда его семью сослали с Украины. По словам родственников, в XIX в. на Камчатку приехали пятеро его братьев, но документально это не подтверждено.

Иннокентий Коркин был женат на Варваре Ивановне Плотниковой, родившейся 24 ноября 1903 г. в семье мильковского крестьянина Ивана Николаевича Плотникова, 1878 г. р. Её дед — Николай Иванович Плотников, 1856 г. р.

В семье Иннокентия и Варвары было пятеро детей: Харитон, Екатерина, Иван, Раиса, Людмила. Брат Иннокентия Коркина — Пётр Харитонович в 1931 г. жил в Среднекамчатске с большой семьёй, в ней было двое мужчин, две женщины и шестеро детей.

Ещё фамилия Коркин встречается у М. П. Стельных. Он, ссылаясь на Б. И. Мухачёва, указывает, что в 1914 г. на реке Панкаре у рыбопромышленника Коркина бастовали рабочие. Но тут следует заметить, что в начале XX в., как правило, рыбопромышленниками были не жители Камчатки, а приезжие. Поэтому, на наш взгляд, связи между рыбопромышленником Коркиным и камчатскими Коркиными нет.

Иннокентий Коркин окончил четыре класса Мильковской школы, а дальше учиться ему не пришлось — заболел отец и Иннокентий начал сам зарабатывать на жизнь. Затем его призвали в императорскую армию. В Иркутске прошёл первичную военную подготовку, позже был переброшен в Прибалтику, приписан в состав 2-го Латышского полка 18-й дивизии.

Со слов внучки И. Х. Коркина Галины, дед в боях не участвовал, как о том ранее сообщалось в заметках районной мильковской газеты. В составе воинской части его направили на фронт, но боевые действия к тому времени завершились и солдат вернули обратно.

Призыв И. Х. Коркина на службу косвенно подтверждает версию, что он мог, как отец, числиться крестьянином-малороссом, так как камчатских уроженцев в армию не брали.

В 1920 г. Коркин вернулся на Камчатку. Здесь его избрали секретарём волостного ревкома в селе Мильково. Учился в пятом и шестом классах вечерней школы.

Осенью 1922 г. по долине реки Камчатки из Усть-Камчатска в Петропавловск проходил партизанский отряд. Уже тогда Иннокентий владел художественными способностями и навыками. Для козыревских партизан он сделал печать из каблука резинового сапога — по окружности шла надпись: «Козыревский Добровольческий отряд». Посредине — серп и молот в окружении колосьев.

Из Мильково семья Коркиных переехала в Толбачик, где прожила пять лет. В начале 1930-х гг. большинство толбачикцев начало перебираться на новое место жительства — в Макарку, но Коркины переехали в Козыревск, где Иннокентий работал на почте. Здесь они прожили три года. После Козыревска Коркин служил в милиции в Петропавловске и Елизово, затем вернулся в долину реки Камчатки, в Макарку, отсюда переехал на место бывшего селения Толбачик, где некоторое время работал на гидрометеопосту.

Будучи на материке во время службы в армии, И. Х. Коркин впервые увидел картины русских художников, впечатлился и начал постепенно изучать теорию художественного мастерства.

Иннокентий Харитонович в совершенстве знал Камчатку, её природу, животный и растительный мир, имел хорошую память и работоспособность. По возвращении в Мильково он неоднократно избирался заседателем народного суда. Ему приходилось много работать, времени на рисование оставалось мало. Но уже тогда он делал первые наброски будущих сюжетов, завершая их только через двадцать и более лет, неоднократно возвращаясь к работе над ними. Чаще рисовать стал, когда перевалило за сорок, набрался жизненного опыта.

Самодеятельный художник рисовал карандашами. Его талант был замечен, к нему стали приезжать искусствоведы, работники музеев, работы расходились по многим адресам. В Мильковском музее находилось 37 его картин, часть — в Петропавловске, есть работы в Хабаровске и Москве, несколько пребывает у жителей Мильковского района. Всего, по нашим подсчётам, имеется около восьмидесяти работ мастера, к сожалению, часть, видимо, утрачена.

Последние годы жизни И. Х. Коркин провёл в тихом Кирганике. Рисовал, пока позволяло здоровье. Его именем названа база отдыха в селе Паратунка, где он первым начал использовать горячий ключ. Возможно, о нём знал раньше.

Умер Иннокентий Харитонович Коркин 17 ноября 1973 г. в Кирганике в возрасте семидесяти восьми лет, на следующий день после своего дня рождения.

Проводник и охотник Андрей Иринархович Верещагин

Фамилия Верещагиных известна на Камчатке с начала XVIII в. Её первыми носителями были казаки. С. П. Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» упоминает служивого Большерецкого острога Фёдора Верещагина, имевшего двух сыновей — Романа и Василия.

В 1740-х гг. на Камчатке в камчадальских острожках открылись первые школы, в них грамматике, арифметике и закону божьему учились природные камчадалы и казачьи дети. Именно из выпускников этих школ и стали складываться кадры камчатских священнослужителей. Среди них — Верещагины, Сновидовы, Коллеговы и другие.

О Романе Фёдоровиче Верещагине упоминают члены экспедиции мореплавателя Дж. Кука: «...Священник Роман Фёдорович

Верещагин имеет от роду сорок четыре года, родился в Большерецке. Отец его был русским, мать — камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей, и их, и жену он достойно содержал, получая 80 руб. в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 г. Он обратил в христианство жителей четырнадцати Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской (Пенжинского берега) и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек... Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки...»

Далее в этой книге («Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг.») англичане неоднократно упоминают священника Верещагина:

«*Пятница, 7 мая*. Шлюпка была послана в Паратунку — деревню, где жил священник Роман Фёдорович Верещагин. Он очень тепло принял мидшипмена и команду шлюпки и дал молоко для капитана Клерка, который очень страдал от чахотки.

Четверг, 10 июня. Священник, его семья, служка и тойон из Паратунки нанесли сегодня визит капитану Гору. Священник подарил капитану Клерку меховое одеяло, которое он называл палиссой, а капитану Гору презентовал меховую одежду. Когда он покидал "Дискавери" (судно экспедиции. — *В. Б.*), в его честь дан был салют из пяти пушек».

Протоиерей П. Громов в работе «Историко-статистическое описание камчатских церквей» пишет: «Архимандрит Хотунцевский приблизил к себе сына Фёдора Дмитриевича — Василия, который в 1750 г. был принят в духовное звание. Роману новый руководитель проповеднической миссии Пахомий исходатайствовал увольнение с казачьей службы и лично в 1758 г. 13 мая представил в Иркутске к рукоположению в диаконы. Прослужив в этом сане при Большерецкой церкви около десяти лет, Роман Верещагин, вторично посланный в Иркутск, 14 ноября 1767 г. рукоположен в священники и был первоначально определён к Нижнекамчатской Николаевской церкви, а потом переведён в проповедническую свиту. Временно служил и при Паратунской церкви. Умер в Нижнекамчатске 11 апреля 1801 г.».

Руководитель первой российской морской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерн сообщал: «Не могу я умолчать также и о семействе Верещагиных, известных читателям из путешествий

Кука и Лаперуза. Оба брата, происшедшие от камчадалов, сделали величайшую честь своему состоянию. Старший из оных — достойнейший священник, умевший приобресть величайшее к себе почтение англичан, о коем говорит капитан Кинг многократно с чрезвычайною похвалою, умер скоро по отходе из Камчатки "Резолюции" и "Дискавери". Его преемником сделался младший брат, исполнявший должность свою двадцать лет и приобретший общую любовь. Во время прибытия нашего в Камчатку находился он на Курильских островах для проповедания христианского учения... Теперь остался один только Верещагин, дьячок в Верхнекамчатске».

В «Камчатских росписях 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска», полученных нами из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4), указаны следующие Верещагины: Иван, священник, 42 года; его жена Марфа Афанасьевна, 41 год; их дети: Анна, 18 лет; Иоанн, 15 лет; Роман, шесть лет; Веренея, два года.

П. Громов сообщает и о столкновении, имевшем место в начале XIX в. между камчатским командиром и местным священноначалием: «Кошелев потребовал к себе протоиерея, это было 7 января 1807 г., объявил ему устранение от должности, а управление по духовной части возложил на священника нижнекамчатского из туземцев Иоанна Верещагина...»

Иннокентий Вениаминов, описывая поездку по Камчатке, сообщал о деятельности семейства Верещагиных: «Притч при Малкинской больнице состоит из престарелого, но ещё здорового священника и больного дьячка, а другое место предоставлено за семейством лишённого священника Ивана Верещагина.

В это время произошла перемена в заведывании островами Курильскими. Кроме более или менее постоянного посещения их с 1767 г. священником большерецким, там были в разные времена Роман и Фёдор Верещагины... Братья Верещагины достигали до четырнадцатого острова и крестили его жителей, которые уверяли, что и мохнатые курильцы с девятнадцатого острова готовы принять крещение...

Из остальных 66 чел. духовно-камчатского ведомства двое (Георгий Логинов и Иоанн Верещагин), окончившие курс учения в Иркутской семинарии... заняли в Камчатке священнические места... Дьякон Роман Верещагин, сын большерецкого казака Фёдора Дмитриева Верещагина.

Архимандрит Хотунцевский Василия, одного из сыновей Фёдора, в 1750 г. принял в духовное звание, а другому сыну — Роману

архимандрит Пахомий исходатайствовал увольнение из казачьей службы и лично в 1758 г., 13 мая представил его в Иркутск в рукоположение во дьякона».

Советский учёный И. С. Вдовин (1979) сообщал о миссионерской деятельности: «Возглавлявший миссию гижигинский священник Роман Иоаннович Верещагин с 1844 по 1849 г. окрестил 225 чукчей. В 1859 г. он был “запрещён” и отбывал послушание в Якутском монастыре».

Ниже речь пойдёт о представителе рода Верещагиных — жителе Верхнекамчатска Андрее Иринарховиче Верещагине, проводнике геологических экспедиций и знатном охотнике. Геологические исследования в XIX в. на полуострове проводили А. Эрман, К. Дитмар, К. И. Богданович. В начале 1923 г. геолог П. И. Полевой составил карту полезных ископаемых Камчатки. В 1950—1980 гг. шла комплексная разведка полезных ископаемых. В Центральной Камчатке в 1950-х гг. ведущим проводником у геологов и их помощником был А. И. Верещагин. О нём руководители геологических партий в своих отчётах отзывались с большим уважением.

Андрей Иринархович впервые работал с геологами ещё во время экспедиции Ф. П. Рябушинского в 1908—1909 гг. Он родился в Верхнекамчатске в 1897 г. Это — один из первых острогов на Камчатке, был основан в самом конце XVII в. по указанию казачьего пятидесятника В. Атласова. В 1808 г. в Верхнекамчатском остроге в церкви Богоявления Господня священником был Фёдор Романович Верещагин. К концу XIX в. Верхнекамчатск стал обычным маленьким селением. Оно находилось в устье реки Андриановки (Кали Кыг), левого притока реки Камчатки.

Учитель Пётр Петрович Крупенин, получивший назначение в Верхнекамчатскую школу, в начале 1930-х гг. так описывал это селение: «Верхнекамчатск был маленьким селом — всего 20 домов, причём и домами-то можно было назвать лишь восемь строений, остальные — хатки-четырёхстенки. С первых же дней активно включился в культурно-просветительную работу среди сельчан, которая велась, как тогда говорили, через партийно-комсомольскую прослойку. Мы выпускали стенгазету, выступали с беседами, с концертами художественной самодеятельности. Организовали работу по ликвидации неграмотности среди взрослых: в Верхнекамчатске из 53 взрослых только 11 чел. могли кое-как читать и считать». П. П. Крупенин упоминает председателя местного колхоза К. Д. Верещагина и колхозника Касьяна Иннокентьевича Верещагина.

Один из уроженцев Верхнекамчатска — Константин Модестович Верещагин — при встрече в Мильково 30 августа 2001 г. рассказал нам: «Я родился... 12 мая 1916 г. В нашей семье было 12 детей. Старшего брата записали камчадалом, а меня — крестьянином. Девичья фамилия моей матери — Коршунова, она из Мильково. Я окончил семь классов школы, а потом кооперативный техникум в Иркутске...»

Андрей Иринархович с женой Евдокией Афанасьевной имел сыновей Иринарха, 1924 г. р., погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу; Ивана, родившегося 18 декабря 1934 г., Афанасия и дочь Екатерину. Его отец — Иринарх Иоаннович Верещагин — тоже родился в Верхнекамчатске, дед — Иоанн Верещагин — бывший священник Мильковской церкви.

В 1935 г. в верховьях долины реки Камчатки работала экспедиция под руководством геолога А. В. Щербакова в составе ботаника, почвоведа, топографа и прораба-топографа. В задачу экспедиции входило исследование Центральной Камчатки в геологическом, ботаническом и почвоведческом отношении. А. В. Щербаков писал: «Нам предстояло пересечь два камчатских хребта — Срединный и Восточный — и выйти затем к Тихому океану. Мы не могли преодолеть этот путь самостоятельно. Нам нужны были знающие проводники...»

Андрей Верещагин бывал проводником уже в 1930-х гг. В одной из экспедиций в 1935 г. одна из её участниц захотела близко снять медведей, пасущихся на террасе реки Камчатки. Вот что об этом рассказывал А. И. Верещагин: «“Дедушка, знаешь что, наш аппарат не берёт”. — “Ну, так в такую даль, конечно, — я говорю, — не возьмёт”. Я и говорю: “Александр Васильевич (руководитель экспедиции Щербаков. — *В. Б.*), если можно будет, мы пойдём туда к медведям”. И пошли. Она со всей радостью идёт за мной. Ну, и думаю, там приду к матке, гаркну — встанет на дыбы, и она её фотографировать будет. Только из маленькой терраски выходим, медведи тут пасутся. Ягоду едят, значит. Смотрю, а тут не матка, а сам самец с самкой. Я только дал им голос, сразу, как люди, на дыбы встали, храпят. А мне начальник сказал: не надо бить их, потому что куда их нам? Продукты у нас есть. И я думаю, не надо бить. Но вдруг вижу: храпят-храпят, а к нам ближе да ближе. Элга Николаевна, она их первый раз сфотографировала. А я вижу — дело-то не до смеху: они совсем близко. Она их, значит, вторично снимает. Я только патрон успел загнать да курок взвести, они уже подбегают вплотную. Тогда я нацелился, и его... Он заткнулся. Только успел

патрон перевести — матка уже подбегает вплотную. Выстрелил, сразу упала. Только последний патрон завёл, самец оправился, и верите ли, ещё бы немного, он бы за ствол поймал... Только лоб задымился у него...

Элга Николаевна потом заплакала. Когда ребята всё это увидели, так они все, а мы не знали, орали там, на террасе, боялись. Они уже видели, что дело-то плохо. Верите, когда они подошли, этого самца хотели пофотографировать, так у него голову трудно было поднять. У него в августе вот такое было сало!»

Известный камчатский геолог В. А. Ярмолюк писал в отчёте: «Всеобщим уважением пользовался Андрей Иринархович Верещагин. Он среднего роста, сухощавый, с внимательным взглядом добрых серых глаз. В возникавших порой в маршрутах сложных ситуациях он одним своим присутствием, двумя-тремя с добром сказанными словами умел нормализовать обстановку... Он в своей жизни работал со многими грамотными людьми, культурными людьми — исследователями Камчатки, такими как Дьяков, Щербаков, а в свои юные годы — даже с участниками экспедиции Рябушинского. Как его отец и родственники по материнской линии, он охотник.

Несмотря на свою необразованность, он врождённо интеллигентен: вежлив, аккуратен, к тому же честен. От него и от его тихой, неторопливой и правильной речи веяло какой-то особо привлекательной природной мудростью. В какой-то своей внутренней сущности он арсеньевский Дерсу, только камчадальского облика. Дерсу он напоминал и мягкостью нрава, трудолюбием, исполнительностью и прекрасным знанием природы — здешних гор, лесов, и особенно повадок зверей и птиц...

А однажды Андрей Иринархович подстрелил небольшого, пудов восемь-девять, отъевшегося на ягодах и рыбе бурого медведя. Его мяса, предварительно прокопчённого и слегка подсолённого, хватило нам на целую неделю. Этот молодой медведь... занимался ловлей лососей. И настолько увлёкся своим занятием, что оказался буквально в десяти шагах от нашего табора, где и попал на мушку берданки Верещагина. После того как медведя разделали, Андрей Иринархович обратил наше внимание на то, что местные медведи, выхватив из реки рыбу, съедают только туловище, не трогая при этом головы».

Маршрут геологов проходил по Срединному хребту. При изучении бассейна реки Колпаковой один из них поранил ногу, идти самостоятельно не мог. Тогда «Верещагин предложил ему свою лошадку. И Буряк вместе с Верещагиным стали сопровождать Зубко в его маршрутах».

Приведём еще несколько фрагментов дневника В. А. Ярмолюка:

«*13 сентября, четверг*. Сегодня в 10.45 всей группой с грузом на трёх лошадях и с Андреем Иринарховичем верхом на четвёртой покинули Пущино. До Ганал 75 километров. На этот раз не по тайге, а по колёсной дороге... (Среди геологов существовало правило: при отсутствии повара в полевых условиях все готовили пищу по очереди. Повара менялись, а добровольным помощником всем был А. И. Верещагин.) ...В два часа дошли до урочища Бугры, где при слиянии Озерной Камчатки с Правой Камчаткой устроили обеденный привал. Он совпал с моей очередью готовить обед. Помогал Андрей Иринархович — постоянный добровольный помощник всех дежурных нашей группы по "походному пищеблоку"... В Ганалах распрощались с Андреем Иринарховичем Верещагиным, тепло его поблагодарили, даже устроили прощальный вечер. На следующий день он, проводники остальных маршрутных групп... отправились с двумя десятками лошадей в Мильково...»

Другой геолог — Е. А. Баженов — в воспоминаниях пишет об А. И. Верещагине: «А. Ф. Марченко решил пригласить для работы в партии Андрея Иринарховича Верещагина. А. И. Верещагин, можно сказать, был штатным проводником всех ранее проходивших здесь геологических подразделений. "Дедка", как все мы его звали впоследствии, не любил проводить лето в селе и с удовольствием согласился идти с нами. Однако оговорился, что работать будет в основном с А. Д. Зубко на реке Яковской и ещё возьмёт с собой внука Юрку, пацана лет шестнадцати. Пацан шустрый, как охарактеризовал его дед, зарплаты ему не надо, а помощником хорошим будет, да и к тайге парню привыкать пора.

Дом А. И. Верещагина особенно ярко сохранял старые казацкие обычаи. В переднем углу висели иконы; большая русская печь; до желтизны выскобленный деревянный пол, вдоль стен такие же лавки из доски толщиной сантиметров восемь, массивный стол, широкие подоконники, и всё это без следа какой-либо краски. Дом поражал чистотой, одежда семьи — опрятностью.

Таким же строгим и аккуратным Андрей Иринархович был в горах. Следил за порядком на переходах и временных стоянках. За что-либо неубранное, неаккуратно положенное по-отечески ругал каждого, невзирая на ранги, то есть по хозяйственным вопросам был главным в партии. Все мы относились к нему как отцу или деду. Внимательно слушали его советы и наставления».

Далее Е. А. Баженов отмечал: «Впереди шёл Андрей Иринархович Верещагин. Был он уже в годах, среднего роста, кряжист и хотя

внешне тяжеловат и медлителен, но в походке лёгок. Коричневатое от загара лицо с седой бородой казалось добродушным. На нём была старенькая ватная телогрейка, на поясе — патронташ и небольшой охотничий нож, за спиной — старое одноствольное ружьё. Он вёл на поводу первую лошадь, далее длинной вереницей вытянулись два десятка лошадей...»

Андрей Иринархович был одним из ведущих охотников в Мильковском районе. Областная газета «Камчатская правда» в феврале 1938 г. сообщала, что охотник Андрей Верещагин сдал пушнины на сумму 1709 руб.

Шли годы, за плечами Андрея Иринарховича остались тысячи километров, пройденных по камчатским маршрутам. Силы стали потихоньку оставлять его. Андрей Иринархович решил оставшиеся годы, отведённые ему судьбой, провести одному, вдали от людей, в живописном местечке Максимовка, что расположено на правом берегу в верховьях реки Камчатки.

(Ихтиолог И. И. Кузнецов, в 1920-х гг. исследовавший реку Камчатку, записал название притоков и ключей реки Камчатки на всём её протяжении. Под № 25 он обозначил ключ Максимов, находившийся примерно в 469 километрах от устья. Здесь же впадала речка Верхний Карягач, ниже, в километре — протока Чебаевская, рядом с протокой — ключ Брезалк.)

Эти места были ему знакомы с детства. Здесь особый климат, богатая охота. Построил себе небольшое зимовье. Много ли надо человеку в этой жизни? Топчан, стол, печь, кастрюля, чашка, кружка, чугунная сковорода, ружьё, топор, пила, нож... Вот, пожалуй, и всё. Одиночество скрашивали четвероногие друзья, держал три-четыре собаки. Разговаривал с ними, рассказывая о своих экспедициях и встречах с разными людьми. Собаки молча слушали его, преданно заглядывая в глаза... Так шли годы, охотник постепенно старел, но для своих лет был ещё крепок. Зимой он охотился, летом рыбачил. Объектом охоты обычно была лиса — шло настоящее соревнование, кто кого обхитрит. Он по еле заметным приметам, следам свободно разбирался в звериных повадках.

Однажды приехавшему в гости П. И. Толману Верещагин рассказал вот такую историю: «В молодости и я долго не мог приловчиться к добыче этого зверя. Но был неутомим в поиске, и однажды, идя по следу, подошёл к норе. Дело было к вечеру. Возвращаться с пустыми руками не хотелось. Осторожно обойдя вокруг норы на небольшом расстоянии, я определил, что лиса “дома”. Изрядно уморившись, присел передохнуть на поваленное дерево в метрах в двад-

цати от норы. Между тем день угасал, солнце скрылось за сопки. Вечерело, морозец крепчал. На небе проглянули первые звездочки. Лес притих, и только вороньё изредка нарушало тишину. Я начал мёрзнуть и собрался было уходить. Но что-то меня удерживало. Немного замешкался, взял ружьё в руки, проверил его, наладил лыжи.

Взгляд мой скользнул в сторону норы, и я замер, не поверив своим глазам. Из норы высунулась лиса и внимательно осматривалась кругом. Затем она обнюхала след, отряхнулась. Медлить было нельзя. Я вскинул ружьё и выстрелил, целясь в острую мордочку зверя. От удачного выстрела у меня вырвался восторженный возглас "Есть!"»...

По словам родственников, А. И. Верещагин скончался в 1962 г., похоронен на старом кладбище в Мильково.

Древний род священников и охотников Верещагиных живёт и трудится на полуострове и сегодня. Верещагины породнились со многими камчатскими семьями и оставили заметный след в истории Камчатки.

Фаддей Егорович Еланцев

Ф. Е. Еланцев родился в семье Егора Григорьевича и Параскевы Митрофановны Еланцевых в 1910 г. в Мильково. Фаддей рано остался без матери, с трёх лет его в основном воспитывала старшая сестра Антонида. Его учёба начиналась непросто. Дети Ф. Е. Еланцева вспоминали: «Он три раза убегал из школы, из первого класса, и окончил его только в десять лет».

Детство Фаддея шло как у всех камчатских детей — зимой школа, в свободное время — охота, летом — рыбалка и игры со сверстниками. Изучил окрестности родного села, причём настолько, что уже подростком был проводником у известного шведского учёного и путешественника Ренэ Малэза.

В 1922 г. Фаддей стал свидетелем, наверное, первого политического события в его жизни: вступления в Мильково усть-камчатского партизанского отряда. Было ему тогда двенадцать лет. Годы спустя он хорошо помнил, как партизаны шли по улице Долгой. В то время она была самой протяжённой, оправдывая своё название. (Отрадно отметить, что теперь в память о том событии она называется Партизанской.)

По словам родных, характеризовавших отношение Фаддея к дружбе, он говорил: «Друг — это тот человек, с которым можно идти в бой, в разведку». Видимо, на становление его личности повлияло

общение с известным в Мильково человеком — Владимиром Дмитриевичем Подкорытовым. Он — муж сестры Антониды, секретарь Мильковской комсомольской ячейки, созданной в марте 1924 г. Именно В. Д. Подкорытов рекомендовал Фаддею продолжить учёбу.

В 1926 г. он окончил седьмой класс. По направлению комсомола в этом же году поступил в Хабаровский педагогический техникум на специальное «туземное отделение». Вот что об этом он вспоминал 21 апреля 1973 г. на страницах районной газеты «Знамя труда»: «Август 1926 г. Впереди распутье: поступать на работу или ехать учиться? Жажда знаний пересилила — решил продолжать образование. Но где? Пошёл за советом к тогдашнему нашему комсомольскому вожаку Владимиру Подкорытову. "Давай, Фаддей, двигай в Хабаровск. Поможем. Своей работой в пионерах ты доказал, что достоин быть учителем. Вступай в комсомол".

На ближайшем же заседании ячейки меня приняли в ряды Ленинского комсомола. Так как в Мильково тогда райкома ВЛКСМ не было, то поехал я на утверждение в обком комсомола в Петропавловск-Камчатский. Добирался пять дней на лошадях.

Когда приехал в обком, то сразу же встретился с секретарём. Тогда им была Моисеева — подтянутая, в комсомольской форме — защитный костюм с портупеей. Так же были одеты и остальные члены бюро, которые собрались на заседание. Заседание проходило прямо возле обкома на улице — день выдался жаркий. Задали только один вопрос: вернусь ли после учёбы на Камчатку? Такого вопроса можно было и не задавать — посылали-то меня учиться мильковчане, и должен был я вернуться назад. Обязан.

Пожелали мне хорошо учиться. Это напутствие комсомола я помнил всегда: и во время учёбы в педтехникуме, и тогда, когда призвали меня на защиту рубежей Родины. Умелым воином можно стать только тогда, когда хорошо учишься. В 1942 г., перед отправкой на фронт из Амурской Краснознаменной флотилии, где я служил, меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Тогда же и сдал я в политотдел свой комсомольский билет, который носил на груди шестнадцать лет... Горжусь тем, что я воспитанник комсомола».

Сохранилась фотография с авторской надписью: «Курсант второго туземного курса при педагогическом техникуме, город Хабаровск, 21.09.1928».

После окончания техникума Ф. Е. Еланцева направили на Чукотку. Трудовую деятельность он начал в 1931 г. учителем-воспитателем. О том времени вспоминал: «Кочевая школа представляла обыкновенный чум. Так как она работала в весенние, летние

и частично в осенние месяцы, до наступления холодов, то чум был покрыт не шкурами, а тонкой парусиной. Окон в чуме не было, свет проникал через парусину. Пол был земляной, как обычно в чумах. Посередине — место для огня. В апреле и в мае, когда ещё стояла холодная погода, постоянно поддерживался огонь. За огневищем следили ребята или я, в зависимости от того, кто был свободен. Во время занятий ребята сидели на оленьих шкурах. Парт, конечно, не было. Их заменяли фанерные доски...»

Школа работала на местах кочевий оленеводов. Как только наступали осенние месяцы и холода, население перекочёвывало с предгорий на тундру. На это время школа прекращала работу.

«В кочевой школе целесообразно вести занятия в летние месяцы, примерно с мая по сентябрь. В это время стоит относительно тёплая погода, дни бывают длинные. Но как только наступают холода, вместо парусины на чум натягиваются шкуры, внутри становится темно. В этих условиях очень трудно заниматься... Обучение проходило в яранге, чумах. Приходилось ездить на оленях и собаках, потому что стойбища находились далеко друг от друга. Да вдобавок ко всему нации... были разные: чукчи, чуванцы, коряки, ламуты...»

В каждом стойбище он жил от трёх до семи месяцев. Учил детей и взрослых русскому языку, чтению, письму, счёту. А они знакомили его со своими обычаями, пытались понять, зачем этот голубоглазый «Ила» приехал к ним. Ведь у них есть свои учителя — шаманы. Но постепенно аборигены привыкли к Еланцеву. Да и они стали, по его словам, «близкими, родными».

С 1934 по 1939 г. Ф. Е. Еланцев учился в Ленинграде в Институте народов Севера. После его окончания работал в Елизово, но недолго. В сентябре 1940 г. его призвали на срочную службу, начинал её на Краснознаменной Амурской флотилии, окончил школу сержантов. В 1942 г. перед отправкой на Западный фронт был принят кандидатом ВКП(б). Членом партии стал в 1944 г. Служил в 156-й отдельной разведывательной роте 738-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии. В ходе боевых действий побывал даже в 120 километрах западнее Берлина.

Позже вспоминал: «Я не молодым в армию пришёл, в тридцать лет. Отец мой за медведями ходил; смекалку, умение выслеживать зверя я от него перенял. Надо прежде хорошо узнать зверя, чтобы его взять. Я даже по следу фашиста различал».

Приведём фрагмент рассказа его младшего сына Валерия, показывающий боевые будни этого, без сомнения, легендарного разведчика:

«Знание законов леса и опыт таёжника и охотника выручали его не раз. Однажды зимой командованию срочно нужен был “язык” для уточнения дислокации войск противника. Выбор пал на опытного уже разведчика с Камчатки. Фаддей с помощью сапёров во время небольшого снегопада благополучно перешёл линию фронта. В пятидесяти метрах от немецкого блиндажа, в котором находилось около тридцати фрицев, зарылся в снег и стал наблюдать за действиями немцев.

Прошёл первый день. Вариантов захвата языка не было. Часовых было трое, да и ходили они так, что двое постоянно были на виду друг у друга. Правда, был ещё один вариант. Вчера ровно в семь утра от блиндажа отделилась фигура и, приблизившись метров на 20–30 к разведчику, подошла к пню, возвышающемуся из-под снега. Немец ловко залез на пень, снял штаны и просидел так минут семь, затем, напевая какой-то свой немецкий марш, отправился в тёплое жилище. Судя по большому пятну, что образовалось возле пня, он ходил сюда ежедневно.

Фаддею осталось дождаться завтрашнего утра. Назавтра немец, ёжась от мороза, бежал к своему пню, но залезть на него он не успел, Фаддей приставил к его горлу свой нож и негромко, но твёрдо произнёс: “Хенде хох!” Поддерживая руками штаны, немец понуро брёл впереди разведчика. Через два часа два замёрзших человека, камчадал и немецкий унтер, уже были на нашей передовой.

Фаддей после кружки спирта проспал два дня, и снилась ему далёкая Камчатка, речка Антоновка и домашний стол с толкушей да наваристая уха из чавычи...»

1 февраля 1945 г. газета «Камчатский колхозник» опубликовала его письмо к родным:

«Здравствуй, сестра! Привет с далёкого польского фронта. Ты и не представляешь, сестра, что брат твой Фаддей находится сейчас не в СССР, а на польской земле, освобождает Польшу от гитлеровского ига. Поляки встречают нас хорошо, ведь они на своих плечах испытали тяжесть германского гнёта. Многое я пережил за годы войны. Трудно пересказать всё это. Приеду живой — расскажу. Передавай односельчанам, что я, как сын охотника и охотник, оправдываю это звание. Вот уже три года как я на фронте и охочусь на фрицев. Охота моя — за языками. Я считаюсь в части отличным разведчиком. За мои боевые заслуги правительство наградило меня орденом Красной Звезды, орденом Славы 2-й степени, орденом Славы 3-й степени, двумя медалями «За отвагу». Так что, сестра, можешь быть уверена во мне. Своих земляков не подведу!

Желаю вам плодотворной работы на трудовом фронте. А вы нам пожелайте поскорее добить раненого воровского зверя в его берлоге и вернуться к вам с победой.

С коммунистическим приветом,
Фаддей Еланцев».

Участвовал во взятии Берлина. Через год после окончания войны, 9 мая 1946 г., вспоминал об этом в «Камчатской правде»: «...Наша часть в то время стояла на Одерском плацдарме, в семидесяти километрах от Берлина. Я, по специальности разведчик, со своими боевыми друзьями наблюдал за передним краем обороны противника. Дни и ночи, не смыкая глаз ни на минуту, мы наблюдали, что делается в логове неприятеля. Немцы усиленно укрепляли подступы к своей столице, рыли противотанковые рвы, окопы, делали доты и дзоты, подтягивали танки, артиллерию, пехотные части. Тщательно готовились к штурму Берлина и воинские части нашего фронта. Немцы хотя и укрепляли свою оборону, но их песенка была уже спета. Ничто не смогло остановить победоносного шествия Красной Армии.

Наступил день генерального наступления на Берлин. В четыре часа утра весь фронт противника был ослеплён нашими мощными прожекторами. Началась авиационная и артиллерийская обработка переднего края обороны немцев. Противник не ожидал такого сильного, комбинированного удара со стороны Красной Армии. В его рядах появилась паника, растерянность.

Когда закончилась артиллерийская и авиационная обработка обороны противника, пошли наши танки, поднялась славная пехота. Разразилось последнее решительное сражение с ненавистным врагом. Наши воины, воодушевлённые приказом товарища Сталина, горя желанием быстрее овладеть Берлином, сражались умело и мужественно. Немцы ожесточённо сопротивлялись. Наши войска в первые дни наступления продвигались медленно. Но когда оборона противника во всю глубину была прорвана, Красная Армия стала успешно продвигаться вперёд. Благодаря стратегическому сталинскому плану, храбрости и героизму воинов, войска Маршала Советского Союза товарища Жукова быстро окружили Берлин и 2 мая над Рейхстагом водрузили знамя Победы».

После Победы демобилизован, в 1946 г. вернулся на Камчатку, работал в школах Мильковского района. В 1951 г. окончил Хабаровскую высшую партийную школу. Около двух десятков лет находился на советской и партийной работе, был инструктором Мильковского райкома партии.

С 1953 г. — председатель сельсовета Долиновки, с 1957 г. — Макарки, затем Лазо. В Лазо завершил свой трудовой путь — перед уходом на пенсию заведовал библиотекой села Лазо.

Его сын Валерий Еланцев вспоминал о том времени в жизни отца. Этот рассказ смело можно назвать так — «Мирный подвиг разведчика»: «...Быстро летит время, в конце 1960-х гг. он на пенсии. Но не усидел дома непоседливый и уважаемый сельчанами Фаддей Егорович. Любил он книжки, знал им цену и пошёл работать в сельскую библиотеку. Да книг там было немного, за год прочитал он все новые для себя книги. Писал в город, чтобы прислали новые книги в село, звонил в отдел комплектации библиотеки. Но ответ один — приезжайте сами и забирайте.

Были сборы недолги, топор, чайник, нехитрая посуда, брезентовый плащ от дождя, в вещевом мешке — булка хлеба и немного продуктов. Так начался первый пробег на смирной коняге Волге, запряжённой в телегу. Путь неблизкий, до самой Гавани, где ему обещали выделить книги. Это был один из первых пробегов на таком виде транспорта из Лазо до Петропавловска и обратно. Не далеко и не близко, всего около 900 километров...

Возвращался Фаддей Егорович из города на телеге, полной книг, здесь же лежали вещи, укрытые брезентом от дождя. В то время основные лесозаготовки ещё велись на правом берегу реки Камчатки. Попасть с левого берега реки на правый можно было через так называемый "Щапинский перевоз", где дежурили два лодочника, перебрасывавшие людей и грузы на кунгасе. Желания пассажиров и лодочников почти всегда оказывались прямо противоположными. Пассажирам надо побыстрей переехать, а тем, кто перевозит, не хочется делать лишнюю ходку. Сидят, ждут пока народу соберётся побольше...

Еланцев кричит: "Мужики, перевезите!" Но паромщики заняты оживлённой беседой, тем более что их громкий разговор поддерживает третий участник — бутылка "Московской".

— Да пошёл ты! — отвечают они на его просьбы.

Тогда Фаддей Егорович из брёвен, что лежали здесь же, на переправе, за час соорудил плот, взял две доски в качестве вёсел. И вот старый разведчик, стоя на плоту на коленках, гребёт на противоположный берег. Минут через десять он неторопливо подошёл к костру, где сидели два молодых мужика лет тридцати. В бутылке "Московской" оставались всего две небольшие водочные порции.

Не говоря ни слова, заехал по физиономии первому. Второй вскочил и бросился на гостя. Короткий приём, и второй лежит рядом с догорающим костром.

— Ну, так бы сразу и сказал, — проронил первый паромщик, садясь в кунгас.

В этот же день поздно вечером Фаддей Егорович дома пил крепкий чай с жимолостью и рассказывал, как быстро он добрался из города до Лазо. Всем домашним он привёз редкостные гостинцы...»

В 1970-х гг. Мильково быстро застраивалось современным жильём. Новую квартиру на улице Школьной получил и ветеран Великой Отечественной войны, пенсионер Ф. Е. Еланцев. Но недолго отдыхал он в новом жилище, вскоре устроился сторожем в Госбанк.

У Ф. Е. Еланцева было четыре дочери и два сына. Сегодня в Мильковском и Елизовском районах живут дети и внуки легендарного разведчика.

Фаддей Егорович был частым гостем в школах Мильковского района, выступал перед учащимися, вспоминал о прошедшей войне, о разных случаях и подвигах однополчан. А в беседе с ветеранами с улыбкой говорил: «Своё семя я тоже оставил в Европе».

Он был близко знаком с земляком, талантливым писателем и фольклористом Г. Г. Поротовым. Разница в возрасте в девятнадцать лет не мешала им быть «на одной волне». Когда Фаддей Егорович жил в Лазо, туда в творческие командировки часто приезжал Поротов. Первым делом он шёл к председателю сельсовета Еланцеву.

Два мильковчанина садились в кухне за стол, и разговор за нехитрым камчатским ужином затягивался на часы. Наступало время, когда хотелось спеть. После нескольких гитарных аккордов в кухню вереницей тянулись любознательные дети. Репертуар был всем хорошо известен. В доме председателя сельсовета зажигательно звучало знаменитое поротовское: «Только заалеет зорька на востоке, раздаются крики уток на речной протоке», — и разнобой высоких детских голосов подпевал: «А хама хама ик!»

Позже Г. Г. Поротов написал стихотворение «Кочевой учитель. Памяти разведчика Ф. Еланцева»:

Мы в школе учили немецкий язык.
На встречу пришёл к нам земляк-фронтовик.
В разведке служил он. Дошёл до Берлина.
Награды надеты по пояс картинно.
Мгновенно утих переполненный класс,
И гость издалёка повёл свой рассказ:
«В тридцатых годах, при товарище Отке,
Работал учителем я на Чукотке.
А школа тогда кочевою была,
Не клеились спервоначала дела:

Во-первых, не знал я чукотский язык,
Ещё, во-вторых, кочевать не привык.
И некому в тундре парнишке помочь,
Из стойбища гнал злой шаман меня прочь.
“Всё брошу!” — кольнула мыслишка на миг...
Но всё же я выучил этот язык!
Потом все смеялись, от стара до мала:
“Ты помнишь, как плохо учил нас сначала?”
И стала Чукотка мне близкой, родной.
И вот заявился к нам Гитлер с войной...»
«Вы знали немецкий?» — спросил мой сосед.
Разведчик подумал и вымолвил: «Нет.
По-ихнему знаю лишь одно — хенде хох!
(По классу пронёсся завистливый вздох.)
Но знать языки мы, ребята, должны,
Они нам для мира сегодня нужны!»

За воинские подвиги Ф. Е. Еланцев был отмечен орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й и 2-й степеней, восемью медалями, в том числе двумя самыми почётными солдатскими — «За отвагу». Получил четыре благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и одну — от Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Вот выписки из наградных листов, хранящихся ныне в Подольском архиве Министерства обороны России. Первую медаль «За отвагу» получил «за то, что, неоднократно участвуя в разведпоисках, быстро проделывал проходы в проволочных заграждениях и минных полях противника, чем обеспечивал выполнения задач командования». Вторую — «за то, что в ночь с 28 на 29 февраля 1944 г., действуя с разведгруппой, быстро проделал проход в проволочном заграждении противника, чем обеспечил захват “языка”».

Орден Славы 3-й степени — «при отражении атаки немецких солдат на высоту 217,8 в районе деревни Осьшиковичи Турийского района Волынской области 25 апреля 1944 г. товарищ Еланцев, возглавив группу коммунистов взвода, первым бросился в контратаку на противника... В этом бою огнём из автомата уничтожил лично пять немецких солдат и офицеров».

Орден Красной Звезды — «при выполнении боевого задания по захвату контрольного пленного в районе деревни Шлякетский Ляс в ночь с 23 на 24 августа 1944 г. первым ворвался в траншею противника, забросал её гранатами и с помощью товарищей пленил немца».

Орден Славы 2-й степени — «при выполнении боевого задания в ночь с 23 на 24 сентября 1944 г. в районе деревни Шлякетский

Ляс товарищ Еланцев действовал решительно и энергично. Он первым ворвался в траншею противника из прикрывающей правой группы. Своим огнём из автомата и гранатами обеспечил выполнение боевого задания. В течение двадцати минут вёл огневой бой с наседавшим на его группу противником, в то время как захватгруппа вела рукопашный бой с противником за овладение пленным. При этом стойко отразил натиск врага. Своими действиями обеспечил захват контрольного пленного и выполнение боевого задания».

Орден Отечественной войны 2-й степени — «при выполнении боевого задания по разведке 14 января 1944 г. при прорыве вражеской обороны товарищ Еланцев находился на подвижном наблюдательном пункте фланга дивизии и обеспечил полную и ценную передачу по рации обстановку наступающих частей. Продвигался вместе с наступающими частями. Под сильным огнём противника не отставал от наступающих частей.

При выполнении боевого задания по разведке 16 января 1945 г., уничтожая окружённую группировку противника в районе деревни Антонивка, пулемёт противника мешал продвинуться вперёд разведчикам. Товарищ Еланцев незаметно подполз к пулемётной точке и забросал её гранатами, в дальнейшем действовал смело и решительно. В бою уничтожил девять фашистов и захватил одного в плен».

Фаддей Егорович Еланцев ушёл из жизни 12 ноября 1976 г. Память о нём, ветеране войны, выдающемся человеке, обязательно должна быть увековечена на мильковской земле.

Встреча с Мастером, или Работы, не вошедшие в каталог

С Вадимом Владимировичем Санакоевым впервые судьба свела меня в далёком 2001 г. Тогда камчатская гонка на собачьих упряжках «Берингия» собирала под свои знамёна многих творческих людей. Здесь присутствовали журналисты, жаждущие сюжетов для репортажей, фотографы, желающие запечатлеть мгновения гонки, телеоператоры, снимающие для новостей и видеоархива, камчатские барды, имеющие возможность показать своё творчество. Среди них находился и уже известный на Камчатке художник В. В. Санакоев.

Я тогда сотрудничал с газетой «Новая Камчатская правда», пытавшейся сохранить традиции и стиль своей предшественницы — знаменитой советской «Камчатской правды». Та около семидесяти лет была главной газетой полуострова, её тираж достигал 70 000 экземпляров! Редактор «Новой Камчатской правды» Владимир Гусев

поддержал моё предложение поехать на «Берингию», потому что его газета, как и другие, постепенно становилась изданием только для областного центра и Елизовского района. Материалов о камчатской глубинке, переживавшей очень трудные времена, или вообще не появлялось, или они носили характер чрезвычайных происшествий.

В те годы главной сложностью оставался завоз в районы топлива для дизельных электростанций и котельных. Люди часто сидели без электричества, отопление в домах тоже подавалось с перебоями, и это на Севере, где зима длится около семи месяцев в году! В северных сёлах цены на продукты были выше городских вдвое-втрое. Здесь не хватало самого необходимого. «Берингия» же везла в своем «обозе» подарки детям, книги, альбомы, карандаши, детскую одежду, православную литературу. Поэтому вокруг гонки царил дух добровольчества, единства, причастности к общему важному делу, и, как следствие, её окружала атмосфера, способствовавшая новым встречам, свежим впечатлениям и хорошему настроению.

В каждом селе люди готовились к встрече каюров, своими творческими силами готовили концерт, хозяйки пекли ароматные пироги, ждали в гости знакомых и совсем неизвестных людей. И зима для жителей Корякского округа словно делилась на две части: до «Берингии» и после. После завершения гонки дни становились длиннее, солнце поднималось выше, наступали весенние деньки.

Большой автобус с журналистами и творческими деятелями только поздно вечером 15 марта 2001 г. двинулся с остановки рынка на Комсомольской площади. В райцентр Быстринского района — село Эссо — приехал около восьми утра.

Около гостиницы «Ромашка» его встречала большая делегация из местных жителей. Они стали группами забирать с собой прибывших для размещения в гостиницах и частных домах. Во время «Берингии» численность населения Эссо увеличивалась на добрых триста пятьдесят человек. Для небольшого северного села, где живёт всего около двух тысяч человек, это очень много! Надо отдать должное жителям Эссо за их гостеприимство. Всех нас расселили по тёплым квартирам и накормили досыта.

Минут через пятнадцать после прибытия автобуса на улице остались двое — я и художник Вадим Санакоев. Спустя несколько минут к нам подошёл директор местного музея Александр Слугин и предложил идти устраиваться в музее, так как свободных мест в гостиницах больше не было. Ну что, в музее так в музее...

Нам отвели мастерскую художника-оформителя, находившуюся в полуподвале, небольшую комнату примерно в двадцать «квадра-

тов». В центре — большой стол для работы художника. Справа и слева от стола — деревянные лавки, которые должны были пару ночей служить нам кроватями.

До этого мы знали друг друга лишь заочно. Но вечером, когда день завершался, за чашкой чая с пирожками, купленными в местном кафе, разговорились. Говорили об истории и нынешнем состоянии Камчатки, природе и людях, о духовном богатстве народов Севера. Вадим подарил мне каталог своей выставки, я ему — недавно вышедшую книгу шведских путешественников «По дикой Камчатке», которую удалось издать при поддержке Е. Клочкова, генерального директора «Камчатскэнерго».

В этом же году шведская журналистка Лена Хаглунд начала снимать фильм «По следам Стена Бергмана», а в Эссо жили внуки эвенов, о которых писал в своих дневниках Стен Бергман. Мне удалось найти этих людей. Предстояла волнительная встреча представителей Швеции и потомков героев, упомянутых в книге Бергмана, через 80 лет после окончания пребывания знаменитой шведской экспедиции на Камчатке. Всё это я рассказывал Вадиму.

Днём мы уходили по своим делам. Я посещал знакомых камчадалов, собирал материалы для новой книги, побывал в семьях Кречетовых и Заяц. Вадим смотрел упряжки, о чём-то беседовал с каюрами.

«Берингия» открылась в середине дня. Сначала стартовала детская гонка «Дюлин», а потом взрослые каюры вышли на десятикилометровую гонку-пролог.

Вечером с Вадимом мы сделали два круга по притихшему селу, только лай собак иногда нарушал тишину. Он рассказывал, что у него сложности с сердцем, а местные врачи ничего сделать не могут. Поэтому, к большому сожалению, ему придется уезжать с Камчатки. Уже тогда в его словах чувствовались грусть и тревога... Грусть о прошлом, тревога о будущем...

Впечатления, полученные В. Санакоевым во время описанного пребывания в Эссо, отлились в его новых работах. Из Эссо мы уехали 18 марта 2002 г. Прошло два года, и в художественном салоне на улице Ленинской в Петропавловске я увидел работу Вадима «По тундре». Купил её на последние деньги. Как-то сказал об этом Александру Печеню, организатору и руководителю гонки. Он ответил, что давно присматривался к ней, но приобрести не успел.

А дальнейшая судьба этой картины такова. Один мой хороший друг более сорока лет преподавал историю в школах Усть-Камчатска. Когда засобирался на материк — на заслуженный отдых, то

на память о Камчатке увёз две картины. Одну — «К вулканам» — купил у художника Мешкова из Козыревска, вторую — «По тундре» — В. Санакоева, мой подарок. Её репродукция опубликована мною на обложке книги «Собаководство на Камчатке в XVIII—XX вв. В материалах путешественников и исследователей», выпущенной в 2007 г.

Другая работа Санакоева — «Конец зиме», почему-то не вошедшая в альбомы, долгое время находилась в краевой библиотеке имени С. П. Крашенинникова и не выставлялась. Позже её передали в Камчатский краевой объединённый музей, где она сохраняется и поныне.

Художник Александр Петрович Мешков

Тёплым летом 1987 г., когда я работал в Усть-Камчатском краеведческом музее, мы с группой школьников во время двухнедельной поездки по долине реки Камчатки собирали экспонаты для музея. Побывали и в Козыревске, где познакомились с самобытным художником Александром Петровичем Мешковым. С тех пор до последних лет его жизни часто общались, вместе ездили на реку Камчатку, ходили по сухой реке Пахче. Пили чай, разговаривали о многом: об истории Камчатки, о прошлом камчатских посёлков и людях, живших в Камчатской долине в 1940—1990-х гг., оставивших след в истории полуострова. Беседовали и о текущих делах в районе.

Александр Петрович имел хорошую память, подробно помнил множество событий, был знаком со многими современниками — жителями Козыревска и других посёлков, мог рассказать даже мелкие детали о событиях и людях. Ежегодно, когда наступал долгожданный май и природа долины реки Камчатки пробуждалась от долгой зимней спячки, выезжал в сёла, чтобы встретиться со старожилами, навестить знакомых, поговорить о прошлой жизни, собрать материалы по истории района, уточнить ранее услышанные истории, узнать, как прошла зима.

Он был одним из тех, кого мне всегда хотелось повидать, — неторопливый, умудрённый жизненным опытом, с крестьянской закалкой, большой труженик и творческий человек — народный художник, немного «закрытый» при первом общения.

Нередко, даже когда тебе уже перевалило за сорок, перед тобой встают вопросы, которые не можешь обсудить со знакомыми. Даже друзья не всегда понимают возникающие сложности и сомнения, а вот

от Петровича у меня никогда секретов не было. От него всегда можно было услышать краткий, точный и верный совет опытного человека.

С ним всегда была его верная спутница — жена Нина Алексеевна. Она хлопотала на кухне над простым сельским обедом, обязательно с камчатской ухой, а мы часами разговаривали о политике, истории, местных новостях. Складывалось такое ощущение, что издалека вернулся к родным людям, всё у них было просто, понятно и знакомо. Нина Алексеевна приехала в Козыревск молодым специалистом, здесь она и познакомилась с Александром Мешковым. Сложилась крепкая семья, воспитавшая двух дочерей. Вместе супруги Мешковы прожили более 65 лет!

В наполненной светом комнате на стенах — десяток картин, играющих яркими красками. Самая большая — на кухне. Ещё десятки хранятся в маленькой шестиметровой комнатке, бывшей ранее кухней. Когда семья выросла, решили пристроить вторую комнату и кухню с печкой, выложенной самим хозяином из песчаника, заготовленного в местечке Сталинское. Здесь раньше козыревчане и жители соседних селений выпиливали блоки для производственных и бытовых нужд.

Когда наступала пора уезжать из гостеприимного посёлка, Александр Петрович говорил мне: «Не люблю прощаться», а Нина Алексеевна собирала в дорогу пакет тепличных помидоров и огурцов.

В 2003 г., чтобы ускорить осуществление идеи создать музей в Козыревске, я пошёл работать преподавателем истории в местную среднюю школу. В сентябре мы договорились об очередной поездке, на этот раз в село Крапивное, что в 35 километрах от Козыревска. Несколько домов Крапивной разбросаны на левом берегу реки Камчатки, где раньше вначале находилась база снабжения Быстринского района, затем — участок Козыревского леспромхоза. В то время здесь ещё имелось отделение лесхоза. Тогда в Крапивной жили около десятка человек.

Сразу после уроков заезжаю за Александром Петровичем, а Нина Алексеевна собирает нам в дорогу немного продуктов. Дорога сначала прямой стрелой прорезает лес, справа и слева — стены разнообразных деревьев. Постепенно лес редеет и открывается пойма сухой реки Пахчи, слева и справа виден чёрный вулканический песок. Рядом с дорогой — отдельные деревья с листвой, тронутой первыми заморозками, самых разных осенних цветов. Тут и красные рябины, и жёлтые осины, сохранившие зелень берёзы. Эта картина в сочетании с синим небом и открывшимися белыми красавцами-

вулканами Ключевской группы и Толбачика захватывает дух! Да уж, художнику здесь раздолье! Через реку — переправа, ходит паром, баржу от берега до берега водит катер «Костромич».

Ждём недолго — минут двадцать. Переезжаем на левый берег, отсюда до поворота на Крапивную около тринадцати километров. После съезда с основной трассы на Мильково останавливаемся и идём по дороге. Лес наполнен разными звуками, видны признаки пребывания людей и животных. Вот свежие следы лося, пересёкшего дорогу, присмотревшись, угадываешь звериную тропу, идущую через дорогу и исчезающую в распадке. Рядом с дорогой видим бивак. Срублены деревья, сделан небольшой навес, уложен лапник. Кругом чисто. Видимо, тут ночевали туристы, шедшие на вулканы.

После прогулки по лесной дороге едем дальше. Заезжаем в Крапивную. Выходим из машины и идём по бывшей улице, угадывающейся по отдельно стоящим домам. Вот и их обитатели. Здороваемся. Александра Петровича здесь знают. Местные жители редко видят новых людей, поэтому они открыты для общения, особенно интересуются новостями — здесь нет электричества. «Движок» запускают только в пятницу на три часа, чтобы хозяйки смогли постирать бельё, и только в это время работают телевизоры...

Со своего участка с небольшим домиком и почти такой же по размеру баньки выходит мужик в синей рубахе. Здоровается с нами. Завязывает разговор с Петровичем, а я ухожу дальше, чтобы не мешать. На обратном пути спрашиваю, что за человек? Оказывается, старожил, лет этак тридцать назад Мешков и его нынешний собеседник встречались как инспектор рыбнадзора и браконьер. Тот поймал всего-то несколько карасей — вот и весь проступок. А сейчас им обоим за шестьдесят, в стране и на Камчатке давно наступила другая жизнь. Теперь рыбу в реке ловили все, кто хотел и сколько хотел — множество приезжих из разных мест Камчатки и даже с материка. Все делали на рыбе «бизнес»...

Петрович всё не мог понять, что же происходит? Почему он всю свою жизнь боролся за каждую рыбину в реке, а теперь всё поменялось, нет никакого контроля... Почти всю обратную дорогу молчали, тяжкий груз лежал на душе бывшего советского рыбинспектора...

Официально, по паспорту, А. П. Мешков родился 5 октября 1929 г. в селе Куликово Ребрихинского района Алтайского края. А с его слов, годом рождения у него был 1928-й. Его семья, состоявшая из отца — Петра Анисимовича, мамы — Степаниды Степановны и трёх сыновей — Ивана, Александра и Дмитрия, жила в Козырев-

ске с октября 1932 г. Младший сын — Виктор — родился уже на камчатской земле в октябре 1941 г.

Первым на Камчатку ещё в 1927 г. приехал брат отца. Он трудился на Усть-Камчатском РКЗ. Тогда начиналось массовое переселение людей на Камчатку — здесь нужны были рабочие на строящиеся заводы, в леспромхозы и совхозы. О причинах переезда семьи Мешковых на полуостров Александр Петрович поведал в своём рассказе «Домовой», привожу его с сокращениями:

«Утром отец выпил кружку молока. Запряг своего молодого коня и отправился на пашню за соломой. Стояла зима 1928 г. Приехав с соломой, поставил коня во дворе, зашёл в избу погреться, попить чаю. Мать разожгла самовар и приготовила завтрак. Вскоре отец заметил — что-то промелькнуло мимо окон. Он выскочил на улицу и увидел крупную чёрную собаку. На улице кто-то вопил: “Бешеная! Убейте её!” Отец схватил лопату, стоявшую у двери. Бросился выгонять собаку, успевшую укусить коня за губу.

Собака с безумным взглядом, высунутым языком и с пеной у рта пробежала мимо. Отец пытался догнать её, но она выскочила в калитку и бросилась в соседний двор. А на улице ещё слышался надрывный голос: “Убейте собаку, она бешеная!”

Отца она не укусила, наверное, потому что увидела лопату в его руках. Оскалилась, щёлкнула зубами и удалилась. Хозяин другого двора выскочил вовремя. Отец успел крикнуть ему: “Петруха, собака бешеная!” Через несколько секунд раздался выстрел. Убил собаку Петруха-кабан, почему-то его так звали, но она уже сделала своё чёрное дело — заразила коня. На время всё затихло. Я точно не знаю, сколько длился этот самый “скрытый период”. Кажется, двадцать один день.

Однажды рано утром отец зашёл в конюшню, по привычке запряг коня и поехал за соломой. В этот день конь показался ему очень резвым — дорогу он словно не видел. Прямо по целику, с пеной у рта, он с приличным возом соломы, сам весь мокрый, прибежал домой. С трудом подавался вожжам. Когда отец распряг коня и зашёл в конюшню, увидел страшную картину — корова лежала вся избитая копытами и искусанная, а прошлогодняя тёлка оказалась загрызена насмерть. Досталось маленькому телёнку и овцам. Лишился отец сразу всей скотины. Это было огромным ударом для него...

Позвал соседа Петруху. Отвели коня в пустой сруб без крыши. Всё это время конь чесал укушенную губу о коленку и ржал. Подержали его в срубе три дня и пристрелили. Я это записал со слов родителей».

Семья Мешковых добралась до Камчатки только в октябре 1932 г. Первый год Пётр Анисимович Мешков работал в Козыревском леспромхозе, тогда только организовавшемся. Труд лесозаготовителей был исключительно ручным, лес возили на лошадях, их не хватало. Однажды Мешков-старший встретился с директором Ушковского рыборазводного завода, разговорились. Рыбозавод тогда строился, он только начал закладывать икру для воспроизводства лосося. На завод требовались рабочие, жильё обещали дать в большом рубленом бараке. Мешковы переехали. Дети, когда подросли, стали ходить в начальную школу, находившуюся в селении Ушки, за пять километров от посёлка завода. Путь не обходился без приключений. Как рассказывал младший брат А. П. Мешкова Дмитрий, однажды встретили на дороге медведей. Пришлось ждать, пока звери уйдут в лес. В тот раз в школу ребята опоздали.

Дмитрий Мешков тоже всю жизнь прожил в Козыревске, работал капитаном катера в местном леспромхозе, в его доме хранилась целая коллекция картин брата, подаренных ему в разные годы.

Я долго искал фотоизображение Ушков, но безрезультатно. Тогда в 2003 г. попросил Александра Петровича нарисовать селение, так как уже к 1980-м годам на его месте не осталось никаких строений — только заросшая травой поляна. Мы отправились на место, где раньше было селение.

Дорога шла по полям, кругом лужи, всё заросло травой. Вот и берег реки, на нём — большая поляна. Здесь и стояло селение Ушки. Сейчас ничего от него не осталось — ни забора, ни построек, ни следов домов... Его величество время всё заровняло буйной травой. А. П. Мешков вспоминал: «А поля эти разрабатывали в начале 1920-х гг. ещё староверы Куликовы. Они жили здесь большой и дружной семьёй, имели свой катер. Потом здесь сажал капусту местный колхоз».

Дальше пошли вниз по течению реки. «Вот здесь было удмуртское кладбище. Сюда во время войны привезли переселенцев помогать в сельском хозяйстве, — рассказывал Петрович, — но через несколько лет все разъехались».

К зиме по памяти нарисовал Ушки, где несколько зим учился в начальной школе. По прошествии 65 лет помнил, в каком доме кто жил. «Здесь дом Варгановых, в этом доме жила большая семья Ощепковых. Это — начальная школа», — пояснял он свою новую работу...

Работать Саша Мешков стал ещё подростком, в пятнадцать лет. Трудовой путь начал каюром собачьих упряжек на Ушковском рыбозаводе. Обращаться с упряжкой его учил потомственный каюр-

«профессор» П. И. Тюменцев. О нём писал в своей книге известный камчатский краевед, бывший директор рыборазводного завода Анатолий Остроумов.

Собаки, как люди, имеют свой характер, да и к работе относятся по-разному. Не раз каюр со своими собаками попадал в пургу, оказывался в самых серьёзных обстоятельствах. Такая работа позволила ему выработать свои правила поведения на природе, познать законы выживания, ведь в районе Козыревска зимой температура падает иногда до минус сорока!

После войны, когда в 1946 г. юный Саша Мешков собрался ехать в Петропавловск учиться на токаря и ждал парохода, он остановился у своего дяди и так впервые очутился на океанском берегу. После учёбы в фабрично-заводском училище Петропавловской судоверфи и года работы на верфи он со своим земляком решил идти пешком домой — в Козыревск. Этот поступок тоже характеризует молодого Александра Мешкова. Он вспоминал: «1949-й год. Мы идём домой — из Петропавловска в Козыревск пешком! Это более пяти сотен километров. Отбыли в городе три года: два — в ремесленном училище и вот уже год, как работаем на судоверфи токарями. Берём за год отпуск. Получаем отпускные...

Страшно хочется домой. Надоело общежитие, вечные “натяжки” денег — от зарплаты до зарплаты. В общаге — холод, никакого внимания к недавним фэзэушникам. Мне — двадцать лет, в армию пока не берут — ещё не всех фронтовиков отпустили домой.

Итак, один вещевой мешок на двоих и небольшой самодельный нож. В кармане совсем немного денег. Нас двое — Валентин Есипов и я, Александр Мешков. Цепляемся за кузов грузовика, прямо на ходу запрыгиваем и едем. Таким способом мы доехали до Коряк, а дальше — пешком. Автомобильный просёлок тянулся только до Начик. Дальше пошла слегка наезженная телегой дорога...»

С детства Саша пристрастился к рисованию, много рисовал в школе. Бумаги не было, просил у учителей. Рисовал для себя, что-то получалось, но многое не нравилось, переделывал. Любовь к природе и возможность рисовать — вот причины, по которым после службы в армии Александр пришёл в рыбинспекцию. Здесь он трудился до пенсии, когда было время, рисовал, собирал поделочные материалы — капы, ольху, кость.

Среди рыбаков рыбинспектор Мешков пользовался большим уважением, он всегда «по-человечески» подходил к людям, если кто-то нарушал законодательство, сначала предупреждал. Если человек не понимал, привлекал его к ответственности. Случались

и встречи с “большими людьми”, не чуравшимися незаконно порыбачить...

А вот как начинался его творческий путь. Вспоминал: «В 1970 г. в Козыревске организовали выставку трёх художников — Дмитрия Ефремова, Александра Залётина и Александра Мешкова. Эта выставка стала новым этапом в моём творчестве. Понял, что жизнь надо посвятить любимому делу. Коллекцию свою собирал, затем отдавал в Усть-Камчатск, несколько скульптур из кости потеряли (скорее, присвоили. — *В. Б.*).

В Доме культуры лесников в Козыревске состоялись три выставки. Сюжеты работ придумывал сам: на первом плане можно выделить исторические: “Охота на мамонта” и “Древние люди”. Очень много работ посвящено быту рыбаков и охотников: скульптуры “Рыбаки”, “Охотники с собакой”, “Собачья упряжка”, картина “Браконьер, освещённый ракетой (Домашнее озеро)”, “Рыбалка сплавом”.

Пытался работать на религиозные темы (картина “Божья Матерь”), юмористические (картины “Компромисс науки и религии”, “Камчатская Алёнушка”) и сказочные (скульптуры “Сивка-Бурка” и “Каменный цветок”).

Очень интересует меня тема освоения Камчатки русскими и история посёлка Козыревск. Об этом мои картины “Крест Атласова”, “Ясак”, “Древнее поселение на Ушковском”, “Последняя корова Стеллера”, “Бот Святой Гавриил”, “Село Ушки — 1938—1939 гг.” (нарисовано по памяти), когда я там учился».

Позже Александр Петрович в автобиографических рассказах писал: «После выставки было принято твёрдое решение — работать много и серьёзно. Были и сомнения. Бьёшься над работой, а она тебя всё не удовлетворяет, не движется с места. Рисовал по двенадцать часов кряду. Было и ощущение, как будто стоит стена, которую не преодолеть. Но вот к шестидесяти годам почувствовал какое-то облегчение. Работа идёт гораздо легче, чем раньше. Сейчас нет ощущения: вдруг не получится? Но мне уже шестьдесят пять. Возраст, когда в полную силу не поработаешь. Ухудшается зрение, уходит здоровье, а замыслов, планов, опыта... Молодому бы всё это...»

Основной материал для скульптур, с которым работал мастер, — это берёза и ольха. «Из берёзы берётся нарост, он мягче. С деревом работать очень сложно, оно часто трескается... Надо подобрать материал по цвету, структуре. Работа идёт не очень быстро. Например, над “Упряжкой собак” работал более четырёх месяцев, хотя заготовки стал собирать заранее. Скульптуру медведя сделал быстрее. На костяную скульптуру уходит обычно дней десять — двенад-

цать. Есть скульптуры из оленьего рога — дикий северный олень, весит около десяти килограммов».

О том, как возникали идеи, Александр Петрович говорил так: «Когда придёт мысль сделать какую-то скульптуру, обдумываешь сюжет. Ищешь, иногда через журналы, альбомы по искусству, собственные эскизы, даже ночью посещают сюжеты. Жалко, что не мог в Петропавловск вывезти. Хотелось бы услышать мнение специалистов. Труд — самая основа творчества. По работе определяется мышление. Очень близка мне краеведческая камчатская тема, каменный век — всё это ближе, чем изящное искусство. У меня получается деревянное искусство. Истоки очень люблю, люблю всё старинное. Авторских названий обычно не даю, только к выставке. Но люди спрашивают, как эта работа называется?

Эстетическое чувство скрыто в каждом человеке, очень много чувств проявляется в душе. Видишь больше, чем можешь показать. Когда работа закончена, часто не получаешь творческого удовлетворения. Иногда осуществлённое не совпадает с первоначальным замыслом. Бывает, когда делаешь одну работу, интерес может проявиться к другой. Первую откладываешь и берёшься за новую. Потом через какое-то время возвращаешься к отложенной, но на это уходит много времени. Иногда работу не можешь закончить, довольно долго не можешь приступить к ней, и дело затягивается на месяцы. Но вдруг наступает время, и заканчиваешь за несколько дней.

Занялся резьбой после поездки в санаторий. По путёвке ездил отдыхать в Трускавец, а там у местных жителей есть промысел — вырезают на продажу фигурки орлов. Посмотрел, как работают мастера, решил сам попробовать. Скульптуры покрываю частично клеем и краской. Любимый материал — дерево. Когда бываю в лесу, ищу материал, из которого можно сделать скульптуру».

В судьбе любого художника важное место занимает его место жительства. Если он горожанин или обитает рядом с выставочными залами, то имеет возможность участвовать в показах, встречаться с коллегами и специалистами. Но если живёт в глубинке, то предоставлен сам себе, но должен быть готов в любой день принять гостей, пожелавших познакомиться с его работами.

Всю жизнь Александр Петрович прожил рядом с главной водной артерией полуострова — рекой Камчаткой. В детстве рыбачил на ней, на её берегах собирал ягоду, юношей каюрил, проехал на собачьих упряжках не одну сотню километров по суровым камчатским трактам. Знал реку как свои пять пальцев. По памяти мог

с высокой точностью нарисовать с деталями всю реку с притоками, островами и старицами.

Его инспекторский участок простирался на 120 километров: 50 вверх от Козыревска и 70 — вниз. За более чем тридцатилетнюю работу на реке Александр Петрович подметил множество сюжетов для будущих картин. Сложилось так, что свои задумки смог осуществить только после достижения сорокалетнего возраста. В его коллекции значится около сотни работ — картины, деревянные скульптуры, работы по кости. Иногда Александр Петрович записывал свои впечатления об интересных событиях, случившихся в жизни, заметки о природе. В 1999 г. издана небольшая брошюра с его рассказами, её уже давно нет в продаже. Среди читателей она пользуется спросом. Но несколько десятков его автобиографических рассказов остались неизданными.

Иногда, пользуясь тёплым летним днём, Александр Петрович проводил выставки в своём дворе. Подготовка даже домашней выставки тоже требует затрат труда и времени, чтобы расставить скульптуры и расположить картины на стене дома. На показы приезжали люди из других сёл. Особую заявку дали учителя Быстринской средней школы. Школьный коллектив с большим интересом осмотрел работы, беседовал с художником. Эта эмоциональная поездка запомнилась учителям на многие годы, а директор школы Б. П. Логунов приобрёл на память скульптуру «Горнист», и сегодня украшающую его кабинет.

В последние годы жизни Александр Петрович болел, но стойко боролся с недугом. В долгие зимние вечера работал над картиной «Крест Атласова». Начал трудиться над ней года за три до ухода из жизни и не завершал её до последних дней. В октябре 2019 г. он встретил своё 90-летие, а в декабре этого же года его не стало.

Мастерской Александру Петровичу служила маленькая банька, два на два метра, здесь он создавал свои самые интересные работы.

Каждой картине делал отдельную раму, кропотливо вырезая или выжигая на ней узоры. Многие рамы украшают и дополняют его работы. Он утверждал, что от рамы зависит, как «заиграет» работа: «Иногда рама получается лучше самой картины».

В гостях у Александра Петровича бывали камчатские журналисты и писатели — В. Варно, В. Науменков, В. Блинов, Т. Шубина и другие. Они печатали статьи о творчестве художника. Есть публикации о нём и в союзной печати. Так, специальный корреспондент А. Нежный в популярной газете «Труд» в 1974 г. написал свою статью о самобытном камчатском художнике-самоучке.

Владимир Варно в статье «Козыревский умелец» писал: «...Мешков принёс ящик и стал извлекать из него произведения, сотворённые самой природой, только чуточку подправленные искусной рукой художника. “Вот эта называется «Выдра и лосось», — пояснил Александр Петрович. — Похоже?” — “Ещё как!” Сходство было поистине поразительным. Крадущаяся поступь зверька, приготавливающегося к прыжку, гибкое тело лосося, в смертельном страхе прянувшего из воды... “«Борцы»”, — назвал Мешков следующую скульптуру. “Какая динамика! — только и осталось мне сказать. — Как же это у вас получилось?” — “Очень просто. Сначала я нашёл корень ольхи, напоминающий чем-то борца. Но для скульптуры требовалась пара. Искать пришлось долго. Только на следующий год второго борца подарила мне черёмуха. Собственно, и работы тут не было никакой. Убрал лишнее, только и всего...”»

А. П. Мешков рассказывал: «Очень часто, когда я брожу по лесу, меня охватывает вот такое же чувство слияния с природой...»

Известный писатель Леонид Пасенюк любил бывать в Козыревске, он в 1960-х гг. жил в этом посёлке. Но, как он указывает в своём письме от 3 ноября 2003 г., с художником Мешковым встретился только в 1997 г.: «Захотел посмотреть на его картины. Они меня порадовали каким-то восторженным примитивизмом, то ли правдой, то ли сказкой. Я был приятно поражён. Разговора же у нас сколько-нибудь интересного не получилось...»

Когда я говорил Александру Петровичу, что некоторые писатели считают его стиль примитивизмом, он не соглашался и немного обижался на эту оценку.

Поэт Владимир Науменков в статье, опубликованной в «Камчатской правде», привёл слова мастера: «Самообучение растягивается на годы и десятилетия. Зато всё, что я умею сегодня, основано на моём наблюдении, на моём чувстве. И моя радость, как художника, порой бывает удовлетворена даже одной деталью, верно найденной и соответствующей моим поискам...»

Наше общение с Александром Петровичем выливалось в новые работы. Как было упомянуто выше, по моей просьбе он нарисовал бывшее селение Ушки. Кстати, недалеко от него, в урочище, носящем это же название, был построен знаменитый бот «Святой Архангел Гавриил», на котором участники Первой Камчатской экспедиции исследовали северо-восточную часть Азии. А перед этим была картина «Ключи в XIX веке», написанная им по старой фотографии. Впоследствии она украсила обложку переизданной на русском языке книги шведской писательницы Эстер Бленды Нордстрем «Деревня

в тени вулкана». В 2008 г. была готова и работа «Селение Кресты». Оно существовало около 130 лет, сюда были переселены жители Ключей для несения каюрной повинности. Сначала уроженка Крестов В. М. Чудинова нарисовала мне план села, указала, где стояли дома, баньки, балаганы. Передал план Александру Петровичу, а он тоже бывал в Крестах и кое-что помнил. Вот так и получилась новая работа — «Селение Кресты».

Школьники тоже интересуются прошлым своего района. В солнечный сентябрьский денёк 2008 г. выезжаем на «Урале» с ключевскими ребятами на место бывших Крестов. С нами — местный батюшка, уроженец Усть-Камчатска, правнук церковного старосты — отец Дмитрий Бакуров и учительница истории, её мать происходит из коренных жителей, родилась в Седанке. Осмотрели место селения. В этот год река ушла в другое русло, и мы ходили по сухому дну. Ребята пытались найти на берегу какие-нибудь предметы. Удалось обнаружить только когда-то вкопанные столбы, остатки строений. Виды вокруг поражают своей красотой: вулканы Харчинский, Заречный, Камень и Ключевскую сопку недавно покрыл ослепительно белый снег. Священник прочитал молитву в память о некогда живших здесь.

Однажды принёс Петровичу фотографию размером 10 на 15 сантиметров, показывавшую Ключевской вулкан, снятый с моста через речку в непривычном ракурсе. В следующий мой приезд Петрович показывает свою новую работу — «Крестовская сухая речка».

Как-то удивил новинкой и рассказом: «Ездили по старой дороге на мотоцикле в сторону рыбозавода — смотреть шиповник. Километрах в пяти от посёлка на дороге встретили трёх медвежат, так по горячим следам и появились “Медвежата на дороге”».

Ещё об одном случае мне поведал старожил посёлка Козыревск Александр Пасынков: «Я работал водителем, иногда ездил в город. В то время, а это примерно начало 1980-х гг., появились первые цветные телевизоры. Однажды Петрович мне говорит: “Саша, мне надо съездить в город, привезти телевизор”. В следующий рейс поехали вместе. Дело было зимой. Возвращались обратно ночью. Рассвет застал нас примерно около Атласово. Над Камчаткой медленно всходило солнце. Прошло время, и Петрович мне вручает картину “Ночная дорога”. Я не хотел её брать, но он говорит: “Потом поймёшь!” Прошло уже лет тридцать пять, и эта картина мне напоминает о многом».

Но, пожалуй, наибольшей популярностью пользовались две его работы — «Крест Владимира Атласова» и «Охотничья избушка».

Первую часто используют разные авторы в материалах по истории Камчатки. Вторая — воспоминания об охоте, жизни вдали от людей, там, где в уединении можно подумать о смысле жизни. При её просмотре у зрителей возникают и другие, самые разные впечатления. «Охотничья избушка», написанная в 1975 г., по просьбе земляков повторялась автором около десяти раз!

В 1996 г. на Камчатке работала российско-датская экспедиция, посвящённая 300-летию образования Российского флота. Датскую сторону представляли четыре исследователя, российскую — три. Руководитель экспедиции Александр Яблонский писал: «В Козыревске, к сожалению, не осталось каких-либо исторических реликвий. Датчане с интересом познакомились с технологией сборки срубов домов. Незабываемое впечатление осталось от короткой встречи с картинами самобытного художника, жителя Козыревска — Александра Мешкова. Особое внимание заслужила картина, посвящённая установке креста Владимиром Атласовым». А газета «Вести» 10 сентября 1996 г. сообщила, что «в старинном селе Козыревске... нет ни музея, ни какого-либо культурно-исторического центра».

В 2006 г. в долине реки Камчатки пребывала краеведческая экспедиция, собиравшая сведения о жизни православных в советское время. Нас интересовало, где в Козыревске находилась в XIX — начале XX в. часовня в честь св. Иннокентия. А. П. Мешков быстро нарисовал на листочке из ученической тетради схему посёлка, указал дома, бараки, школу и место часовни.

Зная реку Камчатку, по памяти в тетради нарисовал план её среднего течения со всеми островами и протоками. Для моей книжки «Козыревск» начертил план посёлка.

В 2012 г. сбылась мечта художника — из печати вышел альбом его работ. С изданием помогла Усть-Камчатская районная администрация.

Он не всегда понимал политические процессы, шедшие в стране и мире, говорил, что мы живём не в своё время.

К сожалению, Александр Петрович не увидел своей выставки в Петропавловске-Камчатском, а ему так хотелось пообщаться с профессиональными художниками, искусствоведами, простыми зрителями и почитателями его таланта.

Мы сделали то, что было в наших силах — пригласили в Козыревск ведущего камчатского искусствоведа Маргариту Ивановну Белову, чтобы дать профессиональную оценку творчеству А. П. Мешкова. Но в это время в областном художественном музее не было

средств на её командировку. Пришлось идти на приём к губернатору области М. Б. Машковцеву, который сам бывал у художника и даже приобрёл у него одну работу. Вопрос решался два года, и вот Маргарита Ивановна сообщает, что едет в Козыревск, просит быть на выставке.

Наконец-то состоялся обстоятельный разговор между специалистом и самобытным художником. М. И. Белова заключила, что А. П. Мешков — состоявшийся художник со своим выраженным почерком, его творчество, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Было предложено открыть постоянно действующую выставку в Козыревске. К сожалению, этого не случилось, зато вышло другое.

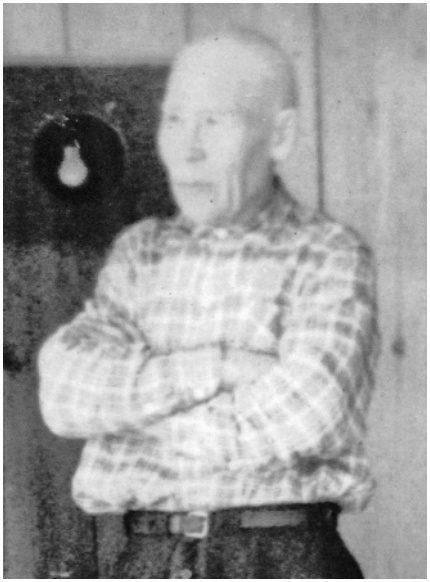
Однажды во время нашей встречи, когда Александру Петровичу было уже за восемьдесят и на свою постоянную выставку в Козыревске он уже не надеялся, после долгого раздумья заявил, что семья советует отдать картины в город, в художественный музей. Я связался с искусствоведом А. С. Черкашиной, договорились, что вывезем работы. Но это дело не простое — нужны специальный транспорт, упаковка работ, подготовка документов. Тогда ещё не было моста через реку Камчатку, надо было переправляться на пароме. При встрече с главой Усть-Камчатского района А. И. Тихомировым предупредил его, что готовится передача коллекции художника в Петропавловск.

Надо отдать должное Александру Ивановичу — он тут же вызвал к себе начальника отдела культуры района В. П. Кириллову и попросил сделать так, чтобы картины остались в районе, позвонил главе Козыревска, потребовал — картины никому не отдавать...

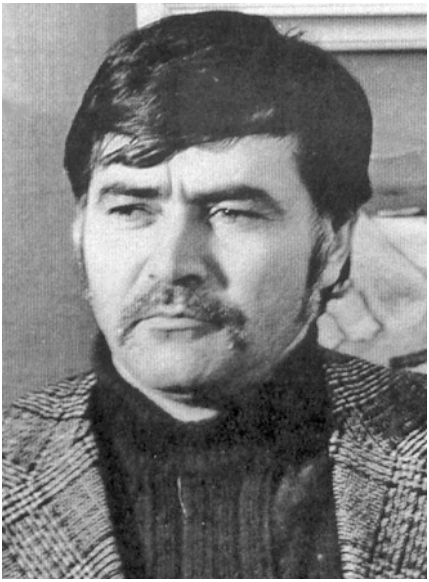
Через два года большая часть творческого наследия А. П. Мешкова была приобретена, доставлена в Усть-Камчатск и размещена в музее, работающем на общественных началах. Небольшая часть работ осталась в доме Мешковых. Сейчас труды А. П. Мешкова украшают дома односельчан, многие вывезены за пределы Козыревска и находятся у бывших селян, некоторые приобретены туристами, а ряд работ ушёл за рубеж, например, «Славное море, священный Байкал...»

Когда его работы кто-то приобретал, он обязательно писал копию, но считал её оригиналом, так как она выполнена самим автором. В нескольких работах («Собачья упряжка», «С охоты», «Три охотника») Александр Петрович запечатлел самого себя.

Безусловно, творческое наследие самобытного камчатского мастера А. П. Мешкова требует осмысления и знакомства с ним большего количества зрителей. Для этого нужно организовать выставку его работ в краевом центре.

Художник И. Х. Коркин

Художник В. В. Санакоев

Автор книги обсуждает фотографии с художником А. П. Мешковым, 2013 г.
Фото М. Б. Киле

Дом художника А. П. Мешкова в Козыревске

Командир Усть-Камчатского партизанского отряда Я. М. Созутов в годы Первой мировой войны

Ф. Е. Еланцев, послевоенный снимок

Усть-камчатское детство

Родился я на Дембиевской косе, в заводском посёлке Усть-Камчатского рыбокомбината. Комбинат в то время состоял из двух заводов — РКЗ-65 и РКЗ-66. 65-й завод располагался в 12 километрах на так называемой «Второзаводской косе».

Первоначально РКЗ имел порядковый № 1, так как был построен самым первым и пущен в июле 1927 г. В то время рядом с заводом и рыболовецким колхозом имелись жестянобаночная фабрика, торговая база, рыбкооп, недавно была пущена новая электростанция. Рыболовецкий колхоз «Путь Ленина» имел добывающий флот, состоявший из судов типов СРТР, РБ, МРС-80, затем стали прибывать новые МРС-225.

Районный центр Усть-Камчатск, находившийся через протоку Озерную, в 1960—1970-х гг. был довольно большим, по камчатским меркам, населённым пунктом, центром рыбной промышленности Восточной Камчатки. Здесь действовали крупный морской торговый порт, лесоперевалочная база, Варгановское СМУ, несколько других предприятий и организаций.

Наш посёлок состоял из сотни частных домов, трёх десятков бараков, крытых деревянной черепицей, в том числе переоборудованных под жильё бывших так называемых «японских» складов, с «коридорной системой», обитых американским гофрированным железом. Был ещё десяток двухэтажных одноподъездных домов из бруса, с маленькими квартирками, вот и все строения.

Посёлок на Дембиевской косе имел давнюю историю. Первоначально на его месте жили ительмены. В 1918 г. В. К. Арсеньев производил здесь раскопки их древнего острожка. Затем, с приходом казаков в начале XVIII в., на косе возникли летовья, где нижнекамчатцы заготавливали на зиму рыбу.

В 1910 г. рыбопромышленники построили первый завод производительностью до 10 тыс. банок в сутки. Чуть позже рядом с ним возвели другой — «Нерпичий», включавший цехи, склады, узкоколейную железную дорогу. К 1920-м гг. была сооружена радиостанция, летнее жильё и даже теннисный корт. Все жилые и производственные помещения имели электрическое освещение.

В 1923 г. цунами смыло все постройки. В апреле 1927 г. началось строительство нового РКЗ — первого государственного — и жилых

бараков. Постепенно складывалось местное население. Тогда же на окраине рабочего посёлка появилось русское кладбище, впоследствии рядом возникло и японское. Русское кладбище существовало до конца 1950-х гг. За посёлком и кладбищем в 1950-х гг. построили жестянобаночную фабрику. Потом, когда посёлок стал быстро строиться, возник жилой район Таракановка.

Постепенно кладбище оказалось в центре посёлка, поэтому в конце 1950-х гг. в двух километрах от жилья было открыто новое. К началу 1960 г. возник ещё один микрорайон — Новая Таракановка, включавший примерно шестьдесят частных домохозяйств. Кроме жилья, здесь были построены: отделение торговой базы, погранзастава, магазин, трёхэтажная средняя школа, детский сад, стадион «Труд», электростанция (сначала паротурбинная, впоследствии дизельная), конюшни, забойный цех, десяток рыбстроевских бараков.

Посёлок начинался от баров, первой шла территория морского порта, состоявшая из складов, причалов с крановым хозяйством, гаража и других строений. Далее на бывшей моторно-рыболовной станции находилась производственная база рыболовецкого колхоза «Путь Ленина», затем начинался «частный сектор». На морской стороне находились комплекс больничных зданий, недалеко — аптека № 46 и, конечно, достопримечательность Усть-Камчатска — маяк, начинавший действовать вечером в сумерках.

Три раза в неделю выходила районная газета «Ленинский путь». В её редакции в разное время работали Владимир и Алла Овчинниковы, Николай Санеев, Владимир Кирпищиков, позже ставшие известными на Камчатке литераторами.

В нашем посёлке был кинотеатр «Луч», где билет на дневной сеанс стоил 10–15 коп., на вечерние, начинавшиеся в пять, семь и девять вечера, в зависимости от ряда, — 20, 35 и 45 коп. А чтобы точно попасть на сеанс, ибо желающих сделать это оказывалось больше, чем мест в зале, летом надо было купить билет заранее. В фойе кинотеатра висели в рамах большие репродукции картин — «Охотники на привале» В. Г. Перова и «Поезд в ночи», автора не помню. Эта картина завораживала своей загадочной тревогой. Иногда здесь работал буфет, где продавалось местное мороженое по 9 коп. за 100-граммовый бумажный стаканчик. Его качество было отменным, оно приготовлялось из натуральных сливок и сливочного масла.

В центре посёлка находились магазины. Вот каменное здание гастронома с тремя отделами. Здесь можно купить болгарские и отечественные овощные консервы в стеклянных банках, сгущённое молоко, какао, кофе, три-четыре вида болгарских конфитюров,

консервированные абрикосы, венгерские сливы. На зиму покупали ящики болгарских огурцов и помидоров в стеклянных 800-граммовых банках. Из этих консервов после добавления репчатого лука и свежей сметаны получался вкусный салат.

Продавались три-четыре сорта мяса. Баранина стоила 1 руб. 80 коп., свинина и говядина обходились подороже — 2 руб. 50 коп. и 3 руб. за килограмм.

Когда приходил пароход с товаром, «выбрасывали» копчёную и полукопчёную колбасу, она стоила от 2 руб. 20 коп. за килограмм и выше. Но наибольшим спросом у населения пользовалась колбаса, произведённая местным цехом из оленины, стоившая всего 1 руб. 20 коп. В продаже всегда были свежая сметана, молоко и творог из соседнего совхоза «Крутобереговский».

За молоком ходили с трёхлитровым бидончиком. В принесённую с собой стеклянную банку можно было купить сметану или нерафинированное растительное масло. Его наливали при помощи ручного насоса из стальной бочки. Всё купленное помещалось в сетку-«авоську». Муку и сахар некоторые хозяйки брали «про запас» и ссыпали в наволочки.

Широкий ассортимент был у винно-водочных изделий, но наибольшим успехом среди почитателей алкоголя пользовалось местное вино «Фруктовое» по 1 руб. 22 коп. за бутылку. Как рассказывали, однажды кто-то утонул в чане с этим вином, и его производство закрыли.

Кроме центрального гастронома, в Первозаводском посёлке были и другие торговые точки — продуктовый магазин в Таракановке, магазин № 2 около колхоза и ларёк. Выбор товаров в них был такой же, как и в гастрономе. Запомнился ассортимент шоколада: «Цирк», «Спорт», «Алёнка», «Кросс», «Дорожный» и конечно же батончики, стоившие 55 коп. По мнению большинства моих сверстников, нынешние марки шоколада по вкусу и качеству не годятся им и в подмётки...

Напротив гастронома находился хозяйственный магазин, где продавались инструменты, посуда, строительные материалы и другие нужные вещи. Промтовары можно было купить и в универмаге, рядом с которым был самый желанный для детей магазин — «Культмаг». В нём продавались карандаши, краски, альбомы, игрушки, детские игры, магнитофоны, радиоприёмники и другие очень заманчивые вещи.

Особо хочется сказать об усть-камчатском хлебе. Печи в первозаводской пекарне топили берёзовыми дровами, тесто месили вручную,

всё это делало хлеб вкусным и румяным. При нажатии на булку она полностью сжималась, а потом приобретала начальный вид. Купив булку, сразу же хотелось отломить от неё хрустящую корочку. После закрытия пекарни такого вкусного хлеба я больше никогда и нигде не встречал...

В 1960-х гг. работал цех по выпуску газированной воды, но нам почему-то её не завозили. Пирожные продавались редко. Тут мы находили простой выход — отрезали ломоть мягкого белого хлеба, намазывали слой сливочного масла (иногда попадалось шоколадное), сверху посыпали сахаром. Было очень вкусно.

Осенью, когда приходила баржа из Ключей, закупали на засолку капусту, килограмм её стоил 8 коп. Дома солили капусту в 120-литровой бочке. Кочаны шинковали специально изготовленными из обычных кос ножами; соль, морковь добавляли «на глазок». Капусту хранили в холодном коридоре, она замерзала, поэтому перед готовкой её надо было заранее нарубить, набрать в чашку и дать растаять. Кроме капусты, на зиму заготавливали ягоду — шикшу, бруснику, их заливали холодной водой и ставили в холодное место. Из рябины готовили душистое варенье с пенкой, также делали варенье из жимолости.

Праздником для детей становилось появление арбузов. Их завозили один раз в год, к осени, продавали на рынке, находившемся рядом с гастрономом. К Новому году привозили мандарины.

С ноября ловили корюшку, её жарили на сковороде до образования золотистой корочки, варили уху, но чаще вялили.

В посёлке улицы располагались вдоль протоки Озерной — Речная, Рабочая, Первого мая, Морская и самая большая — Комсомольская. На Комсомольской даже были заметны элементы благоустройства — несколько десятков метров можно было пройти по бетонному тротуару. Растительности на косе почти не имелось, на всём её протяжении имелся всего с десяток деревьев и кустов.

Жизнь посёлка определяли комбинат и рыболовецкий колхоз. Сюда со всех концов Советского Союза на путину съезжались сотни людей, кто за «длинным рублём», кто — за романтикой, специалистов направляли по распределению. Кроме сезонных рабочих, договор с которыми заключали на шесть месяцев, приезжали студенты Дальрыбвтуза и рыбопромышленного техникума. Были и лица, трудившиеся по так называемым «межпутинным» договорам, то есть отрабатывавшие путину и уезжавшие домой, а на следующий сезон приезжавшие снова, за ними закреплялось их рабочее место.

Сезонников поселяли на берегу океана в «палатках». Так называли одноэтажные дощатые строения в одну комнату с печкой посредине. По периметру стен здесь стояли железные кровати, всего в таком помещении помещалось 12–15 чел. «Интерьер» составляли стол, тумбочки и табуреты.

Если учесть, что часть сезонных рабочих были семейными, то понятно, что о полноценном отдыхе не могло быть и речи. Но люди как-то выходили из положения, например отгораживали себе уголки занавесками. В 1970-х гг. построили семь общежитий барачного типа, в них уже было центральное отопление и общая кухня, куда подвели воду.

Наша семья жила в маленьком однокомнатном доме № 51 на улице Первого мая. Дом был засыпной, отец его купил недостроенным, пристроил большую холодную веранду и гараж для мотоцикла. Под одной крышей с домом был дровяник для хранения на зиму запаса топлива и хозяйственная постройка, для содержания кур.

Из мебели у нас были этажерка, диван-«атаманка», стол, тумбочка. На ней стояла радиола, а внутри — большой набор грампластинок на 33 и 78 оборотов. В дошкольное время моей любимой пластинкой была «По малину в сад пойдём, в сад пойдём, мы малины наберём, наберём. Сладкая ты моя, ягодка-малинка». На этой же пластинке был записан вот такой хит: «Я слова не выбираю, но немного путаю. Кошка ходит в первый класс, Катя глупая у нас...»

В середине 1960-х гг. мы переехали в рубленый дом, построенный дедом Василием Андреевичем Борисовым. Он состоял уже из двух жилых комнат, окна размещались так, что летом в доме темно было меньше двух часов: в июле смеркалось только в первом часу, а около трёх на северо-востоке опять занималась красная полоса новой зари.

В зале находились две рамки с фотографиями родственников, сегодня я очень сожалею, что они не сохранились. Здесь же висели репродукции с картин К. Брюллова «Всадница» и В. Тропинина «Кружевница». В центре стоял круглый стол, над ним в красном абажуре висела электрическая лампа, иногда зажигали керосиновую.

Рядом с домом был огород размером от 12 до 20 соток, где обычно только к 7—10 июня высаживали картошку. Землю пахали на лошади однолемешным плугом. Об этом надо было заранее договориться с конюхом, обычно ему платили за вспашку 5 руб. Кроме огорода, имелись ещё и грядки, где росли морковь, лук, укроп, петрушка, свёкла, репа. Самым первым к Дню рыбака поспевал редис.

Климат в Усть-Камчатске заметно изменился. В 1960—1970-х гг. снег сходил в мае, хотя нередко его можно было видеть и в первых числах июня. Июнь был холодным, температура обычно держалась ниже плюс 10 градусов, с морским ветерком. Причина холода — много снега в горах, остывший за зиму океан тоже дышал холодом, тем более что с севера течением заносило поля полярного льда. Помню только три-четыре действительно тёплых дня. Обычно же с моря постоянно дул прохладный ветер, а когда «моряк» прекращался, ветер разворачивался на 180 градусов и тянул с «гнилого угла», от Нерпичьего озера, часто принося осадки. Зато в середине 1980-х бывало лето, когда неделями стояла хорошая погода.

Так как Усть-Камчатск расположен на берегу реки Камчатки и протоки Озерной, связь между микрорайонами, а их было пять — Первый и Второй заводы, деревня, Варгановка и Новый посёлок — осуществлялась на ходивших по расписанию речных трамваях. В разное время трамваи и пассажирские катера назывались «Московский фестиваль», «Камчатский фестиваль», «Кристалл», «Рубин», «Лебедь». В октябре 1972 г. совершил первый рейс дизель-электроход «Капитан Драбкин», до сих пор перевозящий автотранспорт и пассажиров.

Бывало, зимой часто отключали электричество, мы сидели при свете керосиновой лампы или свечей. Помню, зимой 1973 г. случился сильный «мокрый циклон». Потом резко подморозило, мокрый снег налип на провода, произошло множество порывов. Пока устраняли аварии, мы больше недели не ходили в школу.

Дважды в год, 1 мая и 7 ноября, проводились демонстрации трудящихся. Первоначально они шли в деревне и на Первом заводе. С 1970-х гг., когда был построен микрорайон Новый посёлок, состоявший из нескольких кварталов двухэтажных деревянных домов из бруса, на площади Юбилейной, названной так в связи с 50-летием советской власти, пришедшимся на 1967 г., демонстрации стали проходить здесь.

На площади рядом с памятником В. И. Ленину, установленному в октябре 1972 г., возводилась трибуна, на ней возвышались районные руководители партии и советской власти. Колонны выстраивались на улице Ленина перед площадью. Порядок их прохождения заранее объявлялся через местную газету. Первыми шли школы, их было две — наша № 1 и № 3. Позже, в 1982 г., была построена школа № 2 на мысе Погодном. Затем двигались колонны предприятий и организаций.

Как правило, шествие каждого коллектива возглавляли руководители, затем двигался украшенный лозунгами или картинами, рассказывающими о труде, автомобиль, далее с флагами и транспарантами шли работники. Они несли портреты членов политбюро ЦК КПСС, флаги союзных республик, лозунги. Репродукторы воспроизводили музыку. Перед трибуной стояли группы со знамёнами райкомов КПСС и ВЛКСМ, райисполкома.

Движение начиналось в одиннадцать дня. Диктор с трибуны объявлял, например, что идёт колонна рыбокомбината, досрочно выполнившего годовой план по добыче рыбы и выпуску консервов, называл фамилии передовиков производства. Все дружно кричали «Ура!» Колонна проходила площадь, её сменяла следующая... Царили приподнятое настроение и праздничная обстановка. На демонстрации собирались почти все жители посёлка.

На этой же площади к Новому году для детей и взрослых насыпали высокую снежную горку, откуда можно было кататься на санках. А рядом местные мастера возводили снежные фигуры Деда Мороза, Снегурочки, разных сказочных персонажей, ставили наряженную ёлку.

В нашей семье ёлку устанавливали каждый Новый год. С последним катером из Козыревского или Атласовского лесхоза для торговой базы привозили с десяток деревьев. Самое большое оставляли в клубе предприятия, а поменьше разбирали работники. Отец приносил ёлку домой и ставил её в ведро с водой в холодном сарае. Так она неплохо сохранялась до конца декабря. В последних числах декабря ёлку наряжали стеклянными игрушками, их у нас был целый ящик. В нём — часы, показывавшие 23.55, фигурки зверей, разные шары. Их подвешивали на верёвочках, вдетых в специальные ушки, другие игрушки крепились к веткам на металлических прищепках. Несколько игрушек было из папье-маше. Были и овощи, из них самая популярная — кукуруза, получившая широкую известность при Н. С. Хрущёве. Людей представляли космонавты, сказочных героев — Красная Шапочка, Чиполлино.

Ёлку также украшали «дождём», а на вершину водружали красную звезду, вешали электрическую гирлянду из разноцветных лампочек. Под неё ставили мягкие фигурки Деда Мороза и Снегурочки, низ укутывали слоем ваты, изображавшим снег. В цветных пакетиках продавались разноцветные конфетти.

Всё было готово к встрече Нового года, оставалось вручить детям подарок, полный разных конфет и шоколадок, упакованных в обычный бумажный пакетик из серой оберточной бумаги. Но на его

наружность внимания никто не обращал, а тут же смотрели, что внутри? Начиналась «ревизия» содержимого и его дегустация.

Детские занятия в течение года распределялись примерно так: в сентябре шли в школу; после занятий к вечеру школьники со всей улицы собирались на стадионе, играли в футбол, делились на две команды, человек по пять-семь. Гоняли мяч до темноты, пока его было видно. Зимой посещали спортивную секцию, где по три-четыре часа играли в баскетбол, волейбол, часто ходили кататься с горок. Одной из них нам служило овощехранилище, его переметало снегом, и получался хороший спуск под углом 45 градусов.

Когда в конце июля только поспевала ягода, мы почти каждый день пропадали в тундре. Больше всего было шикши, немного меньше голубицы, но особой популярностью у нас пользовалась княженика. Девчонки обычно собирали ягоду в банки, а мальчишки ели её тут же. Ранней весной, когда с севера приносило арктические льды, мы уходили на береговую полосу «штормовать». Надо было забраться на льдину, находившуюся на плаву или на уровне прибоя, и ждать большой волны. Чаще это заканчивалось благополучно, но иногда кого-нибудь уносило в открытое море, случались и трагические исходы. Местные девчонки отличались смелостью. Однажды они дошли по льду, когда ветер дул с моря, до судов, стоявших на рейде, и благополучно вернулись обратно.

После шторма летом очень часто ходили в походы, километров по 7–10 в одну сторону, в поисках разных иностранных бутылок. К осени собиралась приличная коллекция с надписями и орлами на стекле. Потом эти бутылки родители выкидывали, а на следующий год всё повторялось.

С годами мы всё дальше уходили от посёлка. Учась в пятом и шестом классах, уже отправлялись в походы с ночёвкой. Затем стали покорять горы Камчатского мыса, знакомиться с окружающей природой. Поднимались на высоту до 1 250 метров, неоднократно переходили бурные камчатские реки. Сталкивались с медведями, но все эти случайные встречи заканчивались благополучно для обеих сторон. В нашем посёлке детей было очень много, и мы устраивали разные игры — в войну, лапту, штандар, банку, казаков-разбойников.

Рядом на берегу океана стояли две вышки пограничников, откуда они наблюдали за Камчатским заливом. Ночью выкатывали мощный прожектор и освещали поверхность воды. Рядом с вышками были оборудованы окопы и блиндажи. Вот эти сооружения и стали нашей «вотчиной». Здесь мы и играли во все наши игры.

Среди нехитрых спортивных сооружений запомнились самодельные качели и карусель, представлявшая собой высокий столб с закреплённой шестернёй, возможно от трактора. К ней привязаны морские канаты, на которых могли кататься пять-шесть ребят.

Особым праздником был фестиваль, проводившийся на стадионе «Труд», весь он был расцвечен флагами, играла музыка, работал буфет. Здесь шли спортивные соревнования — футбольные матчи, легкоатлетические соревнования, иногда выступал ансамбль Тихоокеанского флота.

Уровень команд был довольно высок. Так, например, за морской торговый порт выступали выпускники мореходных училищ Одессы, Калининграда, Владивостока. Сильные команды имелись на лесопервалочной базе, военные выставляли команду «Экран», не отставали и наши заводские футболисты. А в 1970-х гг. из Ростова-на-Дону приехали выпускники спортивного института, перворазрядники и даже два-три кандидата в мастера спорта. Соответственно, и другие спортсмены стали подтягиваться к этому уровню.

Летом самым нудным и неинтересным занятием становилась прополка картошки. Чтобы избежать её, мы собирались человек по пять-семь, по очереди шли за очередным «работником» и отпрашивали его у родителей «на соревнование». Обычно это срабатывало.

В 1960-х гг. в Усть-Камчатске часто отмечались землетрясения, иногда объявляли цунами. Так, 12 ноября 1964 г. утром небо заволокло чёрной тучей, стало темно, гремел гром, небо освещалось электрическими разрядами. Народ запаниковал, так как многие впервые узнали, что такое извержение вулкана. Потом туча ушла в океан, вышло солнце, а поселок оказался белым — выпало сантиметров шесть пепла. На следующий год урожай картофеля оказался очень хорошим.

В середине 1960-х гг. в посёлок поступили машины-«цунамки», крытые грузовики ГАЗ-63. Они стояли в ряд в гаражах предприятий, в случае угрозы цунами на них должно было эвакуироваться население. До этого, когда объявляли цунами, использовалась любая техника — самосвалы, трактора с тележками, грузовики, несмотря на то, что обычно эвакуация проходила зимой. Когда случалось сильное землетрясение, все жители стремились к школе, она была трёхэтажная, блочная и находилась на самом высоком месте. Народ собирался у школы, штурмом брал подъезжавшие автомобили, при этом особой паники обычно не возникало. Все ждали пуска сигнальной ракеты. Когда она освещала территорию, колонна начинала движение в сторону села Крутоберегово, расположенного на

расстоянии 18 километров, подбирая по пути тех, кто двигался своим ходом. Иногда люди бежали зимой лишь в той одежке, в коей их застало землетрясение.

После декабрьской встряски 1971 г., когда сила толчков превысила семь баллов и в школьной стене образовалась трещина величиной с кулак, у нас около месяца были незапланированные каникулы. Пока трещину заделывали, мы отдыхали. Во время этого землетрясения столбы линий электропередачи шатались в разные стороны, провода касались друг друга, искры летели на всём протяжении линии. Дома трещали и скрипели. Земля гудела, собаки истошно лаяли. Как-то во время одной зимней эвакуации директор комбината посадил свою семью на вездеход и по бездорожью первым пытался уехать в безопасное место, но, проехав метров 500, вездеход поломался, в аккурат возле сельского кладбища. Уже была объявлена угроза цунами, потом последовала команда «отбой угрозы», а вездеход всё не заводился.

Дома топились дровами. Сложностей с их заготовкой не было. С верховьев реки, из Козыревска и Атласово обычно сплавляли плоты на лесоперевалочную базу. Часть плотов разбивалась, брёвна уносило в океан, а потом во время штормов их выкидывало на берег. Надо было заплатить трактористу десятку, и он тебе притащит пучок первоклассных брёвен кубов на десять. Теперь задача хозяев — распилить их на чурки, те переколоть, сложить дрова в поленницы, а к осени переносить дрова под навес. Этой работой мы, пацаны, занимались с удовольствием.

Однажды во время сбора брёвен приключилось вот что. Тракторист оставил работающую машину на берегу, а сам отлучился минут на двадцать. Пришёл — а из воды торчит только кабина. Песок оказался зыбким, шел большой накат, и трактор постепенно замыло, спасти его не удалось.

В посёлке имелся заводской клуб, где по выходным играл местный вокально-инструментальный ансамбль «Пилигримы». Репертуар его был самый разнообразный, не отказывались наши музыканты исполнять и хиты иностранных ансамблей. Но их местный английский «диалект» был трудно понятен даже знающим этот язык.

В клубе иногда выступали артисты из Москвы и Ленинграда. Как-то нас посетил Виктор Гин с ансамблем, который здесь же представил премьеру песни — «Княженика». Мы с ним общались, потом он прислал мне свою визитную карточку.

Зимой случались сильные пурги, тогда занятия в школе отменяли, а мы надевали лыжи и шли в гости к кому-нибудь из одно-

классников, где пили чай и слушали записанную на магнитофон музыку — «Листья жёлтые над городом кружатся», «Опустилось вдруг небо ниже» и прочее.

Где-то в середине 1960-х гг. в посёлке появился первый бобинный магнитофон «Чайка-66» — писк тогдашней моды. Репертуар был такой: «Под железный звон кольчуги, на коня верхом садясь», «Опять от меня сбежала последняя электричка», «Ты мне вчера сказала, что позвонишь сегодня», а также концерты Высоцкого, крайне низкого качества записи. Не всегда с первого раза можно было разобрать смысл напеваемого. Как-то мы долго «расшифровывали» содержание одой песни, затем выучили её наизусть. До сих пор помню её слова: «У вина достоинство, говорят, целебное. Я решил попробовать, бутылку взял, открыл, вдруг оттуда вылезло что-то непотребное, может быть, зелёный змий, а может, крокодил»... Позже популярными были магнитофоны марок «Комета», «Яуза», затем появился переносной «Романтик».

С июня по сентябрь взрослые могли проводить свободное время так. На выходные предприятия заказывали грузовую машину, вдоль бортов кузова делались лавки, люди набирали разных продуктов и ехали в берёзовый лес, к подножию Камчатского мыса, километрах в 12–15 от посёлка. Это действо называлось «питник», от слова «пить». Здесь иногда играли в волейбол, много ели и пили вино или водку. Попутно обсуждали новости и даже решали производственные вопросы. К вечеру колонны машин со смехом и песнями возвращались в посёлок. Хотя шофёры тоже были «навеселе», обычно поездки заканчивались благополучно, так как на просёлочных дорогах скорость не превышала сорока километров в час.

Те, кто имел мотоциклы, объединялись в свою компанию или примыкали к товарищам по работе. Легкового транспорта тогда почти не было. Во всём посёлке имелась одна «Волга» ГАЗ-21, два-три «Москвича». Ценились мотоциклы «Урал», их насчитывалось около десятка. Кроме «Уралов» были популярны мотоциклы «Иж-Планета» и «Иж-Юпитер». В 1970-х гг. появились мопеды, сначала «Рига-3» и «Рига-4», но их было всего три-четыре. Зато в 1974 г. пришла большая партия мопедов «Верховина-3». Их владельцами были старшеклассники, это зачастую становилось их первым знакомством с техникой. Собирались по трое-четверо и отправлялись в познавательные поездки по лесным и просёлочным дорогам в радиусе 10–15 километров от посёлка.

Постепенно появилось много техники, но свою роль продолжал играть и гужевой транспорт. На самой окраине посёлка находились

конюшни, где предприятия содержали лошадей. Здесь был штат конюхов и возчиков. Конюшни представляли собой длинные одноэтажные сооружения с широким проходом по центру, по бокам размещались лошадиные стойла. Отец одной соседской девочки работал конюхом, и мы иногда катались на лошадях. Зимой любили ездить на санях, запряжённых лошадью, а летом — на двухосной телеге.

Телевидение в Усть-Камчатске появилось только в самом начале 1980-х гг., до этого мы ловили приёмниками передачи радиостанции «Маяк» и много читали. Помню, наша семья выписывала газеты «Камчатская правда», «Ленинский путь», «Труд», «Комсомольская правда», «Советский спорт»; журналы «Роман-газета», «Техника — молодёжи», «Вокруг света», «Пионер», «Костёр», «Шахматы в СССР» и ещё три-четыре наименования. Заказывали и исторические книги — «За землю русскую», «Святослав», «Владимир» и другие. Это были первые книги, которые я прочитал, за ними последовали «Водители фрегатов», «Наследник из Калькутты», «Как закалялась сталь».

Добраться до Петропавловска можно было только самолётом, летали Ли-2, к 1970-м гг. появились Як-40. Билет до города стоил сначала 12, потом 18, 22, а к 1980-м гг. — уже 27 руб. Тем не менее, мужики отправлялись в город попить пивка, улетали в пятницу вторым бортом и прилетали в воскресенье к вечеру. Все обязательно везли в канистрах пиво, так как его у нас не продавали, а сушёной корюшки было вдоволь.

Особые чувства у нас вызывали теплоходы «Николаевск» и «Петропавловск». На них текла другая 18-часовая жизнь со своим неповторимым окрасом, работали рестораны и бары. Вокруг лежал океан, виднелось суровое камчатское побережье, происходили знакомства и встречи. Пассажиров было так много, что даже существовал экспрессный рейс Петропавловск — Усть-Камчатск — Никольское — Петропавловск.

В то время не было понятия «браконьерство». Во время путины ежедневно на приёмную пристань рыбокомбината приходили рыбацкие суда и привозили только что выловленную в море рыбу. Можно было взять две-три штуки на еду, а прилов — крабы, бычки, коньки, угольную рыбу, палтуса, когда они попадались в нескольких экземплярах, просто выбрасывали. Те, кто рыбачил на реке, привозили рыбу себе и соседям для посола, обычно на зиму солили 50-литровый бочонок кижуча, а любители деликатесов выписывали в комбинате лососёвые головки по цене 18 коп. за кило-

грамм. Обычно к осени многие коптили балык, причём его почти не продавали, а угощали соседей и друзей.

В первый класс я пошёл в 1966 г. Школа — двухэтажное деревянное здание из бруса — стояла возле кинотеатра «Луч». Здесь на первом этаже был небольшой буфет, где продавали горячие пирожки по 3 коп., на первом и втором этажах располагались классы, с первого по четвёртый, «а» и «б», всего восемь. Первой моей учительницей была Зинаида Петровна Круглова, прекрасный человек и педагог. Помню, в третьем классе я несколько раз сделал ошибку в слове «шёл», писал его через «о». Зинаида Петровна крупно написала это слово на листе бумаге специально для меня, с тех пор больше ошибок я не допускал.

В первый день меня посадили за парту со скромной чёрненькой девочкой — Любой Бурнайкиной. Весь год мы просидели рядом почти не общаясь, молчание на уроках тогда было нормой поведения. Я знал, что Люба — из коренного населения Камчатки. Её мама, происходившая из рода Расторгуевых села Камаки, была награждена за труд орденом. Надо же было так случиться, что через двадцать лет мне пришлось много времени посвятить изучению коренного народа Камчатки — ительменов, представителем которого была моя соседка по парте! Больше у нас местных жителей в классе не было.

С Любой Бурнайкиной мы проучились вместе десять лет, за это время обмолвились, может быть, парой фраз, и всё. Зато позже, когда приезжал в Усть-Камчатск, обязательно заходил в гости к её маме — тёте Нине, она угощала меня чаем, вспоминала общих знакомых, рассказывала о камчатской старине, о русалках и нынешних урожаях, о том, как её дочь Люба ныне живёт в Архангельске.

В первом классе, когда мы научились читать, в букваре попался рассказ, где несколько раз повторялось имя В. И. Ленина. Я долго не мог понять, что это за «ВИЛенин». Впервые испугался. Думаю: сейчас вызовут прочитать абзац, и опозорюсь, все будут смеяться, но пронесло, не спросили.

В 1969 г., когда учился в третьем классе, самых лучших из нас, а всего было около двадцати, обещали принять в пионеры. Отбирали по тому, как учишься и ведёшь себя. С замиранием, в полной тишине, слушали список принимаемых в пионеры. Волновался — попаду в первый десяток или нет, хотя учился на хорошо и отлично. Моё имя назвали седьмым или восьмым...

Сразу же получил первый «урок демократии». Решили назвать наш пионерский отряд именем героя. Я предложил космонавта Берегового, который как раз полетел в космос за несколько дней до

нашего вступления в пионеры. Но мою идею отвергли, и отряд по предложению учительницы назвали именем пионерки-героини Зины Портновой, о которой мы имели весьма смутные представления...

Летом и осенью, во время сбора урожая, нас, школьников, отправляли на совхозные поля «на турнепс». Выезжали классы с шестого по десятый, вручную грузили турнепс в машины и тракторные тележки.

Наступил май 1976 г. — последний звонок, выпускные экзамены. Уже с третьей четверти ощущалось некоторое волнение по поводу большого списка предметов, по которым надо сдавать экзамены. К десятому классу нас осталось всего шестнадцать человек. Это — Саша Стефурак, Костя Перфильев — дети военнослужащих, я, Витя Завалишин и Гена Ярошенко из Крутоберегово. Девчата — Ольга Щуркина, Ольга Айтгалина, Наталья Давыдова, Люба Бурнайкина, Люся Шапенкова, Надя Полуэктова, Надя Сычёва, Валя Аверкина; из Крутоберегово — Лена Никитина, Люба Обвинцева и Наташа Степаненко. С первого класса до десятого нас дошло только трое — Люба Бурнайкина, Наташа Давыдова и я.

«Последний звонок» прошёл для меня на высоком эмоциональном подъёме, на одном дыхании. Знамя школы нёс Саша Стефурак, любимчик учителей. Говорили речи, зачитали телеграмму от нашей первой учительницы Зинаиды Петровны Кругловой. Треснутый школьный колокольчик издал последний для нас звонок.

Экзамены тоже прошли на одном дыхании. Выпускной вечер состоялся в клубе рыбокомбината. Вручали аттестаты зрелости, всё это снимал отец Кости Перфильева, по его предложению профессионального фотографа не пригласили. Но выпускных фотографий так никто и не увидел. Костя позже работал редактором газеты в Приднестровье во время столкновения с Молдавией.

По окончании школы чётко не представлял, где буду учиться дальше. Была возможность поступить в военно-топографическое училище в Ленинграде, но вызова на экзамены оттуда я не дождался. Ещё в девятом классе в школе висел плакат с условиями поступления в Дальрыбвтуз. Я его снял, принёс домой, повесил в своей комнате, чтобы досконально изучить. Там оказались сведения только о морских специальностях, а для поступления на инженера-технолога необходимо было сдавать химию, в коей я был совсем не силён.

Всё решил случай. Летом 1976 г. на Камчатку приехал чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Он проводил сеансы одновременной игры. Как-то в вечерних новостях камчатское радио объявило, что Карпов победил всех соперников, только одну

партию — с директором Петропавловского рыбопромышленного техникума В. Н. Степановым — закончил вничью.

А на наш РКЗ на практику в этом же 1976 г. приехали студенты этого техникума. Естественно, общались со сверстниками, играли в футбол, баскетбол, ходили в общежитие, где состязались в шахматы. Среди студентов были два корейца, один по фамилии Хан. Поделился с ребятами своими сомнениями — куда пойти учиться, ведь на календаре уже начало июля. Хан предложил мне поступить в их техникум.

Мне было почти всё равно, куда идти, тем более что и в городе выбор был тоже небольшой. Единственное, что я не ставил под сомнение, это то, что учиться дальше надо. Сдал документы в техникум, тогда официально именовавшийся Петропавловск-Камчатским морским рыбопромышленным.

Директор техникума после сдачи документов беседовал с абитуриентами. Я к этому был готов. Спросил его, как в техникуме развит спорт, перечислил, во что могу играть, указал, в том числе, и шахматы. Немедленно последовало предложение сыграть партию. Наш микроматч закончился вничью 1,5 : 1,5. Каждый выиграл по партии, одна закончилась вничью. Скажу честно, я как раз и играл на такой счёт, и кое-где не делал сильных ходов.

Когда сдавали экзамены, в комиссии сидел и директор, он что-то сказал преподавателю и вышел. В билете попалось шесть вопросов, ответы на четыре известны, один требовал решения задачи, а ещё один я не знал. Мог рассчитывать на четвёрку. Тут у меня отказала авторучка, пришлось ответы буквально царапать на бумаге. Когда пошёл отвечать, у меня почему-то не спрашивали то, что было написано в билете, а задали три вопроса по правилам и формулам. Ответил на все, но в ведомость почему-то поставили тройку. За сочинение — тоже тройку. Поступавших было человек двадцать, так как мы после десятилетки шли сразу на второй курс. С одной троечкой сдали человек двенадцать, у семи-восьми были две тройки, остальные получили неудовлетворительные оценки. Из тех, кто сдал с тройками, по конкурсу проходили только трое. Я оказался восемнадцатым или девятнадцатым.

Так и стал учащимся группы 2ТБ, что означало: второй курс, технологическое отделение, группа «б». После сдачи экзамена и зачисления ещё оставалось дней десять до начала занятий, и, конечно, я решил ехать домой, жил ещё той, домашней, жизнью.

Впервые попал в студенческое общежитие. Надо сказать, что культурный уровень народа можно понять как раз в «общаге».

Потом мне приходилось ещё несколько раз обитать в общежитиях. Картина везде была примерно одинаковая: одновременно буквально братские отношения и совместные праздники; ругань и пьянки; скандалы, кражи, драки и многое другое.

Учился в основном на удовлетворительно, только на четвёртом курсе защитил курсовую работу на хорошо и дипломную работу на отлично. Написание конкретной работы мне очень нравилось: вот мой проект, я за него отвечаю, в нём всё зависит от меня. Другое дело, когда тебя вызывают к доске и просят рассказать об устройстве какого-нибудь прибора. Объясняешь в трёх словах, тебе ставят тройку, а надо было рассказывать, как называется устройство, где применяется и прочее, это потом я понял, что от меня хотели.

Учёба стала первой разлукой с родным домом, с близкими и сверстниками. Живёшь с рождения в одном месте, где всё тебе известно, всё родное, и вдруг оказываешься на десять месяцев в чужом городе, вокруг никого, с кем можно было бы поделиться сокровенным и сложностями.

К окончанию второго курса заранее купил билет на пароход. Вот сдан последний экзамен, завтра в 19.00 отправление. Но оказалось, что всю нашу группу отправляют на практику в Озерновский комбинат. Надо сказать, что большинство группы составляли учащиеся из города, для них эта поездка — романтика, возможность посмотреть мир и побыть без родительского надзора. А я чувствую, что уже не смогу выдержать ещё два месяца вдали от родины...

После нескольких дней пребывания дома пошёл устраиваться на РКЗ для прохождения практики. Не берут, нет с собой документов. Спасибо начальнику отдела кадров В. Кудрину, он сделал запрос в техникум, оттуда пришли нужные бумаги. Только 17 июля устроился на завод, первое рабочее место — рабочий рыбной пристани (по документам рыбообработчик). Коллектив пристани — две бригады. Первая работала с 08.00 до 20.00, с перерывом на обед с 12.00 до 13.00, вторая — с 20.00 до 08.00.

Работа на пристани мне нравилась, сюда со всего района спешили на сдачу рыбы малые сейнеры, невода колхоза и гослова, речные рыбалки, а их на реке Камчатке было восемь.

Пристань в путину действовала круглосуточно, здесь царил дух соперничества и взаимовыручки, как в калейдоскопе менялись люди и катера, сдававшие рыбу и снова уходившие за новым уловом. Здесь иногда скапливалось до 10–12 судов с кунгасами, полными серебристой рыбы. Наша задача: быстрее освободить кунгас и приступить к следующему. Отдыхали несколько минут,

когда очередной катер переставлял кунгас под разгрузку. Так незаметно пролетала смена.

Следующую практику снова проходил дома. Тогда меня, восемнадцатилетнего, назначили мастером консервного цеха.

После защиты дипломной работы на тему «Производство обесшкуренного филе трески на Усть-Камчатском РКЗ», за которую я получил отлично, нам, выпускникам, предстояло пройти военные сборы на базе ракетных катеров, что расположена в Петропавловске на Богородском озере. Там 22 апреля 1979 г., в день рождения В. И. Ленина, торжественно приняли воинскую присягу...

Судьба подарила мне встречи с очень интересными и известными на Камчатке людьми. С ними общался и набирался у них знаний. Это — учёные ТИНРО И. И. Лагунов, А. Г. Остроумов, В. Ф. Бугаев, академик-вулканолог С. А. Федотов, лесовод В. А. Шамшин, специалист по животному миру М. П. Яськин, археолог А. К. Пономаренко, картограф В. И. Алатырцева, О. И. Толочко, историк Б. П. Полевой, писатели Л. М. Пасенюк, Е. В. Гропянов и многие другие.

Усть-Камчатский рыбоконсервный завод

Причислить к ветеранам рыбной промышленности меня трудно. В моём понимании ветераны — это те, кто работал в 1930—1950-х гг. Но время идёт, и 1970—1980-е гг. уже тоже ушли в прошлое. Мне хотелось бы рассказать об Усть-Камчатском РКЗ 1980-х гг.

Свою первую зарплату — 22 руб. — за работу там я получил в 1971 г., после окончания пятого класса. Нас, школьников, во время летних каникул попросили помочь выкладывать готовые консервные банки. Их, ещё горячие, доставляли на склад в корзинах. Работали мы несколько часов в день, выкладывали не больше двадцати ящиков. Старшеклассники из школы № 3 заработали за это по 35–50 руб.

Позже я трудился здесь в путину 1977 г. во время первой практики, будучи студентом Петропавловск-Камчатского морского рыбопромышленного техникума. «Взрослую» трудовую деятельность на заводе начал по окончании техникума в мае 1979 г. инженером-технологом рыбной пристани. В то время на РКЗ имелось две пристани — «старая» и «новая». Здесь работал до осени 1986 г., когда уволился и уехал в Петропавловск учиться на историческом факультете Камчатского государственного педагогического института. Окончил первый курс, перевёлся на заочное отделение и снова вернулся на завод, пробыв там до 1988 г. Это время совпало с расцветом

предприятия. Достаточно сказать, что тогда консервщики впервые за всю его историю выпустили более 26 млн условных банок (единица учёта консервной продукции, 350 г).

До начала 1970-х управление завода располагалось в рубленом одноэтажном здании на улице Комсомольской, недалеко от поселковой пекарни. А мы работали на старой базе. Сегодня место её расположения можно опознать по старой рыбной пристани и остаткам нескольких засольных цехов.

Скажу несколько слов об истории Усть-Камчатского РКЗ. Его предшественник был построен на морской косе бывшими сахалинскими рыбопромышленниками Х. П. Биричем и А. Г. Дембри в 1910 г. Он выпускал всего 10 тыс. банок в сутки. Затем в двух километрах был сооружён ещё один завод, получивший название «Нерпичий». В устьевой части реки Камчатки располагалось несколько японских РКЗ, работавших по концессионному договору в рамках вначале русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., а затем советско-японской 1928 г.

В апреле 1923 г. оба русских завода смыло цунами. В 1927 г. был построен завод Дальгосрыбтреста, считающийся первым советским государственным предприятием такого рода на Камчатке. В июне 1927 г. с его технологических линий сошли первые банки натуральных консервов из лосося. В этом году предприятие вошло в состав АКО. В конце 1920-х гг. здесь трудились 600–650 рабочих и служащих, русских и японцев. Первым управляющим завода был старый русский рыбопромышленник В. И. Волков, главным инженером — норвежский инженер И. С. Саген.

Одна консервная линия стоила 90 тыс. руб., общие затраты на сооружение завода составили 1,2 млн руб. Промфинплан на первый год работы предусматривал выпуск продукции на 1,24 млн руб., но на деле её произвели на 2,125 млн. Всего в 1927 г. выловили более 2 млн шт. нерки. Из них приготовили 86 352 ящика консервов. В 1928 г. на берегу протоки Озерной рядом с речной пристанью построили туковый завод. Неподалёку от заводских цехов соорудили бараки для рабочих, радиостанцию. С 1934 г. предприятие именовалось «Усть-Камчатским рыбокомбинатом АКО».

Вот приказ по комбинату от 27 июня 1935 г., сообщавший труженикам показатели утверждённого ему промфинплана: «гослов — 11 600, скуп — 17 000, всего 28 600 ц, по обработке консервов на экспорт — 35 тыс. ящиков, по посолу — 12 419 ц — является планом минимальным... На 25.06.1935 выполнено: гослов — 34, скуп — 43, по консервам — 54 %. По инициативе ударников

нашего коллектива начальником АКО совместно с политсектором объявлен областной конкурс имени "Друга Камчатки Анастаса Ивановича Микояна" на лучший комбинат. Конкурс ставит основной своей задачей выполнение и перевыполнение количественных и качественных показателей плана путины в кратчайший срок и реализацию письма наркома тов. Микояна к секретарю обкома тов. Орлову...»

Предприятие постепенно расширялось, возводились новые цеха, открывались новые производства. После Великой Отечественной войны в его состав входили пять заводов: РКЗ № 61, 63, 64, 65, 66 и другие подразделения. В 1957 г. работали лишь РКЗ-65 («Второй завод») и РКЗ-66 («Первый завод»). В 1969 г. их оборудование перенесли в помещение бывшей жестянобаночной фабрики. Здесь предприятие находилось до сегодняшнего дня, меняя собственников и названия.

15 ноября 1976 г. рыбокомбинат был преобразован в рыбоконсервный завод. В 1985 г. завод выпустил 23 млн 310 тыс. условных банок продукции, которую он отправил в 14 стран. Завод юридически прекратил существование 18 августа 1992 г. На его основе образовалось ОАО «Камчатрыбопродукт». Затем «Камчатрыбопродукт» и рыболовецкий колхоз «Путь Ленина» объединились в фирму «Истерн Стар Кам». В апреле 2000 г. она исключена из единого государственного реестра юридических лиц.

Старая пристань, обеспечивавшая сырьём старую базу, была построена в конце 1920-х гг., когда заработал завод Дальгосрыбтреста. На старой базе в 1970—1980-х гг. имелись холодильник, засольный и бондарный цехи, котельная на твёрдом топливе. Здесь находился склад рыбомучного цеха, в нём хранили и банкотару для сельди. В старом здании тукового цеха, возведённом ещё в 1928 г., стояло оборудование, сделанное в США. В отдельном бетонном сооружении располагался цех по выпуску рыбьего жира.

Засольный цех представлял собой три длинных одноэтажных деревянных здания, построенных в 1932 и 1940 гг. Здесь располагались бытовые помещения, отделения мойки и разделки. Ниже уровня пола находились деревянные засольные чаны. Они были изготовлены настолько качественно, что прослужили несколько десятилетий. По центру проходил транспортёр, подававший разделанную рыбу и соль. Рабочие набивали солью рыбьи тушки и укладывали их в чаны. После чан закрывали деревянной крышкой. Ход посола проверяла технологическая лаборатория. После достижения определённой солёности рыбу вынимали из чана и тарировали,

то есть укладывали рядами в бочки ёмкостью 220 литров. Бочки забондаривали: вставляли днище с двумя отверстиями, через которые заливали приготовленный заранее тузлук. Затем отверстия закрывали деревянными пробками, наблюдали, по необходимости доливали тузлук. На донышко бочки наносили трафарет, где указывали породу рыбы, сорт, дату выработки, фамилию мастера, потом доставляли в холодильные камеры и там хранили до отгрузки потребителю.

Впервые в засольный цех я попал в 1978 г. во время второй студенческой практики, всего на пару дней. Один из них запомнился надолго. Меня направили в холодильную камеру разгружать машину. Машина берёт в кузов шесть бочек весом по 220–250 кг. Нужно выкатить их из кузова и поднять на пять ярусов. Можно было оставить их на первом ярусе, но мне почему-то захотелось закатить на самый верх. Сил было много, тем более что в школе занимался спортом. Пришлось, конечно, тяжеловато, но за день «раскатал» четыре машины. Потом узнал, что обычно погрузкой занималась целая бригада, катавшая бочки по горизонтальной площадке, для чего машины заезжали в специальный приямок. А я был один. Правда, за два дня мне закрыли наряд на 86 руб. прямого заработка, без коэффициента и надбавок. Если считать, что месячная стипендия в техникуме была 48 руб., то это было, конечно, много. Для сравнения: в консервном цехе за 12-часовую смену закрывали, по-моему, всего 5 руб. 73 коп.

В 1985 г. в засольном цехе имелось 212 чанов, способных единовременно вместить 1 070 т лосося. В этом году засолили 1 900 т.

Рядом с засольным цехом находилась небольшая коптилка. Балык готовили только к предстоящим праздникам или по другим важным случаям. Коптильщицей долго работала М. Потапова. Неподалёку от холодильника, ближе к берегу Камчатского залива, стоял склад, обшитый оцинкованным железом. В нём изготавливали и потом хранили деревянные консервные ящики. Склад, судя по старым фотографиям, сохранился с 1930-х гг., тогда таких сооружений было несколько. Это хозяйство располагалось в двух километрах от основной базы.

Основные цеха и производства размещались на территории бывшей жестянобаночной фабрики, которую перевели в Петропавловск. Здесь работали консервный, рыбомучной, ликвидный и икорный цеха, холодильник с камерой хранения на 750 т. Кроме них, имелась «бондарка» — участок, названный так в связи с тем, что здесь намечали создать цех по производству бочкотары. Но оборудова-

ние для этого не поступило, поэтому там приводили в ликвидное состояние готовые консервы. В конце 1980-х гг. организовали кулинарный цех, который возглавила мастер Галина Александровна Брейзак. Она прибыла в Усть-Камчатск в 1978 г. по оргнабору. Сначала трудилась рыбообработчицей, заочно окончила рыбопромышленный техникум в Петропавловске. Вступила в партию, являлась активной общественницей.

Из-за нехватки производственных помещений ликвидные участки с начала путины и до ноября были разбросаны по всей территории комбината, что затрудняло организацию работы.

Главной гордостью предприятия были натуральные консервы из лососёвых пород рыб — нерки, кеты, кижуча, а также «Рагу из дальневосточных лососей», «Уха камчатская», паштеты. В небольших объёмах выпускались натуральные консервы из чавычи, гольца, горбуши и, конечно, знаменитая усть-камчатская икра.

Во время лососёвой путины, начиная с последних дней мая, консервный цех работал до сентября в две смены по 12 часов. В сентябре начиналась односменная работа, затем во второй половине месяца рабочих отправляли в ликвидный цех: до холодов следовало привести в товарный вид все выпущенные консервы и отгрузить их потребителям.

«Привести в ликвидное состояние» означало протереть вручную банку ветошью, слегка смоченной в бензине, наклеить на неё этикетку, уложить в ящик, на ящик нанести трафарет, где обозначены предприятие-изготовитель, наименование консервов, дата изготовления, смена, мастер. Этикетки клеили на специальных машинах. В их наклонный лоток рабочие укладывали банки, после наклейки этикетки банки вручную укладывали в картонные ящики по 48 или 60 штук. Иногда использовали литографированные банки с нанесённой на них цветной картинкой.

Текучесть мастерского состава здесь была очень высокая. Старшими мастерами трудились Т. А. Лапик, некоторое время Б. В. Видлога. Среди мастеров участков надо отметить Н. Попову, В. Маркелову, из рабочих — А. Повхович, Р. Киреева, Л. Якунину, Т. Волященко.

Консервный цех состоял из головоотсекающего отделения, рыбохранилища на 150 т сырца, участков по выпуску натуральных и закусочных консервов. На «натуральном» участке стояли два разделочных станка ЖК или, как их называли со старинных времён, «железных китайца», две мойки, сортировочный узел, порционирующие и набивочные машины. Их выпустила японская

фирма «Даичи». Контрольный стол, предварительные и вакуумные закаточные машины имели таблички с датой изготовления «1959 г.» и названием фирмы-изготовителя — «CAN».

На приёмной пристани рыбу брали сначала с речных рыбалок, так как она была более низкого качества, чем морская. Здесь в две смены по 12 часов трудились две бригады грузчиков. Краном из кунгаса поднимали стропы, то есть большие сетки, наполненные рыбой, высыпали её на пристань. Речные стропы были, как правило, сортированы по породам. Рыбу тут же деревянными толкачами сталкивали в гидрожёлоб. Обычно на разгрузку одного кунгаса уходило до получаса. Потом катер уводил кунгас для санитарной обработки, а под разгрузку с другой рыбалки подводился следующий кунгас. Швартовка занимала ещё минут 10–15, после чего начиналось опорожнение очередного кунгаса.

Речную рыбу направляли на взвешивание, затем по гидрожёлобу, проходившему по эстакаде, — в бункеры головоотсекателей. Морскую рыбу делили по породам. В зависимости от времени вылова в одном стропе могли быть и нерка, и кета, и голец, и другой прилов. Тогда сначала отсортировывали рыбу преобладающей породы. Её протыкали «пикой» — небольшой, длиной до полутора метров, деревянной палкой с закреплённым на конце острым стальным крючком. Им старались попасть в глаз, чтобы не повредить мясо, и бросали в жёлоб. Когда вся нерка отправлялась на взвешивание, делалась пауза, чтобы весовщики начали заполнение другого бункера-накопителя, потом подавалась следующая порода. Кроме лосося, в прилове попадалась камбала, треска, сельдь, иногда палтус и другие пищевые породы. Прилов помещали в металлическую бадью, на следующий день приходил самосвал, и её увозили в рыбомучной цех.

Если несколько дней подряд поступало до 20 т рыбы, то ёмкости для хранения сырца переполнялись и приёмку прекращали. Ветераны завода рассказывали, что в 1960—1970-х гг. бывали случаи, что рыбаки, простоявшие более двух суток и не сумевшие сдать улов, выкидывали его за борт. Затем, выйдя в море, заливались снова и опять шли на сдачу.

После заполнения бункеров бригада «головоотсека» приступала к разделке. Рыбу укладывали на транспортёр и подавали на станок, где ножами отделяли голову. Эта работа требовала повышенного внимания и осторожности. Далее головы шли в хранилище, откуда направлялись на ручную разделку и на производство консервов «Рагу из дальневосточных лососей». После отделения

головы из рыбы вручную вынимали икру и молоки, затем тушки по транспортёру поступали в хранилище.

В хранилище находились бункеры ёмкостью по 180 ц, в нижней части закрывавшиеся на задвижку. На бункер вешали бирку, где мелом указывали, когда он был загружен и место лова, например, «2-я смена, речка, 13.06.79». Это означало, что рыба выловлена в реке, бункер загружен во вторую смену 13 июня 1979 г. При одновременной загрузке бункеров рыбой с моря и реки в дело первым шёл речной улов.

Чтобы подать рыбу на ЖК, бункер доверху наполняли солёной водой. После этого открывали задвижку. Рыбоводяная пульпа самотёком шла в жёлоб, откуда по «гусиной шее» и ленточному транспортёру — к ЖК. Этот станок обслуживали два человека. Один заполнял бункер и подавал сырец, второй направлял его в ЖК. Станок вспарывал брюшко, срезал плавники, вскрывал и зачищал почку и удалял хвостовой плавник. После выхода из автомата тушки по ленточному транспортёру поступали на мойку, где их вручную окончательно зачищали и мыли. Это была самая трудная, на мой взгляд, работа. Женщины-мойщицы, по одиннадцать часов стоявшие на ногах, под струями воды перерабатывали сотни килограммов рыбы. Они брали двигавшуюся по транспортёру тушку, несколькими движениями обрезали плавники и зачищали почку. Преимуществом пользовались стоявшие первыми: они могли выбрать более крупную рыбу и быстрее наполнить свой мерный бункер. Сделав это, они сообщали контролёру и открывали задвижку. Рыба по транспортёру двигалась на сортировку.

В свою первую производственную практику 1977 г. я две недели стоял контролёром на мойке, учитывал обработанную рыбу и проверял её качество. Попробовал сам мыть, но после трёх-четырёх бункеров охота быстро пропала. По мне лучше катать «барабаны» с солёной чавычей весом по 250 кг, чем мыть рыбу.

В цехе было две мойки. Обычно работали на первой, только в случае поломки, когда, например, слетала цепь привода транспортёра, временно переходили на вторую. Мытую рыбу направляли на сортировку. Здесь, как правило, стояла опытная, уже немолодая обработчица. Из проходившей по транспортёру массы лосося она изымала тушки не основной породы. Так, в июне шла нерка, но попадались экземпляры чавычи и кеты. Их вручную перебрасывали в деревянные ящики: кету в один, чавычу в другой.

В 1970-х гг. при строительстве завода на основе жестянобаночной фабрики предусмотрели приём рыбы с моря и из протоки Озерной.

Предполагалось, что приём с моря со ставных неводов исключит ежедневный заход катеров с кунгасами в речку через опасный бар. А речной улов привозили на речные пристани. Эстакада, по которой подавали рыбу, пересекала косу от протоки до Камчатского залива. Шторма часто повреждали морской причал. Здесь шёл большой накат, поэтому пришлось отказаться от приёмки с моря. Отныне все кунгасы с рыбой должны были заходить через бар в протоку и сдавать её с реки.

Кроме перечисленных производств, в 1980-х гг. на территории завода находились механический цех и карная мастерская, где заряжали аккумуляторы и ремонтировали болгарские кары-подъёмники, центральный склад.

Рядом с засольным цехом размещалась центральная котельная, работавшая на привозном угле. Её тепло шло на стерилизацию консервов, производство кормовой муки и отопление помещений. В начале 1980-х гг. здесь стояли два котла «Ланкашир», гревшие воду, и шесть паровых типа ДКВР. Обычно рабочее давление пара поддерживалось около пяти атмосфер. В штат котельной входили 48 чел.: начальник, кочегары, слесари, зольщики. Шлак водой по жёлобу смывали в Камчатский залив. Запомнился мне грамотный начальник котельной В. Бугаев. Кроме центральной, работали котельные на старом холодильнике и погрузочно-разгрузочном участке.

Консервный цех был на заводе основным. Когда я пришёл сюда, он действовал почти круглогодично, за исключением перерыва в сентябре-октябре. В конце мая собирались две смены, которые с 1 июня до 1 сентября работали по двенадцать часов с часовым перерывом на обед. Пик хода нерки обычно приходился на 11—17 июня, тогда все ёмкости были заполнены. Помню, что приходилось иногда даже включать второй ЖК. Смены чередовались: неделю одна работала с 08.00 до 20.00, другая — с 20.00 до 08.00. В выходные происходили пересменки, когда приходилось трудиться с 20.00 одного дня до 12.00 следующего, то есть по 18 часов. С 1 сентября обычно оставалась одна смена, вторую переводили на ликвид. Смены состояли из местных и сезонных рабочих. К местным относили проработавших на заводе более трёх лет. Сезонников обычно расставляли на подачу банки, укладку, ручную разделку голов.

Перед перерывом на обед слесари меняли штамп на закатке. Теперь закатывали отсортированную породу. Июнь и август для сортировщиц были наиболее благоприятными. А в июле, когда шла разнорыбица — кета, кижуч, горбуша, штучно попадалась нер-

ка, им приходилось основательно потрудиться: иногда в течение смены штамп на закатке меняли дважды.

После сортировки рыба шла в порционирующую машину. Здесь тушку укладывали в направляющие транспортёра, подававшего её на ножи, резавшие тушку на куски по высоте банки. Эти куски подхватывали специальные захваты, и набивочная машина заталкивала их в банки. Затем туда засыпали определённое количество заранее просушенной соли, и банки выдавались на контрольный стол, где работницы взвешивали их на весах.

После контрольного стола банки шли на предварительную закатку. Здесь на них накладывали крышки, ставили штамп, например: «13 06 1978» — дата выпуска; «R 66» — нерка, завод № 66; «1 Р-1» — первая смена, рыбная промышленность. Далее банки поступали на вакуумную закаточную машину, где окончательно закупоривались и попадали в приямки с водой. Здесь находились металлические перфорированные корзины. После наполнения корзины вынимали тельфером и вручную помещали в горизонтальные автоклавы. В каждый из них входило по пять корзин. После стерилизации корзины выкатывали на площадку здесь же, в автоклавном отделении, откуда карами увозили на ликвидные участки.

В путину за сутки завод принимал до 200 т сырца. Большая его часть шла на консервы, 10–15 т брал засольный цех. Прилов поступал в холодильник, где его морозили и сохраняли до зимы, после чего перерабатывали в консервы.

Закусочное отделение имело два дефростера, резку, мойку, порционирующую машину, панировку, обжарочную печь и ручную укладку, заливку соусом и закатку. Здесь же находилась соусоварка, где готовился томатный соус.

Закусочные консервы готовили так. Цех запускали в октябре-ноябре. Вначале перерабатывали мороженое сырьё, заготовленное во время лососёвой путины. Его обычно хватало до Нового года. С января в дело шёл сырец, сданный судами Рыбхолодфлота или Океанрыбфлота. Чаще перерабатывали горбушу, камбалу, минтай, скумбрию, ставриду, реже кальмар.

В преддефростерное отделение из холодильника на поддонах доставляли ящики с рыбой. В один ящик входили три брикета весом 11 кг. Двое рабочих забрасывали брикеты в самодельные дефростеры. Предварительно туда набирали воду, подогретую паром до 18 градусов. Включали пластиковый транспортёр, расположенный на дне дефростера, и брикеты, проходившие расстояние от места загрузки до выгрузки, успевали разморозиться. Затем по

«гусиной шее» рыба шла в бункер и оттуда по ленточному транспортёру на дисковые ножи, где отсекали головы и плавники.

После этого тушки поступали на мойку и оттуда на порционирование. Порционные куски обваливали в муке и отправляли в обжарочную печь. В печи помещались восемь бочек растительного масла общим весом 1 600 кг. Обжаренные при температуре 180 градусов куски охлаждали на роликовом транспортёре и вручную укладывали в банки.

Банки самотёком заполнялись горячим томатным соусом, его излишки сливались в ёмкость, откуда насосом по стеклянному трубопроводу опять подавались на заливку. После закатки банки по ленточному транспортёру, проходившему через «натуральный» участок, двигались на стерилизацию.

В смену вместе с техническим персоналом выходили до 120 консервщиков. В одной бригаде на «натуральной» линии трудились 17 чел. Обычно действовали две линии, иногда запускали третью. Работала и линия по выпуску рагу.

Большой нашей заботой было поддержание надлежащего санитарного состояния цеха. Его недостатками являлись слабая освещённость и высокая влажность. Цех находился в приспособленном помещении и действовал почти круглый год. Однажды, когда я уже был комсоргом, в конце рабочего дня ко мне зашёл начальник цеха, молодой специалист Е. Бобрышев, явно чем-то подавленный.

— Что случилось?

— Санитарный врач сказал, что если к восьми утра 9 марта не покрасим оборудование, цех закроют.

До объявленной даты оставались одни сутки. Основной персонал цеха — женщины. Не вызывать же их на работу в праздничный день 8 Марта!

— Бери на складе краску, там видно будет, — говорю начальнику цеха.

На следующий день мы вдвоём, засучив рукава, принялись красить обжарочную печь. А назавтра, в обычный рабочий день привели в порядок всё остальное.

Для обеспечения чистоты и порядка в цехе впоследствии организовали третью «санитарную» смену, работавшую с 23.00 до 07.00.

Через цех за годы моей работы прошли несколько тысяч человек, запомнить всех невозможно. В памяти остались А. Руденок, Л. Л. Киршина, Т. Парфёнова, Н. А. Баженова, И. М. Шашкова, В. А. Харитонова, Л. В. Михайлова, Р. Иосифиди, Е. Меняйлова, Л. И. Горланова, Л. Рябинина, Н. Чурюкина, М. Битюкова.

Среди мастеров наблюдалась очень большая «текучка». Здесь по штату полагался один старший мастер и два сменных. Длительное время старшим мастером первой смены работала Н. В. Сокальская, второй смены — В. А. Овчинников и В. Н. Вихарев, хорошие специалисты. Между сменами шло социалистическое соревнование. На видном месте вывешивался «Экран соревнования», где представители планового отдела ежедневно мелом заполняли графы: «Суточное задание», «Выпуск консервов за предыдущую смену», «Нарастающий итог», «Выпуск с начала месяца», «Итог с начала года». Обычно за смену выпускали 110–130 туб и более, то есть за сутки завод выдавал до 250 туб консервов. Качество продукции проверяла лаборатория. Её долгое время возглавляла Е. П. Примакова.

Управление завода размещалось на втором этаже бывшей жестянобаночной фабрики, связанной коридорами с цехами. В управление входили бухгалтерия, отделы кадров, труда и заработной платы, планово-экономический, научной организации труда, заводской комитет, машбюро. Здесь же работал инженер по технике безопасности.

В приёмной размещались кабинеты директора, его заместителей по производству и быту, главного инженера и партком. Долгое время секретарём в приёмной работала местная уроженка Л. Н. Калнина.

Общественную работу на предприятии возглавляли секретарь парткома, председатель заводского комитета и секретарь комитета комсомола. Все они были «освобождёнными». Секретарями парткома с начала 1970-х гг. по 1986 г. работали В. Ф. Филимонов, Ю. Фунтикова, А. И. Криворученко, В. И. Забродин, В. А. Трутненко, А. И. Кузнецов, Б. Б. Ластовский, Ю. И. Якунин. Позже В. А. Трутненко трудился в аппарате обкома КПСС, потом поступил на учёбу на курсы КГБ, после их окончания служил в новом качестве. А. И. Кузнецов некоторое время возглавлял Усть-Камчатскую нефтебазу, потом уехал с полуострова. Б. Б. Ластовский в 1990-х гг. нашёл себя в торговле китайским ширпотребом, иногда приезжал в Усть-Камчатск. Ю. И. Якунин перебрался на Украину.

Мне пришлось взаимодействовать с секретарями парткома Александром Ивановичем Кузнецовым и Борисом Борисовичем Ластовским. Отношения с этими «партийными начальниками» складывались нормально. А. И. Кузнецов особо не вникал в наши комсомольские дела. Когда на бюро райкома партии рассматривался вопрос о руководстве заводской партийной организацией комсомолом (хотели обобщить передовой опыт), он толком не смог ответить на поставленные вопросы. Тему пришлось свернуть.

Б. Б. Ластовский обладал меньшим опытом партийной работы, не имел высшего образования, но был более открыт и инициативен. В обеденный перерыв он любил играть на гармошке и петь с заводским хором. Помню, как долго репетировали песню «Хлеб всему голова».

Надо сказать и о заведующей партийным кабинетом Людмиле Михайловне Жильцовой. Она раньше была директором школы № 2, потом перешла на партийную работу и намного лучше секретарей знала людей и обстановку на заводе. Но, к сожалению, имелась веская причина, по которой она не могла возглавить партком. Профсоюзный комитет с 1963 г. возглавляли: В. А. Круглов, А. Г. Вакуленко, Ю. С. Воронин, Б. Т. Блудышев, С. А. Проскуряков. Хотелось бы вспомнить о председателе профсоюзного комитета Г. А. Михайловском, всю жизнь отдавшем заводу. Это был очень открытый, вежливый, добродушный человек, пользовавшийся большим авторитетом у администрации и рабочих.

В октябре 1979 г. меня перевели с пристани в рыбомучной цех. По старой памяти его называли жиромучным, так как некогда, кроме кормовой муки, он выпускал рыбий жир. Постепенно во всех документах его переименовали в «рыбомучной». Здесь действовали две установки: Т1-ИЖА, работавшая с начала 1970-х гг., и А1-ИЖР, пущенная в 1980 г. Обе могли перерабатывать до 30 т сырья в сутки, давая по 5–6 т готовой муки. Обычно работала одна машина, вторая ремонтировалась.

Новая установка первое время действовала плохо. В её конструкции предусматривался пневмотранспортёр, по нему муку перемещали вентиляторы. Из-за высокой жирности она налипала на стенки и забивала трубы. В старой установке муку двигали шнеки. Насосы закачивали в бункеры пульпу из отстойника, куда поступали отходы консервного цеха. Вместе с отходами в отстойник попадали гайки, болты, электроды, звенья цепей, куски арматуры, не говоря уже о деформированных крышках и банках. Всё это «переваривали» машины и, конечно, часто выходили из строя.

После отказа надо было выяснить, что сломалось, затем составить заявку, подписать её у механика, отнести токарю, чтобы выточил новую деталь. Занятый работой токарь назначал готовность, скажем, на завтра к вечеру. Приходишь завтра к вечеру. Не готово. Назначает на послезавтра. Опять не готово. Проходит три дня. Консервный цех выдаёт до 20 т отходов в сутки, рыбомучной — стоит неделю. Весь берег Камчатского залива завален рыбьими головами, плавниками и прочим. А токарь всё не выдает заказ.

Дело, конечно, можно ускорить. Надо пойти в магазин и купить ему бутылку. Это будет стоить четыре рубля. Через неделю-другую — ещё четыре рубля и так далее, всего за год рублей пятьдесят. Вроде немного, но я обычно на это не шёл. Иногда, впрочем, заказ выполнялся за два-три дня, но такое случалось редко.

Рыбомучной цех до 1982 г. находился в помещении котельной, был построен без проекта. Бункеры размещались на открытом воздухе, зимой рыба в них замерзала и в установку не шла. Рабочие дробили её ломами, лопатами, плавили паром, после чего сырьё ползло в цех по наклонному столу.

Новый рыбомучной цех строили так называемым «хозяйственным способом», то есть силами рабочих-строителей и слесарей-наладчиков и на средства завода. Здесь смонтировали новую линию А1-ИЖР, вторую такую же сняли из старого цеха. Самый опытный и уважаемый тракторист дядя Тимоша доставил её в цех на листе железа, как на санях.

Готовая продукция находилась здесь же. Мешки складировали в штабель из нескольких рядов высотой до семи метров. Мука содержала более 62 % жира, поэтому часто самовозгоралась. Обычного огня при этом не было, мука медленно тлела, образуя на мешке чёрное пятно. При этом выделялся сизый дымок. Приходилось часто проверять штабель. Иногда весной мы не досчитывались в нём нескольких мешков: наступало время посадки картофеля, а кормовая мука считалась хорошим удобрением. Под каждую картофелину в лунку клали небольшую горсть муки, присыпая её землей.

Обычно муку у нас забирал совхоз «Крутобереговский». Туда же мы пытались сдавать подпрессовый бульон, богатый жиром и витаминами, обычно сливавшийся в канализацию. Попытались отгружать и рыбные отходы. Но для этого не было механизмов. Как-то пробовали подать пульпу в кузов автомашины насосом. Когда вода стекла, там осталось всего килограммов сто отходов. Большой заинтересованности у администрации в этом деле не было, поэтому его забросили.

В старом рыбомучном цехе имелась узкая и глубокая, часто засорявшаяся канализация. Если в неё попадал какой-нибудь предмет, создававший пробку, то сток воды прекращался. Чистка канализации была самым неблагодарным делом. Тут применяли самые разнообразные способы: от тросика до спецавтомашины. Иногда цех простаивал из-за отказа канализации по два-три дня.

Наученный горьким опытом, я предложил в новом цехе сделать широкую канализацию с более крутым уклоном. Вдобавок ко всему,

не зная, как будет вести себя новая система, предложил под жёлобом проложить две трубы диаметром 76 мм (именно такие тогда оказались в наличии) для того, чтобы в случае засорения можно было пробить тонкий слой бетона и через лючок спустить лишнюю воду по нижним трубам. Так и сделали. Но, насколько мне известно, этим ни разу не воспользовались. Новая канализация работала безотказно. Предложил также изменить способ наполнения бункера. Вместо ручной подачи установили наклонный шнек, благо таковые имелись на складе.

Персонал рыбомучного цеха состоял из мастера и двух смен по трое рабочих. В 1981 г. ввели ставку механика. После начала эксплуатации цеха в мае 1982 г. я ушёл в отпуск. За проявленную инициативу партбюро выделило мне путёвку в Болгарию с отдыхом на Чёрном море. А после возвращения меня перевели в консервный цех с меньшим окладом: на моём старом месте уже сидел другой мастер.

В 1980 г. предприятие обслуживали следующие речные рыбалки: Нижние Щёки, Обухово, Нижнекамчатск, Хвалёнка, Берёзовый Яр, Чёрный Яр, Сергучиха, Николаевка, Девятка. Дальше всех от Усть-Камчатска (40 км) находились Нижние Щёки. Одно время работала рыбалка Верхние Щёки, но затем её закрыли, видимо, из-за дальнего расстояния и низкого качества доставляемого сырья.

На каждой рыбалке ежегодно заготавливали снег. Часть территории огораживали с четырёх сторон стеной из досок высотой до трёх метров. Ближе к весне, когда снег полностью забивал это сооружение, его закрывали изолирующим тентом, сшитым из мешков, и опилками. Для сохранности сырца во время перевозки приёмщики обязаны были пересыпать его снегом. Но при всей важности этого дела охлаждение производилось формально. Большая часть снега бесполезно таяла.

Обычно на речной рыбалке стоял большой дом, где жили и питались рыбаки. На берегу находилось хозяйственное сооружение, сбитое из досок и обшитое толем, здесь размещались бочки с топливом. На берегу сушили и чинили сети. Это приходилось делать очень часто, так как сети рвались, цепляясь за топляки. Безусловно, труд рыбаков был тяжёл. На нижних рыбалках ловили больше, но погодные условия здесь были очень суровыми. Достаточно сказать, что за лето редко выдавалось больше десятка солнечных дней, часто стояли туманы, дули сильные ветра, шли дожди. Поэтому рыбаков, проработавших на реке более пятнадцати лет, пересчитать можно было по пальцам.

За каждой рыбалкой были закреплены буксирные катера № 241, 242, 1242, 1340, 1343 и прочие. С мест морского и речного лова рыба в кунгасах доставлялась на приёмную пристань. Во время перевозки катера обычно брали кунгасы «под борт». В 1980-е гг., во время интенсивной работы лесопромышленного комплекса, леспромхозы в посёлках Атласово, Козыревск и Ключи зимой интенсивно заготавливали древесину. Часть её летом по реке Камчатке сплавляли в Усть-Камчатск на перевалочную базу, где готовили на экспорт и переработку.

Нередко наблюдалась такая картина: поднимается катер с кунгасом, навстречу ему буксир тянет плот, закрывающий весь фарватер. А по борту — коса. Капитану остаются считанные минуты для принятия верного решения. Ещё одна забота для капитана — рыбаки, перегородившие сетями бо́льшую часть реки. Это вынуждало катер прижиматься к берегу. Особенно обстановка обострялась в августе-сентябре, когда вода в реке спадала, в отдельные годы до предельно низкого уровня.

Фарватер реки размечал специальный катер Усть-Камчатского морского торгового порта, ставивший на берегу створные знаки, по которым ориентировались все плавсредства. Интенсивность движения по реке была очень высока. Достаточно сказать, что бо́льшая часть предприятий и организаций Усть-Камчатского района имела свой речной флот. Очень авторитетными и сильными личностями были старые капитаны Лисимов, Николай Иванович Якунин и другие.

Сдача улова на речной рыбалке проходила на оборудованных плотах, где стояли весы. Рыбак должен пикой перебросить рыбу в деревянную корзину, установленную на весах. Приёмщик выписывал квитанцию, где указывались породы рыбы и её вес. Затем таким же способом рыбак перекидывал свой улов в грузовой кунгас. Когда корзина освобождалась, со сплава поднимался другой рыбак, описанное повторялось. Иногда вес принятой на рыбалке и сданной на завод рыбы не «шёл», то есть не совпадал, обычно в меньшую сторону. Тогда образовавшуюся разницу «расписывали» на всех рыбаков, то есть занижали количество сданного ими на величину недостачи.

Если же у приёмщика были хорошие отношения с неводами, то он договаривался со сдатчиком (представителем невода), и тот разрешал отписать ему какое-то количество рыбы. Такая схема работала, конечно, при небольших расхождениях, в 3–5 ц, иногда немного больше. Но это не было правилом. Обычно приёмщики от

консервного цеха к рыбалкам подходили более объективно, зная, что вся рыба учтена. Другое дело при приёмке с моря. Здесь ошибка в 10, а то и 15 центнеров, конечно в сторону берега, была «нормой». Снимали вес на «слизь», на УМЗ — «укус морского зверя», на прилов и т. д.

Перед погрузкой рыбы в кунгасе предварительно расстилали стропы. Рабочий рыбной пристани цеплял на крюк крана петли, за которые строп поднимали тросом. Затем его опускали на пристань. Рабочий отцеплял все петли, кроме центральной. Кран тянул за неё строп, и всё его содержимое высыпалось на пристань.

Вплоть до 1980-х гг. все кунгасы были деревянными, местной постройки. Они вмещали до 30 т. За несколько лет своими силами завод освоил изготовление сварных металлических кунгасов. Вспоминаю одного из лучших сварщиков Юрия Фёдоровича Лошаева. Более тридцати лет он безупречно трудился на предприятии. С ним было очень легко работать, он всё понимал с полуслова, делал быстро и всегда качественно.

Погрузо-разгрузочный участок возглавляли заместитель директора по флоту, капитан и старший механик флота. Здесь имелись токарные и фрезерные станки, сварочные аппараты и другое оборудование. Грузовые работы шли как на рейде Камчатского залива, так и у причала завода. Когда дно реки в районе бара регулярно углублялось земснарядом, большие морские суда, такие как теплоходы «Лида Демеш», «Вася Курка», заходили и швартовались прямо к причалу, оборудованному портальным краном «Ганц».

С середины мая по октябрь речные суда находились на плаву, их экипажи несли трёхсуточную вахту, затем столько же отдыхали. Кроме речных буксирных катеров типа «Костромич», имелись «Ярославцы» и морские катера типа Ж («жучок»), обслуживавшие невода гослова. Речные катера поднимали на берег в ноябре. После напряжённой путины, длившейся с мая по сентябрь, катерники уходили в отпуска и отгулы. К зиме они возвращались на рабочие места и начинали неспешную подготовку к очередной путине. Перебирали двигатели, красили корпуса. А в мае катера спускали на воду, и всё повторялось сначала. Руководила флотом диспетчерская служба. Здесь яркой личностью был диспетчер Н. Кичатов, всегда занимавший активную жизненную позицию, переживавший за страну и завод.

Жилищно-коммунальное хозяйство обеспечивало исправность домов, бараков, в том числе для сезонных рабочих, заводскую баню. В бане четверг и суббота являлись «мужскими», пятница и воскре-

сенье — «женскими» днями. Билет сюда стоил 20 коп., за эту же сумму можно было купить берёзовый веник. В бане имелась неплохая парилка. Тут мужики не только мылись, но и обсуждали внешнюю политику государства, делились местными новостями.

На Дембиевской косе действовала рыбкооповская пекарня, дававшая высококачественный хлеб. Такого я больше никогда и нигде не встречал. В пекарне работал постоянный коллектив, состоявший в основном из женщин.

Рядом с основной базой располагался гараж, здесь же находилась пожарная часть завода, переведённая сюда со старой базы. Гараж заполняла разномастная техника: грузовики и самосвалы ГАЗ-52, ЗиЛ-130, ЗиЛ-157, ЗиЛ-131, тракторы. Местные умельцы на базе трелёвщика собрали «луноход», как его окрестили в народе, — установили на нём кузов. «Луноход» во время пурги и снежных заносов мог возить любой груз, например, мороженую рыбу в дефростер. Часть автомобилей стояла в тёплых боксах, часть находилась под открытым небом. Из завгаров хорошо запомнились В. Челухов и А. И. Касьяненко.

Техника заправлялась топливом на базе ГСМ, располагавшейся примерно в двух с половиной километрах от гаража. Здесь начинался рабочий день любого автомобиля, поэтому обычно они подъезжали к цехам с опозданием.

При заводе имелся строительный цех, где под руководством начальника Е. Касьяненко, мастера и нормировщика трудились 34–38 чел., в том числе столяры-станочники, отделочники, малярыштукатуры, плотники-бетонщики, кровельщики. Цех выполнял все строительные и ремонтные работы. Самым напряжённым временем для него были подготовка к зиме и путине.

До начала 1970-х гг. предприятие испытывало очень большие сложности с обеспечением водой. При директоре В. Г. Лашине они разрешились: был проложен водопровод от Гусиного озера. Предприятие и посёлок получили качественную воду в необходимом количестве.

До путины 1979 г. предприятие возглавлял директор Евгений Фёдорович Колодяжный, приехавший из Волгограда. Отработал он три года и летом 1979 г. ушёл в отпуск с последующим увольнением. В канун путины исполнять обязанности директора назначили главного инженера Виталия Филипповича Лосева, родившегося в 1940 г. Он оказался первым и последним местным уроженцем, руководившим комбинатом. В. Ф. Лосев прошёл на нём все должности — от механика до директора.

Обычно руководитель комбината, назначенный Камчатрыбпромом, работал три года, иногда больше, потом уезжал из Усть-Камчатска. Одни из них оставили о себе добрую память, других рабочие почти не помнили. С теплотой вспоминали главного инженера, затем директора И. И. Добрынина.

Как уже сказано, Е. Ф. Колодяжный приехал из Волгограда. Через некоторое время большинство должностей высшего и среднего звена на производстве заняли волгоградцы: главный инженер С. И. Иванченко, заместитель директора А. Савенков, главный бухгалтер Музыка, начальник консервного цеха М. А. Диденко и многие другие, всего человек двадцать.

Такую же политику повёл и В. Ф. Лосев, но он сделал ставку на местные кадры, у которых не было квартир на материке, следовательно, они своё ближайшее будущее связывали с Камчаткой и заводом. Думаю, что это было правильно. Именно в его бытность директором предприятие достигло выработки 26 млн условных банок, не говоря уже о других важных показателях. Для сравнения: сейчас выпускается около двух миллионов.

Директор В. Ф. Лосев изучил завод до тонкостей, лично знал почти всех рабочих. Порой бывал крут, мог накричать. Случалось, что некоторым мужикам доставалось и по физиономии. Но на него почти не обижались, зла он не помнил. Он уволился с завода 30 января 1986 г. Перед его уходом директором завода назначили Е. Г. Значковского. На совещании, где его представляли, тот произнёс дежурную речь и заверил руководителей цехов, отделов и участков, что будет стараться, чтобы завод и дальше развивался в том же направлении... Что произошло дальше, хорошо известно. Первое время завод работал «по инерции», затем постепенно стал сдавать позиции, был переименован и преобразован, а в конце концов обанкротился.

В причины банкротства я вдаваться не буду, думаю, что пройдёт ещё какое-то время и им будет дана объективная оценка. Всё это происходило на моих глазах, жалко было своих товарищей, лучшие годы отдавших заводу, оставивших здесь своё здоровье, молодость. Многие работали здесь семьями, десятки лет, связывали с его деятельностью все свои планы, но они оказались разрушены...

Средние заработки рабочих во время путины с учётом коэффициента и северных надбавок достигали 500–800 руб. У мастеров и инженерно-технических работников заработная плата летом не отличалась от зимней. Мастера обычно имели оклад 120–150 руб., хотя им приходилось трудиться так же, как и рабочим, по двенадцать часов. После окончания путины переработку, то есть ежед-

невные три часа, суммировали и предоставляли отгулы. Если рабочий сдельно зарабатывал 300 руб. «прямого», то на превышавшее эту сумму надбавки и коэффициент не начисляли. И люди вынуждены были хитрить, многие уходили на больничный, по которому получали «по среднему».

Последний раз мне пришлось потрудиться на заводе в путину 1995 г. Взял отпуск на основной работе, так как не получал там зарплату с января по июль, устроился мастером, потом стал рыбообработчиком. Работалось легко, так как всё было знакомо, но было немного грустно: завод находился в кризисе, трудились мы не каждый день, так как рыба поступала нерегулярно.

В то время стали появляться новые рыбфирмы. Их возглавляли все, кто угодно, только не специалисты. Часто из рыбы изымали только икру, а всё остальное выбрасывали, грубо нарушали технологические процессы, качество выпускаемой продукции не выдерживало никакой критики.

Сегодня от Усть-Камчатского РКЗ, первого государственного предприятия на Камчатке, остался один штамп, который ставят на крышках консервных банок, и несколько сохранившихся цехов...

До того времени как был запущен «закусочный» участок, все цеха работали сезонно. Управленцы, мастера и начальники цехов считались местными жителями. Они были заняты на производстве по 10–15 лет и больше, мастера-практики — по 20–25 лет. Но основная часть специалистов приезжала по распределению, среди них насчитывалось всего около десятка местных уроженцев. На время путины завозили сезонников, чаще с Поволжья, иногда с Северного Кавказа, из Ростовской области.

Часть рабочих трудились по так называемым «межпутинным» договорам, то есть после окончания рыбалки уезжали домой, а на следующий год возвращались на своё рабочее место. Такой договор заключался на полгода. Иногда люди делали перерыв в один-два года, потом приезжали вновь. Сезонников насчитывалось до 200–250 чел. Раньше же только на Второй завод приезжало до 600 обработчиков.

Устькамчатцы называли их «вербованными» или пренебрежительно — «верботой». По большей части взаимоотношения между местными и сезонниками были доброжелательными, но случались и стычки. Интересно, что часть рабочих, считавших себя местными, вышли из таких же сезонников, приехавших сюда всего лишь несколько лет назад.

На Камчатку стремились разные люди. Условно их можно разделить на желающих заработать, устроить личные дела, вкусить романтики. Последнее больше было свойственно молодёжи. А некоторые решали две, а то и три названные «задачи» одновременно.

До 1970-х гг. сезонники размещались в «палатках». Так называли деревянные домики, стоявшие на окраине посёлка у самого берега моря. Это были прямоугольные засыпные здания из одной комнаты, в центре которой находилась небольшая печь с плитой. По периметру комнаты стояли железные кровати и тумбочки кустарного производства. Также имелся небольшой стол и табуретки. Вот и весь нехитрый интерьер. Каждая «палатка» нумеровалась. В ней размещались от 12 до 18 постояльцев. Одно такое сооружение сохранялось до 1997 г.

В начале 1970-х гг. под общежития стали использовать бараки. Внешне они существенно отличались от строившихся в 1950-х гг.: имели оштукатуренные снаружи и побеленные стены, а не мрачную обшивку из рубероида. Вход располагался с торца. В центре барака находился умывальник с холодной водой, остальные «удобства» располагались на берегу. Рядом стояла угольная котельная, снабжавшая бараки водяным отоплением. Теплотрассы от неё проходили снаружи по эстакадам и имели малопривлекательный вид.

Бараки, наряду с адресами, имели и нумерацию, но почему-то в обратном порядке. Так, последний, располагавшийся по адресу ул. Комсомольская, 184, числился первым, следующий, по Комсомольской, 182, — вторым и т. д. Всего бараков было семь. Самым популярным являлся шестой — женское общежитие. Каждый год жилички менялись, но интерес у местного мужского населения к ним не пропадал. Постепенно первые четыре барака заселили семейными сезонниками, иногда там помещались молодые специалисты. Каждая семья пыталась создать уют: покупала ковры, паласы, мебель, электрические плитки, холодильники, стиральные машины.

Примечательно, но на заводе трудилось мало выпускников усть-камчатских школ. Как правило, после окончания восьмого класса юноши уходили учиться в профтехучилища, после десятого класса поступали в институты и уезжали из посёлка. Дома оставалось не более четверти выпускников. Из них на завод ежегодно поступали 10–12 чел., а на следующий год юношей призывали в армию.

Большой подмогой производству являлись студенческие отряды. Отряд «Оптимист» из Улан-Удэ приезжал к нам в 1984 и 1985 гг. С его руководством у меня сложились очень тёплые, даже дружеские отношения. Возглавляли отряд опытный командир Олег

Осодоев и комиссар Наташа Доржиева, очень скромная и улыбчивая девушка. После приезда и размещения проводили «линейку», студентам объясняли производственные задачи, организацию свободного времени. Надо отметить, что в то время в Усть-Камчатске трудились несколько студенческих отрядов из Иркутска, Новосибирска, Петропавловска, занятых на разных объектах. Мы устраивали их встречи, проходившие очень весело и заканчивавшиеся далеко за полночь. К сожалению, после моего ухода из комитета комсомола эта работа была заброшена.

У студентов и дисциплина, и общий уровень культуры был значительно выше, чем у сезонников. В то время, когда я работал секретарём комитета комсомола завода, общественные мероприятия организовывались достаточно просто. Следовало только поставить задачу, обеспечить минимум условий для её решения и самому присутствовать при этом.

Запомнилось несколько подобных начинаний. Как-то раз в конце рабочей недели в комитет комсомола зашли командир «Оптимиста-84» О. Осодоев и комиссар Н. Доржиева. Они знали, что я занимаюсь туризмом, поэтому попросили сводить отряд на один день в горы. Сходил в гараж, заказал на завтра грузовик повышенной проходимости ЗиЛ-131. Утром следующего дня подъехал к общежитию. Пока народ размещался в кузове, мы о чём-то беседовали с водителем. Подошёл Олег и сказал, что он и несколько парней остаются, для них нашлось срочное занятие.

Мы поехали в ущелье реки Быстрой. В начале августа воды в реке было много. Машина попыталась переехать её, но неудачно — сносило течением. Пришлось высаживаться. Я взял рюкзак, натянул болотные сапоги и вдруг замечаю, что вокруг меня одни девчонки, одетые в штормовки, да пара «трудных» подростков. А машина уже пылит между кустами в обратном направлении.

Делать нечего, коротко пояснил, как следует себя вести, чтобы вернуться в полном составе. Начали гуськом подниматься вверх по берегу реки, шли, пока было возможно, но через некоторое время потребовалось переправляться на другой берег. Выбрал место, где река разделялась на два рукава, в центре — островок. Я в сапогах перешёл рукав и встал на островке.

Студентки разделись и с разбега с криком «а-а-а-а!» по очереди прыгали на этот островок, я их ловил и выбрасывал на противоположный берег. Здесь они одевались. Я никогда больше не видел вместе так много стройных молодых раздетых девичьих тел. Поход закончился благополучно, все вернулись живыми и здоровыми.

На обратном пути на летней ферме совхоза «Крутобереговский» нас угостили ведром парного молока. Такого вкусного, как в тот раз, я не пил больше никогда.

Много внимания уделялось охране здоровья заводчан. По очереди они получали путёвки в санаторий и за границу — в социалистические страны. Но особой славой пользовался заводской профилакторий. Он отличался очень хорошей, почти домашней кухней и добросовестными работниками. Путёвку туда брал раза три-четыре летом, во время путины, когда в рыбомучном цехе работали две смены. Первая с восьми утра и до восьми вечера, вторая, наоборот, — с восьми вечера и до восьми утра. Мастер в цехе был один, и хотя его официальный рабочий день заканчивался в четыре дня, приходилось бывать в цехе и во время второй смены.

Однажды, отправившись в назначенную мне комнату, застал там немного сутулого, невысокого роста, седого, интеллигентного мужчину, уже жившего здесь.

— Иван Иванович Лагунов, — представился он и предложил выпить бокал болгарского вина «Рислинг». Пришлось отказаться, так как вскоре надо было идти в цех.

Иван Иванович немного порассуждал о высоких достоинствах вина. Потом выяснилось, что в Усть-Камчатске он впервые побывал ещё в 1930-х гг. Мы поговорили об истории завода. Иван Иванович оказался свидетелем многих интересных событий. Сегодня жалею, что тогда подробно не записал его воспоминания.

Вторично мы встретились летом 1983 г. И. И. Лагунов снова приехал в командировку на наш завод, мы договорились, что он прочтёт рабочим лекцию. В субботу в заводском клубе намечался очередной вечер танцев. Народу, как обычно, собралось много: местные ребята и девушки, студенты, сезонники. Объявили, что перед танцами состоится лекция с показом слайдов из жизни рыб. Публика отреагировала на это в целом нормально, но молодёжь разделилась на три группы. Одна слушала с интересом, другая — так, между прочим, были и такие, которым всё было безразлично, они разговаривали и жаждали зрелищ. Лекция прошла нормально, но мне было неудобно перед учёным за поведение последней группы молодёжи. После лекции я поблагодарил Ивана Ивановича и проводил его до выхода. Потом часто читал его статьи, встречал в печати упоминания о его научной деятельности. Но больше с ним встретиться не пришлось.

Он, настоящий интеллигент, учёный старой школы, умел придавать общению весьма редко встречающийся в теперешней жизни

уровень, после которого становишься иным человеком, по-другому смотришь на мир, и всё окружающее кажется лучше, чем на самом деле. Такого собеседника мне пришлось встретить ещё раз, когда познакомился с другим учёным КО ТИНРО — Анатолием Георгиевичем Остроумовым, знатоком камчатской природы, прекрасным рассказчиком и просто хорошим человеком.

Делового опыта я набирался у мастеров Капитолины Ивановны Якуниной, Ольги Константиновны Костюк, Галины Александровны Соколовой, Елизаветы Прокопьевны Примаковой, Риммы Александровны Аверкиной. Это были волевые практики, досконально знавшие производство, легко управлявшие людьми, высказывавшие своё мнение представителям администрации завода так, что мне казалось, будто руководство их немного побаивается.

Особого уважения заслужили слесари технологического оборудования братья Шевченко, А. Фокин, Ю. И. Борисенко, А. И. Брагинцев, В. Воронин, В. Шадринцев. Механическая служба, возглавляемая сначала В. Яблуновским, затем В. Е. Балинским, объединяла высокопрофессиональных специалистов, местных уроженцев. Они работали по 20–30 и более лет на одном месте и знали своё дело и обслуживаемое оборудование до тонкостей. Достаточно сказать, что большинство технологических линий (мойки, подачи), бункерное хозяйство были спроектированы и собраны их руками. Любая поломка в консервном цехе устранялась в течение нескольких минут. По вине механической службы простоев не имелось, хотя обычный человек не замечал большой работы, проводившейся слесарями, постоянно настраивавшими, регулировавшими, смазывавшими и ремонтировавшими оборудование. Некоторые даже говаривали, что, дескать, «слесаря ничего не делают, сидят». Но их задача заключалась не просто в обслуживании оборудования, а в обеспечении того, чтобы оно не ломалось. И это механической службе вполне удавалось.

Особо надо отметить работу заводских рационализаторов. Слесари совместно с механиками сами разрабатывали проекты узлов и целых технологических линий, собирали и пускали их. Так, в икорном цехе они собрали центрифугу, в консервном поставили линию по разделке рыбы на рагу. Но случались и неудачи. В консервном цехе долго монтировали льдогенератор возле рыбохранилища. В областной газете «Камчатская правда» даже появилась статья, что этот аппарат уже пущен в действие, но лёд в хранилище так и не появился.

Не удавалось пресечь хищения, как тогда говорили, «социалистической собственности». На заводе имелась служба охраны, он был обнесён высоким бетонным забором с проходной. Но это не мешало отдельным лицам выносить всё, от икры до сахара. По данным районного отдела внутренних дел, ежегодно расхищалось добра на сумму до 200 тыс. руб. Эту цифру нам объявляли на планёрках. Наверное, хищения можно было уменьшить, наладив продажу производимого по себестоимости. Понятно, что человек, через руки которого в течение дня проходят тысячи банок, не пойдёт покупать их в магазине по 90 коп. за штуку. Таскали по несколько банок, а бывало, что вывозили поддонами (90 ящиков). Воровали на всех участках: от мест вылова до отправки готовой продукции на рейд. Когда работал на пристани, слышал, что некоторые смельчаки забирались ночью на высоту до десяти метров на эстакаду, по которой рыбу подавали в консервный цех, и сбрасывали её вниз. Там стоял мотоцикл, и сообщники, быстро собрав рыбу с земли, уезжали. Залезший же спокойно спускался вниз с пустыми руками.

Эстакаду вроде бы охраняли: пару раз за ночь сторож обходил её, но свет его фонаря был виден издалека. Сторож не был вооружён, поэтому вряд ли мог оказать серьёзное сопротивление нескольким злоумышленникам. Во время путины по посёлку бродили разные сомнительные личности, предлагавшие рыбу, икру и даже консервы по цене, значительно ниже магазинной.

Ежегодно Усть-Камчатский райком КПСС совместно с райисполкомом принимал постановление о заготовке сена предприятиями района для совхозов «Крутоберёговский», «Ключевской», «Козыревский». Объём заготовок определялся исходя из численности работающих. Если небольшие предприятия и организации, такие как типография, рыбинспекция, санэпидемстанция, запасали по нескольку тонн, то заводу и рыболовецкому колхозу «Путь Ленина» назначалось их до сотни. Они оказывались в сложном положении: разгар лососёвой путины, не хватает рабочих рук, требуется завозить людей за тысячи километров с материка, а тут необходимо обеспечить ещё и сенозаготовку.

Решали эту задачу так. Во второй половине июля засольный цех завершал самую трудоёмкую работу. Чавыча посолена, одна бригада снимается на сенокос. Заводской участок располагался в районе бывшего пионерского лагеря «Юный космонавт». Туда, в заброшенную деревянную «палатку» завозили постельные принадлежности и кухонную утварь. Косы, грабли, вилы заранее готовили в стройцехе. За бригадой закрепляли грузовик ЗиЛ-157 с водите-

лем А. И. Дегтярёвым, и начиналась работа. Бригада обычно включала 5–7 чел. Одного оставляли на кухне.

Вручную обкашивали лесные полянки, обочины дорог и полей. Делу сильно мешали комары. Потом, если позволяла погода, сено ворошили, просушивали, грузили на машину и сдавали совхозу по квитанции. Регулярно в райком подавались сводки о ходе заготовок. С руководителей предприятий очень строго спрашивали за выполнение плана сенокоса.

Иногда между заводом и совхозом происходили «взаимозачёты». Например, в совхозе не хватает людей для стогования. Он просит у завода, начинается торг: «Сколько тонн сена напишешь, одну или две?» Как правило, общий язык находили. И всё же план давался тяжело. Иногда даже партийные собрания проводили с повесткой о ходе заготовки сена. Многие ходили на охоту, собирали грибы и видели хорошие покосы, но туда обычно не было дороги. А на заводских покосах трава росла среднего качества, так как участки располагались в берёзовом лесу.

1980-е стали годами расцвета спортивной жизни. На заводе имелись команды по футболу, волейболу, шахматам, лёгкой атлетике и лыжным гонкам. На стадионе «Труд» проводились соревнования по футболу, наша команда завоевала призовое место в районе. Заметных успехов достигли волейболисты, баскетболисты и шахматисты. Заводские спортсмены участвовали в ежегодной эстафете, посвящённой Дню Победы, в лыжных соревнованиях. Очень активны были туристы. В выходные, за исключением путинных дней, молодёжь ходила в походы в район мыса Камчатского. Мужчины среднего возраста занимались любительской охотой, имели землянки, куда отправлялись в пятницу после работы и возвращались в воскресенье.

Среди ярких спортсменов можно отметить Вениамина Баженова, сорокалетним участвовавшим в лыжных соревнованиях за команду завода и показывавшим неплохие результаты, тогда как средний возраст спортсменов обычно составлял около двадцати пяти лет.

Вообще уровень развития спорта в Усть-Камчатском районе в 1980-х гг. был относительно высок. Дело в том, что на предприятиях трудилось много молодых специалистов с высшим образованием, ранее занимавшихся спортом и имевших разряды. По инициативе директора В. Ф. Лосева пытались заливать каток. Но катание на коньках из-за сильных и частых снегопадов у нас развития не получило. Зато лыжня протяжённостью более 10 км по берегу

Камчатского залива действовала с декабря по май. Лыжные прогулки устраивали не только школьники и молодёжь, на лыжне можно было встретить и тех, кому за сорок, и ветеранов.

Торжественные действа обычно проводили в заводском клубе. Летом там устраивали «танцы», одно время выступал местный вокально-инструментальный ансамбль, потом начиналась дискотека. Иногда приезжали настоящие артисты, вплоть до столичных. У меня сохранилась визитная карточка ленинградского композитора Виктора Гина, побывавшего у нас в творческой командировке. Здесь была исполнена только что написанная им песня «Княженика». Запомнилось выступление ансамбля песни и танца Камчатского пограничного округа. На Новый год в клубе устраивалось представление с ёлкой, Дедом Морозом, Снегурочкой, играми, конкурсами и лотереями.

Большое внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения. Завод шефствовал над средней школой № 1, построенной в 1959 г. на Дембиевской косе. Ежегодно строительный цех её ремонтировал, красил стены в салатный цвет (его рекомендовал В. Ф. Лосев). В школе первоначально занимались в две смены только учащиеся с пятого по десятый класс. Начальная двухэтажная школа стояла рядом с кинотеатром «Луч». Постепенно, с переселением жителей Дембиевской косы на мыс Погодный, численность учеников уменьшалась, начальную школу закрыли. Теперь занятия шли только в средней. Последний её выпуск состоялся в 1988 г., после чего эту школу тоже закрыли. Автор этих строк проучился в ней десять лет, с 1966 по 1976 г.

Завод содержал пионерский лагерь, детский сад и детскую комнату. Комнатой заведовала и была её душой Валентина Андрух. Здесь проводись игры, диспуты, соревнования. Пионерский лагерь «Юный космонавт», расположенный на речке Рыборазводной, впадавшей в Нерпичье озеро, работал до 1979 г. Здесь имелись жилые «палатки» с печным отоплением, по образцу построенных для сезонных рабочих, кухня, столовая, душ, клуб, стадион. Ежегодно за лето отдыхали три смены. Кроме детей заводчан, набирались сил детишки работников других предприятий Усть-Камчатска.

За время существования предприятия десятки тысяч людей внесли свою лепту в осуществление его планов и заданий, особенно ветераны войны и труда. Они всегда трепетно относились к порученному, очень добросовестно делали свою работу, трудились, «пока не закончится рыба в хранилище», не требуя дополнительной оплаты. Эти скромные люди отличались мудрым, неторопливым отноше-

нием к жизни. Их смело можно назвать настоящими патриотами и предприятия, и страны. Вспоминаю уроженца Камчатки Георгия Фёдоровича Ларькова, Петра Степановича Козлова, Василия Васильевича Леонидова.

Юлия Ивановна Бондаренко приехала в Усть-Камчатск 3 июня 1957 г. и проработала здесь до пенсии, до конца 1980-х гг. Местная уроженка Нина Григорьевна Бурнайкина пришла в засольный цех в 1955 г. и осталась в нём более чем на тридцать лет, тоже до пенсии. Демобилизованный солдат Трофим Тимофеевич Шмат начал работать 19 октября 1956 г., трудился свыше тридцати лет. С 1956 г. до середины 1980-х гг. отдавала себя заводу Александра Тихоновна Шевченко. С 1955 г. до конца 1980-х гг. рыбообработчицей трудилась Ольга Варигоновна Ермолаева. Свыше сорока лет стажа имел мастер высокого класса Борис Фёдорович Ирхин.

Более полувека проработал на заводе Тимофей Прокопьевич Передерий, свыше сорока лет — Татьяна Тимофеевна Бурмак (Буянина). Она участвовала в первом слёте стахановцев рыбной промышленности в Петропавловске ещё в 1936 г.! Её муж — Михаил Алексеевич Бурмак, бригадир ставного невода, неоднократно награждался орденами, медалями и грамотами.

Правительственные награды имели более сорока работников, например, Ольга Ивановна Гашилова — ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта». Орденоносцами стали Нина Георгиевна Бурнайкина, Нина Евдокимовна Солодовник, Валерий Семёнович Якунин.

На заводе сложились трудовые династии Шевченко, Кутенёвых. Общий трудовой стаж семьи Якуниных составляет около трёхсот лет! Большой личный вклад в выполнение производственных заданий внесли Иван Семёнович, Валерий Семёнович, Виктор Семёнович, Капитолина Ивановна Якунины, Ольга Семёновна Ефимова.

Особо хочу рассказать о комсомольской жизни. Когда нам исполнилось по четырнадцать, одноклассники стали вступать в комсомол. Я не спешил туда, видя, что работа этой организации носит формальный характер и заключается в основном в проведении собраний. Настоящих дел крайне мало, а перспектива томиться на частых посиделках меня не очень прельщала, тем более что оратором я не был. Решил вступить в комсомол, будучи уже в десятом классе: это требовалось для дальнейшей учёбы, хотя и не обязательно. Тогда 90 % молодёжи числилось комсомольцами.

В апреле 1976 г. я на ходу переговорил с комсоргом класса Любой Обвинцевой. Она сказала: «Пиши заявление и читай устав»

и назвала дату предстоящего собрания. Принимали в комсомол так. Заявление рассматривала первичная организация, потом его утверждало бюро райкома. Состоялось заседание школьного комитета. Вступавших было трое: я, мой одноклассник Витя Завалишин, неплохой, но немного неорганизованный парень, сын офицера воинской части из Крутоберёгово, и ученик из младшего класса. Задали каждому по два-три вопроса. Комитет комсомола составляли пять-шесть учеников, сидевших за партами, и учительница, ведшая заседание. Её решение прозвучало так: «Его принять, а этих пока нет». Проголосовали, как было принято, «единогласно». Никто из «комитетчиков» не проронил ни слова. Мне всё это категорически не понравилось. Что это за комитет? Почему все соглашаются, почему не поддержали своих товарищей? Решил: в райком на бюро не поеду. Так и не стал комсомольцем. Во время учёбы в рыбном техникуме особых взаимоотношений с комсомолом тоже не имел.

После окончания техникума пришёл на предприятие. Сюда время от времени приезжали проверки из области. А в плане работы у комсомола всегда был пункт «рост рядов». Как-то сижу за письменным столом в рыбомучном цехе, пишу отчёт. Гляжу в окно: по грязи в цех между лужами пробираются две барышни. Очень странно, к нам обычно никто посторонний не заглядывает, боясь, что потом от него будет некоторое время разить весьма густым особым запахом кормовой муки. Вдобавок в цехе, когда работали установки, стоял грохот, лязг, оборудование парило.

И вот заходят эти барышни и начинают интересоваться, почему же это я — «молодой руководитель, спортсмен» — и не комсомолец. Объясняю, что работы комсомола не вижу, одни разговоры. Возразить они не сумели. В то время секретарём комитета комсомола завода была дочь главного бухгалтера, наверное, добросовестная, да только не лидер, исполнявшая свои обязанности формально.

Потом секретарём избрали хорошего парня, Володю Андрийчука, с которым мы быстро подружились. После его прихода и комсомольская, и общественная жизнь оживились, всегда можно было зайти в комитет, поговорить, что-нибудь организовать. Володя был очень обаятельным парнем, ко всем относился ровно и по-доброму. Он был обработчиком в засольном цехе, неплохо играл в футбол и шахматы.

Постепенно я стал работать в комитете, участвовал в спортивных и других мероприятиях. Решил вступить в комсомол летом 1981 г., в возрасте 22 лет. Володя устроил мне упрощённый приём,

без собраний и заседаний. С меня потребовали заявление и две фотокарточки. Вопрос о приёме включили в протокол заседания бюро райкома.

Комсомольский билет мне вручили на знаменитом агитационном теплоходе ЦК ВЛКСМ «Корчагинец». На судне выступали артисты, действовали игровые автоматы, играли ансамбли, работали видеомагнитофоны (большая редкость в то время, впервые увиденная мной именно там), разноцветными огнями сверкала цветомузыка, действовали спортивные залы. Такая роскошь резко отличалась от нашей провинциальной жизни. В 1981 г. «Корчагинец» вышел в свой первый рейс и во время путины прибыл на рейд Усть-Камчатска. На него отправили лучших комсомольцев. Занимались этим райком и комитеты комсомола предприятий. Нашему заводу выделили четыре места. Директор дал нам катер, и мы отправились в путь.

В море волнение было небольшое, но при прохождении бара нас сильно помотало: бросало то вверх, то вниз метра на три-четыре. Когда подошли к «Корчагинцу», меня, как и большинство других комсомольцев, «развезло» от морской болезни, но продержался до вручения комсомольского билета, посмотрел концерт. Запомнился номер, когда девочка-гимнастка лет четырнадцати выставила вверх руки, а на них сделал стойку мужик весом килограммов под сотню. До конца программы не дотерпел, ушёл в какую-то каюту и отсиживался там...

Осенью 1981 г. на отчётном собрании меня избрали в заводской комитет комсомола. Здесь назначили отвечать за культурно-массовый сектор. Надо отметить, что Володя Андрийчук организационную работу вёл, как мог. Отдельные её направления, например спорт, были поставлены хорошо, но вот бумажки и отчёты в райком он почти не писал, то есть не выполнял одно из тогдашних основных требований. Поэтому комсомольская организация завода числилась в отстающих. Основной показатель — сбор взносов — тоже был одним из худших в районе.

В начале 1983 г. В. Андрийчук ушёл из секретарей. После него некоторое время комитет возглавлял Г. Шаптылюк, но его призвали в армию, после чего секретарём избрали меня. «Освобождённой» ставки не было — для неё не хватало численности работающих. Меня оформили слесарем 6-го разряда механического цеха. Тогда это называлось «подснежник» и было нормой. Дополнительные 60 руб. доплачивал райком. Общая сумма начисляемой зарплаты составляла около 350 руб.

Пришло моё лучшее время. Молодость, энергия, уже есть жизненный и рабочий опыт, одним словом, «флаг в руки». Я принял организацию с большой историей. Согласно «Хронике Камчатской областной партийной организации (1917—1981 гг.)», она появилась 12 июня 1932 г. В этот день «состоялась первая Усть-Камчатская общезаводская комсомольская конференция, на которой обсуждены итоги работы IX съезда ВЛКСМ и очередные задачи комсомольцев в хозяйственном строительстве Дальневосточного края. Конференция избрала заводской комитет ВЛКСМ». О деятельности комсомольцев тех лет дают представление некоторые приказы по рыбокомбинату. В одном отмечается роль «лёгкой кавалерии» (специальных групп молодёжи, проверявших разные стороны общественной жизни производства), другой, датированный 1936 г., выделяет собачью упряжку для организации восхождения заводских комсомольцев на Ключевскую сопку.

После вступления в должность выяснил, что дела в организации идут плохо, документация ведётся неважно, взносы собираются слабо, всего-то на 15–20 %. На их сбор уходило очень много времени, так как цеха были разбросаны на большом расстоянии, люди трудились в две смены. У кого-то нет с собой денег, кто-то пребывает в отпуске, находится масса других причин.

На каждом заседании рассматривали вопрос о взносах, принимали решения, но они не выполнялись. Как поднять организацию, что делать в первую очередь? Решаю: удерживать взносы через бухгалтерию. Напечатал на машинке заявления от имени комсомольцев. Теперь надо собрать их подписи. На это потратил две недели. Самый трудный вопрос — чем платить бухгалтерам, ведь они разносят данные более чем на сотню человек. Решили и это. Одна из бухгалтеров комсомолка — вот, на тебе комсомольское поручение! С другой «расплачивался» шоколадками. Дальше оставалось только собирать подписи у новых комсомольцев.

Дело пошло, взносы стали поступать на счёт райкома ВЛКСМ, их сумма оказалась в несколько раз больше, чем раньше. Это стало событием, обсуждаемым на заседаниях бюро. Конечно, нашлись и противники. Но сложную задачу удалось решить, теперь можно было заняться и другими важными делами.

Одним из первых стало устройство в заводском клубе отдельного помещения для дискотеки. Решили перегородить фойе стенкой. Это сделала заводская молодёжь во главе со сварщиком и слесарем Виктором Демянчуком. Не имелось аппаратуры, но не беда: принёс свою из дома.

Улучшению дел способствовала трёхдневная командировка во Владивосток на семинар секретарей комитетов комсомола предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока. Перед отъездом зашёл в Петропавловске в редакцию газеты «Камчатский комсомолец», там корреспондентом трудилась наша бывшая заводчанка Таня Кормишина. Она взяла у меня интервью, а Галина Хмара сделала снимок. Материал вышел на первой полосе. На следующий день для нас в Доме политпроса читали лекции. После занятий еду в машине, слышу по радио обзор «Камчатского комсомольца»: пересказывают это интервью.

Во Владивостоке нас разместили в Комсомольском центре — круглом здании, внутри клумба. По периметру — комнаты на двоих. Поселился вместе с комсомольским секретарём колхоза «Путь Ленина» Юрием Пашиным, бывшим милиционером, хорошим спортсменом. Здесь впервые увидел первого секретаря КОК ВЛКСМ Валерия Аркадьевича Кучеренко. Потом он работал первым секретарём Усть-Камчатского райкома КПСС.

Нас привезли на совещание. Слушали доклады. Встретил одногруппника по рыбопромышленному техникуму Славу Сизенова. Он женат и работает по снабжению в одной рыбной конторе, куда его устроила тёща. После совещания разошлись по секциям. В нашей, комсомольских секретарей рыбозаводов, человек тридцать из Сахалинской, Магаданской, Камчатской областей, Хабаровского и Приморского краёв.

Опытом работы заводского комитета комсомола первым должен был поделиться я. Готовил материал об организации свободного времени. Сделал сообщение, ответил на два-три вопроса, на этом всё закончилось, больше выступающих не нашлось. Слушали только ведущего. После совещания отправились на Владивостокский РКЗ. Он на меня не произвёл впечатления: значительно меньше нашего, занимался копчением привозной горбуши. У нас это считалось вспомогательным производством.

На обратном пути в Петропавловске у одного музыкального коллекционера купил несколько магнитофонных катушек по 575 м с записями последних эстрадных новинок, преимущественно иностранных. Теперь наша дискотека обеспечена музыкой надолго. На неё приезжала молодёжь даже из Нового посёлка. Ещё одним источником музыкальных новинок был обком комсомола. Здесь у меня сразу сложились неплохие связи, и комсомольские работники помогали добывать записи новых ансамблей, к широкому слушателю попадавшие только через год-полтора. Это были группы

«Круиз», «Секрет», певица Жанна Агузарова, зарубежные исполнители, в основном итальянцы.

В первые же месяцы работы составил анкету, на которую отвечали все желающие: и молодёжь, и умудрённые жизненным опытом старшие товарищи. Вопросы такие: сколько комсомольцев состоит в первичке, какие недостатки имеются в работе комсомольской организации, в каком деле хотели бы участвовать, другие подобные. Получил довольно любопытные ответы, помогшие выбрать несколько новых направлений деятельности.

Теперь надо было оформить помещение комитета. Поступил просто: нарисовал стенд со структурой комсомольской организации, на складе получил материал красного цвета, повесил шторы. Раздобыл полированный стол, из райкома партии привезли ещё крепкие списанные стулья, в стройцехе заказал шкаф, сделал выставку продукции консервного цеха. Райком комсомола помог приобрести большие муляжи шести орденов, которыми был награждён комсомол, изготовленные в усть-камчатской исправительно-трудовой колонии. Комитет принял рабочий вид.

Наша комсомольская организация состояла из цеховых, цеховые, в свою очередь, — из комсомольских групп. В группе — от трёх до пяти человек. Цеховые организации консервного цеха, погрузо-разгрузочного участка, управления, вспомогательных цехов включали по 20–30 членов. Конечно, самой большой была организация консервного цеха. Здесь летом трудились до 50 комсомольцев.

Комитет комсомола действовал по следующим направлениям:

— организация социалистического соревнования молодёжи;
— выпуск «Комсомольского прожектора»;
— сбор взносов;
— проведение отчётов и выборов;
— культурно-массовые и спортивные действа;
— шефство над школой;
— идеологическая работа;
— охрана общественного порядка;
— поддержка молодых специалистов;
— политическая учёба.

Идеологическая работа заключалась в написании материалов для районной газеты «Ленинский путь», где выходила молодёжная страница «Факел». Регулярно готовили материалы в газету и об опыте нашей работы. На разных собраниях неоднократно вставал вопрос о том, что мало лозунгов, призывающих к труду и формированию «нового советского человека». Мы закрыли эту нехватку

так: старые партийные транспаранты обшили жестью, покрасили в синий цвет (красный оставили партии), придумали лозунги. Попросил комсомолку-художницу написать тексты. Готовые транспаранты прибили гвоздями на высоте 5–6 м на стенах цехов. Они провисели лет шесть. Проводили политучёбу, где знакомились с материалами комсомольских и партийных пленумов и съездов.

В комитет комсомола входили: В. Логинов, Ю. Коровин, Р. Ванюкова, Л. Михайлова, Л. Горланова, Н. Ильина, Е. Меняйлова, В. Ширянко и другие. Активными комсомольцами были Е. Бобрышев, О. Бурдун, С. Дудников, Л. Кушнир, Г. Евсюков. Члены комитета были хорошими производственниками. Достаточно сказать, что обработчица первой смены консервного цеха Лидия Михайлова по итогам работы за 1984 г. стала лауреатом премии Камчатского комсомола. Не остался в стороне и секретарь комитета комсомола. В 1984 г. меня наградили знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки» 1-й степени и набором художественных книг.

Обычно комитет заседал ежемесячно, а в рабочем порядке собирался гораздо чаще. Рассматривали четыре-пять вопросов. Как правило, готовил вопросы и определял повестку дня секретарь. Особого обсуждения не было, члены комитета задавали один-два вопроса и соглашались с предлагаемыми решениями. Некоторые вопросы приходилось включать в текущий протокол «задним числом», так как нужно было решать быстро, а собрать комитет в течение дня не всегда оказывалось возможным.

Комитет наладил среди молодёжи социалистическое соревнование. На время путины создали комсомольско-молодёжные бригады. По положению таковой считался коллектив, где насчитывалось более половины комсомольцев и молодёжи. Написал проект приказа, подписал во всех службах, внёс изменения в положения. Дело в том, что согласно всем нормативам итоги следовало подводить раз в квартал. Путина идёт три месяца, то есть результат можно получить только один раз. Теперь же их получали ежемесячно, учитывали выполнение плана, состояние трудовой дисциплины, участие в общественной жизни.

Только в консервном цехе во время лососёвой путины комсомольско-молодёжные бригады выпускали около 95 % всей продукции, почти все натуральные консервы за исключением «Ухи камчатской» и «Паштета из лососёвых пород рыб». В цехах висели транспаранты: «Здесь работает комсомольско-молодёжный коллектив». Результат не заставил себя ждать. Мы подали заявку на участие в конкурсе имени Николая Солодчука, Героя Социалистического

Труда, знатного рыбака Камчатки. Его проводил областной комитет комсомола.

По итогам лососёвой путины 1984 г. наша комсомольская организация заняла среди РКЗ области первое место. Нам вручили диплом, подписанный секретарём КОК ВЛКСМ В. Семерниным, председателем правления Камчатского межколхозного объединения И. Г. Коваленко и генеральным директором Камчатрыбпрома В. П. Потапенко. Полагалась и премия в 1 000 руб., но денег мы не получили. Зато обком комсомола выделил нам стереомагнитофон «Ростов-102», в то время стоивший 700 руб. К сожалению, после упразднения комсомольской организации всё имущество комитета пропало, остался только этот диплом. Его сберегли заводские электрики. Через пять лет они отдали его мне, за что я им очень благодарен. Первого большого успеха мы достигли уже по итогам второго квартала. Наша комсомольская организация заняла первое место в районе и была награждена переходящим Красным знаменем райкома. Кстати, надо сказать, что это знамя мы завоёвывали три раза подряд. Согласно положению, оно осталось на заводе на постоянное хранение.

Обычно комсомольского секретаря избирали на первом заседании комитета из его состава. На отчётном собрании в октябре 1983 г. первый секретарь райкома ВЛКСМ А. Соловьёв предложил нарушить эту традицию и выставил мою кандидатуру на второй срок. Проголосовали единогласно. Надо признать, что четвёртую лососёвую путину 1986 г. в качестве комсорга я проводил, конечно, уже не с тем задором и желанием, как две первые. В который раз приходилось решать одни и те же задачи. Видел, что дальнейший рост тормозит отсутствие высшего образования. Поступить на заочное отделение Камчатского пединститута было крайне трудно, туда брали в основном педагогических работников со стажем работы, для остальных выделялись всего несколько мест. После раздумий решил поступать на очное отделение, хотя мне уже шёл двадцать седьмой год. Надо было готовиться к экзаменам, на что ушло всё лето. Для поступления в институт взял отпуск. На время моего отсутствия обязанности секретаря исполняла девушка-обработчица, трудившаяся по 11 часов, поэтому летом работа на деле оказалась свёрнутой.

В конце августа уехал в Петропавловск. В июне новый директор завода пригласил меня и предупредил, что ставку слесаря, которую я получал, сокращают. В ноябре в обкоме комсомола мне сказали, что на отчётном собрании комитету выставили неудовлет-

ворительную оценку. В принципе, с этим был внутренне согласен, считая, что часть вины за это лежит и на мне.

Важной страницей в производственной деятельности заводского комитета комсомола было решение провести 13—14 марта 1985 г. дни самоуправления: на все руководящие должности назначить комсомольцев и молодёжь. Вот какую оценку дали И. Подрезной и С. Иванов, авторы статьи «Портрет комсорга на фоне дела», опубликованной 6 апреля 1985 г. в областной газете «Камчатский комсомолец»: «Молодёжь довольно неплохо организовала работу в цехах и на участках. 13 марта было выпущено 73 тыс. условных банок консервов, а на следующий день ещё больше — 80 тыс. при плане 60 тыс. Так уж совпало, что 13 марта коллектив завода справился с квартальным планом по выпуску этой продукции. Что и говорить, знаменательный день!» Надо сказать, что в эти дни самоуправления проявились многие молодые руководители, впоследствии выдвинувшиеся на новые должности.

Интересно проходили и конкурсы профессионального мастерства в консервном цехе. Эта инициатива также принадлежала нам. Был издан приказ, разработано положение, выделены средства на призы. Составили билеты, включавшие три теоретических вопроса по обработке рыбы. Сотрудники отдела труда и заработной платы наблюдали за скоростью, лаборатория проверяла качество обработки. По трём показателям выявили лучших обработчиков.

Организовывали смотры-конкурсы санитарного состояния общежитий сезонных рабочих. В семейных общежитиях такие смотры не проводили. Составили положение о конкурсе, назначили сумму премии, утвердили состав конкурсной комиссии. Ежемесячно комиссия обходила комнаты, заполняла «экран», отражавший результаты, и выставляла оценки за санитарное состояние. Затем представителю комнаты-победителя вручали премию.

Подшефной завода была школа № 1, где работал комсомольский педагогический отряд, который оказывал помощь учителям и шефствовал над «трудными» подростками. Оперативный комсомольский отряд дежурил на общественных мероприятиях, иногда патрулировал Дембиевскую косу, пребывал в опорном пункте милиции. По итогам дежурства составлялись отчёты, где указывалось, сколько человек участвовало в нём, время и место, замечания.

К сожалению, тогда мы слабо использовали силу печатного слова. Читаю «Камчатский комсомолец». На первой странице вижу фотографию: две девушки несут по бумажке. Снизу подпись примерно такого содержания: «Активно прошёл субботник в городских

комсомольских организациях»... Мы же все семь часов отбарабанили в консервном цехе на выпуске закусочных консервов. Явились почти все, пришли даже комсомольцы смежника — колхоза «Путь Ленина». Все ребята работали ударно, приготовили около 50 тыс. банок. По моим подсчётам, стоили они значительно больше, чем заработали все организации Петропавловска на уборке территории. Больш*ую* роль в этом сыграли члены комитета комсомола, особенно начальник цеха Евгений Бобрышев. К сожалению, после его отъезда в консервном цехе субботники больше не проводились, но они продолжились в ликвидном. За это мы получили устную благодарность директора. Конечно, надо было чаще писать о наших комсомольцах в газеты.

Согласно уставу, комсомольцы имеют право критиковать других и заниматься самокритикой. Выполняя устав, я как-то заметил, что недостаточно поработал в одном из направлений. И вдруг мои слова попали в постановления пленума райкома ВЛКСМ, комсомольской конференции, заводского парткома... Долго мне ещё вспоминали об этом упущении... Больше такой «самокритикой» не занимался, хотя, конечно, сложностей и недостатков в нашей организации было достаточно. Это — посещаемость, периодичность и формальность проведения собраний, кадровые сложности (несколько человек не имели среднего образования, учиться не хотели), тяжело выделялось жильё молодым специалистам. Молодые мамы отрывались от комсомола после рождения малышей. Они уходили в длительный отпуск и почти утрачивали связи с организацией. Даже двухкопеечные взносы приходилось платить за них.

Если охарактеризовать деятельность комсомольцев, их вклад в общественную работу, независимо от того, в какой организации они состояли, можно условно выделить четыре группы:

— комсомольцы с активной жизненной позицией — секретари цеховых организаций, члены комитета комсомола, неравнодушные люди. Они выступали на собраниях, добивались выполнения принятых решений, выдвигали инициативы. Таких обычно было 20–25 %;

— исполнители, то есть те, кто может выполнить порученное (если напомнишь два-три раза). Их около 30 %;

— «тихони». Их лозунг: «Я взносы плачу, на учёте состою, и меня больше не трогайте, пока мне от комсомола больше ничего не надо». Таких тоже около 30 %;

— «балласт», безразличный ко всему, даже к себе. Вступили в комсомол в четырнадцать лет и ещё не сложили свою жизненную позицию. Их около 15 %.

В 1987 г. в Усть-Камчатскую районную комсомольскую организацию входили 37 «первичек» с 2 611 членами, в ней работали 105 членов КПСС. Между освобождёнными секретарями комитетов комсомола, а таких в Усть-Камчатске, кроме меня, было ещё трое (в рыболовецком колхозе, морском торговом порту и на лесоперевалочной базе), складывались очень тёплые и деловые отношения. Мы часто общались, делились успехами и планами, выручали друг друга, проводили совместные собрания. Секретарь райкома комсомола А. Соловьёв называл нас «тузами». Мы даже пытались создать совет секретарей комсомольских организаций, но эта инициатива не получила поддержки райкома. В годы моей работы комсомольскую организацию колхоза «Путь Ленина» возглавляли Ю. Пашинов, Н. Батурина, Н. Ильина, лесоперевалочной базы — Н. Михайлюк, В. Попов, И. Левчук, порта — С. Качалков, И. Невельская, И. Кривцов.

Аппарат райкома комсомола отличался очень высокой текучестью кадров. В то время здесь работали П. Кошкарёв, А. Баженов, Н. Дьяков, Т. Ромашова, Н. Матвеева, Л. Левченко, И. Розенкова, Л. Трубникова, С. Волященко, С. Митюшин и другие. Очень тёплые отношения складывались с первым секретарём А. Соловьёвым и вторым П. Кошкарёвым. С ними можно было поговорить не только о делах, но и по душам, обсудить жизненные сложности и всегда найти понимание, участие и помощь в тяжёлой обстановке.

Запомнились районные фестивали молодёжи. В первом, прошедшем в 1983 г., мне участвовать не пришлось: выбила из колеи операция по удалению аппендицита, её успешно выполнил местный хирург Кузовцев. По итогам второго в 1985 г. мы заняли первое общекомандное место, хотя надо признать, что большую часть нашей команды составляли члены студенческого путинного отряда «Оптимист» из Улан-Удэ. В программу фестиваля включались выступления агитбригад, спортивные соревнования. На него приехали команды из Ключей, Козыревска, Майского и Крутоберегово. В заключение отгремела дискотека. На этом фестивале произошёл небольшой курьёз. Был запланирован сеанс одновременной игры в шахматы с кандидатом в мастера спорта. Ответственным за это райком назначил меня, так как я сам принимал участие в подобных соревнованиях и имел спортивный разряд. Но в назначенный срок шахматист не появился. Сообщаю об этом первому секретарю. Тот говорит: «Ты отвечаешь, иди и давай сеанс». Делать нечего, пошёл «давать». Мои противники — товарищи по соревнованиям, все примерно одного уровня мастерства. Впервые играл с такими сильными спортсменами. Но итог оказался 7 : 0 в пользу сеансёра!

Основным способом проведения свободного времени молодёжи мы сделали туристские походы и выезды на природу. Их проводили почти каждые выходные, летом и зимой. Летом ходили в горы, забираясь на вершины до 1 200 м, ездили на катере в Нижнекамчатск. Зимой проходили на лыжах по 20–25 км. Администрация завода всегда шла нам навстречу, выделяла транспорт, автобус, грузовик или катер. С директором завода В. Ф. Лосевым складывались самые добрые и деловые отношения, любой молодёжный вопрос он решал быстро и конкретно. Хотя, надо сказать, что обращение к директору было крайней мерой, обычно всё разрешалось на более низком уровне. С теплотой вспоминаю и председателя профкома Георгия Александровича Михайловского, часто помогавшего практическим советом. Он всегда имел в запасе какую-нибудь поучительную житейскую историю или анекдот.

В райкоме комсомола за время моей работы сменились несколько первых секретарей. Начинал с Александром Соловьёвым. Это был грамотный, инициативный, опытный руководитель, умевший взаимодействовать с людьми. Он отличался деловой хваткой и организаторскими способностями. Создать стрелковый тир, «выбить» мотолодку «Прогресс» для нужд райкома, организовать агитационный пробег на «Буранах» от Усть-Камчатска до Петропавловска в честь 60-летия камчатского комсомола — это дела в его духе.

В конце февраля 1983 г. состоялся пробег на шести снегоходах. Стартовали А. Соловьёв, Ю. Сургутанов, А. Саранов, В. Зинченко, В. Осипов, В. Ашихмин, А. Алюшенко. В ходе пробега они встречались со школьниками, комсомольцами и молодёжью, выступали с лекциями об истории камчатского комсомола, организовывали дискотеки, посвящённые комсомольской песне.

В 1983 г. А. Соловьёв организовал установку памятника первым комсомольцам района, трудом и энтузиазмом которых были образованы совхоз «Козыревский» и леспромхоз. Их продукция способствовала развитию экономики района и области в целом. Если в 1920-х гг. в Козыревске имелось чуть больше ста жителей, то в 1980-х гг. здесь и в Майском обитали более 3 000 чел. По решению бюро райкома комсомола в Козыревске и был установлен памятник в честь 60-летия комсомола Камчатки. Его автор — художник из Усть-Камчатска Николай Батурин. Ему помогали козыревские комсомольцы Н. Никляева, В. Волобуев, Д. Зиновьев, Н. Волков, В. Соколовский, Н. Хажиев, солдаты и офицеры местной войсковой части.

На протяжении более чем пяти лет на всех областных комсомольских форумах ставился вопрос об открытии памятника орга-

низатору комсомола Камчатки Виталию Кручине. Был создан фонд, куда поступали средства. Первые секретари обкома неоднократно заверяли, что сделают всё, чтобы такой памятник появился в Петропавловске. Но годы шли, а этого так и не случилось. Я думаю, что это результат слабой работы тогдашнего руководства областного комсомола. При желании этот вопрос всё-таки можно было решить.

В 1984 г. Александр перешёл на хозяйственную работу, возглавил Усть-Камчатский госпромхоз. Первым секретарём райкома избрали молодого специалиста из морского торгового порта Владимира Воробьёва, не имевшего никакого опыта комсомольской работы. Могу охарактеризовать его как способного, но слишком спокойного комсомольского чиновника. Он проработал почти два года. 10 июня 1986 г. районная газета «Ленинский путь» поместила заметку о пленуме райкома ВЛКСМ, обсудившем «вопрос “О работе комитетов комсомола по усилению идеологической закалки, росту политической активности молодёжи в свете решений XXVII съезда КПСС”...» Рассмотрели и «организационный вопрос»: «В связи с выездом за пределы района, от обязанностей первого секретаря и члена бюро райкома ВЛКСМ освобождён В. Воробьёв». Он переехал во Владивосток и стал там инструктором Фрунзенского райкома КПСС.

На этом же пленуме с подачи обкома комсомола первым секретарём райкома избрали П., ранее работавшего в Петропавловске. Через некоторое время он приехал в наш комитет и говорит: «Тебя мы будем убирать, а на твоё место приедет человек из города». Так П. пытался насадить на ключевые должности своих людей. Я промолчал, только подумал: «Попробуй, вряд ли у тебя это получится».

Жизнь распорядилась по-своему. Летом мы с комсомольцами и студентами часто выезжали на отдых в бывший пионерский лагерь, расположенный в восемнадцати километрах от посёлка. Играли в футбол, волейбол, проводили дискотеки. Одновременно там собиралась местная молодёжь, частенько в подпитии, но при этом вела себя вполне прилично. Как-то раз там появился П. со своими приятелями. Как мне потом рассказывали, он вёл себя грубо, козырял документом, объявляя: «Я — первый секретарь райкома». Такой важности простые ребята не оценили и серьёзно его помяли. Долго лечился этот битый деятель, и никакой работы от него больше уже не дождались. Так планы «кадровой перестройки» остались невыполненными.

После П. райком возглавил Юрий Мочалов, вынесенный первой демократической волной. Ранее он заведовал оборонно-спортивным

отделом райкома. Вождём молодёжи он не стал: не смог правильно выбрать направление работы, всё шло по инерции. Мочалов пытался заниматься бизнесом, но и тут ничего у него не получилось. В декабре 1989 г. был избран последний первый секретарь, опять из Петропавловска — Евгений Шадрин. Он успешно перевёл работу райкома в торгово-закупочную сферу, и далее, с 1990-х гг., занимался бизнесом в районе. Настоящих дел этот райком, конечно, наладить не смог: комсомольская организация уже находилась в состоянии распада.

Надо сказать, что в 1989 г. впервые кандидатуры на должность первого секретаря предлагались «первичками». Комсомольцы Козыревска выдвинули и мою, но я отказался: уже исполнилось тридцать, интерес к работе стал уже не тот, как лет пять назад. Да и было видно, что комсомол сдаёт свои позиции. Резко упала исполнительская дисциплина, райком работал для себя, по привычке составлял планы и писал отчёты в область, резко оторвался от первичных организаций. В стране шли неоднозначные политические процессы. Тогда я выбрал другую стезю: ушел в усть-камчатский филиал Сосновского профтехучилища, где преподавал историю, экономику, организацию безопасной жизнедеятельности и физкультуру.

В 1985 г. меня избрали депутатом Усть-Камчатского районного Совета депутатов трудящихся по Первозаводскому избирательному округу. В составе депутатского корпуса вошёл в комиссию по делам молодёжи, где стал заместителем председателя. Депутатская работа заключалась в участии в сессиях райсовета и выполнении разовых поручений от сотрудников организационного отдела райисполкома. По другому Первозаводскому округу депутатом был директор завода В. Ф. Лосев.

Помню, что по заявлению жителей обследовал чердаки строений, посещал квартиры. Занимался устройством семьи ветеранов из директорского округа: попросил райисполком, объяснил, что тот занят, а мне это не доставит большого труда. Среди работников райисполкома запомнились И. Панащенко, С. Мальков, И. Шаплов, А. Кондра и другие. Работа на сессиях была малопродуктивна. Проекты решений более чем на тридцати страницах выдавались депутатам при регистрации перед началом сессии. Изучить суть дела и проекты решений было почти невозможно, поэтому решения принимались «единогласно».

Последний раз с комсомольцами завода общался в 1989 г., когда работал заведующим отделом райкома. Был на отчётно-выборном собрании, где из более сотни комсомольцев, стоявших на учетё,

присутствовали человек двадцать. Чувствовалось, что организация находится в глубоком кризисе. По уставу собрание не могло принимать решение, но голосование всё же состоялось. А через год комсомольская организация распалась...

Мой общий стаж работы на освобождённой основе в комсомоле, в том числе секретарём комитета в Камчатском государственном педагогическом институте, составил пять с половиной лет. Сейчас можно сказать, что это были лучшие годы, годы полнокровной, интересной и насыщенной жизни...

...Стремительно бежит время. На дворе уже 2020-е гг. Те, кому сейчас за шестьдесят, ещё помнят беззаботные дни своей молодости, когда жизнь была совсем другой, а возникавшие сложности казались незначительными. Тогда жизнь распорядилась так, что мы оказались связанными с незабвенным Союзом молодёжи — комсомолом. Сейчас о его роли в деле воспитания подрастающего поколения говорят разное. Конечно, присутствовал там и формализм. Но были и трудовые будни, споры, диспуты, субботники, самодеятельность, Клуб весёлых и находчивых, вокально-инструментальные ансамбли, спортивные игры и фестивали, дискотеки и туристские походы, агитационный теплоход «Корчагинец», массовые восхождения на горные вершины, песни под гитару у костра до утра, нежные чувства и добрые человеческие отношения.

Сегодня ниша, некогда занятая комсомолом, остаётся свободной, и это, безусловно, отрицательно сказывается на морально-нравственном, да и физическом состоянии сегодняшней молодёжи. Могу с ответственностью сказать, что, например, слово «наркотики» для нас было чем-то из чужой жизни, неизвестной и нереальной. Из алкогольных напитков мы употребляли в основном сухое болгарское вино. По-разному сложились судьбы наших товарищей. Кто-то ныне руководит предприятиями, кто-то открыл своё дело, а кто-то работает на «государевой службе». Когда встречаемся, вспоминаем эти яркие годы и их душевное тепло...

Газета «Абориген Камчатки»

Печатные издания на Камчатке всегда носили ярко выраженный политический характер. До революции и во время гражданской войны выходили газеты, основными читателями которых были жители Петропавловска и близлежащих селений. В советское время, в 1930-х гг., во всех районах полуострова начинают издаваться местные газеты («районки»). В 1950-х гг. впервые появляются

и отраслевые — «За высокие уловы» (позже «Рыбак Камчатки»), «Камчатский автомобилист», «Моряк Камчатки» и другие.

Новой страницей в истории периодической печати полуострова стала газета «Абориген Камчатки». 11 июня 1995 г. на духовном сходе коренных жителей в окрестностях Петропавловска участники впервые увидели это новое издание. Люди были искренне рады — у коренных камчадалов появился свой печатный орган! Впервые газета издавалась не властями или коммерческими структурами, а общественностью. Общественное движение коренных малочисленных народов, зародившееся на полуострове в конце 1980-х гг., образовало и свои органы управления — районные и областную ассоциации.

Тематика газеты мне оказалась очень близкой, поэтому стал сотрудничать с редакцией и время от времени отправлять туда материалы. Позже познакомился с главным редактором В. И. Успенской, с ней наладилось творческое взаимодействие. Валентина Ивановна проработала в газете с 1995 по 2004 г., потом издание возглавила её ученица А. В. Морилова, выпускавшая его до марта 2010 г. Тогда она предложила стать редактором мне. Надо сказать, что наша газета — это единоличная забота редактора. Мне приходилось решать множество организационных и финансовых вопросов, причём в последние годы основные силы уходили не на творчество, а на преодоление бюрократических препятствий. Отчёты, письма, ответы на запросы разных контор, ведение бухгалтерии... Когда поток бумаг увеличился кратно, я решил уйти из газеты, это случилось в апреле 2022 г. Теперь редакцию возглавила уроженка Коврана М. Б. Киле, исполнявшая редакторские обязанности в течение года.

На протяжении многих лет нашей главной задачей было сохранить это издание. Все мы помним, как в 1990-х гг. на Камчатке разразился настоящий издательский бум — появились десятки новых газет разной направленности — от рекламных до деловых. Из советских областных изданий сегодня остался только «Рыбак Камчатки», из начавших свой путь в 1990-х гг. до 2020-х сохранилось всего два-три, среди них и «Абориген Камчатки».

За четверть века «Абориген» стал объединяющей площадкой коренных малочисленных народов Севера Камчатского края — коряков, ительменов, алеутов, айнов, эвенов, чуванцев, чукчей. Он значительно способствовал укреплению их национального самосознания, традиций, культуры и родного языка.

Газета регулярно рассказывала о жизни и быте национальных сёл, поднимала вопросы традиционной деятельности — оленевод-

ства, рыболовства, собаководства. «Абориген» извещал о событиях, происходивших на полуострове, в правительстве края, в органах муниципальной власти, о деятельности общественных организаций коренных народов Севера. Регулярно обнародовал рассказы о людях, внёсших личный вклад в развитие края, а также печатал материалы местного фольклора.

За это время авторами статей, заметок, материалов, воспоминаний, фоторепортажей стали десятки, а то и сотни людей. Среди них В. М. Нутаюлгин, Н. Г. Бережкова-Поротова, О. А. Кочетков, Е. И. Чечулин, Т. К. Заочная, В. В. Петрашева, Г. О. Кравченко, В. Т. Кравченко, А. Г. Коеркова, О. И. Мурашко, К. С. Етаургина, М. В. Фёдоров, В. В. Гуменюк, Н. И. Тынетегин, А. В. Морилова, М. Тукмачёва, Н. Ю. Толман, О. И. Толочко, Е. М. Садовникова, Н. И. Солодякова, Л. Ф. Спешнев, Н. И. Селиванова, Е. И. Дедык (Ёкав), Л. А. Греченин, Ф. А. Греченин, В. Романюк, А. Т. Уркачан, Л. Н. Уварова, Т. М. Хелол, Н. Н. Орехова, А. А. Сорокин и многие другие. Спасибо им за то, что они наполняли газету интересным и важным содержанием.

Особо хочется отметить трёх наших авторов. Это — Наталья Александровна Татаренкова, Мария Борисовна Киле и недавно ушедший от нас Николай Иванович Тынетегин.

Н. И. Тынетегин родился 15 октября 1937 г. Потомственный оленевод, заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, ветеран туда. Он, как и многие его сверстники, учился в школе, в 1960 г. окончил Паланскую сельхозшколу по специальности «младший оленетехник». Пришёл в Таловский совхоз и пятьдесят пять лет, не покладая рук, добросовестно трудился на благо страны. За добросовестный труд, большой личный вклад в развитие совхоза, района и округа неоднократно награждался почётными грамотами, власти его ценили. После выхода на пенсию продолжил работу в тундре, передавал свой огромный опыт младшим товарищам.

Его активность до последних дней жизни, огромный багаж знаний, любовь к своей малой родине и землякам по-хорошему удивляли и вызывали глубокое уважение к этому человеку. Когда Николай Иванович приезжал в «город» из далёкой Таловки, мы встречались, ездили на бухту, в стойбища коряков, много обсуждали разные вопросы, связанные со сложностями камчатского севера и Камчатки в целом. До последних дней он работал над своей книгой, которая, надеюсь, скоро выйдет из печати.

Очень повезло Алеутскому району — сегодня у него есть специалист, до такого уровня изучивший историю этой земли, что другие

наши районы не смогут в этом соперничать. Речь идёт об авторе многих статей — Наталье Александровне Татаренковой. Её статьи глубоко научны, основаны на изучении многих документов и кропотливой работе со старожилами Камчатки. Н. А. Татаренкова родилась в Орле. В 1991 г. с отличием окончила биолого-почвенный факультет Воронежского государственного университета. В 1994 г. приехала на остров Беринга в качестве первого научного сотрудника заповедника «Командорский». С 1998 по 2015 г. работала научным сотрудником и хранителем фондов Алеутского краеведческого музея, в 2016 г. вернулась в заповедник. Она четверть века занимается этнографией и генеалогией командорских алеутов, вопросами истории заселения Командорских островов, традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, этноботаникой. Автор книг «Алеутское “шёлковое” плетение», «Топонимы Командорских островов», «Возрождая традиции: портретные куклы “Алеут” и “Алеутка”». Имеет более шестидесяти научных и свыше сотни научно-популярных публикаций. Член Русского географического общества, Московского историко-просветительского общества «Русская Америка», член алеутской общины коренных малочисленных народов Севера «Тулума». Лауреат историко-краеведческой премии имени С. П. Крашенинникова. Имеет награды.

Мария Борисовна Киле родилась в селе Ковран Тигильского района. Окончила Дальневосточный государственный гуманитарный университет. С 2010 г. печатается в газетах «Абориген Камчатки» и «Камчатский край». Подготовила свыше пятидесяти публикаций, продвигает ительменский язык. Инициатор и автор проекта по созданию первого мобильного приложения — разговорника на ительменском языке. На протяжении нескольких лет вела в «Аборигене» страничку на родных языках коренных народов Севера. Является председателем родовой общины коренных малочисленных народов Севера «Кналос Кутх».

Инициатором и первым редактором «Аборигена» была Валентина Ивановна Успенская, стоявшая у руля газеты в самое сложное время её становления. Валентина Ивановна родилась в селе Седанка Оседлая Тигильского района 21 октября 1941 г., по национальности ительменка. Отец — Иван Васильевич Беккеров, мать — Иллария Гавриловна Федотова. Окончила Петропавловское педагогическое училище, затем в течение двенадцати лет работала учителем начальных классов в школах Корякского национального округа. Поступив в Хабаровскую высшую партийную школу, Валентина Ивановна успешно окончила её и с 1974 г. трудилась

в органах государственной исполнительной власти, в том числе председателем Корякского окрисполкома. Затем работала в отделе областной администрации. В июне 1995 г. В. И. Успенская приступила к обязанностям главного редактора «Аборигена», была им в течение девяти лет.

«Абориген Камчатки» под её руководством стал единственным изданием на полуострове, помогающим представителям коренных нардов разобраться в сложностях социального мироустройства. В редакцию не иссякал поток писем от читателей, к каждому Валентина Ивановна была внимательна. Из номера в номер печатала стихи земляков, их воспоминания и размышления о жизни. Так ей удавалось поддерживать многих и многих своих читателей. Она прекрасно знала родной ительменский язык, более того, разработала систему уроков, помогающую его освоить. Валентина Ивановна была удивительно добрым и отзывчивым человеком. Может быть, именно поэтому собеседники доверяли ей свои самые заветные воспоминания и делились мечтами.

В. И. Успенская говорила, что в то время появилась необходимость в печатном органе для коренных жителей, рассказывающем об их жизни, достижениях и сложностях. Новая газета знакомила читателей с социально-экономическим положением коренных народов, их традиционной хозяйственной деятельностью, историей, этнографией, культурой, искусством, родными языками. Авторами материалов являлись профессиональные журналисты, учёные, краеведы, литераторы, специалисты различных отраслей. Выходили приложения к газете — «Лач», «Правовой вестник» и другие. Много писали для газеты жители сёл и районов полуострова. «Абориген Камчатки» стал третьим камчатским изданием, начавшим публикацию материалов на языках коренных народов — корякском, алюторском, алеутском, ительменском и эвенском.

О том, что очередной номер газеты доходил до самых дальних сёл, затерянных в тундре или где-нибудь на берегах рек Центральной Камчатки, говорила читательская почта. С редакцией сотрудничали интересные и талантливые люди. Жаль, что многих из них уже нет с нами. Из Корякии посылал материалы Василий Христофорович Тынакьяв. Воспоминания этого заслуженного человека, патриота малой родины, о прошлой жизни земляков, оленеводстве и других традиционных занятиях достойны опубликования отдельной книгой. Луиза Николаевна Уварова из Оссоры, Ливерий Фёдорович Спешнев из Соболево, Леонард Афиногенович Гребенин и Владимир Иванович Чурин из Петропавловска украсили

многие номера своими статьями, литературными произведениями и фотоиллюстрациями.

Первого редактора В. И. Успенской не стало в 2004 г. А газета, основанная ей, продолжала жить. Свежие номера читали в крае, на материке, за границей.

Из всей семьи Валентины Ивановны — Беккеровых — сегодня осталась лишь её младшая сестра Зинаида Ивановна. Она сейчас живёт в интернате для престарелых в посёлке. Термальном. Мы иногда посещаем её, передаём свежие номера, она рассказывает о своей родне, о прошлой жизни ительменов в Седанке и Тигиле.

В течение всех лет выхода газеты перед редакцией остро стоял вопрос финансирования. Из-за сложностей с ним до настоящего времени регулярный выход не обеспечен. Так, в 2014 г. выпущено всего девять номеров при двенадцати необходимых, в 2021 г. — всего семь. Из-за неустойчивого финансирования нет возможности возобновить подписку. Другими словами, к началу года редакция не знает, когда начнется выпуск. Например, в 2021 г. нам были выделены средства только в последние дни сентября. За оставшееся до декабря время необходимо было подготовить пять номеров.

Учредителем газеты является Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Камчатского края. На очередной отчётно-выборной конференции ассоциации председателем избран Андрей Михайлович Метелица. Это событие позволило нам в середине 2021 г. выпустить ещё два номера — впервые за много лет наш учредитель смог найти на это деньги...

В настоящее время «Абориген Камчатки» выходит за счёт средств, выделяемых из федерального бюджета. Ещё на протяжении нескольких лет деньги мы получали в ходе участия в конкурсах социально-значимых программ. Ныне газета имеет тираж 1 000 экземпляров и своих постоянных читателей. Сложности с финансированием можно решить, если включить издание газеты в программу «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в Камчатском крае».

Работа в газете позволяет нам встречаться со многими интересными людьми, носителями древней культуры, бесценных традиционных знаний, знатоками национальных языков. Очень важно, что сведения о своей жизни доводят сами аборигены, а не с их слов записывают и толкуют журналисты. Встречи с отдельными людьми перерастают в особые тёплые и доверительные отношения.

Хочется отметить наших друзей, например, неравнодушного и большого знатока оленеводства Бориса Петровича Левчука, под

руководством которого совхоз «Таловский» стал одним из ведущих камчатских оленеводческих хозяйств. Часто пишет в редакцию и «болеет» за Камчатку из далёкого Боровска Владимир Семёнович Канунников. Будучи на пенсии, тем не менее, он предлагает способы увеличения оленьего поголовья. Пишет предложения в министерства, получает ответы и доводит их до нашей редакции.

Недавно от нас ушла Виктория Васильевна Петрашева, всю жизнь отдавшая изучению жизни коренных народов Камчатки. Она всегда становилась душой компании и деятельно работала с иностранными специалистами. Её материал об ительменском мастере Александре Притчине стал одной из лучших публикаций. В свои зрелые годы она была легка на подъём, ездила собирать материалы на камчатский север, могла из Эссо пешком отправиться в Ковран на праздник Алхалалалай, поехать на «Берингию», чтобы пообщаться с каюрами и знакомыми.

Часто в газету обращаются люди с просьбами помочь составить родословную, интересуются историей селений, своими родственниками, где и как можно получить ту или иную архивную справку.

Большой материал о своём роде Толман собрал Сергей Игнатьев, часть его он передал в нашу редакцию. Много материалов опубликовал краевед Михаил Фёдоров из Мильково. Михаил имеет большие способности к иностранным языкам, владеет английским, японским, немецким, польским. Когда встал вопрос о переводе полной версии книги известного шведского путешественника Стена Бергмана «Камчатка», выпущенной им в 1923 г. в Стокгольме, мы обратились к Михаилу с просьбой, чтобы он выполнил эту работу. Михаил справился с ней. К сожалению, пока эту книгу издать не получается из-за отсутствия средств.

Многие жители Корякского округа знали Екатерину Ивановну Дедык (Ёкав). После окончания в Ленинграде института имени Герцена Екатерина Ивановна приехала на родину в Палану, где работала на окружном радио. В последние годы она болела, но пера не оставляла. Присылала в редакцию статьи, посвящённые в основном прошлой жизни. Из её текстов, написанных ручкой на бумаге, мы всегда узнавали что-то новое из старины народов Камчатки.

С доброй душой относится к газете Екатерина Трифоновна Гиль, она всегда готова к разговору и любезно рассказывает о прошлом ансамбля «Мэнго», о творчестве Александра Гиля, о жизни уникального художника Вадима Санакоева.

На протяжении многих лет редакция сотрудничает с летописцем культуры Камчатки Валерием Трофимовичем Кравченко. С ним

можно обсудить любые темы о творческих работниках и артистах. Его глубокие знания буквально поражают. В его досье есть переписка с Татьяной Лукашкиной, собран значительный фотоархив, с которым, пожалуй, не могут соперничать даже наши музеи.

Кроме наших авторов, хотелось бы вспомнить добрым словом Вячеслава Ивановича Падерина, сначала начальника отдела по работе с коренными малочисленными народами Севера, а потом главу администрации Корякского округа. Он всегда поддерживал газету и в меру своих возможностей помогал ей.

Редакция тесно работает с исследователем, филологом Татьяной Голованёвой. Она подготовила к печати уже несколько работ, а редакция «Аборигена» выступает в качестве инициатора их издания. Так, уже издана книга Е. И. Дедык «Жизнь прекрасна всегда». Сегодня готовы воспоминания потомственного оленевода Николая Тынетегина.

Помимо этих книг редакция подготовила к печати и издала и другие. Так, готова к печати книга «Воспоминания коренных жителей Камчатки и старожилов. Век XX» объёмом более пятисот страниц. Но, к сожалению, до сих пор мы не можем найти средства на это издание...

Хочется пожелать новым редакторам, чтобы газета сохраняла своё место в нише камчатской печати, чтобы не опускали рук, какие бы трудности ни вставали перед ними, ведь очередной номер газеты ждут её читатели... По поводу последнего мне хотелось бы вспомнить вот такой случай. Однажды зашёл в кабинет руководителя одного из оленеводческих хозяйств. В шкафу заметил стопку номеров нашей газеты трёх-пятилетней давности. Оказывается, оленеводы возвращали прочитанные экземпляры обратно в контору предприятия, чтобы их могли взять и почитать другие труженики. Это хорошо показывает значение «Аборигена» для наших читателей, ради которых мы и работали.

Усть-Камчатск. Новый посёлок, 1970-е гг.
Фото А. Волкова

Вид на Усть-Камчатск, 1980-е гг.

Содержание

От редактора 3
«Интерес к истории зародился в семье...» 4
Использованные сокращения 10

Из истории населённых пунктов полуострова Камчатка

Аманино 11
Анавгай 12
Анапка 15
Апача 16
Апука 20
Ассовеем 21
Атласово 21
Аянка 22
Белоголовое 23
Белореченск 25
Береговое 25
Берёзовый Яр 27
Большерецк 29
Брюмка 35
Варлатанка 35
Верхнекамчатск 36
Вестник 40
Ветвей 41
Вывенка 41
Голыгино 44
Долиновка 45
Дранка 51
Дружный 52
Еловка 53
Жупаново 55
Зуйково 59
Ивашка 59
Ича 63
Калиновка 66
Калыгирь 67
Камаки 67
Камбальное 71
Каменка 72
Капитовка 73
Карага 74
Карагинский остров 78
Кахтана 81
Кварталы 13-й и 14-й 83
Кеккук 84
Кинкиль 86

Кирганик 88
Кихчик 91
Кичига 94
Кол (Привольное) 94
Колпаково 97
Комарное 100
Коряки 101
Кострома 105
Кошегочек 105
Крапивная 106
Красный Яр 108
Красная сопка 109
Крахча 109
Кресты 111
Кроноки 113
Крутоберегово 114
Крутогорово 117
Крюгер 120
Култук 121
Култушино 122
Кунжик 125
Лаучан 126
Лазо 127
Ленино 129
Майское 130
Макарка 132
Макарьевск 133
Малки 134
Машура 138
Медвежка 140
Мильково 141
Морошечное 157
Налычево 160
Напана 161
Начилово 164
Немтик 165
Нижнекамчатск 166
Николаевка (Елизовский район) 173
Николаевка (Усть-Камчатский район) 177
Новая Долиновка 179
Облуковино 180
Озерновский 184
Озерновское 186
Озерное 188
Оклан 188
Опала 190

Опытная станция 191
Оссора 193
Островная 195
Отрадное 195
Палана 195
Парень 201
Паужетка 212
Первореченский 213
Привольное 213
Пущино 214
Рекинники 217
Русь 219
Рыборазвод 219
Рябиково 220
Сайчик 221
Седанка-Кочевая 221
Седанка-Оседлая 223
Семячик 227
Слаутное 228
Снежный 229
Соболево 230
Сокоч 236
Сопочное 237
Среднекамчатск 241
Средние Пахачи 243
Тваян 244
Тигиль 247
Тиличики 255
Толбачик 256
Тонкий мыс 259
Тымлат 260
Ука 261
Урцы 264
Усть-Большерецк 264
Усть-Облуковино 268
Утка 269
Утхолок 271
Хаилино 272
Хайлюлинское 274
Хайрюзово 274
Халактырка 282
Харчино 284
Хвалёнка 286
Хомутино 287
Хомьчев 287
Хутор 288

Центральный 289
Чёрный Яр 290
Шаромы 291
Шиково 296
Шубертово 296
Щапино 299
Щёки 302
Эссо 302
Явино 309

«На карте сама жизнь внесла изменения...»

Ключи 316
Козыревск 336
Ушковский рыбоводный завод 358
Из истории ительменского селения Утхолок 367
Усть-Камчатск 374
Как жили в Усть-Камчатске сто лет назад 398
О некоторых названиях в Усть-Камчатске 401
К вопросу об изменении устья реки Камчатки и солёности Нерпичьего озера 404
О некоторых гидрологических изменениях в устьевой части реки Камчатки и названиях речек 413
Река Козыревка (Колю) 415
Река Камчатка (Уйкоаль) 419
Храмы камчатской долины 427
Особенности православия на Камчатке в советское время (1922—1991 гг.) 465
Из истории народного образования 478
Шёл отряд по берегу... 492

Об экспедициях и путешествиях

Маршрут Э. К. Безайса, участника экспедиции Ф. П. Рябушинского в 1908—1909 гг. 526
По реке Камчатке в 1909 г. 534
Бурнашевы — проводники научных экспедиций 546
Шведская научная экспедиция 555
Шведский учёный Ренэ Малэз 565
Чехословаки на Камчатке 569
Малоизвестная работа П. Т. Новограбленова 570

О камчатской старине

Камчеткн — край земли 576
Орочи против Бонапарта 576
События давно минувших лет... 578
Необычный жирник 581
Необычная встреча 585

В поисках камчатской старины 586
Крест Атласова 589
Памятная часовня Владимиру Атласову 594

Персоналии

Иринарх Сергеевич Малахов 601
О дате гибели Иллариона Рябикова 603
Семья Крамаренко на Камчатке 605
Северин Карлсон 621
Подлинный герой Арктики, или Непревзойдённый рекорд 631
Забытый герой 638
Мильковский художник Иннокентий Харитонович Коркин 646
Проводник и охотник Андрей Иринархович Верещагин 649
Фаддей Егорович Еланцев 657
Встреча с Мастером, или Работы, не вошедшие в каталог 665
Художник Александр Петрович Мешков 668

О времени и о себе

Усть-камчатское детство 683
Усть-Камчатский рыбоконсервный завод 699
Газета «Абориген Камчатки» 739

Научно-популярное издание

Виктор Иванович Борисов

НА БЕРЕГАХ КАМЧАТСКИХ РЕК

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Л. В. Орлова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 28.08.2023. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,8.
Тираж 300. Заказ 156

Издательство «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК "Дальпресс"».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10